

A map of Europe and Asia is shown in the background. The map is divided into three horizontal color bands: a light blue band at the top covering Europe, a dark blue band in the middle covering the Mediterranean and parts of Asia, and a red band at the bottom covering the Middle East and parts of Asia. The text is overlaid on these bands.

ЕВРОПА

ЕВРАЗИЯ

**XXI ВЕК
НАЧИНАЕТСЯ**

INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

EUROPE

EURASIA

— THE XXI CENTURY
BEGINS —

Moscow
2018

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЕВРОПА

ЕВРАЗИЯ

XXI ВЕК
НАЧИНАЕТСЯ

Москва
2018

УДК 321.6/8
ББК 66.3(44/47)
Е24

Издание осуществлено
при финансовой поддержке ОИФН РАН.
Комплексная программа фундаментальных исследований
«Евразийское наследие и его современные смыслы».
Направление 2. «Историческое наследие Евразии
в современном преломлении»

Редакционная коллегия:

К. В. Никифоров (отв. ред.),
доктор исторических наук
Э. Г. Задорожнюк,
доктор исторических наук
Н. Ю. Калашникова,
кандидат исторических наук

Рецензенты:

А. Л. Шемякин,
доктор исторических наук
А. Ю. Чудодеев,
кандидат исторических наук

Европа. Евразия. XXI век начинается / Отв. редактор К. В. Ники-
Е24 форов. — М.: ИСл РАН : ПОЛИМЕДИА, 2018. — 496 с.

ISBN 978-5-7576-0409-1 (ИСл РАН)

ISBN 978-5-89180-114-1 (ПОЛИМЕДИА)

DOI: 10.31168/0409-1

Евразийство: история идеи и экономическое наследие отцов-основателей. Еврооптимизм, так и не ставший панацеей для стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Какая перспектива ждет эти страны теперь? Евроскептицизм, ставка на собственные силы, обращение к евразийству в его новом понимании или атлантизм? Авторы этой книги прогнозируют вектор развития региона на будущее и исследуют уроки прошлого.

Для научных сотрудников, преподавателей, студентов и широкого круга читателей.

Eurasianism: history of the idea and the economic legacy of its founders. Eurooptimism, which has not become a panacea for the countries of Central and South-Eastern Europe. What is the prospect for this region now? Euroskepticism, self-reliance, a return to Eurasianism, in its new understanding or atlantism? The authors of this book predict the vector of the development of the region for the future and explore the lessons of the past.

For researchers, teachers, students and a wide range of readers.

УДК 321.6/8

ББК 66.3(44/47)

ISBN 978-5-7576-0409-1
(ИСл РАН)

ISBN 978-5-89180-114-1
(ПОЛИМЕДИА)

DOI: 10.31168/0409-1

© Коллектив авторов, 2018
© Институт славяноведения РАН, 2018
© Оформление. ООО «ПОЛИМЕДИА», 2018

Содержание

Введение

Евразийство как разочарование в европейскости (<i>К.В. Никифоров</i>)	7
--	---

Раздел I. Евразийство: история идеи

Глава 1. Зарождение евразийства и его критика современниками (<i>Е.П. Серапионова</i>)	12
Глава 2. Евразийство в переписке его активистов (<i>В.И. Косик</i>)	24
Глава 3. Экономическое наследие отцов-основателей евразийства (<i>Я.Д. Лисоволик</i>)	43

Раздел II. Новое евразийство: pro et contra

Глава 1. Евроинтеграция в поликризисе: выводы для евразийства (<i>Л.Г. Абрамов</i>)	52
Глава 2. Ноевразийство: миф или реальность? (<i>Б.А. Шмелев</i>)	75
Глава 3. Азиатский вектор внешней политики России и евразийство (<i>П.Е. Кандель</i>)	94
Глава 4. Экономическое развитие новых стран — членов ЕС: есть ли поводы для еврооптимизма? (<i>Н.В. Куликова</i>)	98
Глава 5. Кризис дипломатии ЕС как катализатор нового уровня международного сотрудничества на Балканах (<i>Е.Г. Энтина</i>)	115
Глава 6. Европейский путь развития для стран бывшей Югославии (<i>И.В. Руднева</i>)	135

Раздел III. Евроскептицизм в странах Цент- ральной Европы: модели и реалии

Глава 1. Евроатлантизм vs Европа: ЦЮВЕ после прихода Трампа (<i>Н.Ю. Калашникова</i>)	156
Глава 2. Внешнеполитическая концепция польской партии Гражданская платформа (2007–2015 гг.) (<i>О.Н. Майорова</i>)	173
Глава 3. Иоанн Павел II и евроскептицизм братьев Качиньских (<i>В.В. Волобуев</i>)	191
Глава 4. Политические партии Чехии и Словакии: еврооптимизм/евроатлантизм или евроскептицизм/ евразийство (<i>Э.Г. Задорожнюк</i>)	200

Глава 5. Словацкая Республика: путь от евроожиданий к евроскептицизму (1993–2017 гг.) (<i>В.В. Никитин</i>)	266
Глава 6. Россия и Венгрия: еврокризис и его уроки (<i>Б.И. Желицки</i>)	293
Глава 7. Венгрия: умеренный евроскептицизм (<i>О.Г. Волотов, С.О. Волотов</i>)	317
Глава 8. Виктор Орбан. Штрихи к портрету. Эволюция венгерского политического лидера: от ультралиберализма к евроскептицизму (<i>Ф.Е. Лукьянов</i>)	341
Раздел IV. Балканы: варианты евро- скептицизма	
Глава 1. Болгария: между еврооптимизмом и евроскептицизмом (2007–2017 гг.) (<i>Е.Л. Валева</i>) ...	376
Глава 2. Формирование политического евроскептицизма в Сербии (<i>Г.Н. Энгельгардт</i>)	397
Глава 3. Информационная политика Украины в Юго-Восточной Европе в 2014–2016 гг. (<i>А.А. Пивоваренко</i>)	417
Глава 4. Греция: от еврооптимизма к евроскептицизму (<i>А.К. Александрова</i>)	437
Глава 5. Политика Турции в контексте евроскептицизма (<i>И.М. Мамедов</i>)	452
Резюме	474
Resume	482
Сведения об авторах	490

Евразийство как разочарование в европейскости

Коллективный труд, который читатель держит в руках, основан на докладах, прозвучавших на конференции «Евразийство — евроскептицизм — евразийство: варианты разочарования в европейском пути развития», состоявшейся в ноябре 2016 г. в Институте славяноведения РАН. Термин «евразийство» сейчас на слуху, стал модным. Но далеко не всегда понятно, о чем идет речь, поскольку в него вкладывают совершенно различные понятия. Разобраться в этом многообразии применительно прежде всего к странам Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы и было задачей авторов книги.

Как известно, термин «евразийство» возник в среде русской эмиграции. Это был поиск ответа на вопрос об истоках русской революции. Ответ после знакомства с европейской жизнью виделся в том, что Россия все-таки не совсем Европа, она — особенная ее часть, и ей предназначен особый путь развития. Было здесь, конечно, и разочарование в европейском пути развития, что в известной мере оправдывало срыв России в революцию 1917 г. С этим ответом близки и всевозможные рассуждения о третьем пути, об особой русской цивилизации, которые постоянно присутствуют и дискутируются в российском общественном мнении.

Но, конечно, разочарование в европейском пути развития началось в России значительно раньше октябрьского переворота. Как известно, далеко не всеми были приняты еще петровские реформы. Идейними предшественниками евразийцев являлись, без сомнения, российские славянофилы. Неприятие Европы особенно проявилось после Крымской войны, когда России противостояли объеди-

ненные силы Европы и Турция. Не случайно после этой войны, которую некоторые считают даже первой мировой, появился знаменитый труд Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». В какой-то степени этот труд стал предтечей цивилизационной теории А. Тойнби.

В СССР в совершенно другой обстановке к идеям, связанным, но не тождественным евразийству, склонялся известный историк-этнолог Л.Н. Гумилев. Он был сторонником русско-тюрко-монгольского союза, видел в России своего рода продолжение Орды. В этом ряду можно назвать также казахского писателя О. Сулейменова, в частности его книгу «Аз и Я». И позже евразийские идеи также были весьма популярны в Казахстане, где их пропагандировал даже бессменный глава этого государства Н. Назарбаев, и других центральноазиатских республиках. В Казахстане возник даже Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева.

В современной России термин «евразийство» получил хождение в политико-теоретических построениях А. Дугина. Оно тем более далеко от классического евразийства и фактически является приправленными национализмом перепевами довоенных теорий немецких геополитиков — борьба Моря и Суши и т.п.

Однако есть существенная разница в том, как на евразийство смотрят в России и Азии. И это понятно: евразийство продвигает азиатские государства в Европу, в то время как Россию от Европы отдаляет.

Надо сказать, что в какой-то степени все послевоенное развитие Центральной и Юго-Восточной Европы (государств бывшего восточного блока) было развитием в рамках евроазиатской парадигмы. Отсюда и лейтмотив возвращения в Европу — столь сильный во время «бархатных революций» 1989 г. в этом регионе. Отказ этих стран от «реального социализма» означал одновременно и их отказ от союза с евразийским СССР. Похожий мотив присутствовал и у европейских республик СССР. Отказ от евразийства и выбор европейского вектора развития (правда, в меньшей степени) ощущались в начале 1990-х гг. и в самой России.

Впрочем, это ощущалось еще в последние годы СССР. Отсюда и горбачевская идея общеевропейского дома, имевшая в своей основе романтическую мечту о единой «Большой Европе» без разделительных линий и блокового противостояния, о Европе, по словам Ш. де Голля, от Атлантики до Урала.

В последние годы, правда, у «новых европейцев» случилось заметное разочарование от «возвращения в Европу». Ожиданий было гораздо больше, и они во многом не оправдались — разрыв в развитии экономики и уровне жизни от «старой Европы» остается и даже не сокращается. Проблемы усилились еще больше после финансово-экономического кризиса 2008 г. Разочарование в Евросоюзе (евроскептицизм) в разной степени наблюдалось везде — от центральноевропейских Чехии и Венгрии и до Балкан, включая Грецию, которая вступила в организацию еще в 1981 г. Появились и такие заметные фигуры евроскептицизма, как, например, Вацлав Клаус или Виктор Орбан. Конечно, это не означает, что население Центральной и Юго-Восточной Европы выступает уже против членства своих стран в Евросоюзе, но оно стало относиться к евроинтеграции намного трезвее.

Заметнее всего и быстрее всего разочарование в европейскости произошло в России, где и до этого не было консенсуса в выборе пути. Нынешний Евразийский экономический союз (ЕАЭС, ЕврАзЭС) на постсоветском пространстве, продвигаемый Россией, поворот России на Восток, как раз и возникли как замена неудавшегося для нее европейского вектора развития. Причем, под евразийством подразумевается пространство, даже выходящее за пределы постсоветской территории. Насколько эта замена вектора развития, этот поворот на Восток окажутся долгосрочными, покажет время. Причем надо иметь в виду, что в центр экономики и политики Евразии неумолимо выдвигается Китай. Россия, как и в случае с евроинтеграцией, может оказаться на периферии и этого процесса.

Конечно, на определенное евразийство Россия обречена уже в силу своего географического положения. 23 % ее

территории находится в Европе и 77% — в Азии. Другой подобной страной, находящейся в Европе (5%) и Азии (95%), является Турция. После безуспешных попыток, начиная с 1963 г., вступить в Европейский союз, в Турции тоже явно усилилось разочарование в Европе.

Таким образом, основной посыл состоявшейся конференции и настоящего труда: от первоначального евразийства — через европейскость — к евроскептицизму и новому евразийству, если иметь в виду нынешние евразийские построения и экономические объединения. Но понятно, что одно из другого прямо не вытекает. Объединяет их только то, что все они всего лишь разные варианты евро-разочарования. Другими словами, главную тему книги можно определить как варианты разочарования в европейскости.

Эта тема сегодня актуальна не только в теоретическом плане и не только для региона Центральной и Юго-Восточной Европы. Недаром состоялся так называемый Brexit — выход Великобритании из Евросоюза. Продолжением этого процесса некоторые наблюдатели назвали даже победу Д. Трампа на президентских выборах в США. И подчеркнули, что, если бы он избирался в Европе, то был бы, без сомнения, отнесен к евроскептикам. Здесь же и недавняя победа лидера консервативной Народной партии Себастьяна Курца на австрийских парламентских выборах и, наконец, победа на парламентских выборах в Чехии правого популиста Андрея Бабиша, прозванного чешским Трампом.

Здесь же, кстати, и растущая в России популярность Сталина, и открытие памятника Ивану Грозному в Орле. Помимо всего прочего, это в определенной степени и отрицание русской европейскости.

**ЕВРАЗИЙСТВО:
ИСТОРИЯ ИДЕИ**

Зарождение евразийства и его критика современниками

Интерес к евразийству, его истокам, причинам зарождения, особенностям и основным положениям усилился в 1990-е гг., после распада СССР. Сейчас написаны тома об отдельных деятелях евразийства, опубликованы их работы, проанализированы главные постулаты. Интерес к евразийству не ослабевает и в нашей стране¹, и за рубежом² — об этом можно судить по количеству опубликованных работ, в том числе в интернете, защищенных диссертаций, научных докладов на конференциях. Современные «продолжатели» евразийства, с нашей точки зрения, не углубили и не расширили эту междисциплинарную теорию. Пересечение некоторых положений никак не означает тождества современных евразийских концепций с первоначальными проявлениями евразийства. Не претендуя на всеохватывающий анализ этого оригинального учения, о котором можно написать еще не одну монографию, остановимся лишь на общей характеристике этого идейного движения. И хотя русский общественный деятель-эмигрант Дмитрий Иванович Мейснер, живший в эмиграции в Праге, подчеркивал, что «о евразийстве, как о всяком большом движении нельзя говорить походя...»³, постараемся представить основные положения учения евразийцев через критические высказывания в его адрес современников.

Начнем с того, что это было, пожалуй, единственное *новое* идейно-политическое течение, возникшее в среде русских эмигрантов в начале 1920-х годов и распространившееся среди молодого поколения выходцев из России.

Причинами его возникновения, в том числе, стало близкое знакомство с европейской действительностью, менталитетом европейцев, осознание своей личности, непохожести. Популярность евразийской концепции объяснялась попыткой проанализировать причины революции, эмиграции и наметить пути выхода из создавшегося положения.

Идеология евразийцев достаточно сложна, противоречива, не представляет собой единого целого, она разрабатывалась представителями разных научных дисциплин. Евразийство не получило устойчивого организационного устройства, хотя и оказало значительное влияние на формирование мировоззрения эмигрантской молодежи.

Как правило, основателями этого учения считаются два человека — лингвист, философ и публицист, сын ректора Московского университета князь Николай Сергеевич Трубецкой, опубликовавший в Софии в 1920 г. книгу «Европа и человечество», и географ, экономист, культуролог, философ и ученик Петра Бернгардовича Струве — Петр Николаевич Савицкий, развивший эти идеи с точки зрения геополитики в отклике на эту работу под названием «Европа и Евразия». Летом 1921 г. в Софии был проведен семинар, где с докладами выступили Н.С. Трубецкой и историк, философ и богослов Георгий Васильевич Флоровский.

В августе того же года в Болгаро-Российском книгоиздательстве, где директором-распорядителем был музыкант, музыковед и публицист Петр Петрович Сувчинский, вышел в свет первый евразийский сборник из цикла так называемых «Утверждений» — «Исход к Востоку. Утверждение евразийцев. Предчувствия и свершения. Книга 1» (София, 1921)⁴. Впоследствии евразийские сборники начинают появляться достаточно регулярно⁵. С 1925 г. по 1935 г. выходили «Евразийские хроники» (всего 12 выпусков).

В конце 1920-х гг. в евразийстве произошел раскол. С 24 ноября 1928 г. по 7 сентября 1929 г. в Париже издавалась еженедельная газета «Евразия» (всего вышло 35 номеров) — орган левых евразийцев. Их позицию вы-

ражал также журнал «Евразиец» (Брюссель, 1928–1934, вышло 25 номеров), близок к ней был и ежегодный альманах «Версты» (Париж, свет увидели 3 номера: в 1925, 1926, 1927). Позднее правое евразийство представляли журнал «Евразийские тетради» (Прага, 1934–1936, 6 номеров), ежемесячная газета «Свой путь» (под ред. В.А. Пейля, Таллин, 1931). Евразийцы выпустили несколько коллективных манифестов и работ⁶.

Кроме вышеперечисленных лиц в евразийских изданиях публиковались работы авторов, причислявших себя к евразийцам и близких им в той или иной степени по идейным убеждениям, но собственно евразийцами не являвшихся. Назовем некоторых из них: богослов А.В. Карташов, историк и культуролог П.М. Бицилли, философы И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, В.Э. Сеземан, историк и правовед М.В. Шахматов, экономист Я.Н. Садовский, литературовед, критик Д.П. Святополк-Мирский, правовед Н.Н. Алексеев, писатель, философ К.А. Чхеидзе, историк Я.А. Бромберг и др.

В разное время сторонники теории примыкали и отходили от евразийства. Последовательным евразийцем оставался П.Н. Савицкий; кн. Н.С. Трубецкой в конце 1920-х гг. практически отошел от этой идеи, как и другие ее адепты — православный священник, протоиерей, религиозный мыслитель, богослов, философ и историк Г.В. Флоровский, П.М. Бицилли, М.В. Шахматов. Примкнул к движению русский религиозный философ, историк-медиевист, поэт Л.П. Карсавин.

Со временем оформилась целая система изучения евразийского подхода к истории, философии, политике. В работе «Поворот к Востоку» П.Н. Савицкий писал: «...Россия есть не только “Запад”, но и “Восток”, не только “Европа”, но и “Азия”, и даже вовсе не Европа, но “Евразия”... Русская революция происходит в стране, не всецело или вовсе не “европейской”... Россия же составляет “континент в себе”, в определенном смысле “равноправный” Европе...»⁷.

Для распространения евразийских идей было характерно сочетание пропагандистских и агитационных ме-

тодов (с одной стороны, проводились углубленные научные семинары, с другой — открытые публичные лекции и диспуты с раздачей евразийской литературы). Целью такого рода работы было подготовить как можно больше сторонников евразийства в среде русской эмиграции для последующего их использования уже в СССР после «перевоспитания» советского правящего слоя и в перспективе соединения его с эмигрантами. Евразийские научные семинары и лекции содействовали росту национального самосознания в среде русских эмигрантов, их просвещению, развитию чувства патриотизма и любви к России. Они учили людей мыслить и развиваться духовно⁸.

Идеи евразийцев нашли питательную почву в молодежной (студенческой) среде многих стран российского рассеяния, образовались центры евразийства в Праге, Берлине, Париже, Вене, Лондоне и других городах и странах. Пользуясь «русской акцией помощи» чехословацкого правительства, в Прагу при содействии А.В. Жекулиной переехали для продолжения образования П.Н. Савицкий и Г.В. Флоровский, организовав в 1924 г. в чехословацкой столице евразийский семинар, который действовал вплоть до Второй мировой войны.

Как указывал исследователь евразийства М. Байсвенгер⁹, «русская акция помощи» хоть и способствовала распространению в ЧСР евразийства, так как в результате нее в Праге и ее окрестностях сосредоточилось большое количество русских интеллектуалов, но для чехословацких властей, желавших видеть у себя демократически настроенных эмигрантов, учение евразийцев было одновременно и слишком правым, и слишком левым. С одной стороны, евразийцы отвергали индивидуализм в пользу органического корпоративного общества на почве русского православия, а с другой — они приняли революцию, отвергали планы интервенции, проповедуя внутреннее преодоление большевизма путем евразийской пропаганды¹⁰.

Идеи евразийцев сразу же вызвали резкую критику как справа, так и слева. Д.И. Мейснер вспоминал: «Молодые кадры студентов-евразийцев составлялись из людей

одного духовного отбора, людей страстных, горячо преданных идеологии и верящих в идеологию, людей, на которых чрезвычайное воздействие оказывает печатное слово и открываемые через него истины. Это были люди начетнического типа, крайне непримиримые ко всему инакомыслящему, имеющие готовый ответ решительно на все вопросы. Правда страстность евразийцев-студентов объяснялась также горячностью нападок на них как их сотоварищей по студенческой среде, так в особенности старшего поколения»¹¹.

Критиками идей евразийства слева стали историк и публицист, идейный лидер Конституционно-демократической партии (кадетов), министр иностранных дел Временного правительства в 1917 г. П.Н. Милюков¹², а также историк и политический деятель, ученик В.О. Ключевского, профессор Московского университета, член ЦК Партии кадетов А.А. Кизеветтер¹³. Последний писал, что «“Евразийство” есть настроение, вообразившее себя системой. Возникновение евразийского настроения вполне объяснимо. Оно родилось из ощущений, навеянных 1) великой европейской войной и 2) водворением в России большевизма»¹⁴.

Критиками справа были русский общественный и политический деятель, экономист, публицист, историк, философ, академик Российской академии наук П.Б. Струве, юрист, прокурор Санкт-Петербургской судебной палаты, сенатор С.В. Завадский и др.

Б.А. Евреинов, сторонник Милюкова, дал краткую, но емкую характеристику евразийцев в работе «Лицо русской эмиграции»¹⁵. Приведем ее полностью: «Евразийство выросло из неудачной войны, революции и того особенного национализма, которым отличаются правые круги эмиграции. Оно не является оригинальной теорией, находясь в несомненной идейной зависимости от младших представителей славянофильства, К. Леонтьева¹⁶ и Данилевского¹⁷.

Евразийство исходит из того, что пространство, занимаемое нашим отечеством на востоке Европы и западе и севере Азии, представляет собой “особый географический

мир”. Евразия — экономически самодовлеющая величина, для которой невыгодно во многом общение с другими странами. В культурном отношении Евразия также совершенно самобытна. Россия-Евразия не является европейской страной. Исторический процесс шел в России иным путем, чем в Европе. Наоборот, связь с Азией совершенно очевидна. Евразийцы вспоминают Тимура¹⁸ и Чингис-хана¹⁹. Они тянут нить государственной самодержавности от Чингис-хана к Москве, потом к императорскому Петербургу.

Учение евразийцев тесно связано с православием, причем православие отрывается от остального христианства и связывается с религиями Востока. Оказывается, восточное язычество есть “потенциальное” православие. Поэтому оно ближе к православию подлинному, чем западное христианство, представляющее из себя ересь.

Проповедуя “поворот спиной к Европе”, евразийцы, прежде всего, конечно, отрицают полезность для России западноевропейских политических форм.

В области политики основной тезис евразийцев заключается в том, что *погибла та Россия* (курсив в оригинале. — Е. С.), которую создал Петр Великий, уклонившись от Востока к Западу, к Европе.

Большевики же вернулись к народным инстинктам и творят народную революцию. Нужно только заменить монопольное господство этой партии господством другой, “отобранной евразийцами”, из старого и нового “правящего класса”, который будет диктовать народу свою волю.

Евразийцы, таким образом, хотят заменить диктатуру коммунистов собственной диктатурой. При этом они высказываются за сохранение системы советов и широкое регулирование государством хозяйственной жизни страны. Вместе с тем евразийцы являются монархистами, венчая свою своеобразную политическую систему народным царем.

В значительной мере евразийство пришло к реабилитации большевизма. В Париже группа левых евразийцев попыталась издавать собственную газету. Газета эта носила столь “соблазнительный” в смысле лояльного отноше-

ния к большевикам характер, что вызвала возмущение и привела к расколу в рядах самих евразийцев²⁰.

Кратковременный успех этого направления в некоторых кругах молодежи был уже в прошлом. В эмиграции евразийство быстро сходит на нет вместе с теми острыми настроениями, которые рождались у русских людей в результате понесенных ими и их отечеством горьких разочарований и тяжких обид²¹.

Социалисты группы А.Ф. Керенского в газете «Дни» критиковали внутреннюю схожесть евразийцев с большевиками. Они писали, что «евразийство — это накипь русской революции, образовавшаяся за рубежом пена большевизма»²². Им претило понимание евразийцами большевистской революции как самобытного явления, «русской транскрипции марксизма», положительная реакция евразийцев на эволюцию сталинского режима от интернационализма к национализму, одобрение ими однопартийной системы как «исторически присущей» России. Неприемлемы для них были и слова евразийца проф. Алексеева²³ о перерождении большевистской диктатуры в трудовую демократию, якобы являвшуюся почвой русских исторических культурных традиций²⁴.

Теперь о критике справа. В газете «Возрождение» В.В. Шульгин²⁵, реагируя на мысли евразийцев, писал: «На свете нет, пожалуй, ни одной культуры, о которой можно было бы сказать, что она чистая»²⁶. И далее он продолжал: «Русская культура, которая выросла из семени, брошенного в славянорусскую почву Варягами и Византией еще во времена летописных... Затем русско-варяжско-византийский цветок обильно поливался, начиная с Петра, раствором романо-германско-англо-европейской цивилизации... Все это общеизвестно... Россия географически лежит и в Европе, и в Азии... Русская культура впитала в себя как европейские, так и азиатские мотивы...». Но, задается далее вопросами Шульгин, присуще ли евразийцам чувство меры, которое позволило бы им определить удельный вес Европы и Азии в русской культуре и способны ли они дешифровать само понятие Азия. Ведь

Азия — это океан разнообразия. Это и Индия, и Китай, и Индо-Китай, и Япония и множество других стран, которые не имеют отношения к русской культуре... Он критиковал вульгаризированное понятие евразийства частью беженцев, которое, по его словам сводилось к следующему: «Гнилой Запад — сволочь! Эти мерзавцы нас бросили, гнилыми консервами кормили, большевиков признают — знаем мы теперь, что такое Европа, собственными боками испытали: мещане, копеечники, сантимники. Конечно, я Евразиец, убежденный Евразиец!»²⁷. Он считал, что использование большой психологии униженных и оскорбленных русских, натравливание их на копеечников — дело «скверное и обманное». Раздраженный и озлобленный беженец ненавидит мир, в котором живет, и не замечает, что «гнилой» Запад, несмотря на все свои недостатки, все еще существует и устоял на своих западных достижениях: свободе личности, неприкосновенности собственности и некоторой политической свободе. Беженец стремится в Азию, но не в реальную, а воображаемую, в Азию без большевиков. Шульгин считал, что русскому беженству надо понять, что каждый эмигрант в Европе ежедневно доказывает одним своим пребыванием преданность именно западной культуре. И последнее: Шульгин полагал, что вредоносность вульгаризованного евразийства состоит и в том, что развенчанием западной культуры евразийцы играют на руку Москве и Третьему Интернационалу, которые натравливают колонии на Англию и другие расы на белых. «Цветная опасность» становится реальностью, писал он.

Историк И.Д. Гримм в той же газете «Возрождение» критиковал противоречивое отношение евразийцев к коммунистической революции, которая, по их мысли, с одной стороны, есть порождение европейского Запада и «дьявольское дело», а с другой — дьявол, уничтожая императорскую Россию, якобы воскрешает Святую Русь. Поэтому, воспринимая революцию как абсолютное зло, Л.П. Карсавин, по словам Гримма, ратовал за примирение с ней²⁸.

В 1925 г. П.Б. Струве писал, что никогда евразийцем не был и по ряду вопросов с ними не соглашался, но по-

местил в евразийских изданиях две статьи. В конце 1920-х годов он писал о двух стихиях в евразийстве (антибольшевистской и пробольшевистской), считая, что со временем победила последняя, и, называя евразийцев «православными большевиками», заключал: «Евразийство и его выверты — отвлеченнейшая из всех зарубежная идеология, которая лишь мнит себя выражением реальной политики». «Представители этой идеологии, — продолжал он далее, — чрезвычайно неустойчивы и покладливы... Эта покладливость смахивает на безответственное озорство...»²⁹.

В 1930-е гг. постепенно завершается эволюция евразийского учения, разрабатываются лишь вопросы идеократии и этнические и геополитические аспекты³⁰. Несмотря на все отмеченные критиками слабые стороны и недостатки евразийства, несомненно одно: в 1930-е гг. евразийцы заняли оборонческие позиции как настоящие патриоты России. В это время русские эмигранты раскололись на пораженцев и оборонцев. В апреле 1936 г. еженедельный орган русской национал-оборонческой мысли «Оборона России» писал: «Перед лицом военной угрозы, нависшей над Россией, растут и крепнут оборонческие настроения эмиграции. За оборончество уже высказались: ген. Деникин, глава младоросской партии Казем-Бек, лидер демократов Милюков, ген. Сидорин, эсер Керенский, евразиец Савицкий, демократ Прокопович, г-жа Кускова. Все они, несмотря на их политические и идеологические расхождения, перед лицом внешней угрозы оказались в одном лагере — в лагере оборонцев. Этот лагерь не монолитен в своем оборончестве... Политически разнovidное, но национально единое оборонческое движение эмиграции сможет стать силой, практически полезной для России»³¹.

В этом же еженедельнике сообщалось об организованных в Праге 16 апреля 1936 г. выступлениях евразийцев на тему «Оборона России и эмиграция». Центральным явился доклад П.Н. Савицкого, в котором он утверждал преемственность СССР в культурном и национально-государственном наследии от России старой, дореволюционной, и говорил, что опасность, грозящая СССР, — есть опас-

ность, грозящая России, а конец СССР как государства будет концом российского государства. Из этого он делал заключение, что оборона России не есть оборона коммунистического режима. По словам Савицкого, пораженчество безответственно в своих призывах к оказанию помощи Японии и Германии, оно несет в лучшем случае экономическое рабство России. Докладчик дал характеристику оборончества различных эмигрантских группировок — младороссов, генерала Деникина, группы Керенского, РДО³² и др. Он положительно оценил газету «Оборона России», подчеркнув правильность младоросских лозунгов: «судьба страны — важнее судьбы режима» и «вся власть армии». Раскритиковав пораженчество, Савицкий заключил, что политическое значение эмиграции лишь в оборончестве. В докладах А.П. Антипова и Н.С. Ирманова детализировались некоторые вопросы, уже затронутые в докладе Савицкого. В обсуждении докладов приняли участие: Абжолтовский, Малахов, Кохановский, Прокопович, Лазарев и Чернавин³³.

Евразийство — одно из наиболее интересных и самобытных течений русской эмигрантской мысли, противопоставившей западноевропейскому миру Россию как страну евразийскую, с присущими только ей особыми чертами культуры и государственности³⁴. Евразийские теории, безусловно, оказали и продолжают оказывать заметное влияние на русские общественно-политические круги, заставили работать мысль русских интеллектуалов, ставя их перед дилеммой — поддерживать или опровергать идеи евразийцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: *Вандалковская М.Г.* Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. XX в. М., 2009. С. 138–185; *она же.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997; *Селиверстов С.В.* Истоки евразийства в представлениях российской эмиграции 1920-х годов: интеллектуальная преемственность или ситуационная обусловленность? // <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/06/21/1251226284/5.pdf>; *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012; *Бочарова З.С.* Феномен Зарубежной России 1920-х годов. М., 2014; *она же.* Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России. М., 2014; *Антощенко А.В.* Споры о евразийстве // http://www.politology.vuzlib.su/book_o291_page_4.html и др.

- ² *Goněč V. Ruská filozofická emigrace v Československu // Slovanský přehled. 1993. № 1. S. 38–44; Voráček E. Eurasijství v ruském politickém myšlení. Osudy jednoho z revolučních ideových směrů ruské meziválečné emigrace. Praha, 2004; Andreyev C., Savický I. Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938. New Haven; L., 2004. etc.*
- ³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-5881. Коллекция мемуаров белоэмигрантов. Оп. 1. Д. 389; *Мейснер Д.И.* Общественная жизнь русских студентов в Праге 1921. Воспоминания. Машинописный экземпляр. Л. 56.
- ⁴ *Вахитов Р.* Труды классиков евразийства и ситуация с их републикацией // <http://www.nevmenandr.net/eurasia/situacia.php>.
- ⁵ На путях. Утверждение Евразийцев. Книга вторая. Берлин, 1922; Россия и латинство. Сборник статей. Берлин, 1923; Евразийский Временник. Книга третья. Берлин, 1923; Евразийский временник. Книга четвертая. Берлин, 1925; Евразийский временник. Книга пятая. Париж, 1927; Евразийский сборник. Книга шестая. Политика, философия, россиеведение. Прага, 1929; Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга седьмая. Париж, 1931
- ⁶ На путях к России-Евразии. Прага, 1925; Евразийство (опыт систематического изложения). Париж, 1926; Евразийство (формулировка 1927 года). Прага, 1927; Евразия в свете языкознания. Париж, 1931; Декларация 1 съезда евразийской организации 1932 год; Новая эпоха. Идеократия. Политика. Экономия. Обзоры (под ред. В.А. Пейля). Нарва, 1933; Евразийство и коммунизм Б.м. Б.г.
- ⁷ *Савицкий П.Н.* Поворот к Востоку // <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod-PNS-povorot.php>.
- ⁸ *Степанов Н.Ю.* Евразийские семинары и лекции как практическая работа евразийцев в Европе в 1920–1930-е годы (доклад, прочитанный на третьих Гумилевских чтениях в Москве, 9 июня 1999 г.) // <http://evraz-info.narod.ru/32.htm>.
- ⁹ *Байссвенгер М.* Как Прага стала евразийской столицей // Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие. К 90-летию русской акции помощи в Чехословакии / Сост. Л. Бабка и И. Золотарев. Прага, 2012. С. 121.
- ¹⁰ Савицкий, по словам Байссвенгера, посылал в Советский Союз студентов для установления связи с антибольшевистским подпольем, сотрудничая с Трестом, который на деле являлся организацией ОГПУ. Там же. С. 123.
- ¹¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 389. Л. 56.
- ¹² П.Н. Милюков выступил с критикой книги Савицкого «Географические особенности России» 4 января 1927 г. в Праге. Затем 5 февраля того же года он в большом докладе уже в Париже постарался изложить и подвергнуть критике евразийское учение. 12 февраля состоялся прения по докладу (опять же в Париже), собравшие около 800 человек слушателей. В 1929 г. Милюков перевел этот доклад на английский язык и выступил с ним в ряде английских городов, а в 1930 г. доклад был издан (по-английски) в виде статьи в сборнике, посвященном 80-летию президента Чехословакии Т.Г. Масарика. См.: *Степанов Н.Ю.* Попытки практической работы евразийцев в Европе, как политической организации в 1920–1930-х гг. // <http://redeurasia.narod.ru/biblioteka/stepanov1.html>.
- ¹³ А.А. Кизеветтер, в частности, писал, что евразийство психологически оформилось в приютах тех помещений, в которых томились эмигранты, ожидая решения своей судьбы. См.: *Бочарова З.С.* Феномен Зарубежной России 1920-х годов. Т. 2 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. М., 2014. С. 227.
- ¹⁴ *Кизеветтер А.А.* Евразийство // <http://nationalism.org/aziopa/kizevetter.htm>.
- ¹⁵ Борис Алексеевич Евреинов о русской эмиграции (публикация Е.П. Серапионовой) // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике. М., 2016. С. 209–252.
- ¹⁶ Леонтьев К.Н. (1831–1891) – религиозно-консервативный мыслитель, философ, писатель, публицист, дипломат. См. о нем: *Косик В.И.* Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997; *Гоголев Р.А.* «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции. М., 2007.

¹⁷ Данилевский Н.Я. (1822–1885) — социолог, культуролог, публицист, естествоиспытатель, геополитик. Автор трудов «Россия и Европа» (1871) и «Дарвинизм» (1885).

¹⁸ Тимур-Ленг-Железный Хромой (1336–1405) — из монгольского племени барласов, известный среднеазиатский, тюрский полководец и завоеватель восточных земель, сыгравший большую роль в судьбах Средней, Южной и Западной Азии, Кавказа, Поволжья и Руси, основатель империи Тимуридов со столицей в Самарканде (1370), европейцы называли его Тамерлан.

¹⁹ Чингиз-хан (Чингис хаан), собственное имя — Тэмуджин (Темучин, Темучжин, Тэмужин, ок. 1155 или 1162–1227) — основатель и первый великий хан Монгольской империи, объединивший разрозненные монгольские племена; полководец, организовавший завоевательные походы монголов в Китай, Среднюю Азию, на Кавказ и в Восточную Европу. Основатель самой крупной континентальной империи.

²⁰ Заметим здесь, что из-за несогласия с линией газеты один из основателей евразийства кн. Н.С. Трубецкой в 1929 г. решил отойти от движения.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-6366. Б.А. Евреинов. Оп. 1. Д. 76. Лицо политической эмиграции.

²² Дни. 1928. № 13.

²³ Николай Николаевич Алексеев (1879–1964) — один из ведущих идеологов евразийства, историк, философ права и государствовед, являлся автором наиболее полной и законченной концепции евразийского государственного идеала, основатель «евразийского права».

²⁴ Дни. 1928. № 1.

²⁵ Василий Витальевич Шульгин (1878–1976) — русский политический и общественный деятель, публицист. Депутат Второй, Третьей и Четвёртой Государственных дум, во время Февральской революции принявший отречение из рук Николая II. Один из организаторов и идеологов Белого движения, националист и монархист.

²⁶ Возрождение. 1925. 11 июня.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. 1925. 19 и 21 октября.

²⁹ Дни. 1928. № 15.

³⁰ Бочарова З.С. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию Зарубежной России. Т. 3. М., 2014. С. 162–164.

³¹ Газета «Оборона России». 1936. 26 апреля // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. Референтура по Чехословакии. Оп. 13. Д. 14. Папка 28. Л. 48.

³² РДО — Республиканско-демократическое объединение — союз эмигрантских лидеров различных партий и организаций. Подробнее о нем см.: Галас М. Республиканско-демократическое объединение российской эмиграции: организация, стратегия и тактика // <https://cyberleninka.ru/article/v/respublikansko-demokraticeskoe-obedinenie-rossiyskoy-emigratsii-organizatsiya-strategiya-i-taktika>.

³³ Газета «Оборона России». 1936. 26 апреля // АВП РФ. Ф. Референтура по Чехословакии. Оп. 13. Д. 14. Папка 28. Л. 49 об.

³⁴ Омельченко Н.А. Исход к Востоку: евразийство и его критики // <http://intertraditionale.kabb.ru/viewtopic.php?f=10&t=139>.

Евразийство в переписке его активистов

Что такое евразийство? Известна сентенция: «Поскреби русского и обнаружишь татарина». Но это еще не евразийство! Можно сказать, что евразийство — это география, замешанная на большевизме. Или иначе: евразийство есть утверждение и осмысление не только многонационального мира России, но и шире... перемещение «палатки культуры» на Восток... «Евразия — узел и начало новой мировой культуры».

Само евразийство можно при желании обнаружить в символах, философии, истории, географии, политике задолго до появления самого термина: от византийского двуглавого орла — до творений Константина Николаевича Леонтьева с его туранством; от трудов Владимира Ивановича Ламанского — до издания в 1914 г. Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия трехтомника «Азиатская Россия»; от известных «Скифов» (1918) Александра Блока — до Игоря Северянина с его стихотворением «Колыбель культуры новой» (1923):

*Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
 Попробуйте, сразитесь с нами!
 Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
 С раскосыми и жадными очами!
 Для вас — века, для нас — единый час.
 Мы, как послушные холопы,
 Держали щит меж двух враждебных рас
 Монголов и Европы!*

...

*Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
 В тяжелых, нежных наших лапах?..*

Этот грозный «гимн» евразийству появился раньше самого явления. Я сознательно не хотел употреблять термин «учение» — вследствие многосложности и некоторой литературной расплывчатости в объяснениях евразийства.

С евразийством связано и лирическое стихотворение Игоря Северянина «Колыбель культуры новой» (1923), позволяющее приблизиться к его пониманию с несколько иной стороны. Итак:

*Время настанет — Россия воспрянет,
Правда воспрянет, неправда отстанет,
Мир ей восторженно славу возгрянет, —
Родина Солнца — Восток!*

Итак, с одной стороны — «азиатская рожь», с другой — «новый цветок». Не странно ли?! Но совсем не странно, когда тютчевские строки о России, которую «аршином общим не измерить» могут некоторым образом иметь историческое продолжение в гимне России со словами:

*От южных морей до полярного края
Раскинулись наши леса и поля.
Одна ты на свете! Одна ты такая —
Хранимая Богом родная земля!*

Да, с определенными оговорками можно согласиться с Н.В. Устряловым, писавшему П.П. Сувчинскому, что евразийство есть «литературное течение»¹, сами же «историософские категории евразийцев слишком все-таки схематичны, рассчитаны на слишком большие сроки и нуждаются в практических истолкованиях и дополнениях»².

Собственно говоря, сказанное Устряловым подтверждают и слова Н.С. Трубецкого, обращенные к Г.В. Флоровскому, что евразийцы «... должны перейти от деклараций общего характера к детализовке и конкретизации. Наш русский национализм, оторванный от русской почвы, грозит развеяться в отвлеченный туман» — фраза в связи с церковным вопросом объединения со старообрядцами «на почве обрядовой»³.

И теория так и не превратилось в «движение», хотя тот же СССР с его ненавидимым евразийцами, но не всеми, коммунизмом, шел по «евразийскому пути», разумеется, без православия, этого фундамента евразийства..

К этому следует добавить и сами расхождения в понимании евразийства, точнее, центра этого феномена. Достаточно вспомнить сочинения Трубецкого и Савицкого. Для первого характерно стремление к постановке общемировой проблематике, ясно обозначенной в его труде «Европа и человечество», где он пишет: «...надо построить социально-политический идеал, приложимый во всяком пункте земного шара и притом существенно отличный как от коммунизма, так и от буржуазной демократии, — и этот идеал поставить себе целью не в одной России, а во всем мире»⁴.

И более того: он заявил, что «не остается ничего другого, как выйти за пределы национально-ограниченной европейско-русской культуры и (*horribile dictu*) (страшно сказать. — *В. К.*) работать на культуру общеевропейскую...»⁵. Хотя тут же замечу, что мысль Трубецкого, бывало, «скакала» впереди слова. И о Европе, у него находились весьма хлесткие определения, о чем будет написано ниже.

В то время как для второго на первом месте стоит его Россия-Евразия, ее судьба во времени и пространстве. Савицкий, получивший от А.А. Ливена непонятное, как и само евразийство, прозвище «пеландрик» в своем «обосновании евразийства» (1921) говорил: «... в русских клокочет и горит действенная, творческая сила; русские являются всемирно-историческими “именинниками”; и в то же время с народами Ближнего и Среднего Востока Россию соединяет связь понимания и близости. Россия может стать фактором возрождения этих стран к новой исторической жизни. В этом отношении, как ни странно, большевики на правильном пути... Россия слишком огромна, не только пространственно, но и качестве сочетания культурных традиций и перспектив, слишком отдельна и слишком своеобразна, чтобы поместиться за общим европейским столом... Есть нечто подлинное во мнении, что Россия не приобщается, а противопоставляется Европе. И нет воз-

возможности сочетать в одном и том же отрезке времени в культурном бытии “Старого света” периода “европейского” с периодом “евразийским”... Или второго не будет, или первый придет к концу! Дело идет не о “гибели Запада”, но о сочетании культурных потенций, определительности культурных влияний. Здесь одно — важнейшее соображение является для евразийцев показательным и основным. Культуру будущего поведет за собою тот, в ком сильнее религиозное начало; и мы видим явственные признаки, что в настоящий момент религиозное напряжение сильнее и действеннее на Востоке»⁶.

Итак, главное слово произнесено: это — «сочетание». Весьма затасканное слово, которое везде или почти везде будет звучать умно.

Подчеркну, что Савицкий мыслил евразийство как идеологическое, религиозное и научное движение.

Можно сказать и другое, тривиальное: основная евразийская мысль есть культурное своеобразие России.

А в чем это «культурное своеобразие» заключалось, можно задаться «глупым» вопросом? В том, что Россия была «*между*» Европой, не считавшей свою соседку европейской страной, и Азией, чуждой России по многим параметрам?

Нет, «культурное своеобразие» следует искать, не открою тайны, в православии. Именно оно строило Россию и именно с ним связаны многие страницы рассуждений евразийцев. Именно отношение к нему стало одной причин раскола среди евразийцев, этих «детей революции», отвергаемой и признаваемой ими. По моему мнению, несколько размытое для одних православие служило не только фундаментальной ценностью, но, прежде всего, обязательным фоном для некоторых теоретиков евразийства, например, у Савицкого с Трубецким.

Расхождения были в отношении к существующей в России власти.

Так, «дань большевизму» отдавал не только Савицкий. Здесь можно назвать и Сувчинского. Сему есть подтверждение в переписке евразийцев.

23–24 февраля 1922 г. Г.В. Флоровский писал Н.С. Трубецкому: «Сувчинский продолжает упираться в ”возможность” ”сотрудничать” уже прямо с ”национал-большевиками”. Я в банду шулеров и ”развратителей” идти не хочу»⁷.

Впрочем, все эти «слова» вполне объяснимы, исходя уже из взглядов Флоровского, ненавидевшего «большевиков» и их дела. Таких же взглядов придерживался и его корреспондент Трубецкой, один из умнейших людей России.

И еще одно примечание к словам Савицкого о том, что «в настоящий момент религиозное напряжение сильнее и действеннее на Востоке». Мне представляется здесь лишними три слова, а именно, «в настоящий момент». Религии Востока и тогда, и сейчас менее склонны к новациям, нежели христианство.

Обращение к религии, к христианству, к православию было для евразийцев одним из основных мотивов в их «писаниях», в их размышлениях на эту простую и в то же время весьма скользкую тему, тесно связанную с культурой, с бытом. И здесь такие евразийцы, как Флоровский и Трубецкой в ходе своей переписки «наворотили» много такого, что понимается мною с трудом, да и то не все. Итак, для начала несколько выдержек.

Г.В. Флоровский — Н.С. Трубецкому (07.04.1923):

«Вполне признавая множественность несоизмеримых бытов, бытовых укладов, признавая новоевропейскую культуру больной и зараженной, я все более укрепляюсь в мысли, что “культура” есть и *должна* быть едина... Только резко подчеркнув свою религиозную “ориентацию” мы сможем соблюсти от соблазнов малых сих, в увлечении “исходов к Востоку” бросающихся в “восточные культы”, в упадническое увлечение экзотикой и даже в “азиатизм”»⁸.

Следовательно, насколько я понял, должна существовать только одна культура — христианская. Все остальное — побоку. Главное — это сама православная Россия, без всяких «поворотов».

Г.В. Флоровский — Н.С. Трубецкому (01. 05. 1923):

«Если вместо “культуры” говорить о “быте”, все разъясняется: европейский быт худ, ибо вырос из удобопреврат-

ного духа ложно-принятого христианства, поэтому он не только не есть единоспасающая норма. Но и лживый образец. Надо создать свои бытовые формы, ставши хорошими и живыми православными и запасшись здравым смыслом и чутьем действительности: вот тут-то и появится “Восток” — не в перспективах духовно-культурного творчества, а в перспективе политической и хозяйственной тактики. «“Учиться” у Востока *сейчас* вряд ли чему придется, но учить надо со сдержанностью — колониально-культуртрегерскую психологию надоть побоку...”⁹.

Здесь ключевое слово «вместо». Но быт не есть культура в высоком смысле этого слова.. Более того, несколько неясно, с какого времени у Флоровского возникло «ложно-принятое христианство». Если после разделения Церквей, то как это отразилось на быте?

И еще одна «удивительная неясность», связанная с созданием «своих бытовых форм».

Разве православная Россия на протяжении своей многовековой истории таких форм не обладала таковыми? Или тут Флоровский говорит о чем-либо другом? Или это простая декламация?

Вызывает вопрос и некий «Восток»: что это? Россия? Евразия? Особенно странно, что «он» появляется не в перспективах духовно-культурного творчества, а в перспективе политической и хозяйственной тактики. Причем сами строки несколько противоречат друг другу, что вызывает недоумение. Может быть, здесь стоит говорить о нечеткости, расплывчатости представлений Флоровского?

Н.С. Трубецкой — Г.В. Флоровскому (15.05. 1923):

«...в этом сказывается Ваша тенденция ставить знак равенства между Евразией и православием. Правда, нельзя быть евразийцем, не будучи православным, но — не наоборот». «Я мыслю христианство вне культуры, как базис культуры, и тогда христианская культура будет результатом соединения христианства с бытом. Но т.к. в соединение с христианством могут вступать разные “быты”, то и христианских культур может быть несколько. Поскольку бытов много, много и культур... Многообра-

зие бытов и культур естественно, оно Богом установлено, и всякое стремление к упразднению его не от Бога, а от гордыни человеческой и след<овательно> от сатаны: Вавилонская башня — красноречивый пример, как Бог гордыне сатанинской противопоставляет национальные различия. Потому-то всякий интернационал в корне греховен и порочен, потому-то европеизация неизбежно связана с сатанизмом, социализмом и прочими гадостями»¹⁰.

Здесь несколько непонятен тезис автора о том, что множество «бытов» обуславливает многообразие христианских культур, и при всем том само христианство представляет собою базис для культуры.

Тут возможно только одно: отсчет ведется от первых веков христианства. И еще весьма любопытная мысль о том, что провозглашенную им универсальную общемировую проблематику Трубецкой противопоставляет интернационализму, ведущему к ликвидации многообразия «бытов и культур». Иными словами, «культурное» различно от «социального», не так ли?

Чтение переписки евразийцев позволяет понять, что у каждого из них была своя правда, свое евразийство. Все это усложняло его восприятие как целостного феномена. Причем, среди лидеров, наблюдались и известные «отклонения», которые, можно считать, только обогащали евразийскую мысль и одновременно свидетельствовали о непонятных «розовых надеждах» на новую Россию.

Например, Сувчинский, известный по Кламарскому размежеванию, вставший в оппозицию к Савицкому, писал в одном из своих ранних писем к Флоровскому (25.11.1923): «... дело православное есть в *данное* время — делание и восстановление *русского материка*, русской государственной плоти, как места опоры для вселенского делания. Не будет этого упора — Православию грозит судьба католического космополитизма, а ведь это — сатанинская подмена вселенскости. То же и с исповеданием единой Православной Церкви. *Из одного корня* — она должна разрастись и покрыть своими ветвями весь мир...

Короче говоря — для православия нужна Россия...»¹¹.

Как-то немного грустно читать эти строки сменовеховца, связанные, надо полагать, не с большевистской властью, а с русской, и в то же время нелегко понять каким образом православие «покроет своими ветвями весь мир». Разве только по произволению Творца.

Флоровский также связывал, можно сказать, свое евразийство с идеей православия, утверждения и упрочения православной России.

Кстати сказать, евразийцев волновали не только проблемы теоретического порядка, но и весьма приземленные. Так, 14 ноября 1924 г. Петр Семенович Арапов в связи с намечавшимся открытием Свято-Сергиевского Богословского института в Париже писал другому Петру, Сувчинскому, о том, что если бы удалось «достать» 200 тысяч франков для покрытия недостающей суммы для устройства института, то эта институция оказалась бы в их руках. «Мы могли бы, — писал он дальше, — выставить ряд условий касательно Булгакова, Бердяева и Софийцев вообще»¹². Однако эта авантюрная, но не лишенная некоторой трезвости идея, не была осуществлена. По моему мнению, «вождей» в евразийстве хватало, даже с излишком, имея в виду их различия в толковании самого феномена. Вхождение же Булгакова с Бердяевым и иже с ними могло привести к еще большему размыванию евразийства.

Только один пример: 31 декабря 1923 г. Трубецкой писал Сувчинскому об о. С. Булгакове: «...тип неврастенического богоискателя, "вечного странника", который никогда и ни на чем не может успокоиться». Добавлю, что и сам «орден русской интеллигенции» (весьма рыхлое и неустойчивое образование), связываемый автором письма с Булгаковым, мог, по мнению Трубецкого, «принести вред. Но не потому, что за ним пойдут, а потому, что вследствие его деятельности, утратят способность, куда бы то ни было идти»¹³.

Этой «рыхлости» не было, повторю, лишено евразийство. Так, Савицкий, со своей стороны, видел евразийство в России. И в ее истории, и в расширении ее пределов, и в ее

мировом значении, и в ее восточных делах и задачах. Сувчинский же полагал, что евразийство, связанное с культурой, может быть воспринято и в политике, например, для выхода на большевиков и диалога с ними, что, как известно, вызвало «раскол» в евразийской среде.

Свое понимание евразийства было и у Флоровского. По мнению Трубецкого, «расхождение это сводится к тому, что, по его мнению (Флоровского. — В. К.), только прямое религиозное делание и аскетическая работа над самосовершенствованием, является абсолютно ценной, все прочее настоящая суета». «Не возражая против этого, по существу, констатирую, — пишет далее Трубецкой, — что такой взгляд логически и практически требует от сторонника фактического ухода из мира и принятия иночества. Если же оставаться в миру, то по необходимости приходится ограничивать себя работой над относительными ценностями. Европейская культура и европейские идеологии (культурные, политические, научные и т.д.) несовместимы с православием. Разрушая эти идеологии и стараясь заменить их другими, более совместимыми, мы творим дело, полезное для Церкви, хотя, конечно, и несоизмеримо менее ценное, чем работа подвижника»¹⁴. Все это можно рассматривать как отстаивание своей правоты с извинениями, чтобы, не дай Бог, в чем-то возвыситься над православием. Но, как писал 10 февраля 1924 г. Флоровский Трубецкому, дело не в «выходе из мира» и пострижении в монахи. Для него — «церковные вопросы есть *первые и основные...* в том смысле, что они все и вся в себя включают. Поэтому с них надо *начинать*». И немного дальше возьму у Флоровского: «Мир для него (Флоровского. — В. К.) вовсе не безразличная чепуха, а *религиозная задача...*»¹⁵.

Именно эти различия и привели в конечном итоге к разрушению диалога и обмена своими мыслями/идеями в разных отраслях географии, лингвистики, политики, истории, религии, литературе и пр.

Соответственно, евразийство как целостный и в то же время многосторонний, богатый идеями феномен интеллектуальной мысли оказался мнимым. Частное одержа-

ло верх над целостным. Можно сказать еще и резче: евразийство представляло собой если не аморфную массу идей, то, прежде всего, персонифицированную в лице его главных действующих лиц.

Георгий Флоровский в письме к Николаю Трубецкому (17.10.1923), касаясь темы разлада в евразийской среде, писал следующие строки: «Отрицать “личные” мотивы и “личные” разрывы я не стану... И одна из главных причин нашего разлада в том, что мы недостаточно “хороши”, чтобы исповедовать друг друга и налагать друг на друга эпитимьи. Мы молчали о многом из ложной стыдливости, — о том, о чем надо сказать. Признаю прямо, я перестал доверять Савицкому, а с его стороны последовал ряд более, чем несдержанных, мелочных, дурно самолюбивых выпадов, которые сделали для нас невозможным и нежелательным личное общение. Я не чувствую в нем искренности и прямоты, не могу отделаться от ощущения, что религиозная проповедь для него тактический прием, что главное для него — некий “эффект”... Но сказать ему этого нельзя. Думаю, что прав, когда предполагаю у него некую зависть к себе и стремление быть *всюду* на первом месте, даже и там, где нужно было бы скромничать»¹⁶. И далее Флоровский в том же письме подчеркивал: «Нельзя проповедовать религиозную культуру, можно проповедовать *только веру*... А прочая приложится... Иначе получится демагогия. Вместо православной веры получается вера в православие, подмененное ущербяющими формулами: православное царство, святая Русь и т.д. И когда с этим сочетается лукавый оптимизм, что, дескать, в Евразии райские сады расцветут и православный царь всея Евразии от мыса Дежнева до мыса Доброй надежды будет упражнять свою деспотическую власть, мне становится *религиозно-страшно*... Будет или не будет Великая Россия, а православным надо во всяком случае быть, надо оживить для себя церковное предание, надо воцерковить себя»¹⁷.

Однако, тогдашнее «евразийство», ее лидеров можно было уподобить персонажам басни Ивана Андреевича Крылова «Лебедь, рак и щука».

Так, 26–27 ноября 1928 г. Трубецкой писал Сувчинскому: «В своем большом письме ко мне Вы выразили свое отношение к попыткам построить систему е[вразий]ства. Выходит, что системы вообще никакой быть не должно, потому что система связывает, а мы должны быть свободны.

У нас не должно быть догматов. Мы не должны ссылаться на ранее высказанные положения, не должны избегать противоречий с этими положениями. Таким образом, е[вразий]ство есть непрерывный ряд логически друг с другом несвязанных импровизаций. Объединять их друг с другом должна не логика (Боже упаси!), а общий стиль, тон, а кроме того и то, что все эти импровизации должны быть парадоксальны... К сожалению, Вы и не только в этом письме проявляли такое же отношение к е[вразий]ству... Я почитал эту задачу единственной, ибо большевистской практике мы своей практики противопоставить не можем... Подбирая одно положение к другому, как камень к камню, я строил ев[разий]скую систему как единое здание — с трудом, ибо работа это не легкая. И вот потому-то меня особенно всегда огорчало отношение некоторых из нас к этой созидательной работе. Особенно П[етр] С[еменович] А[рапов] часто проявлял к ней совершенно непозволительно легкомысленное отношение, рассматривал е[вразий]ство как белый лист бумаги, в который можно написать все, что угодно, с тем чтобы потом вновь вычеркнуть и вписать как раз противоположное. Много вредил в этом отношении и Л[ев] П[латонович] К[арсавин] со своими фокусами, создающими впечатление действительно неограниченной емкости е[вразий]ских схем, в которые путем казуистики и ловкости рук можно втиснуть что угодно...

В конце-концов, выходит какая-то глупая, бесцельная и бесконечная комедия. Пора наконец ее окончить. Совместно с П<етром> Н<иколаевичем> С<авицким> — Вы работать не можете. Я вообще отказываюсь работать в е<вразий>стве. Значит и признаем, что каждый из нас

троих отныне должен идти своим путем. Не озираясь на других. А для того чтобы организационно закрепить и оформить это положение, упраздним общее название "евразийство", которое в настоящее время фактически стало совершенно бессодержательным, и вместо него введем новые названия для каждого течения: Вы назовитесь "социал-евразийством", Петр Николаевич Савицкий — "национал-евразийством", а я пока обойдусь без всякого названия, так как в ближайшее время все равно "выступать" не намерен и уйду всецело в науку»¹⁸.

В общем, как писал Сувчинскому Трубецкой пятью годами раньше, «взаимной любви» не получалось, на которой и держалось или должно было держаться евразийство¹⁹.

И здесь можно только, иронично говоря, искать причину в «неразделенной любви», когда ее «предмет» искали столь разные по своим теоретическим построениям идеологи евразийства. Сюда же добавлю, евразийцы не смогли даже создать свой «орден», как это сделали младороссы или заграничные русские интеллигенты. Хотя одна попытка, насколько мне думается, была. Это создание своего шифра, о котором будут строки несколько ниже.

Расхождений было больше, нежели единства. Для примера: Савицкий воспринимал евразийство как «систематическое россиеведение», в то время как П.Н. Малевский-Малевич отстаивал всемирность «нефтяного дела»²⁰.

Нефть? Откуда она здесь? В своей «литературе» евразийцы, точнее, тройка лидеров — Савицкий, Сувчинский, Трубецкой, разработали удивительный шифр для переписки, позволяющий в определенных случаях определить отношение к своим корреспондентам, вплоть до самих стран.

Несколько выборочных примеров:

Евразийство — ЕА, хлеб, нефть, соль;

Евразийская идеология — нефтяная кредитная установка;

Коммунисты — конкуренты;

Масоны — виноделы;

Монархисты — складовики;

*Политическая деятельность — промышленная работа;
СН — Совет нефти (Евразийский Совет)²¹.*

Особенно впечатляет изумительное предвидение евразийства как «нефти»!

Да, были евразийские или «нефтяные» искания, литература, расхождения, вплоть до разочарований в евразийстве, была и критика — как «внутренняя», так и «внешняя».

К внутренней относится высказывание Трубецкого в письме к Сувчинскому (2 декабря 1928): «Утверждение, что "евразийство не есть сложившаяся система", для меня равносильно признанию, что вся моя работа до сих пор была толчением воды в ступе»²².

К внешней — статья «Богоискатели, евразийцы и материальная культура» «сукина сына» Ал.Д. Билимовича, профессора Люблинского университета, в которой он писал: «Рассуждения о „религиозных озарениях“ и „евразийских свершениях“ в то время, когда наш народ умирает от казней, эпидемий и голода, когда народ доведен революцией и большевиками до того, что в XX-м веке возродилось помнимое по старым сказкам людоедство, — как хотите, но это духовное извращение»²³.

Критику евразийства Трубецкой назвал «подогретыми экскрементами». Однако у Антона Дмитриевича Билимовича была своя правда и свой взгляд на Россию. Можно даже сказать, что и «сукин сын» тоже был евразийцем по месту рождения, но не по мыслям.

Не могу здесь не упомянуть знаменитую речь Ивана Алексеевича Бунина (1924), в которой миссию русской эмиграции он видел в неприятии всего того, что творится на его родине, где слышны «голос хама, хищника и комсомольца да глухие вздохи». Поэтому можно понять Билимовича с его неприятием новых «учений». Впрочем, и Трубецкой с его защитой мысли, слова имел право защищать свои размышления. Дело, как мне представляется, несколько в другом: в интеллектуально-патриотическом восприятии России. Если евразийцы основное внимание

уделяли теории, то такие люди, как профессор Билимович, полагаю, реалиям.

Возвращаясь к «внутренней критике», нельзя не упомянуть Г.А. Ландау, печатавшего критику евразийства в газете «Руль» (Берлин). Для таких лидеров евразийцев, как Г.А. Флоровский, А.А. Ливен, П.П. Сувчинский критика обуславливалась еще и его еврейским происхождением, о котором неоднократно и в весьма грубой форме писали «отцы-основатели». Так, в письме к Г.В. Флоровскому (28.02.1922) образованнейший Трубецкой писал: «...наши враги жидоскоты, жидагады и публицистические гримзы»²⁴. Впрочем, у многих умнейших натур неприятие еврейства было одним из «скреп» их мировоззрения.

Здесь большой интерес представляют материалы из «Руля» (1922), которые можно озаглавить тривиальным «из двух углов», где «истец» — Ландау, «ответчик» — Савицкий. Основное сражение разворачивалось вокруг самого евразийства. Ландау полагал, что «направление» евразийцев, обнаруживаемое у Савицкого, «не в антропогеографической теории, не в религиозном направлении, не в национальной тревоге, оно — в бездейственном самоутешении»²⁵.

И дальше весьма остро: «Содержание евразийства отлично от других интеллигентских направлений, которому оно может быть и враждебно, но функции их одинаковы: самообольщением отвлечься от происходящего, сбросить с себя муку за прошлое, освободиться от тревоги за будущее»²⁶.

Что же, можно сказать, внешне критик не столь уж неправ. Достаточно здесь вспомнить движение младороссов, которому было свойственно также увлечение «литературой».

В определенной степени взгляды младороссов были близки мировоззрению евразийцев. Но... Одно из основных различий обуславливалось несхожестью трактовок российской истории, прежде всего, неприятием глобального влияния азиатского фактора на становление российской государственности. Тем не менее, приверженцы Казем-Бека не теряли надежды, что «евразийцы сумеют преодолеть в себе те уклоны, которые могли бы лишить их

национальных корней и что в будущем они разглядят за наследием Чингизхана и наследие Киева, Москвы и даже Петровой столицы. Надо думать, что самое понятие “евразийство” не будет больше искажаться пан-азиатскими устремлениями, что центр тяжести не будет переноситься с некоторой искусственностью на наши туранские истоки и что десять трудных веков необходимой и славной русской истории не будет отрицаться огулом»²⁷.

В ответ на упрек в «бездействии», Савицкий писал: «В чем бездейственность: в том ли, что мы уклоняемся от тона передовицы “Общего дела” (тона, который сам по себе почтенен); в том ли, что не призываем к мечу гражданскому, к образованию ”штаба для борьбы с разложившимся большевизмом“? Да, мы не делаем этого — ибо меч и штаб сильны не сами по себе, но в некоем ином контексте. Воинствовали мечом и штабом — не победили. И прежде, чем думать о ”штабе“ и ”мече“ — нужно, во времена нынешние, думать об оружии сильнейшем. Имеющий уши да слышит»²⁸.

Как все это оценить? Ответ напрашивается таков: у Ландау больше провокативности, у Савицкого больше «литературы», точнее, аполитичности, оцениваемой как «неделание».

Впрочем, следует сказать, что упрек в «бездеятельности» был не только с «еврейского слева», но и с «евразийского справа». Я говорю о Флоровском, который в письме к Сувчинскому (06.09.1923) излагал свою позицию по этому вопросу: «Весь смысл и оправдание евразийства — в предметности и творческом упоре наших первых шагов. Сейчас мы не хотим трогаться с места и расплываемся в беспредметности. *Как евразиец*, я кричу об опасности...

...Предел конкретизации для нас национально-философская проповедь и рефлексия... Нас четверых когда-то соединила мечта среди всеобщей одержимости скороспелым пафосом действия создать упор для подвига медленного выстраивания нового духа, мечта о новой, живой, творческой, свободно-русской православной культуре. На нас лежит долг ее строить, каждому по своему, со своего

угла. Я не предам этой мечты... евразийцы должны делать свое *прямое* дело — религиозно-культурной проповеди; наша подлинная тема — Правосл<авие> и Культура»²⁹.

И ненавистную «Европу» и ее «пропагандистов-жидов» евразийцы пинали, что было сил. Так, Трубецкой, рассуждая в письме к Сувчинскому (1922) о творчестве Ильи Гершовича Эренбурга и его связи с футуризмом, подвергал резкой критике это «новое искусство», воспринимаемое Трубецким в качестве орудия разрушения красоты, ведущего «к хаосу, к духу бездны, к антихристу». Для него футуризм ценен только потому, что он «изображает всю отвратительность Европы»³⁰.

Одновременно поднятие на щит футуризма евреями, Трубецкой почему-то считал доказательством их культурной бесплодности, стихийной работы на поле разрушения искусства гоев. Странно все это уже потому, что не все сыны Моисея были вовлечены в эту деятельность, там было немало и «своих», достаточно вспомнить Маяковского. Но все становится понятным, если учесть, что все беды России многие мыслящие люди связывали с так называемым жидо-масонством, захватившем страну.

Причем, свою «любимую Евразию» «нефтяники» противопоставляли, что совершенно естественно, западному миру, вобравшему в себя все грезы и заблуждения человека западного образца. 30 декабря 1923 г. Трубецкой писал такие строки Савицкому:

«Дорогой Петр Николаевич, я вообще не разделяю Вашего (и Г[еоргия] В[асильевича Флоровского]) благожелательного взгляда на Америку, но ради ихних долларов, которые нам очень нужны, согласен не протестовать против того, чтобы от имени евразийцев польстить американскому национальному самолюбию. Однако мне все-таки кажется, что Вы в этом отношении немного переборщили. Ведь все же нельзя забывать того, что пока что Америка является самой типичной представительницей всех отрицательных сторон Романо-германской цивилизации. В Европе такой же страной является Германия... Сейчас Америка хуже Европы, ибо в Европе есть хотя бы воспоми-

нения Средневековья. Ваши надежды на то, что Америка преодолеет воинствующий экономизм мне представляются мало основательными: заметьте, что социализм-коммунизм вовсе не есть единственная форма апогея воинствующего экономизма.

Итак, по-моему, прогноз культурной миссии Америки следовало бы выразить осторожнее. Далее, безусловно, не следует вводить в эту перспективу «англосаксонскую расу». Раса, откровенно говоря, прескверная и вреднейшая. Если из Америки когда-нибудь выйдет толк, то толк потому, что эта страна не чисто англосаксонская и только поскольку она не чисто англосаксонская»³¹.

Итак, два вопроса. Первый: отчего такое отношение к Америке? Возможно тем, что эта территория иммигрантов, «сделавших себя американцами», и уничтоживших «вольную жизнь» индейского населения.

Второй: почему же англо-саксонская раса «прескверная»? Вопрос для меня весьма труден. Возможно, ответ стоит искать в личном отношении к англосаксам как завоевателям тех же бриттов? И одновременно, легок. Англосаксы принадлежат к «западному миру», воспринимаемому в евразийских писаниях весьма критически.

И, наконец, тривиальное — связанное с «просоветским» Кламаром, точнее, с издававшейся «просоветской» газетой «Евразия» (1928), с «азиатски-косоглазым евразиио-коммунизмом» (Ф. Степун), резко разделившей лидеров евразийцев — Савицкого с Сувчинским «со товарищи». В расколе, по свидетельству Савицкого, был «замешан» советский консул в Париже Туманов, советовавший Сувчинскому освободиться от «бердяевщины» (под которой сам Савицкий подразумевал русскую религиозную философию), а также деньги и «коммуноид» Маяковский, с которым в «Евразии» собирались крепить отношения, и многое другое³².

И еще о «раскольнике» Сувчинском, для которого евразийство превратилось в «сомнительную антрепризу». В своей записке Савицкий (1928) пишет о нем и как «искателе» другого пути, отличного от евразийства: «он начал читать коммунистическую литературу. Ранее того он был

очень плохо с нею знаком, по невежеству в политико-экономических вопросах... Коммунистическая литература произвела на этого **литератора** (выделено мною. — В. К.) на четвертом десятке лет его жизни, такое же впечатление, какое она производила в дореволюционной России на гимназистов третьего класса. Он решил, что коммунизм есть система, а дотоле существовавшее евразийство "так что-то" и отнюдь не система»³³.

Здесь следует подчеркнуть три существенных момента.

Первое: сила идей страны победившей революции захватывала не одного Сувчинского, но и весь мир.

Второе: сам Савицкий с его увлечением национал-большевизмом тоже отдавал должное переменам на Родине.

Третье: по моему мнению, идеи евразийства — не идея — были настолько масштабны, что требовали ни больше ни меньше как переустройства всего мира.

В итоге, как уже говорилось ранее, победила «география, замешанная на большевизме». Достаточно вспомнить государственный герб СССР.

Сейчас на башнях Кремля можно вновь увидеть двуглавого орла: победила география, замешанная на духовных скрепах.

Многое из евразийства было воспринято в нашей стране, где в культуру возвращалась и традиция в новом «платье».

Хотелось бы напомнить слова из «Исхода к Востоку»: со «свершениями» было трудно, с «предчувствиями» же было гораздо легче. Слово опережало дело.

P.S. Если говорить резко, то евразийство содержало немало тривиальностей, облеченных в «новое платье», и замешанное на мессианизме. Оно и сейчас пользуется спросом у политиков.

P.P.S. Недавно я видел книгу под любопытным названием «Русские в Евразии». По сути, там рисуется картина «русского жития» на пространствах многонациональной Российской империи. Все это мне представляется несколько симптоматичным для «времени подмен», в том числе и когда Россия «замещается» Евразией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Устрялов Н.В. Письма к П. П. Сувчинскому. 1926–1930. Составление, подготовка текста, вступительная статья и примечания К.Б. Ермишиной. М., 2010. С. 36.
- ² Там же. С. 18.
- ³ Н.С. Трубецкой — Г.В. Флоровскому 15. 05. 1923 // Записки Русской академической группы в США. Т. XXXVII. New York, 2011–2012. С. 116.
- ⁴ Письма Н.С. Трубецкого к П.Н. Савицкому // *Соболев А.В.* О русской философии. СПб., 2008. С. 349.
- ⁵ Там же. С. 337.
- ⁶ *Савицкий П.Н.* К обоснованию евразийства // Записки Русской академической группы... С. 324–325.
- ⁷ Там же. С. 65.
- ⁸ Там же. С. 104–105.
- ⁹ Там же. С. 17.
- ¹⁰ Там же. С. 112, 113, 114.
- ¹¹ Там же. С. 195.
- ¹² *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном. История в документах. М., 2010. С. 613.
- ¹³ Там же. С. 254–255.
- ¹⁴ Там же. С. 238–239.
- ¹⁵ Там же. С. 241.
- ¹⁶ Записки Русской академической группы... С. 123.
- ¹⁷ Там же. С. 123–124.
- ¹⁸ *Глебов С.* Указ. соч. С. 553, 554, 555.
- ¹⁹ Там же. С. 226.
- ²⁰ Там же. С. 556.
- ²¹ *Трубецкой Н.С.* Письма к П.П. Сувчинскому 1921–1928. М., 2008. С. 326.
- ²² Там же. С. 286.
- ²³ *Глебов С.* Указ. соч. С. 570–571.
- ²⁴ Записки Русской академической группы... С. 71.
- ²⁵ *Ландау Г.А.* Евразийское самоутешение // Записки Русской академической группы... С. 329.
- ²⁶ Там же. С. 330.
- ²⁷ К молодой России... Сборник Младороссов. Paris, 1928. С. 46.
- ²⁸ *Савицкий П.* Дела и призраки — I (ответ Григорию Ландау) // Записки Русской академической группы... С. 343.
- ²⁹ Записки Русской академической группы... С. 214, 215.
- ³⁰ *Трубецкой Н.С.* Указ. соч. С. 29
- ³¹ *Глебов С.* Указ. соч. С. 460–461.
- ³² Кламарский раскол в евразийском движении (Из архива П.Н. Савицкого) // *Трубецкой Н.С.* Указ. соч. С. 287–323.
- ³³ Там же. С. 290.

Экономическое наследие отцов-основателей евразийства

В сегодняшних дебатах о повороте России на Восток и приоритетах ее внешнеэкономической политики важно помнить о русской экономической мысли прошлого века, актуальность и достоинство которой еще предстоит раскрыть и изучить. В этом отношении важный вклад в обсуждение проблематики трансконтинентальных альянсов и экономического взаимодействия между Европой и Азией внесла возникшая почти век назад *теория евразийства*, согласно которой в основе развития России должно лежать то, что отличает ее от других стран, а именно — география, история, культурные и экономические особенности. Добиться успехов в области экономики Россия может за счет своего географического положения между Европой и Азией — по мере нарастания экономического взаимодействия между этими двумя центрами глобальной экономики.

Однако не в одном только призыве к повороту России на Восток заключается экономическое наследие евразийцев. Оно намного более многогранно и включает в себя важные и для сегодняшнего дня суждения о роли государства и частного сектора в экономике, о моделях экономического развития и возможности их использования, о планировании в процессе модернизации экономики. Особое место в экономическом наследии евразийцев занимает геоэкономика и обсуждение контуров евразийской и мировой экономической интеграции. Многие аспекты сегодняшнего геоэкономического мира, в том числе необходимость создания эффективных транспортных коридоров на евразийском пространстве, которые могли бы быть конку-

рентоспособны по сравнению с океаническими маршрутами, были предвосхищены и изучены отцами-основателями евразийства.

«Особые миры» Николая Трубецкого

Экономические позиции одного из основоположников евразийства — Николая Трубецкого, отражены в работе «Мысли об автаркии», в которой выдвигаются чрезвычайно актуальные сегодня тезисы о геоэкономическом устройстве мировой экономики. Автор вводит понятие «особого мира», которое можно рассматривать как аналог современного регионализма и мегарегионализма в мировой экономике. При этом постулируется приоритет регионализма по отношению к национальным государствам в выстраивании целостной/завершенной экономической системы. Вместо экономической системы национальных государств Трубецкой пишет о системе «особых миров»/регионов как основных элементов системы мирового хозяйства: «До сих пор доказывали выгоду автаркического хозяйства для данного государства. Между тем, по моему мнению, речь должна идти о преимуществах системы автаркических миров как особой формы организации мирового хозяйства»¹.

Трубецкой во многом предвосхищает двойственность региональных интеграционных группировок, отмечая, с одной стороны, элемент относительной закрытости этих образований по отношению к третьим странам, а с другой — необходимость открытости экономики для составляющих «особый мир» государств. «В пределах государства, не представляющего собой отдельного мира, автаркическое хозяйство (точнее, попытка ввести таковое) невыгодно и вредно не только экономически, но и политически, притом не только для самого государства, но и для его соседей»².

Почти сто лет назад, задолго до работ Манделла о теории оптимальных валютных зон, Трубецкой отмечает важность равновесности и стабильности региональных интеграционных группировок на основе фундаменталь-

ных факторов экономики, истории и культуры. «Основной плюс автаркии — ее неизменность, гарантирующая мирное сожительство внутри и вовне, возможна лишь при том условии, если области, объединенные в особый мир, спаяны друг с другом не только экономикой, но и историей (общностью судьбы), цивилизацией, национальными особенностями и национальным равновесием...»³. Помимо вышеуказанных положений Трубецкой также говорит о важности фактора взаимодополняемости во взаимодействии регионов и интеграционных группировок, что опять же созвучно современным представлениям об эффективности взаимодействия и целесообразности интеграции между отдельными региональными экономическими системами.

Другими словами, составные части «особого мира» для сохранения равновесности не должны характеризоваться высокими уровнями неравенства и разрывов в развитии, что отличает как современное мировое хозяйство, так и мировую экономику времен первых евразийцев. В то же время в своей работе Трубецкой ратует за многополярный/многотипный мир «особых миров»: «современная форма организации мирового хозяйства предполагает единый тип цивилизации [конец истории и конвергенция моделей развития в условиях глобализации. — Я.Л.], но весьма различные жизненные стандарты (социальное неравенство). Система автаркических миров, наоборот, будет многотипна в отношении цивилизаций и в то же время одностандартна в пределах каждого автаркического мира»⁴.

Фактически картина мира Трубецкого — это дивергенция различных экономических моделей, сосуществование региональных и мегарегиональных систем, так называемых «особых миров». В этом плане экономическая обособленность или автаркия рассматривается евразийцами как способ достижения большей самостоятельности в определении оптимального пути экономического развития, который соотнобразуется с приоритетами «особого мира»: «автаркия экономически и политически выгоднее и дает больше гарантий для счастья человечества, чем система мирового

хозяйства в общем котле»⁵. Евразийская картина мирового хозяйства и внешнеэкономическая политика трактуются с позиций регионализма или «особых миров» Трубецкого — отсюда двойственная позиция по отношению к автаркии и процессу глобализации в «общем котле»: открытость отдельных стран и регионов для формирования своего «особого мира» и в то же время относительная закрытость «особых миров» во взаимодействии друг с другом.

Петр Савицкий: континентальная интеграция и транспортные коридоры

Основоположник экономического учения евразийства Петр Савицкий в своих работах также отмечал неоднозначность фактора открытости экономики континентальных стран, отмечая как опасности изолированности экономики в рамках отсталых экономических укладов, так и возможную маргинализацию в условиях низкой конкурентоспособности при открытии экономики «мировому океану»: «Для стран, выделяющихся среди областей мира своей “континентальностью”, перспектива быть “задворками мирового хозяйства” становится — при условии интенсивного вхождения в мировой океанический обмен — основополагающей реальностью... При изолированности от мира — экономическая примитивность, связанная со строем “натурального хозяйства”... При вступлении в “мировое хозяйство” — неизбывная власть хозяйственно-географической “обездоленности”...»⁶.

В качестве основных групп стран на мировой арене конкурируют океанические и континентальные: «Можно сказать, что в качестве господствующих принципов сферы международного и междубластного обмена “океаническому” принципу не зависящего от расстояний сочетания хозяйственно-взаимодополняющих стран противостоит принцип использования континентальных соседств...». При этом конкуренция во взаимодействии между океаническими и континентальными странами и регионами

может сопровождаться потерей торговых и инвестиционных потоков для менее конкурентоспособных в пользу более успешных. В этом Савицкий предвосхитил процессы отклонения торговых потоков и потери Россией рынков целых регионов в 90-х годах: «Для всего “океанического” мира есть полный расчет, чтобы континентальные страны безропотно приняли на себя бремя этой обездоленности, тем самым в распоряжение стран “океанического” круга поступят дополнительные продукты, возникнут дополнительные рынки для сбыта их собственных»⁷.

Для евразийцев в оценке относительной конкурентоспособности океанических и континентальных стран ключевую роль играет понятие расстояния и транспортных издержек. И в этом отношении Савицкий отмечает более выгодное положение океанических стран в продвижении своей продукции на мировые рынки: «Из разницы в размерах между издержками морских и сухопутных перевозок вытекает следующий вывод: те страны и области, которые по своему положению могут пользоваться преимущественно морским транспортом, в гораздо меньшей степени зависят, в процессах международного и междуобластного обмена, от расстояния, чем страны, обращенные в своей хозяйственной жизни преимущественно к перевозкам континентальным»⁸.

Пророческими являются слова Савицкого относительно больших возможностей океанических стран по сравнению с континентальными в ходе создания своих интеграционных группировок (сегодня об этом свидетельствуют процессы, связанные с транстихоокеанским и трансатлантическим партнерствами): «Океан един. Континент раздроблен. И потому единое мировое хозяйство неизбежно воспринимается как хозяйство “океаническое”, и в рамки океанического обмена неизбежно поставляется каждая страна и каждая область мирового хозяйства»⁹.

При анализе фактора расстояния Савицкий очень близко подходит к концепции «гравитационной модели», которая определяет торговое взаимодействие между странами на основе расстояния (обратно пропорционально),

размера ВВП (прямо пропорционально) и таких факторов, как общность границ, культуры, языка и истории: «Чтобы войти в общий строй мирового обмена, этим [континентальным. — Я.Л.] странам нужно потратить некоторое дополнительное усилие — как на то, чтобы доставить к берегу свои продукты, так и для того, чтобы транспортировать внутрь континента товары, получаемые ими с мирового рынка»¹⁰. Помимо этого Савицкий говорит о факторах «внутриконтинентного притяжения» торговых потоков, которые определяются протяженностью/размерами экономического пространства, а также взаимодополняемостью структуры торговли.

Для иллюстрации разницы в транспортных издержках в доставке своей продукции на мировые рынки Савицкий проводит сопоставление Англии и глубинных регионов Центральной Азии (Семиречья): «Масштабы отстояния Семиречья от побережий — неслыханные в остальном мире — определяют, при вступлении Семиречья в строй мирового обмена, некоторую особую его “обездоленность”. За свои товары оно будет получать дешевле, чем все остальные области мира; потребные ему ввозные продукты обойдутся ему дороже, чем всем другим... Двойная обездоленность, и как производителя, и как потребителя, не может — *ceteris paribus* — не сделать из Семиречья как бы “задворков мирового хозяйства”...»¹¹.

Напутствия отцов-основателей

В чем же выход для континентальных стран в нейтрализации более высоких издержек по сравнению с океаническими регионами? Прежде всего, отмечает Савицкий, упрощенная имитация стратегий океанических держав не может быть полноценным выходом для континентальных стран: «Не в обезьяньем копировании “океанической” политики других, во многом к России неприложимой, но в осознании “континентальное” и в приспособлении к ней — экономическое будущее России»¹².

Выход, с точки зрения Савицкого, в создании на континентальных пространствах комплекса взаимодополняю-

щих экономических систем, которые насыщают континентальное пространство взаимными торговыми потоками: «Но не открывается ли пред “континентальными” областями возможность — избегая изолированности примитивного натурального хозяйства — устранить, хотя бы отчасти, невыгодные последствия “континентальное”? Путь такого устранения — в расторжении, в пределах континентального мира, полноты господства принципа океанического мирового хозяйства, в созидании хозяйственного взаимодополнения отдельных, пространственно соприкасающихся друг с другом областей континентального мира, в их развитии, обусловленном взаимною связью»¹³. В определенной степени такого рода видение согласуется как с объединением континентальных региональных группировок в евразийский мега-альянс, так и с созданием цепочек отраслевых альянсов и региональных цепочек добавленной стоимости, которые укрепляют конкурентоспособность Евразии по отношению к «мировому океану».

При этом важно отметить, что евразийцы не выступали против интеграции России в мировую экономику, но призывали проводить данный процесс с учетом российской экономической специфики и понимания ограниченности возможностей в использовании «океанических принципов»: «В определенной степени, море, как связь с “мировым рынком”, нужно и останется нужным России; но необходимо понять ту существенно ограниченную роль, которая выпадает на долю “океанического”, “морского” принципа в построении хозяйства Российского...»¹⁴.

С позиций сегодняшнего дня наследие евразийцев в области изучения мировой экономики — это, прежде всего, напутствия для евразийской континентальной интеграции в сложной конкуренции с океаническим проектом за счет создания сети транспортных коридоров, соединяющих Азию и Европу. Такого рода видение сегодня во многом реализуется за счет создания Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и сопряжения с ним Евразийского Экономического Союза (ЕврАзЭС) и других евразийских континентальных проектов. Но, быть может, самое важное

и актуальное наследие евразийцев — это тезис о необходимости разнообразия и дивергенции экономических моделей в мировом хозяйстве.

Такого рода видение служит противовесом доводам о необходимости конвергенции мира к одной модели, «о конце истории» и о «венчании здания» мировой финансовой архитектуры очередной версией «вашингтонского консенсуса». В этом отношении евразийская интеграция, базирующаяся на собственных императивах развития, определенных ранними евразийцами, становится своего рода вкладом Евразии в процесс дивергенции развития мирового хозяйства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Трубецкой Н.С.* Мысли об автаркии // Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 516.

² Там же.

³ Там же. С. 517.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 516.

⁶ *Савицкий П.Н.* Континент-океан (Россия и мировой рынок) // <http://knigosite.org/library/read/88374>.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

**■ НОВОЕ ЕВРАЗИЙСТВО:
PRO ET CONTRA ■**

Евроинтеграция в поли- кризисе: выводы для евра- зийства

Говоря о политических или экономических аспектах евразийского проекта, следует поднять вопрос о том, почему в современной России — единственной подлинно евразийской континентальной державе — длительное время пальма первенства в практических внешнеполитических усилиях отдавалась контактам с западноевропейскими интеграционными объединениями. Евразийство же, в лучшем случае, не выходило за рамки привлекательной во всех отношениях идеи, хотя налицо географический, исторический, культурологический и ряд других критериев его органичного соответствия российской государственности и национальным интересам. Расхожее мнение: первое, мол, представляло объективную реальность для нашей внешней политики и внешнеэкономических связей и до последнего времени успешно развивалось, а второе направление оставалось лишь гипотетической возможностью. Неубедительно.

Следует вспомнить, что ведущие российские эксперты уже в первой половине 90-х годов XX века руководствовались пониманием, что подобная несбалансированность во внешнеполитических приоритетах не отвечает национальным интересам. Значительное внимание развитию азиатского и евразийского вектора нашей внешней политики придавал выдающийся политический и государственный деятель России академик Е.М. Примаков.

В пользу западноевропейского вектора, разумеется, на слуху доводы о том, что страны Евросоюза для нас всегда являлись (надеемся, и будут являться) крупнейшими торгово-инвестиционными партнерами, что Россию и осталь-

ную Европу связывает общее пространство безопасности и сотрудничества, что наша страна принадлежит, без сомнения, европейской культуре. Во многом нас связывают сходство менталитета, и, что немаловажно, общие морально-нравственные нормы. Заметим, что все эти справедливые аргументы традиционно приводятся исключительно в пользу общеевропейской интеграции.

Между тем, в нашем ее понимании — от Лиссабона до Владивостока, данные объективные факторы вовсе не противоречат идеалам евразийства. Причем не только не противоречат, но и обуславливают важность и возможность строительства проекта по-настоящему Большого евразийского партнерства, единого пространства от Атлантики до Тихого океана. Как подчеркивал президент России В.В. Путин, для реализации этой цели мы открыты к совместной работе со всеми, кто к этому готов, но на основе равноправия, учета интересов друг друга, соблюдения международного права во всей его полноте.

Задача непростая: указанные президентом политические предпосылки для ее выполнения в полной мере пока отсутствуют. И отнюдь не по нашей вине.

Сделанная западными политиками ставка на эксплуатацию мифа о российской угрозе, политику санкций и конфронтацию с Москвой подстегнули разворот России на восток евразийского континента, к динамично развивающимся торговым, инвестиционным, а сейчас и технологическим рынкам будущего. В целях ухода от навязываемой нам неравноправной постбиполярной модели сотрудничества с западными странами, нарушавшей наши национальные интересы вплоть до угроз законным требованиям безопасности, возникла новая внешнеполитическая реальность — евразийская национальная идентичность нашей страны стала приобретать практические очертания.

При реализации поставленной президентом России задачи перспективного формирования Большого евразийского партнерства представляется важным обеспечить двуединство усилий. Чтобы преодолеть нынешний созданный не по нашей инициативе тупиковый эффект в отношении

ях с Евросоюзом, следует действовать как на европейском, так и на азиатском векторах сотрудничества. С одной стороны, хотелось бы рассчитывать на укрепление подходов в пользу трансформации Европы без разделительных линий, закрепление в политическом общественном сознании континента понимания безальтернативности общеевропейского ответа на вызовы и угрозы, с которыми приходится сталкиваться современной Европе. С другой — все большую добавленную политическую и экономическую стоимость и для России, и в целом для международного сотрудничества имеет развивающаяся шаг за шагом поэтапная интеграция в рамках ЕАЭС и ШОС. Укрепление связей в рамках ОДКБ, сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути, развитие контактов ЕАЭС и АСЕАН, да и в целом — всестороннее взаимодействие со странами азиатского континента, включая не в последнюю очередь гуманитарные и культурные контакты, это процессы, позитивно влияющие на большую евразийскую интеграцию. В нынешних условиях, когда в мировой политике и глобальной экономике все больший вес и значение приобретают межгосударственные макрорегионы, основанные на принципах равноправного интеграционного сотрудничества, игнорировать преимущества сбалансированного взаимодействия как с Западом, так и с Востоком означало бы противоречить реализации общей потребности превращения евразийского материка в ареал устойчивого развития, мира, безопасности и процветания.

Между тем, идеологи западноевропейской интеграции предпочитают пока не замечать преимущества взаимодействия с ЕАЭС. Тем самым сужаются возможности для реализации объективной тенденции смещения инвестиционных и технологических центров обеспечения экономической динамики на Восток. Национальным элитам и общественному мнению стран Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ), испытывающим интерес к сотрудничеству с ЕС, предлагают альтернативу: либо с Россией, либо с Евросоюзом. Продолжая мыслить постбиполярными категориями, от одного саммита Евросоюза к друго-

му дублируются все те же постулаты в отношении стран, входящих в проект Восточного партнерства. При этом не меняется его цель: по авторитетному мнению немецкого политолога Александра Рара, втянуть Азербайджан, Армению, Белоруссию, Молдавию, Украину в орбиту Европейского союза и изолировать Россию¹. На практике такая политика раскалывает не только страны «общего соседства» на «проевровские» и «пророссийские» столицы, препятствуя гармоничной реализации их интересов к поступательному развитию сотрудничества и с Западом, и с Востоком, но вредит и самому ЕС. Его участникам жестко навязывается перспектива потерять российские рынки, разворачивающиеся на Восток. Американским компаниям — в отличие от их европейских конкурентов — такая перемена уж точно не помешает. Убедительный пример — реализуемый американской дипломатией и корпоративным сектором комплекс мер по замене поставляемого в Европу относительно дешевого российского трубопроводного природного газа более дорогим американским сжиженным. Пример не единственен. Произошедшее за последние три года сокращение объемов российско-евровских торгово-инвестиционных связей при относительно неизменности объемов торговли с США убедительно это подтверждает.

Возвращаясь к поставленному выше вопросу о причинах нашего «пленения» идеалами общеевропейского сотрудничества, а в торгово-экономической практике — партнерства с ЕС, стоит указать на известную роль субъективного фактора.

Уже на заре европейской интеграции в нашей стране внимательнейшим образом рассматривали происходящие в странах Западной Европы новые тогда для нас процессы межгосударственной экономической либерализации. Вспоминая с высоты прожитых лет старые тексты, отмечаешь, во-первых, доскональное знание исследователями деталей механизмов, с помощью которых объединялись рынки товаров и услуг, высокое качество анализа (ему и сейчас можно позавидовать) социальных и экономических

последствий переплетения экономик. Трудно отделаться и от впечатления, что в самых разных исследованиях, разумеется, в различной степени, присутствовал некий политико-экономический романтизм или, как минимум, унаследованное от советских реальностей стремление к обслуживанию определенной политической детерминанты.

В советской идеологии вначале преобладал критический настрой: дескать, развивая интеграцию, они там с общим кризисом капитализма борются, а он все равно загнивает. Затем, с конца 80-х гг. XX века и почти до конца нулевых годов XXI века, а то и позже, тональность поменялась с точностью до наоборот. В силу прозападного европоцентризма, пришедшего на смену биполярному мировоззрению, независимый научный анализ в существенной степени подавлялся восхищенно комплиментарным тоном: интеграция, глобализация, либерализация воспринимались как панацея от всех российских болезней.

Пожалуй, ни в одной другой стране, как у нас, научные труды на тему европейской интеграции не издавались такими большими тиражами. Ряд текстов читался увлекательно — масса подробностей на предмет организации международного экономического сотрудничества, неизвестных для позднесоветского читателя. Каков же был практический эффект? Помню, например, после их изучения во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. свое изумление молодого аспиранта и научного сотрудника, искавшего умные мысли для темы инвестиционного сотрудничества стран-членов СЭВ: надо же, как у них все работает? А нам-то что делать в стагнирующем социалистическом лагере с их, похоже, успешным опытом общего рынка?

Зависимость от идеологической парадигмы и вынужденного поэтому эмпиризма стала разрешаться только в 1980-е гг. В научных работах был сделан прогнозный вывод о неизбежности процессов политической западноевропейской интеграции, неожиданный тогда для привыкших не заглядывать вперед. Хотя о нынешних обязательствах стран ЕС военно-политического характера и об общей

внешней политике и политике в области безопасности Евросоюза, разумеется, еще никто не помышлял. На фоне популярного во второй половине 1980-х гг. лозунга о «новом мышлении» практиками не были услышаны предостережения о том, что через какое-то время Россия будет иметь дело не только с экономическим, но и с новым политическим гигантом на Западе. Не состоялась и логично вытекающая из этого ломка устоявшихся представлений о послевоенном устройстве Европы. Не появились озабоченности на предмет неизбежных геополитических сдвигов, новых вызовах для российской суверенной внешней политики. Не было и в помине понимания, что расширение западных союзов, укрепление коммунитарных связей в Европе чревато непоправимыми последствиями для России. Взамен пришли иллюзии о скором вхождении в «общий европейский дом», просуществовавшие еще полтора десятка лет.

Прикладные выводы наших исследователей долгое время не были полностью востребованы в практическом плане — вплоть до начала строительства евразийской экономической интеграции. Вместе с тем, с точки зрения политических и экономических предпосылок западноевропейской и евразийской интеграции, просматриваются определенные параллели. Также как и у русских теоретиков и практиков евразийского движения интеграция на Западе пережила неизбежный этап романтизма, приспособления идей к реальным политическим и экономическим условиям, зачастую далеким от идеалистических представлений теоретиков. Для объединительных процессов потребовалась не только готовность всех участников, но и благоприятная внешняя среда, заинтересованность ведущих союзников.

Первая практическая попытка от теории перейти к делу и воплотить в жизнь идею панъевропеизма (Европейский Федеральный союз) в Западной Европе была предпринята между Первой и Второй мировыми войнами. Задумки Р.Н. Куденхове-Каллерги и А. Бриана были ответом на угрозы интересам национальных элит Франции,

Австрии и других стран от экономического кризиса конца 1920-х гг. Проект не прошел: идеалы мирного сосуществования наций не воспринимали итальянский фашизм и германский нацизм. Вдобавок в странах-сторонниках Союза единства не было.

После Второй мировой войны геополитическая ситуация кардинально изменилась. Западноевропейские элиты были крайне озабочены задачей военно-политического противостояния советскому блоку во главе с мощным СССР. Требовалось объединение сил. Закладывались и здравые идеи послевоенной консолидации, предотвращения восстановления немецкого милитаризма, абсорбирования победителями экономик побежденных стран, в первую очередь — Германии и Италии. Тезис о необходимости экономического и политического объединения послевоенной Европы был возвращен в европейскую повестку практически сразу после победного 1945-го — в Цюрихской речи У. Черчилля (сентябрь 1946 г.). Масштаб фигуры соответствовал размаху проекта. И тем не менее, еще долгое время казалось, что гора родила мышь, и что больше был в свое время прав В.И. Ленин, утверждавший, что «Соединенные штаты Европы при капитализме либо невозможны, либо реакционны». Вместо реализации красивой идеи британца о создании Соединенных штатов Европы, т.е. поэтапного объединения государств на основах федерализма, почти десять лет потребовалось до начала куда более скромной интеграционной модели — сначала формирования Общего рынка угля и стали, затем — ликвидации барьеров на пути трансграничного передвижения товаров, услуг, капиталов, рабочей силы (Римский договор).

Как представляется, одной из основных причин задержки уже тогда стал внешний фактор — незаинтересованность заокеанского партнера в резком усилении старушки Европы. На смену безуспешным попыткам европейцев запустить в послевоенные годы организационные структуры военно-политической интеграции на континентальной основе пришел Североатлантический договор. Их экономическую интеграцию вначале пришлось огра-

ничить относительно узким сектором рынка угля и стали. Более широкое объединение рынков было преждевременно — небезызвестный план Маршалла формировался на двусторонней основе. Тем временем транснациональные корпорации с преобладающей долей американского капитала успешно освоили промышленные и финансовые рынки отдельных европейских стран. С началом западноевропейской экономической интеграции, развернувшейся на основе обязательств Римского договора, они получили дополнительные конкурентные преимущества: используя к тому времени уже господствующие позиции США в трансатлантической политике, в мировой финансовой системе, в международных расчетах, укрепиться американским ТНК за счет интеграционных механизмов в ряде отраслей объединяющихся европейских рынков было проще. Уже в 50-х гг. прошлого века была заложена действующая поныне атлантическая парадигма европейской интеграции. По необходимости или с готовностью она была признана элитами почти всех стран, вступивших в Евросоюз (в том числе постсоциалистическими в 1990-е гг.): интеграция, включая соответствующие финансовые гранты, в обмен на атлантическую военно-политическую лояльность. Или: сначала завоевание «господствующих высот» зарубежными ТНК, затем «скрепы» НАТО, и только потом — взаимные торгово-экономические привилегии.

Стоит подчеркнуть: в биполярном мире реальное соперничество двух мировых сверхдержав все же придавало какой-то смысл красивым словам об атлантической солидарности. Сейчас, в новых условиях, похоже, попытки сохранить архаичную блоковую архитектуру безопасности обнажили отчетливую экономическую мотивацию — не найти лучшей ширмы для продвижения интересов заокеанских военно-промышленных и энергетических компаний. Для этого и используют миф о российской угрозе, пытаются заморозить отношения с Россией. Геополитические реальности кардинально поменялись. Можно перифразировать название известной книги З. Млынаржа: сейчас «мороз приходит НЕ из Кремля».

При всех принципиальных различиях генезисов западноевропейской и евразийской интеграции (в первую очередь, в плане военно-политического сегмента) просматривается определенное сходство в постепенном и отчасти противоречивом выстраивании всех необходимых предпосылок. Путь от склонных к изоляционизму и противопоставлению России и Запада идей основоположников евразийства (классического и эмигрантского течений) к практическим интеграционным проектам оказался долгим и тернистым.

Оказалось, что СНГ на практике не стало и не могло стать предвестником, тем более началом нового процесса, сердцевиной которого по своему географическому положению, военно-политической, экономической и этнокультурной роли заслуженно должна была стать и стала Россия. С начала 1990-х гг. для постсоветских политических, а еще в большей степени экономических элит Содружество на том этапе явилось, скорее, площадкой для реализации групповых интересов и национальных амбиций. Первоначальное накопление капитала строилось на разделе собственности бывшего СССР, создании своих национально-государственных механизмов управления, а не на интеграции.

Сыграл свою роль и преобладавший в 1990-х гг. прозападный настрой российской элиты. Пребывая в иллюзиях, что нас ждут как равных партнеров на Западе, из Москвы увлеченно говорили о готовности к пресловутым европейским ценностям, идентичности наших базовых интересов. В результате убедили себя и западников, что альтернативы европейскому пути у России нет. Одновременно, распрощавшись с имперским прошлым, оставили для освоения нашим извечным геостратегическим соперникам, в том числе и из Евросоюза, жизненно важные в экономическом и в военно-политическом отношении территории — вначале наших бывших партнеров по СЭВ и ОВД, а затем и по СНГ.

Разумеется, политологи, анализирующие причины последовавшей потери Западом России, могут сколь угодно рассуждать, что история, мол, пошла бы по-другому,

если бы принимающие решения политики не отвергли настроя Москвы в 1990-х гг. на вступление в НАТО и на качественное сближение с ЕС. Эти организации приобрели бы тогда действительно общеевропейский характер, была бы заложена надежная институциональная основа под будущее общеевропейское сотрудничество, предотвращена опасность последующих разногласий и противоречий в интересах, подозрений и напряженности в отношениях, перерастающих сейчас в откровенную конфронтацию. Думается, что такое сослагательное наклонение ложно.

Запад, даже в случае победы вышеупомянутых прозорливых стратегов, вряд ли смог бы на деле, а не на словах соблюсти необходимое условие перерастания разрядки в конструктивное партнерство, а затем и в интеграционные шаги. Для этого потребовалось бы, как минимум, обеспечить на практике равноправие отношений с Россией. На Западе к такой модели не готовы и сейчас, тем более не были готовы в начале 1990-х гг.

Уместно вспомнить, что в среде теоретиков-политологов необыкновенную популярность имел тогда лозунг о «конце истории», отсутствии альтернативы либеральной демократии по западному типу, конце идеологических противостояний и противоборств. У практических политиков крайнее выражение подобные взгляды получили в заявлениях о победе США в холодной войне, как это сделал Буш-старший в своем предвыборном заявлении в 1992 г. Так о каком равноправии могла идти речь с «побежденным»?

Разумеется, не стоит упускать из виду, что Россия оказалась бы весьма непростым орешком для Запада. Амбиции молодого, растущего как на дрожжах национального капитала в сочетании с атрибутами постсоветского общественного бытия и сознания — нашими примитивными в то время представлениями о рыночных механизмах и способах подъема неэффективной экономики, пренебрежительным отношением к верховенству закона и правочеловеческим стандартам — могли бы стать испытанием для приверженности западных лидеров европейскому выбору России. Только вот испытание и не началось.

Сейчас для нас уже неважно, чем при этом западники руководствовались: протестантским себялюбием, сиюминутным материальным расчетом, нежеланием принести в жертву собственные краткосрочные интересы во имя общего блага и стабильности на отдаленную перспективу. Возможно, уверенностью, что еще долго после 1990-х гг. продлится российская экономическая и административная слабость, извечный русский идеализм, изначальная склонность доверять и завышать ценность партнеров. Неважно. На этот раз, как говорится, поезд ушел.

В конечном счете, всё решили не столько опасения, сколько циничный и прагматичный характер расчетов западных политиков: куда, мол, они денутся без западных технологий, а тогда, кстати, и продовольствия. Думается, что диалог был возможен, коль скоро на российской стороне присутствовала политическая воля и в целом прозападное общественное сознание. Следует вспомнить, что в заключенном в 1994 году Соглашении о партнерстве и сотрудничестве России с ЕС имелаась статья, включавшая обязательство нашей страны развивать свое законодательство в ключе правовых норм и принципов Евросоюза. По оценке экспертов, уже к началу нынешнего столетия российский нормативный режим в большинстве сфер мало чем принципиально отличался от европейского права. Представляется поэтому обоснованным вывод, что в случае начала Еврокомиссией практически ориентированного политического диалога на действительно равноправных основах с Россией, изначально принадлежащей к западному типу цивилизации, был бы создан прочный базис общеевропейской безопасности и сотрудничества в духе идеалов Хельсинкского процесса. Таким образом, именно выстроенная после «победы» в холодной войне с Россией модель «неуклонной глобализации», будучи нацеленной на обеспечение лидерства и процветания «клуба избранных», не позволила, хотя бы по минимуму принимать в расчет интересы России в традиционных зонах наших интересов. Соответственно, стратегическое партнерство ЕС–Россия даже и без кризиса февраля 2014 г. было в таких условиях обречено на провал.

Правы те аналитики, кто утверждает, что у великой страны может быть только своя неповторимая траектория развития — и это тоже один из уроков евроинтеграции и ценностей евразийства. Показателен в этой связи пример Турции, по своему географическому положению и, отчасти, по особенностям этнокультурного и цивилизационного развития также приближающейся к евразийскому типу. Ее более чем пятидесятилетний тернистый опыт (страна из первых, в 1964 г., стала ассоциированным членом ЕС) продемонстрировал, что переговорный процесс сам по себе может являться положительным фактором развития при всех различиях с Европой и неизбежном стремлении к суверенной внешней и внутренней политике. Однако сейчас в отношении Турции в Брюсселе пытаются камуфлировать истинную причину нынешнего ее разлада с отдельными влиятельными странами ЕС. На официальном уровне — необходимостью соответствовать известным европейским ценностям, а отдельными политиками правового толка — религиозно-этническими различиями между преимущественно христианской Европой и исламской Турцией. Остается очевидным базовое политико-правовое противоречие между попытками наложения извне чужой интеграционной матрицы и суверенными решениями Анкары, принимаемыми в защиту национальных интересов.

Если проблема несостоявшейся интеграции России и ЕС носит гипотетический характер, то «ракетный» прием в ЕС в 2004 и в 2007 гг. ряда постсоциалистических стран, как представляется, стал крупнейшим событием последних двух десятилетий в развитии евроинтеграции. На фоне предыдущих волн расширений имел место качественно новый процесс; весь комплекс его последствий, в том числе в ходе разворачивающегося экзистенциального кризиса ЕС, еще впереди. Можно согласиться с мнением С.П. Глинкиной, что «роль и место Европейского Союза в современном мире в значительной степени будет определяться результатами его расширения за счет государств региона, который долгое время назывался “Восточная Европа”»².

Вплоть до четвертого расширения интегрировались страны «старой» Европы с хорошо структурированной рыночной конкурентоспособной экономикой. Движущими мотивами при принятии решения о присоединении к ЕС там были, в первую очередь, интересы повышения конкурентоспособности и эффективности национальных хозяйств — получения дополнительных преимуществ от слома барьеров на пути движения продуктов производства. В ходе пятой и шестой волн, за исключением Мальты и Кипра, интегрировались постсоциалистические общества, в которых только-только начались (зачастую не завершились) переходные процессы.

Относительно невысокая по сравнению со странами «старой» Европы степень экономической, административной, наконец — моральной, готовности к полноформатному членству не стала, как известно, препятствием для полноформатного членства. Чего стоит, к примеру, одно только наличие «неграждан» в странах Балтии, откровенно противоречащее букве европейских правочеловеческих ценностей. Определяющим моментом стала политическая и экономическая заангажированность элит, торопливость при осуществлении переговорного процесса и откровенные натяжки в толковании копенгагенских и, отчасти, маастрихтских критериев. В отдельных случаях преобладающими для национальных элит оказались интересы безопасности, как, например, у разделенного Кипра с его нерешенной территориальной проблемой.

И все же главное отступление от идеалов отцов-основателей Евросоюза состоит в отходе от принципа равных прав и солидарной, равной ответственности. Говоря упрощенно, если до пятой, расширенческой, волны страны ЕС объединялись, чтобы уравниаться в правах с уже вступившими в объединение государствами, то последующие абитуриенты шли в ЕС в надежде на лучшую жизнь. Такая смена вех, как представляется, не может не иметь последствий. Одно из них — явление евроиздевенчества, о ростках которого применительно к кандидатам, да и некоторым странам «молодой» Европы говорят все чаще.

Результатом открытости экономик стран «молодой» Европы по сравнению со странами предыдущих волн были не столько выгоды от возможности свободно и на равных участвовать в справедливой конкурентной борьбе и пользоваться ее преимуществами. Как раз наоборот: их потребительские и производственные рынки оказались переполнены более качественными импортными товарами, что вызвало кризис в большинстве внутренних производств. Главной целью стали инвестиции и технологии, малодоступные до этого в рамках соцлагеря. Условием их получения стало проведение обширных политических, экономических, правовых и административных реформ, содержание и сроки которых фактически задавались извне. «Переход от тоталитарного политического режима к демократии и от централизованно управляемой экономики к рыночной, был совершен путем переноса на национальную почву в полном объеме норм и правил Евросоюза. Это позволяет говорить об осуществлении странами ЦВЕ трансформации через евроинтеграцию»³. Представляется обоснованным вывод о том, что в «молодой» Европе имеет место особый социально-экономический тип — зависимый рыночный капитализм. И вновь возникает вопрос о последствиях, на этот раз — в экономической области, этих неформально проведенных младоевропейцами коррективов первоначально декларированных целей и идеалов евроинтеграции.

Экономический анализ успехов и проблем стран ЦЮВЕ, осуществленный учеными Института экономики РАН, свидетельствует о том, что специфика интеграционных связей и внутренней хозяйственной структуры, сформированной по модели «зависимого рынка», не гарантирует устойчивого развития, особенно в кризисные периоды. Инвестиционные параметры ведущих компаний, соответственно, национальных бюджетов, испытывают влияние внутрикорпоративного контроля из штаб-квартир ТНК, расположенных в основном за рубежом. Отношения между трудом и капиталом, как правило, замкнуты на внутрикорпоративные связи и не отводят заметного места

общегосударственным профсоюзам. В целом же это не добавляет молодым европейским демократиям социальной устойчивости, повышается восприимчивость к национал-патриотическим политическим лозунгам. Заметен более низкий уровень оплаты труда, пониженные по сравнению со старыми демократиями жизненные стандарты, да и в целом — отсутствие перспектив выравнивания экономических уровней «молодой» Европы со «старой» подпитывает электорат национально ориентированных политпартий (стоит вспомнить, к примеру, польскую «Право и Справедливость»). Появляется евроскептицизм.

Консервируется технологическое отставание — местные производства служат в качестве платформ для сборки с использованием инноваций, полученных в зарубежных центрах ТНК. «На практике присоединение к европейскому интеграционному объединению несло с собой, наряду с преимуществами, серьезные риски для стран ЦВЕ как наиболее слабых его участников. Эти риски реализовались в полной мере и в области торговли, и в сфере инвестиций, и в финансовой сфере»⁴.

Ученым, разумеется, еще предстоит рассмотреть вопрос о том, как нынешний поликризис или, применяя более политкорректный термин, экзистенциальный кризис ЕС, о котором все больше говорят в странах Евросоюза и в его институтах, скажется на социально-экономических и политических судьбах стран «молодой» Европы. Можно предвидеть, что с учетом известной специфики влияние кризиса может носить комплексный характер и при этом будет дифференцирован по отдельным странам.

В официальных документах Еврокомиссии и в выступлениях представителей разных институтов ЕС и его ведущих стран высказываются озабоченности, касающиеся положения дел в следующих сферах.

Миграция. В ходе самого массового переселения людей в Европу за период после Второй мировой войны существовавшие механизмы обеспечения контроля за внешними границами ЕС и исполнением соответствующих соглашений с государствами-транзитерами оказались недостаточ-

но эффективными. Многократному увеличению числа иммигрантов в результате сирийского и ливийского кризисов (к концу 2015 г. в Европе оказалось около 1 млн чел., т.е. границы ЕС пересекали в основном бесконтрольно в среднем 6 тыс. чел. в день) в Евросоюзе сумели с запозданием противопоставить соглашение с Турцией о предотвращении неконтролируемого въезда. Беженцев стали размещать в странах ЕС на основе квот, причем ряд стран высказали свое несогласие с такой политикой. Просматриваются различные интересы «старой» и «молодой» Европы. Если трудовые балансы у первых (прежде всего в Германии) испытывают потребность в замещении выбывающих по возрасту ресурсов за счет прибывающих из-за рубежа работников, то большинству средних и небольших участников Союза импорт неквалифицированной рабочей силы попросту не нужен в силу невысоких темпов их экономического развития и наличия собственных работников. При этом даже в ведущих экономиках не решены вопросы образования и минимальной квалификации прибывающих из Ближнего Востока и Северной Африки с целью их последующего трудоустройства.

Трудноконтролируемый приток мигрантов обнажил, как минимум, две острые проблемы ЕС, влияющие на общественную стабильность и политические настроения масс. Обострились существовавшие и без того серьезные религиозно-этнические и культурные противоречия с титульным населением. Власти Германии, в частности, еще до кризиса признавали, что задачу мультикультурализма им так и не удалось пока решить. Похоже, что оторвалась от реальности и концепция «большого котла», в топке которого через взаимодействие множества культур с европейскими ценностями должно было бы происходить слияние народов в единую европейскую семью.

Второе, еще более угрожающее европейской стабильности явление — *всплеск терроризма*. Умножение количества жестоких террористических атак против мирного населения ряда европейских стран, исполнителями которых оказались выходцы из Ближнего и Среднего Вос-

тока, открыло глаза населению Европы на угрожающие последствия силового вмешательства Запада в дела стран происхождения мигрантов, приведшее к гибели многих десятков тысяч людей, разрушению стабильных некогда государств и регионов.

Внешняя политика. Европейский союз столкнулся с экзистенциальными вызовами новой геополитической ситуации. Попытки после краха биполярного мира зацементировать навечно сделанную при создании ЕС одностороннюю евроатлантическую ориентацию на заокеанский полюс власти не выдержали испытания временем. С одной стороны, привычная западноцентричная модель политической и экономической организации игнорирует общемировые тенденции. Запад в целом неумолимо теряет позиции. Европе грозит снижение глобального влияния по причине демографического спада и сокращения доли в мировой экономике. К 2050 г. в десятке ведущих экономик мира останутся в лучшем случае лишь две страны, принадлежащие историческому Западу — США и Германия (при этом уже только США будет формально соответствовать критериям G-7 по объемам ВВП) и ни в одном государстве ЕС не будет насчитываться более 1% населения Земли. С другой — прагматичные американцы и здесь опережают старушку Европу, отдавая приоритет защите собственных национальных интересов. В результате возрастают риски для незыблемости послевоенной модели «единого Запада по обе стороны Атлантики». Европе остается пока быть озадаченной намерениями президента Д. Трампа пересмотреть степень практической вовлеченности США в НАТО, его угрозой резкого пересмотра позиций по иранской ядерной сделке и по ядерной программе КНДР. Не ожидали и замораживания уже фактически завершенных переговоров по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству. При значительно обострившейся конкуренции с американскими корпорациями на внешних и европейских рынках европейцы пока мирятся с расширением американцами внеэкономических методов борьбы. По некоторым сведениям, штрафы, вмененные ев-

ропейским компаниям-гигантам на рынке США, уже достигают многомиллиардных сумм.

Привычные ссылки на «руку Москвы» в качестве основного аргумента внешней угрозы, требующего внешнеполитической консолидации рядов, уже не дают эффекта. С одной стороны, в США и примерно в десяти государствах ЕС чиновники бездоказательно обвиняют Россию во вмешательстве в выборы и их внутреннюю политику с использованием новейших информационных технологий. Что вызывает только улыбку: объяснить недавние успехи национал-патриотических политиков, очевидно, просто иначе нечем. С другой — в ряде стран ЕС нарастает критика санкционной антироссийской политики, наносящий большой ущерб экономическим интересам европейских экспортеров. Растет понимание, что санкции не только не достигли цели «порвать экономику России», но и дали возможность отечественным производителям, освободившимся от европейских конкурентов, укрепить в результате контрмер, предпринятых российским руководством, технологическую и продовольственную безопасность собственной страны. В Софии, в частности, заявили, что отказ или сокращение политики санкций станет одной из целей предстоящего председательства Болгарии в Евросоюзе в первой половине 2018 года.

На фоне затянувшегося выхода экономики Евросоюза из рецессии в ряде государств нарастает дисбаланс в финансовой и социальной сферах. Наряду с известными проблемными моментами в «старых» экономиках — Италии, Ирландии, Португалии, Испании, Греции, входящих в зону евро, новую группу риска составляет большинство стран ЦЮВЕ, как пользующихся евро, так и нет. Все они страдают дефицитами государственных бюджетов. В ряде случаев — высокими, что ведет к неуклонному росту госдолга. Его объем даже в относительно благополучных Венгрии, Словении и Хорватии стабильно превышает 60%, допускаемых маастрихтскими финансовыми критериями. В целом же показатель соотношения валового госдолга к ВВП 28 экономик ЕС вырос почти наполовину с момента

введения в обращение евро и превысил маастрихтский рубеж с 60,7 % в 2000 г. до 87,4 % в 2015 г.⁵.

Влияние долгового пузыря ЕС на денежно-финансовое обращение в отдельных странах может возрастать в случае дестабилизирующего нарастания массы проблемных кредитов, опять же в основном в ЦЮВЕ. Только в первом квартале 2017 г., по оценкам, их объем составил в совокупности порядка 1,5 трлн евро. Замечу, что явление неслучайно. Расположенные в странах ЦЮВЕ производства, многократно вертикально завязанные на технологические цепи ТНК «старой» Европы, испытали зачастую более сильный шок после глобального финансового кризиса конца 2000-х годов. Кредитные подпорки, как правило, за счет внешних источников, оказались необходимы для предотвращения банкротств и удержания фирм в орбите материнских компаний, однако они не решили проблемы зависимости. Наоборот, зависимый характер экономик в ряде стран ЦЮВЕ продолжает усиливаться. Выход экономистам Евросоюза видится, в частности, в мобилизации средств государственных бюджетов, стабилизации долгового бремени. Предложения о введении в ходе реформы ЕС коммунитарных обязательств в области налоговой политики — вплоть до ее унификации, воспринимаются, однако, в штыки национальными органами власти, справедливо усматривающими социальные риски в случае повышения налогообложения.

Во внутривнутриполитической расстановке сил в последние годы просматривается снижение популярности евроцентристских политиков и партий. По результатам состоявшихся в 2017 г. выборных кампаний (Великобритания, Франция, Германия, Австрия и Нидерланды) практически везде отмечается небывалый рост евроскептицизма и укрепление позиций национал-патриотических сил, выступающих если не за немедленный выход из ЕС, то за больший учет интересов соответствующих государств, ограничение полномочий евробюрократов и расширение прав национальных органов власти. Можно назвать австрийскую и нидерландскую Партии свободы, Альтерна-

тиву для Германии, чешскую Акцию недовольных граждан-2011. В меньшей степени — Национальный фронт М. Ле Пен во Франции, итальянскую Лигу Севера или бельгийский Фламандский интерес, против которых сейчас развернута массовая пропагандистская кампания. И хотя критической массы, достаточной для отстранения от власти евроцентристов, они так и не набрали, а на выборах в конечном счете к власти пришли проевровские партии, показательно, что ни в одной стране политики, оппозирующие евродецентрализаторам, не получили прироста голосов избирателей.

Среди причин такого положения стоит упомянуть усталость электората от накладывающихся друг на друга и невиданных ранее в таком объеме проблем: последствия наплыва мигрантов, террористические атаки, растущие экономические и социальные дисбалансы, тревоги международной политики. Конца и края им нет, а реальный прогресс не просматривается как на уровне национальных правительств, так и евроинститутов. Озабоченности возрастают, причины трудностей видятся в навязываемых извне, т.е. из «центра» формулах, зачастую оторванных от непосредственных национальных нужд. Голосование британцев по Brexit убедительно продемонстрировало, что в результате таких настроений возможны неожиданности...

Зато относительное единство достигнуто в части укрепления военного и военно-политического сегмента Евросоюза. Немудрено. Очевидно, на это и были нацелены вымыслы о российской военной угрозе? 13 ноября 2017 г. на Совете ЕС по иностранным делам с участием глав внешнеполитических и оборонных ведомств были одобрены предложения о формировании механизма Постоянного структурированного сотрудничества, создании Европейского оборонного фонда и введении ежегодного Координированного обзора по обороне. Загадкой только остается, каким образом новый военно-политический инструментарий сможет помочь борьбе с террористической угрозой, решению последствий неконтролируемой миграции и других известных проблем (о некоторых из которых речь шла

выше), включая экономические, социальные и институциональные вопросы дальнейшего развития Евросоюза.

Ограниченные объемы статьи не позволяют подробно осветить ряд других разворачивающихся в Евросоюзе важных процессов. Интерес представляют причины и последствия происходящей по ряду направлений институциональной регионализации стран ЦЮВЕ. Помимо существующей с 1991 г. Вишеградской группы младоевропейцами созданы еще как минимум три форума лидеров: Варненская четверка, Бухарестская девятка, Инициатива трех морей — для согласования намерений в международной экономической и внешнеполитической сферах. С целью содействия предвступительным усилиям действуют Берлинский процесс и Процесс сотрудничества государств ЮВЕ, куда входят как члены, так и страны-кандидаты и партнеры ЕС. В «старой» Европе подобной дополнительной институционализации не наблюдается. Хватает институтов ЕС.

На всем пространстве Евросоюза все более отчетливо проявляются признаки усталости от евроинтеграции. И в столицах ведущих стран, и в институтах ЕС не удовлетворены медленным продвижением младоевропейцев к полному выполнению принципов ЕС. В том числе в части норм включения в безвизовой режим, в зону евро, требований обеспечения верховенства закона, борьбы с коррупцией, общего пространства правосудия и внутренних дел. В странах-кандидатах, наоборот, зачастую усматривают в повышенных запросах со стороны Еврокомиссии стремление удержать их на периферии ЕС. Со стороны отдельных лидеров, как например, премьер-министра Албании Э. Рамы, появляются заявления о вероятности поменять в этом случае приоритеты на других — внерегиональных — партнеров, заняться интеграцией албанонаселенных территорий соседних суверенных стран. Такого вольнодумства еще несколько лет назад было не представить.

После публикации в марте с.г. «белой книги» ЕС с пятью гипотетическими сценариями изменений в механизмах евроинтеграции был дан старт коллективной мозговой атаке. Высказались многие из руководителей Евросоюза и

отдельных стран, однако фундаментальной объединяющей идеи о том, каким быть и куда идти этому объединению пока не наблюдается. Предлагаемые подходы помимо призывов к единству и сплоченности трудно сочетаются между собой и зачастую противоречат друг другу. Споры идут в основном вокруг паллиативных предложений — создания новых наднациональных институтов или преобразования существующих. Конкретные реформные рекомендации тех или иных политиков приводят пока лишь к взаимной критике. В результате на нынешнем этапе противоборствуют два условных тренда: революционный и эволюционный. Либо дальнейшая «коммунитаризация» европроекта с упрочением особого положения стран ядра, несущих основную финансовую и политическую нагрузку. Либо сохранение в основном существующей лиссабонской конструкции, при необходимости — точечная корректировка, укрепление выявляющихся слабых мест.

Очевидно, что оживленные дискуссии о судьбах евроинтеграции продлятся еще продолжительное время. Озадачивает все же дефицит новых подходов, сравнимых по масштабам с ориентирами, указанными отцами-основателями европроекта в конце 1940—1950-х гг.: свободные рынки, права и свободы человека, нацеленность на выплавку единой европейской культуры. Дело, похоже, в разработке новых идей, которые позволят предотвратить разрастание наметившихся противоречий и соответствовать вечным идеалам Всеобщей декларации прав человека, заложенной в основу европейских ценностей. Так или иначе, разговоры на тему предстоящего краха европроекта представляются сейчас малообоснованными. Можно только надеяться, что девиз Евросоюза: «Согласие в многообразии» будет реализован и в новых, значительно изменившихся геополитических условиях. Ведь они-то, собственно, и стали причиной нынешнего экзистенциального Евросоюза, и в одночасье, похоже, поликризис не решить.

На фоне европроекта, идеологи которого пока по-прежнему заняты приспособлением созданных еще в середине прошлого века политических и экономических механиз-

мов к обслуживанию прежней трансатлантической экспансионистской траектории развития Европы, евразийский проект обеспечивает значительно большую свободу маневра, хотя и переживает начальную стадию роста. В отличие от ЕС, на евразийском пространстве существует множество инициатив экономического сотрудничества. Это ЕАЭС, Экономический пояс Шелкового пути, развивается взаимодействие по линии ЕАЭС–АСЕАН, ЕАЭС–ШОС. В рамках Евразийской экономической комиссии разрабатываются подходы к формированию Большого Евразийского партнерства, выстроенного в формате инклюзивного диалога.

Эксперты ЕЭК справедливо исходят из того, что без установления тесных контактов с Евросоюзом такое партнерство будет неполным.

В ЕС, в свою очередь, от самой по себе идеи сопряжения интеграций вроде не отказываются, однако с практическими шагами не торопятся, ссылаясь на отсутствие точек соприкосновения, целесообразность решать вопросы либерализации таможенного и других режимов торговли в двустороннем порядке. По сути, это отказ от диалога интеграций и от предоставляемых им преимуществ широкого евразийского взаимодействия. Между тем, новые возможности были бы, как минимум, полезны для разрешения поликризиса Евросоюза.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: <http://eurasia.expert/aleksandr-rar-vostochnogo-partnerstva-evraziyskogo-soyuza/>.

² Страны Центральной и Восточной Европы — новые члены Европейского союза: проблемы адаптации. М., 2010. С. 9.

³ Постсоциалистический мир: итоги трансформации. Т. 1. Центрально-Восточная Европа. М., 2017. С. 33–34.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ IMF. World Economic Outlook Database. 2016. April.

Неоевразийство: миф или реальность?

По мнению некоторых российских политологов, главная геополитическая задача России в XXI веке — возвращение на свои исторические границы. От успешности ее решения зависит будущее. Сможет русский народ это сделать — останется на земле. Не сможет — уйдет в историю, как ушли первый и второй Рим. Вопрос об этих границах кажется дискуссионным только при первом приближении. Они давно определены тысячелетней русской историей. За них сложили головы предыдущие поколения русских людей¹. На какой же идеологической и политической основе предполагается осуществить ее решение? Ответ тоже имеется. Как пишут С.П. Глинкина и И.И. Орлик, «у России нет надежных союзников вне постсоветского пространства, и вряд ли они появятся в ближайшие годы. Неоевразийство может стать не только концепцией, но и фактором экономической, политической, военной, культурной интеграции многочисленных народов на огромной территории от белорусского Бреста до Тихого океана»².

Россию опять ориентируют на собирание русских земель то ли в исторических границах 1991 г., то ли 1914 г. Россия в лице ее политической и интеллектуальной элиты, сыгравшая главную роль в распаде СССР, и русский народ, палец о палец не ударивший ради спасения своего государства, призываются к воссозданию единого геополитического евразийского пространства во главе с Россией. При этом ссылаются на слова одного из основоположников евразийства Г.В. Вернадского, который отмечал, что «русский народ есть основная сила Евразийского государства; русский язык есть основная стихия евразийской культу-

ры. Но сила русской стихии в евразийском мире не может держаться на внешнем принуждении и регламентации внешних рамок. Сила эта — в свободном культурном творчестве. Русский народ создал Евразию как историческое место развития напряжением всех своих сил. Русский народ должен неослабно проявлять и в дальнейшем то же творческое напряжение, чтобы удержать место Евразии на земле и свое собственное лицо в Евразии»³. Вот уж поистине: что имеем — не храним, потерявши — плачем.

Постсоветское пространство после распада Советского Союза представляло собой единое геополитическое целое. Сохранение в таком качестве было закреплено в основополагающих документах, определявших его дальнейшее развитие. В Соглашении о создании Содружества Независимых Государств (СНГ), подписанном в Вискулях 8 декабря 1991 г. председателем Верховного Совета Республики Беларусь С. Шушкевичем, президентом Российской Федерации Борисом Ельциным и президентом Украины Л. Кравчуком, отмечалось, что «Республика Беларусь, Российская Федерация и Украина как государства, учредившие в 1922 г. Союз ССР... констатируют, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование»⁴. Соглашение объявлялось открытым для присоединения к нему всех республик бывшего Советского Союза, а также иных государств, разделяющих цели и принципы этого документа. В Соглашении провозглашалось образование на месте СССР Содружества Независимых Государств и формулировались основные принципы взаимоотношений его членов. В ст. 5 отмечалось, что «высокие договаривающиеся стороны признают и уважают территориальную целостность друг друга и неприкосновенность границ в рамках Содружества» и «гарантируют открытость границ, свободу передвижения граждан и передачи информации в рамках Содружества». В ст. 7 указывалось, что к сфере совместной деятельности, реализуемой на равноправной основе через общие координирующие институты Содружества, относятся:

- ▶ координация внешнеполитической деятельности;
- ▶ сотрудничество в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков в области таможенной политики;
- ▶ сотрудничество в развитии систем транспорта и связи, в борьбе с организованной преступностью, в осуществлении миграционной политики⁵.

Алма-Атинская Декларация от 21 декабря 1991 г. отразила желание всех бывших советских республик, кроме трех стран Балтии и Грузии, сформировать на месте бывшего СССР Содружество Независимых государств, действующее на принципах, зафиксированных в Соглашении о прекращении существования Советского Союза на правах учредителей, а не присоединившихся государств⁶. Этот документ убедительно свидетельствовал о стремлении подавляющего большинства новых независимых государств сохранить геополитическую и хозяйственную целостность постсоветского пространства.

В принятом 23 января 1993 г. на заседании глав государств и правительств новых независимых государств в Минске Уставе Содружества были внесены уточнения. В ст. 1 Устава подчеркивалось, что СНГ «не является государством и не обладает наднациональными полномочиями». В ст. 19 были перечислены направления сотрудничества в экономической и социальной областях:

- ▶ формирование общего экономического пространства на базе рыночных отношений и свободного перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы;
- ▶ координации социальной политики;
- ▶ содействие развитию общего информационного пространства.

Ст. 11 Устава ориентировала государства-члены СНГ на проведение согласованной политики в области международной безопасности, разоружения и контроля над вооружениями, строительства Вооруженных сил и на поддержание безопасности в Содружестве, в том числе с помощью групп военных наблюдателей и коллективных сил по поддержанию мира⁷.

14 мая 1993 г. была принята Декларация о поэтапном движении к экономическому союзу и решение о подготовке соответствующего договора. 24 сентября 1993 года Договор о создании Экономического союза был подписан всеми странами-членами СНГ (кроме Украины, которая присоединилась к нему на правах ассоциированного члена в апреле 1994 г.). Договор закреплял общее стремление новых независимых государств (ННГ) превратить СНГ в интеграционную структуру наподобие ЕС. В Договоре были сформулированы принципы поэтапности в создании общего экономического пространства и предоставление равных гарантий и возможностей всем хозяйствующим структурам. Он предусматривал установление 4 подготовительных этапов на пути формирования Экономического союза:

- ▶ создание зоны свободной торговли;
- ▶ формирование таможенного союза;
- ▶ образование общего рынка с свободным перемещением товаров и услуг, капиталов и рабочей силы, проведение согласованной инвестиционной политики;
- ▶ установление платежного союза на основе использования национальных валют, осуществления взаимного кредитования дефицита платежных балансов, обеспечения конвертируемости национальных валют по текущим операциям.

Однако этот Договор так и не был реализован.

Основные направления сотрудничества в военно-политической области были закреплены в Договоре о коллективной безопасности, подписанном 15 мая 1992 года в Ташкенте. В соответствии со ст. 1 Договора, страны-участники брали на себя обязательство воздерживаться от применения силы или угрозы силой в международных отношениях и разрешать все разногласия между собой и с другими государствами мирными средствами. В этой же статье говорилось о том, что они не будут вступать в военные союзы или принимать участие в каких-либо группировках, а также в действиях, направленных против другого государства-участника. Принципиальное значение имела ст. 4 Договора. В соответствии с этой статьей, если

одна из стран-участников подвергнется агрессии со стороны какого-либо государства или группы государств, то это будет рассматриваться как агрессия против всех государств-участников Договора. В этом случае все остальные государства-участники предоставят ему необходимую помощь, включая военную⁸.

Однако выдвинутая концепция развития постсоветского (евразийского) пространства не была реализована. Создать военно-политический и экономический союз новых независимых государств не удалось. На постсоветском пространстве в течение всех последующих лет доминирующей тенденцией развития являлись дезинтеграционные процессы как на региональном так и на субрегиональном уровнях.

Результаты последующего развития новых независимых государств, возникших на территории бывшего СССР, говорят о том, что сегодня едва ли возможно рассматривать постсоветское пространство как единое геополитическое целое. Дезинтеграционные процессы, доминировавшие на нем практически в течение всех лет существования, привели к его фрагментации, что проявляется в различной внешнеполитической ориентации существующих здесь субъектов международных отношений.

В зависимости от этого можно выделить три группы государств.

К первой из них относятся страны, которые участвуют в реализации интеграционных проектов, инициированных и возглавляемых Россией. Это Белоруссия, Казахстан, Армения, Киргизия и Таджикистан. Их лидеры и сформировавшаяся там политическая элита исходят из необходимости тесного сотрудничества с РФ. Они являются членами Евразийского экономического союза, ОДКБ.

Вторая группа состоит из стран, стремящихся войти в евроатлантическую систему безопасности и присоединиться к европейской экономической интеграции, став членами НАТО и ЕС. Это Украина, Молдавия и Грузия. Они провозгласили курс на вхождение в Европу, который последовательно и неуклонно реализуют в течение всего

периода независимости. Все они имеют напряженные отношения с Москвой.

В третью группу входят страны, которые не проявляют интереса к участию в интеграционных проектах, возглавляемых Россией, и не стремятся войти в Европу, предпочитая сохранить за собой свободу рук и развивая сотрудничество как с Россией, так и с ЕС, США, а также с Китаем, не возлагая на себя при этом никаких политических обязательств. Это Азербайджан, Узбекистан, Туркмения.

ННГ возникли на месте бывших советских республик, народы которых совместно прожили в одном государстве не одно столетие, и экономики которых входили в единый народнохозяйственный комплекс Советского Союза. Казалось бы, после распада СССР они должны были ориентировать свою внешнюю политику на сохранение единого политического и экономического, а также геополитического постсоветского пространства. Однако этого не произошло. Устойчивой тенденцией здесь является политическое дробление, столкновение интересов всех участников разворачивающихся на этом пространстве политических и экономических процессов. Даже в оформившемся интеграционном ядре в виде Евразийского экономического союза по-разному понимается сущность интеграции, темпы, формы и механизмы ее осуществления.

Геополитическое единство постсоветского пространства все более и более размывается, и остановить этот процесс не представляется возможным. Слишком много внутренних и внешнеполитических факторов воздействуют на развитие региона именно в этом направлении. Для подавляющего большинства ННГ Содружество не является приоритетом их внешней политики и, видимо, таковым не будет. Геоэкономические интересы у них лежат за пределами этого пространства. Политические элиты не заинтересованы в налаживании интеграции на постсоветском пространстве, в формировании эффективных и дееспособных институтов и механизмов интеграции, опасаясь лишиться власти и попасть под влияние бывшего «имперского центра» — России. Все они стараются создать

формальные и неформальные системы сдержек и противовесов возможным имперским поползновениям со стороны России, что во многом и определяет содержание проводимой ими внешней политики.

Главного гаранта своей независимости и обретенного суверенитета они видят в лице Запада — США, ЕС, НАТО — и поэтому стремятся к развитию всестороннего военно-политического и экономического сотрудничества с ним. Но одновременно они его опасаются, т.к. западные демократии требуют, может быть и не всегда настойчиво, уважения прав человека, принципов демократии, совершенствования институтов собственности, что угрожает властным позициям правящей политической элиты, которая рассчитывает остаться у власти надолго, а лучше навсегда. Во многом этим обстоятельством и объясняются проблемы в их отношениях с Западом. Отсюда и усиливающаяся заинтересованность в расширении связей с Китаем, который, предоставляя кредиты, предлагая различные инвестиционные программы, не выдвигает никаких политических требований, не критикует за нарушение прав человека и вообще не предпринимает никаких шагов, которые могли бы быть расценены как вмешательство во внутренние дела. Пекин для них сегодня самый удобный партнер. Конечно, они видят опасные последствия экономической экспансии КНР на свои рынки и пытаются их ограждать с помощью различных протекционистских законов. Но разворот в сторону сотрудничества с Китаем очевиден. Политические — и в том числе геополитические, результаты такой политики зримо проявятся через несколько лет.

США еще в 1993 г. заявили о том, что не рассматривают постсоветское пространство в качестве зоны исключительно российских интересов и провозгласили доктрину геополитического плюрализма в регионе, бросив тем самым открытый вызов Москве. Суть их политики в регионе состояла и состоит в возведении «санитарного кордона» вокруг России на Западе и на Востоке, в недопущении ни в какой форме реинтеграции постсоветского пространства под эгидой России.

ЕС также проводит активную политику по втягиванию ННГ в зону своего влияния, выделяя для этого немалые ресурсы. В рамках политики «нового соседства», а затем Восточного партнерства Брюссель настойчиво стремится включить европейские и южнокавказские ННГ в систему особых отношений с ЕС, что подрывает усилия РФ по налаживанию экономической интеграции на постсоветском пространстве. Эту же роль была призвана играть одобренная Европейским Советом в июне 2008 г. стратегия нового партнерства в отношении стран Центральной Азии. Тем самым Европейский союз создает необходимые предпосылки для ускорения политической ассоциации и экономической интеграции с заинтересованными странами региона.

За время после распада Советского Союза Россия так и не стала системообразующим фактором в развитии ННГ, не превратилась для многих из них в центр политического и экономического притяжения. Практически все они проводят многовекторную внешнюю политику, с многими из них у Москвы весьма напряженные отношения.

Отношения с Украиной после совершенного там государственного переворота в феврале 2014 г. и воссоединения Крыма с Россией могут быть охарактеризованы как состояние холодной войны. С Грузией дипломатические отношения разорваны после пятидневной войны 2008 г. по инициативе Тбилиси и не ясно, когда они будут восстановлены. Напряженными являются российско-молдавские отношения, вследствие различных подходов к урегулированию Приднестровского конфликта и негативного отношения Москвы к геополитической ориентации Кишинева, стремящегося вступить в ЕС. Крайне низкий уровень доверия сложился в российско-туркменских отношениях. Политические элиты Туркмении старательно избегают участия в интеграционных проектах, инициированных Москвой.

Падение влияния России на постсоветском пространстве стало устойчивой тенденцией в его эволюции. Не конкурентоспособность РФ на мировых рынках, сырьевая ориентация структуры ее экономики резко сужает притя-

гательность России для ННГ, которые ищут источники и ресурсы для своего развития за пределами СНГ.

Анализ внешней политики ННГ неизбежно ставит вопрос о соответствии международной активности правящих в них политических элит национальным интересам этих стран. Имеются ли у них какие-то стратегические неизменные внешнеполитические цели, без достижения которых успешное развитие невозможно и по которым в обществе имеется устойчивый консенсус? Реальная внешняя политика ННГ и ее концептуальные основы убедительно свидетельствуют о том, что таковыми является защита обретенной независимости, которая рассматривается всеми социальными слоями как самоценность, которую они готовы защищать всеми доступными им средствами. Что же касается взаимоотношений с Россией, ЕС, США и Китаем, то общенациональный консенсус в этих государствах не сложился. В отношении значимости сотрудничества с ними существует весьма широкий разброс мнений, что проявляется и в их внешней политике. Поэтому вопросы внешней политики представляют собой важнейший фактор формирования политики внутренней, влияют на расстановку внутривнутриполитических сил и на внутривнутриполитический процесс. Это особенно отчетливо проявляется на Украине и в Молдавии, но и в других ННГ сформировались сходные тенденции. Достигнуть в них консенсуса по вопросам внешнеполитической стратегии удастся не скоро, разногласия еще долго будут сотрясать государственные здания в ННГ, делая положение в них неустойчивым и нестабильным, обрекая многие из них на существование в статусе несостоявшихся государств.

ННГ предпочитают строить свои отношения с Россией на двусторонней основе, руководствуясь принципами международного права. Все интеграционные проекты на постсоветском пространстве, возглавляемые Россией, потерпели неудачу. Не исключено, что такая же судьба постигнет и Евразийский Экономический Союз, который, скорее всего, растворится в проекте создания экономического пространства Великого шелкового пути.

Распаду единства евразийского геополитического пространства способствует нарастание противоречий между ННГ. Противостояние Азербайджана и Армении из-за Нагорного Карабаха, России и Грузии — из-за статуса Южной Осетии и Абхазии, России и Молдавии — из-за Приднестровья, Узбекистана и Киргизии — из-за водных ресурсов, Узбекистана и Таджикистана — из-за разногласий по поводу демаркации государственной границы и особенно российско-украинский конфликт разрывают это пространство, делают воссоздание его единства в рамках какой-то институализированной структуры в обозримом будущем маловероятным, а, скорее всего, невозможным. Острое противостояние находящихся здесь государств создает напряженную обстановку, в которой крайне сложно налаживать стабильные взаимовыгодные межгосударственные отношения.

Стабильность на постсоветском пространстве размывается и неустойчивым социально-экономическим и политическим положением в ННГ. Они приступили к преобразованиям примерно в одно и то же время, что и бывшие социалистические восточноевропейские страны. Однако их политические режимы принципиальным образом отличаются друг от друга. Если бывшие союзники СССР в ходе трансформации смогли создать устойчивые институты демократии с действенной системой сдержек и противовесов и реальной многопартийностью, избежать авторитаризма, то большинство постсоветских стран еще очень далеки от этого. Подготовка к вступлению в НАТО и ЕС, а затем и само членство в них явилось главной причиной успешности проходивших там трансформационных процессов в силу необходимости соответствия европейским демократическим стандартам. НАТО и ЕС выступили в качестве мощной политической силы, заставившей политический истеблишмент этих стран проводить преобразования, позволяющие им вписаться в политический ландшафт современной Европы. Даже балканские страны, в которых отсутствовали традиции демократии, должны были подчиниться этим требованиям и приступить к преобразованиям в соответствии с копенгагенскими критериями ЕС⁹.

Страны постсоветского пространства оказались предоставленными самим себе и пошли по накатанному пути традиционализма. Поэтому и результаты реформ здесь совершенно иные, и говорить о завершении транзита в них не приходится. За истекшие после распада СССР годы большинство ННГ не решили тех многочисленных социально-экономических проблем, которые отягощали советские республики и обусловили гибель Советского Союза¹⁰. За все эти годы в них не была создана дееспособная и устойчивая модель экономического развития, способная адекватно реагировать на вызовы глобализации. Ощущения бесперспективности и отчаяния, которые охватывают широкие слои населения ННГ, с одной стороны, ведут к политической пассивности, а с другой — создают мощный социальный заряд огромной разрушительной силы, способный привести к выходящим из-под контроля массовым стихийным протестам в виде т.н. «цветных» революций. К наиболее тяжелым последствиям и для Украины, и для европейской безопасности, и для постсоветского пространства привела очередная «цветная» революция на Украине. За годы независимости украинская политическая и бизнес-элита не смогли создать современную эффективную экономику, устойчиво работающую систему государственных институтов, политических партий, ориентированных на защиту интересов общества и государства. Бесправие рядовых украинских граждан, высокий уровень коррупции, социальная незащищенность явились первопричиной того социального взрыва, который произошел в стране после известия об отказе украинского президента В. Януковича подписать на саммите ЕС в Вильнюсе (ноябрь 2013 г.) соглашение об ассоциации с Европейским союзом и присоединении к зоне свободной торговли. Это вызвало взрыв возмущения сначала среди украинского студенчества, поддержанного затем значительной частью украинского общества. Украинцы видели в тесном сотрудничестве с ЕС возможность в перспективе, пусть и весьма отдаленной, «вхождения в Европу», европеизацию своего государства как форму его реформирования с помощью

европейских институтов, что означало для них свет в конце туннеля, некую историческую перспективу. Это была наивная вера миллионов простых украинцев в то, что «заграница нам поможет», придет и решит все накопившиеся проблемы, даст денег, наладит систему образования, искоренит коррупцию и произвол. Они уже не верили в возможность собственными силами построить демократическое, процветающее дееспособное государство, в котором можно было бы комфортно жить и работать. Эти же общественные настроения характерны для Грузии и Молдавии. В молдавском обществе в условиях неэффективности власти растет число сторонников объединения с Румынией и вхождения таким образом в Европейский союз.

Украинский кризис потряс Содружество Независимых Государств. В жестком противостоянии столкнулись два ведущих государства постсоветского пространства. СНГ оказался не в состоянии предпринять каких-либо действенных инициатив по урегулированию российско-украинского конфликта и самого украинского кризиса. ННГ столкнулись с необходимостью занять позицию как в отношении украинского кризиса, так и российско-украинского конфликта. Некоторые из них поддерживали в этом конфликте Украину, но никто не заявил открыто о поддержке России. Тем самым украинский кризис явился еще одним весомым фактором дезинтеграции постсоветского пространства. Его урегулированием занимаются внерегиональные страны и институты — ЕС и ОБСЕ.

После российско-грузинской войны 2008 г. и признания Россией независимости Южной Осетии и Абхазии, присоединение к ней Крыма было воспринято как намерение проводить политику собирания земель, воссоздание российской империи, что вызвало у новых независимых государств заметное отчуждение от РФ. Все это наносит сильный удар по СНГ, от которого Содружество, видимо, уже оправиться не сможет.

Политические мыслители России в XIX и XX вв. неоднократно писали о том, что евразийское пространство, сформированное в виде Российской империи, а затем

СССР, в случае его распада на независимые государства будет источником нестабильности, многочисленных конфликтов между вновь возникшими государствами, ареной соперничества различных центров силы. Эти пророчества сбываются. Поэтому без объединения всех государств постсоветского пространства в рамках большого геополитического проекта по созданию интеграционной системы невозможно стабилизировать здесь ситуацию и придать ей устойчивость. В противном случае оно будет раздираться межгосударственными столкновениями, сопровождаться распадом государств, переделом границ очень и очень долго. В этом плане имеется убедительный опыт Европы, которая прошла длительный и кровавый путь, прежде чем смогла наслаждаться плодами мира и процветания. Однако такого проекта не имеется. В строительстве Евразийского экономического союза большинство ННГ не участвуют и положенные в его основу идеи не разделяют. Первые достижения в его функционировании весьма скромные, и пока что не просматривается каких-либо предпосылок для достижения ЕАЭС более весомых позитивных результатов. Более того, в странах-участницах ЕАЭС усиливается недовольство его деятельностью, вызванное тем, что местный бизнес в рамках функционирования единого экономического пространства оказался не в состоянии конкурировать на равных с российскими товарами и добивается введения ограничений на поставку российской продукции. Для самой России проект ЕАЭС представляет значимость, в первую очередь, с геополитической точки зрения. Поэтому он для нее затратный, требующий отвлечения немалых ресурсов от решения внутрироссийских проблем. Большинство ННГ заинтересованы в участии в реализации китайского проекта создания экономического пространства Великого шелкового пути, связывая с ним свои надежды на восстановление своей экономики.

Украинский кризис и его последствия остро ставят вопрос о роли России на постсоветском пространстве и перспективах ее взаимоотношений с ННГ. Москва вынуждена реагировать на происходящие на Украине события,

что неизбежно приводит ее к конфликту с киевской властью и стоящим за ней Западом. Усилия российской дипломатии, направленные на использование механизмов ООН, ОБСЕ, т.н. нормандской четверки для нормализации обстановки, для прекращения идущей на юго-востоке страны гражданской войны успеха не имели. Запад, и в первую очередь — США, судя по всему, в этом не заинтересованы. Они намерены сохранить нарастающий хаос в стране, что исключает возможность установления стабильных отношений между Россией и Украиной. Запад достиг своей стратегической цели. Установившееся враждебное противостояние между двумя странами сохранится, видимо, на долгие годы, что исключает их объединение в рамках каких бы то ни было интеграционных союзов. На Западе полагают, что благодаря украинскому кризису сформулированная им еще в начале 90-х годов прошлого столетия задача не допустить реинтеграции постсоветского пространства под руководством России успешно решена. Воссоздать его геополитическую целостность в обозримом будущем будет крайне проблематично.

Что Россия потеряла и что обрела в результате своей политики на Украине? Она получила Крым, что существенно улучшило ее геополитические позиции в мире, в Европе и Причерноморье. Но она потеряла Украину, если не навсегда, то надолго. Можно поставить в Киеве — теоретически — пророссийское правительство, но пророссийских настроений, пророссийской ориентации среди украинского народа добиться будет крайне сложно. В результате присоединения Крыма к России антироссийские и проевропейские настроения украинского населения, как свидетельствуют многочисленные опросы, только усилились. Но с другой стороны, и пассивное созерцание Россией развития ситуации на Украине не сулило ей ничего хорошего. Пришедшие к власти в Киеве в результате переворота политические силы стояли на антироссийских позициях и не давали никакой надежды на установление стабильных и дружественных двусторонних отношений. Россия была поставлена перед необходимостью выбора между плохим

вариантом развития двусторонних отношений и очень плохим. Присоединение Крыма означало нарушение принципов международного права и взятых Россией обязательств перед Украиной, что, безусловно, было плохим шагом. Но пассивное созерцание развития событий на Украине было бы еще хуже. Антироссийская украинская внешняя политика, ориентированная на вступление в ЕС и НАТО, на конфронтацию с Москвой подрывала геополитические и геостратегические позиции России и по существу загоняла ее в геополитический тупик.

Российско-украинские отношения сегодня переживают глубокий кризис. Политический диалог прерван. Экономическое сотрудничество сокращается. Уровень взаимного доверия опустился до нуля. Позитивной повестки дня в двусторонних отношениях не существует. Практически по всем вопросам двусторонних отношений стороны занимают противоположные, взаимоисключающие позиции. Ни одна из сторон не хочет идти на уступки, не стремится к достижению компромиссов. Все спорные вопросы решаются с позиции силы. Украина и Россия сегодня — это два враждебных государства, стремящиеся нанести друг другу максимально возможный ущерб. Наряду с Крымом острым раздражителем в двусторонних отношениях стал конфликт на Юго-Востоке Украины. Россия не является его стороной, но совершенно очевидно, что без ее участия он не может быть урегулирован с учетом интересов жителей этого региона. Москва не поддерживает идей образования здесь независимого государства или присоединения его к России. Она выступает за сохранение территориальной целостности Украины в ее нынешних границах (минус Крым). Основу для урегулирования кризиса она видит в реализации положений договоренностей Минск-2. Киев выполнять их не хочет, не может и не будет. Но другого не дано. Силового решения проблемы Донбасса не существует. Россия не позволит Киеву разгромить ополченцев и расправиться с ними. Договоренности Минск-2 предполагают, по существу, федерализацию страны. Сегодня это единственный путь к сохранению территориальной целостности

украинского государства, которое в том виде, в каком оно было задумано и строилось после распада СССР, себя исчерпало. Необходимо утверждение новой формы государственности — Федерации.

Молдавия отказалась от плана Козака, предусматривавшего федерализацию, и поэтому потеряла Приднестровье. Грузия отказалась от федерализации и потеряла Южную Осетию и Абхазию. Милошевич ликвидировал фактически федеративный статус Косово — и лишился его. То же самое произойдет и с Донбассом, если Киев будет цепляться за унитарность.

В этой связи следует отметить, что Баку в своей программе решения карабахского конфликта готов предоставить Карабаху в случае его возвращения «в лоно азербайджанского государства» весьма широкие права и самостоятельность, что означало бы, по сути, трансформацию страны в Федерацию. Однако для лидеров Нагорного Карабаха возвращение в состав Азербайджана неприемлемо ни в каком формате. Их устраивает только независимость.

Распад Советского Союза дал мощный толчок борьбе народов на постсоветском пространстве за самоопределение вплоть до образования своих собственных независимых государств. Одновременно в некоторых новых независимых государствах началось нациостроительство, в результате чего они начали развиваться не как демократические, а как национальные государства. Это приводит к конфликту между т.н. титульными нациями и национальными меньшинствами. Исторически борьба за самоопределение на постсоветском пространстве является четвертой волной самоопределения в Европе.

В результате первой волны в XIX в. завершился процесс формирования национальных государств в Западной Европе и частично на Балканах. Затем, в межвоенный период, возникли национальные государства в Восточной Европе. И наконец, в конце XX века началась борьба за самоопределение народов бывшего СССР и Югославии. Распад СССР и образование ННГ не завершил борьбу за самоопределение, напротив, она обрела новую динамику

и более острые формы стремления к самоопределению народов, являющихся в ННГ национальными меньшинствами. Это стремление к самоопределению национальных меньшинств и нежелание национальных элит титульных наций его предоставить, способно взорвать как государственность ННГ, так и безопасность на всем постсоветском пространстве. Украинский кризис убедительно показывает, к каким трагическим последствиям приводит курс на строительство национального государства. Опыт стран Балтии, которые пошли по пути ассимиляции русского национального меньшинства, на Украине не сработал. Нужна демократическая модель государства, в которой все проживающие в нем граждане имели бы право, как минимум, на национально-культурную автономию. Но наиболее эффективной была бы федеративная модель государственного устройства. Иначе борьба за политическое самоопределение и культурную автономию будет взрывать изнутри новые независимые государства, делать их неустойчивыми, что не позволит создать стабильную государственность и эффективные институты демократии. Но большинству постсоветских государств, видимо, придется пройти через этап строительства национального государства, что представляется некоей общей тенденцией в развитии постсоветского пространства. Это сопровождается сильным проявлением национализма, выступающего в качестве мощного средства мобилизации социальной энергии населения и в то же время отвлечения его внимания от реальных проблем социального, экономического и политического бытия. Национализм может служить в качестве инструмента концентрации социальной энергии в целях созидания или превратиться в разрушительную силу, блокирующую трансформацию общества и государства.

Национализм крайне агрессивен в отношении соседних государств. Его проявления отмечаются в Армении, Азербайджане, Грузии, Украине, странах Балтии. Для его изживания требуется немало времени, в течение которого безопасность в Евразии будет неустойчивой. Ряд ННГ

возникли в условиях, когда в них не завершилось формирование единой нации, и так называемые титульные нации стремятся строить национальное государство «под себя», игнорируя интересы других народов. С этой точки зрения вызывает опасение нациостроительство в Белоруссии и Казахстане. В обоих государствах имеются националистические силы, ориентированные на строительство национальных государств, в которых ущемляются права проживающего там русского населения. Нынешнее белорусское и казахстанское руководство держит ситуацию под контролем, но как долго это будет продолжаться — неясно. Во всяком случае, исключать возможность развития там ситуации по украинскому образцу не следует.

В конечном итоге, то, что сейчас происходит на постсоветском пространстве, является следствием распада Советского Союза. Россия несет большую ответственность за распад СССР. Именно она первой начала борьбу за т.н. независимость, за свой суверенитет, что дало мощный толчок борьбе за независимость и суверенитет и в других советских республиках. Распад СССР еще не завершен. Это произойдет только после создания устойчивой государственности ННГ, решения проблем нациостроительства, нормализации отношений между новыми независимыми государствами и, в первую очередь, между Россией и Украиной. Но для этого потребуется немало времени, в течение которого евразийское геополитическое пространство будет лихорадить и оно может окончательно исчезнуть как геополитическое целое. Поэтому жизненность концепции «неоевразийства» как идеологической и политической основы интеграции постсоветского пространства опровергается всем ходом развития политических, экономических, идеологических и др. процессов. Сегодня — это, скорее, миф, а не реальность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лучанинов А. Независимое военное обозрение. № 20. 2017. 9–15 июня.

² Глинкина С.П., Орлик И.И. Евразийская идея на постсоветском пространстве // Глобальная экономика и жизнеустройство на пороге новой эпохи. М., 2012. С. 222.

³ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб., 2000. С. 282.

⁴ Внешняя политика и безопасность современной России. Хрестоматия. Т. 2. М., 1999. С. 11. Соглашение объявлялось открытым для присоединения к нему всех республик.

⁵ Там же. С. 13.

⁶ Там же. С. 15–16.

⁷ Там же. С. 326–330.

⁸ Военное сотрудничество. Сборник основных документов в области военного сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств. Минск, 1996. С. 45.

⁹ См.: Яжборовская И.С. Глобализация и опыт трансформации в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы. М., 2008.

¹⁰ Вардомский Л. Постсоветский интеграционный проект: что хотели и что получили // Мир перемен. 2016. № 3.

Азиатский вектор внешней политики России и евразийство

Было бы противоестественно, если бы Россия игнорировала превращение Китая в один из полюсов современного мира, повышение удельного веса и значимости государств Юго-Восточной Азии в мировой политике и экономике, да и собственные настоятельные потребности в развитии Дальнего Востока. Необходимость усиления «восточного измерения» в своей внешней политике и внешнеэкономических связях осознавалась в Москве еще в 1990-е гг. Но потребовался украинский кризис и масштабный конфликт с ЕС и США, чтобы в этом направлении были сделаны наиболее значимые и реальные шаги.

Было бы нелогично, если бы Россия не стремилась к постсоветской интеграции, для которой название «евразийская» удобный бренд, удачно сочетающий географические реалии и политические потребности. Он позволяет уйти от ассоциаций с Советским Союзом, не замыкая возможные интеграционные процессы его пределами. Вместе с тем, эта формула дает возможность азиатским государствам постсоветского пространства обозначить свою сопричастность и к европейскому вектору внешнеполитических и внешнеэкономических связей.

Между тем, следование России своим естественным интересам совершенно не требует идеологического обрамления и обоснования различными версиями «нео-евразийства», каковые стали во множестве предлагаться заинтересованными энтузиастами, увидевшими во внешнеполитическом и внешнеэкономическом повороте свой шанс. Более того, они этим интересам категорически про-

тивопоказаны. «Цивилизационная общность» и апелляции к многовековому взаимодействию и взаимовлиянию из Москвы и среднеазиатских столиц видятся очень по-разному. Поэтому для новых независимых государств, заново выстраивающих свою национальную и государственную идентичность, отсылки к опыту пребывания в Российской империи и в СССР имеют, по меньшей мере, неоднозначный характер. В этом легко убедиться, перелистав страницы их учебников истории.

В Средней Азии будут, скорее, востребованы идеи локального регионализма или пантюркистского толка, в худшем случае, панисламистского. В Китае категориями, сродными с евразийскими, вообще не мыслят, руководствуясь собственным мировидением. Даже в Улан-Баторе, при всех лестных для монголов наклонностях исторических евразийцев и неизбежной заинтересованности в связях с Россией, во внешнеполитической практике стараются придерживаться многовекторного курса. И на Балканах, несмотря на традиционное и достаточно массовое русофильство сербов и болгар, никто среди политической элиты не собирается отказываться от панъевропейского проекта.

Вывод: на внешнеполитической сцене настоянные на евразийстве идеи, при сугубо внешнем удобстве для обоснования постсоветской интеграции, не только не способны привлечь и сплотить тех, на кого вроде бы рассчитаны, но явно заставят их насторожиться. Одно подозрение, что РФ пытается в виде ЕврАзЭС и ОДКБ возродить СССР или Российскую империю, способно их похоронить. К тому же, у поборников неоевразийства скверная родословная: подчеркиваемое и, нужно признать, логичное родство с идеологами «консервативной революции», идейными предтечами нацизма, — сильный аргумент в русофобских кампаниях против нашей страны как «извечного воплощения мирового зла». Поэтому подобный залежалый идеологический товар попросту некому сбыть даже в ближайшем окружении.

Свойственное евразийству и его современным поклонникам мифопоэтическое восприятие мира, вмещающее внешне-

политической прагматике следование не интересам, а идеологическим догматам, ущербно методологически и пагубно политически. Вместо рационализации целеполагания, разумного ранжирования сфер предпочтительной активности, поиска оптимального баланса между внутренними потребностями и внешними возможностями, внешней политике предписывается одномерный вектор, заданный вековой давности геополитическими конструктами и довольно произвольным прочтением истории. Среди российских мыслителей из самых разных идейно-политических лагерей по сию пору не утихают споры о том, насколько страна обречена на движение по «исторической колее». Но бесспорным представляется, что исторический детерминизм (не важно — классового, геополитического или цивилизационного извода) дает внешней политике ошибочные координаты, предписывая движение по исходным маршрутам и ограничивая свободу маневра.

Внутри страны неоевразийство также не выглядит перспективной национальной идеей, хотя его уже нельзя назвать оторванным от реальности. В современной российской политической практике множатся признаки того, что извлеченная из нафталина концепция не лишена шансов воплотиться в новых условиях. Для авторитарных режимов, испытывающих трудности с легитимацией, страдающих от низкой экономической эффективности, и церковью, взыскующей их материальных и административных ресурсов, взаимная склонность к единению органична. Неслучайно отечественная литература — наиболее чуткий сейсмограф перемен политической погоды, загодя предупредила о подобном повороте целой серией пародийных антиутопий: начиная от «Москвы 2042» В. Войновича, кончая «Кысь» Т. Толстой и «Днем опричника» В. Сорокина. Но и сегодня, казалось бы, при благоприятствующей данному проекту расстановке внутренних сил и интересов, он не имеет будущего. Уже потому, что апеллирует к таким былым образцам «симфонии» авторитарной власти, борющейся с бегом времени, и РПЦ, которые в исторической практике уже доказали свою обреченность

страшными потрясениями XX века. Потому что пытается противопоставить отечественной культуре (неоспоримо европейской) — фундаменту российской политической нации, принципиально антиевропейскую государственность. К тому же, «православный тоталитаризм» ставит под вопрос разумно осторожную государственную политику равногo благоприятствования всем традиционным религиям и несет слишком высокие риски этнорелигиозного раскола.

Историческое евразийство, говоря коротко — «православный большевизм», с нескрываемой симпатией к итальянскому фашизму (см. манифесты евразийцев), проект противоречивый и незадачливый с момента своего рождения. Многие его родоначальники довольно скоро разочаровались в изначальном замысле и отошли от движения. Печальная же участь тех, кто всерьез уверовал в эти идеи и, попытавшись им следовать, погубили свои души и репутации и окончили жизнь в подвалах Лубянки, — лучшая эпитафия подобному проекту.

Экономическое развитие новых стран — членов ЕС: есть ли поводы для евро-оптимизма?

Страны Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) после «бархатных революций», прокатившихся по региону в конце 1980-х — начале 1990-х гг., взяли курс на «возвращение в Европу», которое отождествлялось со вступлением в Европейский союз (ЕС). За прошедшие с тех пор четверть века эта задача была решена большинством стран ЦВЕ: Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Чехия и Эстония стали членами ЕС в мае 2004 г., Болгария и Румыния — в 2007 г., Хорватия — в 2013 г.

Политическая и экономическая переориентация стран ЦВЕ на Евросоюз в конкретных исторических условиях была практически неизбежной. Предопределившими ее факторами послужили крушение мировой социалистической системы, распад ее ядра — Советского Союза, который в течение многих лет выступал ключевым политическим союзником и главным торговым и инвестиционным партнером стран региона, а также катастрофическое ухудшение экономического положения в России — преемнице СССР. Страны ЦВЕ связывали с евроинтеграцией надежды на выход из возникшей в них тяжелой экономической ситуации, на модернизацию и ускорение роста экономики, а в итоге — на ликвидацию разрыва с Западной Европой по уровню доходов и качеству жизни.

Оправдался ли расчет стран ЦВЕ на евроинтеграцию как гарантию экономического прогресса, и внушают ли ее результаты оптимизм относительно будущего развития этих стран? Перед поиском ответа на этот вопрос уместно сделать несколько предварительных замечаний.

Относительная отсталость ЦВЕ — многовековое устойчивое явление. Объем ВВП на душу населения в этих странах в 1500 г. составлял в среднем 54% от западноевропейского. К 1913 г. этот показатель снизился почти до 40% и оставался примерно таким до конца 1970-х гг. Затем отставание стран ЦВЕ от Западной Европы стало постепенно нарастать, но резкое увеличение разрыва произошло в 1990-е гг., когда социалистическая система была разрушена и произошел возврат к капитализму.

С начала 2000-х гг. экономический рост в странах ЦВЕ заметно ускорился благодаря подъему в мировой экономике, высокому внешнему спросу и интенсивному притоку иностранного капитала. Объем ВВП на душу населения к началу мирового финансового кризиса повысился относительно западноевропейского показателя в среднем до 55%. Однако это лишь вернуло экономическое отставание Центрально-Восточной Европы от Западной к уровню 1500 г.

Мировой финансовый кризис обрушил производство в странах ЦВЕ и прервал тенденцию сближения с Западной Европой по уровню развития, а последовавший за этим кризис суверенных долгов в еврозоне надолго затормозил экономическое восстановление.

Из приведенной динамики следует, что причины сегодняшней относительной отсталости стран ЦВЕ неверно искать в социалистическом периоде их развития и тесного сотрудничества с СССР, как и возлагать все надежды в деле преодоления этой отсталости на возврат к капиталистическому способу производства и евроинтеграцию. Как бы ни менялись общественный строй и внешнеполитическая ориентация этих стран, относительный уровень их экономической отсталости за 500 с лишним лет практически не изменился.

Экономические преимущества и риски евроинтеграции

После развала мировой социалистической системы евроинтеграция воспринималась в странах ЦВЕ как путь к преодолению экономического отставания от стран Запад-

ной Европы за счет позитивного влияния на экономику трех факторов: институциональной адаптации, финансовой помощи ЕС и экономической интеграции. Насколько оправдались возлагавшиеся на них надежды?

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ

Стремление стран ЦВЕ вступить в Европейский союз отвечало его геополитическим целям, но в качестве условия присоединения этих стран, развивавшихся почти полвека по социалистическому пути, ЕС выдвинул приведение их политических, экономических и правовых систем в полное соответствие со своими стандартами. В итоге общественно-экономическая трансформация в странах ЦВЕ была осуществлена путем переноса на национальную почву в полном объеме норм, правил, принципов и политик Евросоюза: от свободного передвижения товаров, предоставления услуг (включая финансовые), движения капитала и передвижения людей до акционерного права, политики в области конкуренции, сельскохозяйственной, промышленной, энергетической, транспортной, экономической, денежно-кредитной, социальной политики, политики в области науки, образования и культуры, информационной политики, сотрудничества в области юстиции и внутренних дел, защиты окружающей среды, ветеринарных и фитосанитарных норм, региональной политики, а также политики внешних связей, общей внешней политики и политики безопасности¹.

Принято считать, что совершенствование институтов дает мультипликативный эффект: умелое управление, власть закона, политическая стабильность и низкий уровень коррупции способствуют экономическому росту и таким образом косвенно влияют на уровень благосостояния. Однако эмпирические исследования, даже если в них обнаруживались свидетельства положительного экономического эффекта институциональных реформ в странах ЦВЕ, показали, что масштаб этого эффекта крайне мал.

Вместе с тем, принятие в полном объеме существующих в ЕС институтов либеральной рыночной экономики

и выполнение всех его норм и правил порой оборачивались для стран ЦВЕ серьезными потерями. В частности, хозяйствующие субъекты понесли ущерб из-за открытия процедуры размещения государственных заказов для фирм из стран Евросоюза. Ощутимыми расходами обернулся перевод систем стандартизации на европейские нормы. По требованию ЕС пришлось отказаться от энергетических программ, базировавшихся на использовании атомных электростанций советского производства. Многие предприятия пищевой отрасли, особенно по переработке животноводческой продукции, были закрыты ввиду несоответствия европейским санитарно-гигиеническим нормам². Прекратили работу промышленные предприятия, нарушавшие принятые в ЕС нормы выбросов в атмосферу. Немалых затрат потребовала замена авиапарка, городского автопарка, военной техники и др.

Несмотря на то, что системные реформы проводились по программам, разработанным Евросоюзом, и под жестким контролем его руководящих органов, страны ЦВЕ продолжают заметно уступать по качеству институциональной среды лучшим образцам, особенно в вопросах защиты миноритарных акционеров, налогообложения, обеспечения выполнения контрактов, разрешения проблем неплатежеспособности, распространения преступности и коррупции³.

ФИНАНСОВАЯ ПОМОЩЬ ЕС

Одним из главных мотивов вступления стран ЦВЕ в ЕС была перспектива получения финансовой помощи из его фондов. Однако расчет на эту помощь оправдался далеко не полностью. Относительные объемы финансовых ресурсов, выделяемых Евросоюзом на поддержку своих отсталых стран и регионов, после расширения на восток уменьшились. Кроме того, странам ЦВЕ удастся осваивать не все выделяемые для них средства, поскольку для их реального получения требуются хорошо обоснованные проекты, долевое участие в финансировании и выполнение ряда других условий.

Но главное даже не в этом. Важнее то, что львиная часть средств фондов ЕС предназначалась для развития инфраструктуры, защиты окружающей среды, создания альтернативной энергетики, улучшения условий жизни в сельской местности и прочих тому подобных целей. Рассчитывать на помощь ЕС в строительстве какого-либо завода невозможно по определению, Евросоюз фактически заботится об «облагораживании» территорий присоединенных стран, а не об их экономическом развитии.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Главная роль в решении странами ЦВЕ задачи ликвидации экономического отставания от развитых стран отводилась включению национальных экономик в единый европейский рынок. В теории международная экономическая интеграция, обеспечивая расширение внешней торговли, свободное движение капиталов и трансфер технологий, дает импульс экономическому росту в странах-участницах и способствует сокращению разрыва между ними по уровню развития. Однако на практике присоединение к европейскому интеграционному объединению несло с собой, наряду с преимуществами, серьезные экономические риски для стран ЦВЕ как для более слабых его членов. Эти риски реализовались и в области торговли, и в сфере инвестиций, и в финансовой сфере.

Торговая интеграция. Вступление в ЕС дало странам ЦВЕ возможность поставлять товары на общеевропейский рынок без таможенных пошлин и нетарифных ограничений. Это, конечно, большое благо в том случае, если в стране есть производители, которые могут выдерживать конкуренцию на этом рынке. Однако таковых оказалось мало. Выгоду от свободной беспошлинной торговли получили в основном западноевропейские компании, экспортирующие свои товары в страны ЦВЕ, и ТНК, которые, воспользовавшись полным открытием экономики этих стран для притока иностранного капитала, разместили на их территории свои филиалы с целью производства продукции для европейского рынка.

Подавляющее большинство отечественных производителей проиграли от торговой интеграции. Их продукция не только не была востребована на рынках западноевропейских стран, но и не выдерживала конкуренцию с западноевропейскими товарами, беспрепятственно нахлынувшими на внутренние рынки. При этом причины, по которым отечественные фирмы не смогли успешно конкурировать с западноевропейскими, не всегда имели «рыночную» природу. Например, значительная часть продукции местного агропромышленного сектора была вытеснена с рынков из-за существенно меньших дотаций Евросоюза сельхозпроизводителям новых стран-членов по сравнению со старыми.

Интеграция в инвестиционной сфере. Глубокая торговая интеграция стран ЦВЕ с западноевропейскими странами стала прямым следствием интеграции в сфере инвестиций. Как известно, о притоке прямых иностранных инвестиций (ПИИ) мечтают многие страны, рассматривая их не только как источник дополнительного капитала, но и в качестве канала получения передовых технологий. Согласно классическим теориям, эти технологии, поступая изначально на предприятия прямого иностранного инвестирования, затем могут «переливаться» за их пределы (в результате кооперации с другими предприятиями, копирования местными производителями, миграции кадров и т.п.⁴), обеспечивая технологическую модернизацию всего национального производства.

Странам ЦВЕ удалось привлечь большие объемы ПИИ (около 700 млрд долл. США по данным на 2016 г.), благодаря наделению иностранных инвесторов правом неограниченного участия в приватизации государственных активов, применению различных инвестиционных стимулов, низким налогам, относительно дешевой и квалифицированной рабочей силе, географической близости к главным европейским экспортерам капитала и вовлечению в процесс европейской интеграции, снизившему инвестиционные риски. Однако эффекта модернизации в масштабах всей экономики страны не получили. Одна

из главных причин этого заключается в том, что правила ЕС полностью исключают возможность проведения селективной политики в отношении ПИИ. В итоге ТНК перенесли в страны ЦВЕ лишь относительно простые, не содержащие ноу-хау стадии производственных циклов — в основном сборочные. Кроме того, иностранные инвесторы создавали в странах ЦВЕ главным образом предприятия со 100%-м участием своего капитала, которые обычно слабо интегрированы в местную экономику и не допускают утечки технологий.

Финансовая интеграция. Полное открытие экономики для иностранного капитала вылилось в доминирование в финансовых системах почти всех стран ЦВЕ дочерних подразделений иностранных, в основном западноевропейских, банков (исключение составляет только Словения). В Польше и Латвии иностранный капитал взял под контроль около 70% банковских активов, в Болгарии, Румынии, Венгрии и Хорватии — от 80 до 90%, а в Литве, Словакии, Чехии и Эстонии — от 91 до почти 100%!⁵.

До начала мирового финансового кризиса устойчивость сформировавшихся в странах ЦВЕ банковских систем не вызывала сомнений, так как «дочки» западноевропейских банков ориентировались в основном на обслуживание внутреннего спроса и почти не имели в своих портфелях зарубежных ипотечных бумаг и других токсичных активов⁶. Тем не менее, деятельность западноевропейских банков подвергла экономику стран ЦВЕ серьезным рискам. В погоне за более высокими процентными ставками в ЦВЕ они в «тучные» годы осуществили бурную кредитную экспансию в регионе⁷, при этом значительная, а в некоторых странах даже основная часть кредитов выдавалась «дочками» иностранных банков за счет средств материнских структур (меньшее распространение такая практика получила в Чехии, Словакии и Польше, наибольшее — в Венгрии, балканских и прибалтийских странах, где объем кредитов превышал объем депозитов в 1,5–3 раза⁸). Нарращивание кредитования на основе использования иностранных финансовых ресурсов стимулировало экономический рост, но

одновременно ухудшало платежные балансы стран ЦВЕ и сделало их банковский сектор весьма уязвимым к внешним шокам, несмотря на отсутствие токсичных активов.

Успехи и проблемы экономики в условиях евроинтеграции

Дать однозначный ответ на вопрос о пользе или вреде евроинтеграции для экономики стран ЦВЕ невозможно, поскольку ее включение в единый европейский рынок принесло как желанные плоды, так и неожиданные проблемы и разочарования.

Страны ЦВЕ определенное время служили примером успешного развития. С начала 2000-х гг. и вплоть до мирового финансового кризиса они входили в число наиболее динамично развивавшихся стран мира, постепенно сокращая свое экономическое отставание от стран Западной Европы (табл.). Повысился средний технологический уровень производства, увеличилась доля добавленной стоимости в валовом выпуске товаров и услуг, от половины до $\frac{3}{4}$ прироста регионального валового продукта обеспечивалось за счет роста общей факторной производительности, прежде всего — производительности труда⁹. При этом уровень безработицы, резко подскочивший в 1990-е гг., снижался. Впечатляющий рост показал товарный экспорт, причем в его объеме уменьшилась доля традиционных трудоемких изделий (одежды, мебели и пр.) и возросла доля капиталоемкой машиностроительной продукции, а в некоторых странах и доля высокотехнологичных товаров (особенно в Венгрии, Чехии, Эстонии).

Своими успехами страны ЦВЕ были во многом обязаны евроинтеграции, обеспечившей обильный приток ПИИ, гарантированный внешний спрос на продукцию филиалов ТНК и практически неограниченные возможности привлечения кредитов. Однако базирующаяся на этих преимуществах модель развития во многих отношениях ослабила с виду успешные экономики и сделала их уязвимыми к внешним шокам. Этому есть множество подтверждений, среди которых особенно важно отметить следующие.

Динамика реального ВВП в странах ЦВЕ

Страны	Объем ВВП в 2016 г.	
	в % к 1999 г.	в % к 2008 г.
Болгария	177	107
Венгрия	141	104
Латвия	192	103
Литва	194	105
Польша	181	127
Румыния	184	108
Словакия	188	115
Словения	142	98
Хорватия	133	92
Чехия	156	107
Эстония	185	106
ЕС-15* (для сравнения)	125	103

* 15 стран, входивших в ЕС до его расширения на восток.

Источник: *EurostatDatabase*

Экономический рост в странах ЦВЕ не имел под собой достаточной здоровой основы, что создало угрозу его устойчивости. Уровень национальных сбережений был почти во всех странах низким, и наращивание инвестиций происходило в значительной степени за счет частных внешних заимствований¹⁰. Рост личного потребления, подогреваемый щедрым кредитованием населения дочерними подразделениями западноевропейских банков, стимулировал закупки импортных товаров иностранными торговыми сетями. И первое, и второе вело к стремительному росту валового внешнего долга. Его суммарный объем в странах ЦВЕ увеличился со 187 млрд долл. в 2000 г. до 924 млрд долл. в 2008 г., т.е. в 5 раз за девять лет!¹¹ Особенно высоким был рост задолженности Латвии, Эстонии и Румынии (в 9 раз),

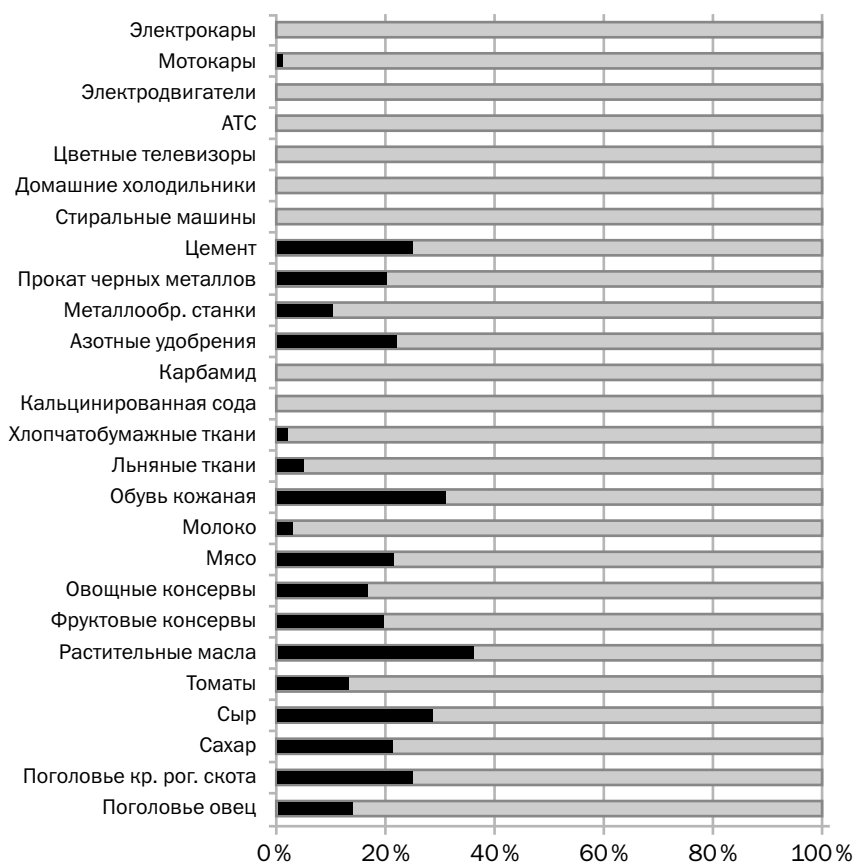
а также Литвы, Словении и Венгрии (в 6–7 раз). С началом мирового финансового кризиса объем частных заимствований за границей уменьшился, однако валовый внешний долг в большинстве стран ЦВЕ продолжал расти (особенно быстро в Польше, Словакии и Чехии), так как более активно прибегать к внешним займам стали правительства из-за обострения бюджетных проблем. К началу 2016 г. совокупный внешний долг стран ЦВЕ составил около 1 млрд долл.¹²

Дефициты государственных бюджетов, ставшие хроническим недугом стран ЦВЕ, вели к неуклонному росту валового государственного долга. Его объем относительно ВВП в Венгрии, Словении и Хорватии существенно превышает 60%, допустимые Маастрихтскими критериями финансовой стабильности. Это ограничивает возможности правительств в решении важных хозяйственных задач и развитии социальной сферы. Тот факт, что страны ЦВЕ даже в годы динамичного экономического роста испытывали проблемы с наполняемостью государственных бюджетов, в значительной степени объясняется низкими (в 1,5–2 раза ниже, чем, например, в Германии) ставками корпоративного налога, установленными ради привлечения иностранных инвесторов, а также предоставлением им налоговых льгот (вплоть до 10-летних налоговых каникул) и прямой государственной поддержки в форме субсидий (в основном на развитие инфраструктуры), кредитов и грантов¹³. Не стоит также забывать, что ТНК владеют такими технологиями организации транснациональных финансовых потоков, которые позволяют уменьшать платежи в бюджеты принимающих стран, что было отмечено еще в теории интернализации Р. Баккли и Д. Кассона (1976 г.).

Рост факторной производительности и добавленной стоимости был в основном не результатом улучшения качественных характеристик имевшихся производств, а следствием «раздувания» финансового сектора и сферы платных услуг при одновременном сворачивании традиционных видов экономической деятельности¹⁴. В условиях полной свободы передвижения товаров и движения капиталов в границах ЕС многие аграрные хозяйства и промышленные предприятия под натиском иностранных конкурентов сократили выпуск

продукции, либо были вовсе ликвидированы¹⁵. Из некоторых сегментов экономики транснациональные корпорации, пользуясь своими монополистическими преимуществами и правительственными льготами, вытеснили отечественных производителей полностью. Ярким примером разрушения отечественных производств может служить Болгария (рис.).

**Объем производства
традиционных видов продукции в Болгарии
в 2012 г., в % к 1988 г.**

Источник: *Статистически годишник 1989;*
Статистически справочник 2014

Впечатляющую динамику экспорта и «облагораживание» его структуры можно было бы отнести к безусловным достижениям стран ЦВЕ, если бы речь шла об экспорте отечественных товаров. Однако большинство экспортных производств созданы ТНК и встроены в вертикальные цепи поставок, то есть доминирует не традиционный экспорт, а внутрифирменный обмен. Что касается собственных предприятий стран ЦВЕ, то лишь немногие из них смогли выйти со своей продукцией на западноевропейские рынки. В результате доля национальной составляющей в добавленной стоимости экспорта значительно снизилась. Понятно, что рост экспорта, которым движет добавленная стоимость, поступившая из-за границы, не может служить индикатором повышения конкурентоспособности и оказывать реальное влияние на рост национальной экономики¹⁶.

Основную часть своих промышленных мощностей в Центрально-Восточной Европе ТНК сосредоточили в узком круге производств (в основном в производстве автомобилей, продовольствия, металлопродукции, электротехнического, электронного и оптического оборудования¹⁷) и ориентировали подавляющую часть экспорта (от 65 до 85 %!) на рынок Евросоюза, что сделало экономику стран региона глубоко зависимой от колебаний его конъюнктуры и спроса на ограниченном числе отраслевых рынков.

Наличие большого числа слабо связанных с местными предприятиями филиалов ТНК мало что дало странам ЦВЕ с точки зрения модернизации отечественного сектора экономики. В то же время расчет на чужие технологии отвлек внимание от развития собственной научно-технической сферы. Объем расходов на НИОКР относительно ВВП в странах ЦВЕ, по данным Евростата, значительно меньше, чем в развитых европейских странах, как и доля занятых в этой сфере, несмотря на высокий уровень образования населения. Это ведет к слабости инновационного потенциала, которая проявляется, среди прочего, в малом числе запатентованных изобретений, особенно в сфере высоких технологий.

Слабый научно-технический прогресс и почти полное отсутствие диффузии поступивших с ПИИ технологий привели в странах ЦВЕ к феномену т.н. дуализма экономики, то есть ее распаду на две обособленные части: низкодоходную, слабо конкурентоспособную «национальную» и более эффективную, экспортоориентированную «иностранную»¹⁸. В случае ухода иностранных инвесторов из такой экономики от их деятельности в стране не остается никакого следа. Таким образом, «технологическое иждивенчество» консервирует, а в долгосрочной перспективе может даже увеличить технологическое отставание, а значит, и отставание в экономическом росте от стран, активно развивающих науку и создающих инновации.

Наконец, о снижении уровня безработицы. Во многих странах ЦВЕ оно было связано не столько с ростом числа занятых, сколько с сокращением численности новых поколений трудоспособного населения из-за падения рождаемости, а также с ростом эмиграции в Западную Европу после появления у граждан возможности свободного передвижения и легального трудоустройства в границах ЕС. Румыния, Хорватия и Латвия из-за отъезда граждан в другие страны Евросоюза фактически лишились от 14 до 11 % своего трудоспособного населения, Литва, Болгария и Польша — от 8 до 6 %¹⁹. Многие из покинувших свои страны имеют высокий уровень профессионального образования, но занимаются в эмиграции неквалифицированным трудом. Часть уехавших через относительно непродолжительный срок возвращаются на родину, но большинство становятся долговременными эмигрантами.

Отток рабочей силы за рубеж смягчил ситуацию на рынках труда, но при этом обеднил трудовые ресурсы стран ЦВЕ, а во многих из них послужил важной, если не главной, причиной интенсивной депопуляции. За период с 1990 г. по 2016 г. население прибалтийских стран, Болгарии, Румынии и Хорватии уменьшилось, по данным Евростата, на 12–25 %. Неуклонно сокращается также население двух центральноевропейских стран — Венгрии и Польши. В итоге общая численность населения стран

ЦВЕ — членов ЕС уменьшилась более чем на 7,6 млн чел., или почти на 7%. Это можно расценивать как реализацию демократического права граждан на свободное передвижение, а можно — как свидетельство того, что Центрально-Восточная Европа по итогам евроинтеграции не стала более привлекательной для жизни людей.

Кризисные явления в мировой экономике и новый взгляд на модель экономического развития в странах ЦВЕ

Страны ЦВЕ сталкиваются с серьезными рисками из-за критической зависимости роста своей экономики от притока иностранного капитала и спроса на внешних рынках. В полной мере эти риски реализовались с началом мирового финансово-экономического кризиса, когда свободных денег на мировом рынке стало мало, а спрос на товарных рынках резко упал. Приток ПИИ в страны ЦВЕ сократился сразу в 2,3 раза, а иностранные банки практически перестали выдавать новые кредиты, которые ранее обеспечивали значительную часть экономического роста. В результате Центрально-Восточная Европа пережила более глубокую экономическую рецессию, чем большинство других регионов мира. Прибалтийские страны в 2009 г. потеряли по 14–18% своего ВВП, в большинстве других стран ВВП сократился на 5–8%, небольшой рост сохранила только польская экономика, наименее интегрированная в рынок ЕС. Уровень безработицы подскочил к 2010 г. в прибалтийских странах и Словакии до 15–20%, в остальных странах — до 7–12%. Реальные доходы населения почти всюду существенно снизились. Сближение со странами Западной Европы по уровню экономического развития в большинстве стран прекратилось или резко замедлилось²⁰.

Когда в мировой экономике и торговле началось оживление, Центрально-Восточная Европа показала один из самых низких темпов восстановления в мире, а некоторые страны региона даже не смогли остановить экономичес-

кий спад. Очередным препятствием на пути восстановления стал кризис суверенных долгов и повторная рецессия в еврозоне.

К более уверенному экономическому росту страны ЦВЕ стали возвращаться только в 2015–2016 гг. благодаря небольшому оживлению экономики еврозоны и постепенному восстановлению внутреннего спроса. Однако процесс экономической конвергенции с западноевропейскими странами идет значительно медленнее, чем это было до кризиса. Даже самые богатые страны региона (Словения и Чехия) продолжают уступать по объему ВВП по ППС на душу населения группе пятнадцати старых членов в 1,3 раза, а наиболее бедные (Румыния и Болгария) — в 2–2,5 раза.

Дальнейшее развитие стран ЦВЕ остается заложником экономической и финансовой ситуации в Западной Европе. Сегодня острота кризиса суверенных долгов в еврозоне спала, рецессия закончилась, однако невозможно предугадать, как долго продлится пришедший на смену робкий подъем. Понижательные риски сохраняются, и в случае очередного экономического спада в Западной Европе он может вновь перекинуться на страны ЦВЕ, глубоко зависимые от западноевропейских рынков и источников финансирования.

Страны ЦВЕ не застрахованы от негативных сценариев развития и в более спокойные периоды в европейской и мировой экономике, так как сравнительные преимущества в конкуренции за приток иностранного капитала уже в недалеком будущем могут быть ими утрачены ввиду появления аналогичных (или даже лучших) условий для деятельности ТНК в других странах, в частности Северо-Восточной и Южной Азии²¹. Риски начали просматриваться уже в середине 2000-х гг, когда в странах ЦВЕ фактически завершился процесс приватизации государственных активов, а производственные затраты, прежде всего на рабочую силу, существенно выросли.

* * *

Мировой кризис заставил усомниться в непреложности господствовавших на протяжении трех десятилетий принципов экономического либерализма. Модель экономики, в основе которой лежит господство транснациональных корпораций, требующих снятия любых ограничений на свободное движение всех факторов производства, не выдержала испытания потрясениями на мировых рынках. Дополнительным вызовом для стран ЦВЕ стал экономический и институциональный кризис в Европейском союзе, ставящий под вопрос эффективность их европоцентричной ориентации и развеивающий иллюзии относительно потенциала евроинтеграции как катализатора развития их экономики.

Осознание рисков чрезмерной торговой, инвестиционной и финансовой зависимости от Западной Европы стало постепенно менять отношение стран ЦВЕ к избранной четверть века назад модели развития. В ряде стран начинает набирать силу «экономический патриотизм» как реакция на господствовавший в течение десятилетий экономический либерализм. Ярким примером служит Венгрия. Руководство страны разработало и уже несколько лет реализует новую экономическую политику, направленную на поддержку отечественных товаропроизводителей, повышение доли национального капитала в банковском секторе и увеличение налогового бремени в энергетике, телекоммуникациях и крупной розничной торговле, где обосновались в основном филиалы ТНК²².

Отсутствие оптимизма относительно возвращения Евросоюзом своей прежней роли локомотива развития экономики стран ЦВЕ побуждает их к поиску новых инвесторов и рынков сбыта своих товаров за пределами ЕС — прежде всего, на Востоке и Юге, куда постепенно смещается экономический центр мира. Очевидно стремление форсировать прагматичное сотрудничество с Китаем и другими странами БРИКС, Японией, Республикой Корея, Сингапуром, Турцией, Ираном, странами Средней Азии, арабскими странами, а в будущем наладить более тесное экономическое взаимодействие также со странами Латинской Америки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Куликова Н.В., Сеницина И.С. Национальные и наднациональные компетенции в процессе расширения Европейского союза на восток // Опыт наднационального регулирования в региональных интеграционных группировках. М., 2015. С. 72–74.
- ² Глинкина С.П., Куликова Н.В., Сеницина И.С. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост. М., 2014. С. 15–16.
- ³ Там же. С. 16.
- ⁴ Barrell R., Holland D. Foreign direct investment and enterprise restructuring in Central Europe // *Economics of Transition*. 2000. Vol. 8. Issue. 2. P. 477–504.
- ⁵ EBRD. Regional Economic Prospects in EBRD Countries of Operations. January 2012. P. 15 // http://www.ebrd.com/downloads/research/REP/REP_January_2012_230112_FINAL.pdf.
- ⁶ Центральная и Восточная Европа: уроки мирового кризиса. СПб., 2011. С. 10.
- ⁷ Центральная и Восточная Европа: из кризиса в депрессию. М., 2014. С. 22.
- ⁸ EBRD. Regional Economic Prospects..., May 2010 // http://www.ebrd.com/downloads/research/economics/REP_May2010.pdf.
- ⁹ Куликова Н.В. Социально-экономические эффекты интеграции стран ЦВЕ в Европейский союз // Евроинтеграция: влияние на экономическое развитие Центральной и Восточной Европы. М., 2014. С. 31.
- ¹⁰ Центральная и Юго-Восточная Европа–2008: испытание мировым кризисом. М., 2009. С. 15, 27.
- ¹¹ EBRD // <http://www.ebrd.com/pages/research/economics/data/macro.shtml#macro>. 08.14.2013.
- ¹² Trading Economics // <http://www.tradingeconomics.com>.
- ¹³ Куликова Н., Фейт Н. Политика стран Центральной и Юго-Восточной Европы в отношении прямых иностранных инвестиций // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 1. С. 13–21; Куликова Н.В. Роль прямых иностранных инвестиций в модернизации экономики стран ЦВЕ — членов ЕС // URBI ET ORBI. В 3 т. Т. 3. Россия в глобальном мире. СПб., 2014. С. 450–455.
- ¹⁴ Центральная и Восточная Европа: из кризиса... С. 20–21.
- ¹⁵ Россия и Центральная и Восточная Европа: взаимоотношения в 2014–2015 гг. М., 2016. С. 32–33.
- ¹⁶ Rahman J., Zhao T. Export Performance in Europe: What Do We Know from Supply Links? IMF Working Paper.WP/13/62.March 2013. P. 6–7.
- ¹⁷ Модернизация в странах российского пояса соседства: структурный и технологический аспекты. М.; СПб., 2012. С. 26–29.
- ¹⁸ Куликова Н. Опыты модернизации в странах ЦВЕ // Свободная мысль. 2009. № 6 (1601). С. 58.
- ¹⁹ EU Employment and Social Situation. Quarterly Review. Supplement June 2014: Recent trends in the geographical mobility of workers in the EU. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2014. P. 5. Chart 2.
- ²⁰ Куликова Н. Уроки мирового кризиса в Восточной Европе // Свободная мысль. 2011. № 7–8 (1626). С. 32–33.
- ²¹ Глинкина С.П. Итоги трансформации, или к вопросу о разнообразии моделей капитализма. М., 2016. С. 25.
- ²² Волотов О.Г., Волотов С.О. Членство Венгрии в Евросоюзе: утраченные иллюзии // Россия и современный мир. 2015. № 4 (89). С. 128–133.

Кризис дипломатии ЕС как катализатор нового уровня международного сотрудничества на Балканах

Как это не раз бывало в истории, западно-европейская цивилизация — ее значимость для международного развития, идейная сила, даже мирное будущее — вновь поставлены под вопрос. И самими европейцами, и всеми значимыми международными акторами. Вызовы, с которым столкнулся сегодняшний Европейский союз (ЕС), где, как представляется, одним из самых серьезных является всеобъемлющий кризис доверия (как внутри объединения, так и со стороны внешних субъектов), вкупе с резко изменяющейся структурой международных отношений, способны перечеркнуть региональные достижения Западной Европы последних шести десятилетий и даже спровоцировать новый виток насилия в этой части континента.

Одним из значимых факторов дальнейшего развития международных отношений на общеевропейском пространстве является судьба евроатлантической интеграции в целом и расширения ЕС как ее части. По данному вопросу как в экспертных, так и в политических кругах ведется острая дискуссия. В практической плоскости она имеет непосредственное отношение к исторически самому сложному и взрывоопасному региону Европы, которую европейские бюрократы называют Западными Балканами, парадоксально находящемуся одновременно де-факто внутри ЕС, а де-юре — за пределами без особых надежд на полноправное (именно с точки зрения возможности влиять на принимаемые решения) членство.

По большому счету, кризис ЕС как расширяющегося геополитического проекта случался не единожды. Вопре-

ки расхожему представлению о том, что сегодняшнее нежелание европейцев даже думать о включении новых членов связано с текущими проблемами, можно утверждать: подобные настроения имели место на протяжении всей истории объединения. «Усталость от расширения» в этом отношении — новый термин, возникший в результате неудавшейся попытки принять Конституцию ЕС в 2005 г. На самом деле, «с самых первых дней Европейских сообществ вопрос о “расширении” и “углублении” “клуба” всегда приводил к острым дискуссиям. Франция дважды накладывала вето на вступление Великобритании в 1960-х гг. Де Голль опасался не только геополитической реконфигурации, которую вызывало британское вступление в Сообщества, но также конца европейского интеграционного процесса... Франсуа Миттеран категорически осуждал идею греческого и испанского членства... Опасения относительно восточного расширения и, в частности, его потенциально дестабилизирующего эффекта витали в воздухе все 1990-е и начало 2000-х годов»¹. Так что современная дискуссия внутри ЕС и за его пределами относительно возможности включения Западных Балкан отнюдь не нова. Но в силу различных обстоятельств к данной проблеме стоит отнестись на порядок более серьезно. В отношении западнобалканского региона она включает не только все традиционные элементы, такие как нежелание граждан стран-членов ЕС брать на себя фактически обязательство содержать новичков; опасения по поводу новых волн миграции; политической однородности ЕС. Помимо этого, появляется и совсем иной ракурс. Для бывших югославских государств Евросоюз стал «экспортером» кризиса. Причем кризис распространяется вне зависимости от той стратегии, которую выбирает объединение: вариант быстрого полного включения Балкан, широко обсуждаемой сегодня разной геометрии интеграции или максимального затягивания вопроса. Парадокс заключается еще и в том, что в случае балканских стран альтернатива членству в ЕС при сегодняшнем общем состоянии международного сотрудничества — еще более сильная дестабилизация и дробление

региона, что уже проявляется в текущей политике как самих региональных лидеров, так и традиционных или недавно пришедших на Балканы международных сил.

ЕС, на наш взгляд, опрометчиво, в первую очередь, для себя и европейской безопасности проявляет в отношении Западных Балкан известную долю цинизма. Приняв непосредственное участие в дроблении Югославии по самому пессимистическому сценарию (поспешное признание Германией независимости Словении и Хорватии, создание нежизнеспособных государств Боснии и Герцеговины и Республики Косово, отделение Черногории от союзного с Сербией государства), сегодня европейская дипломатия пустила ситуацию на самотек, предоставив балканским государствам возможность (или участь) разбираться с клубком своих проблем самостоятельно. Произошло это при общем понимании нескольких ключевых исторических и современных особенностей развития региона. Обобщенно, история государственности всех балканских стран — история клиентелистских отношений с «великими» державами. Краткие периоды объединения южных славян сменялись этническими войнами и рокировками внутри региональных союзов. Все это отнюдь не способствовало формированию эффективной государственной машины, выделению четких и долговременных внутри- и внешнеполитических целей. Побег от Югославии — яркий тому пример. «Югославская дезинтеграция создала ощущение немощи, слабости и бесперспективности. Спасение виделось в новой интеграции... Не в некой новой Югославии, а в Европе или спонсорско-клиентелистских отношениях с США (или Россией в случае Сербии и Республики Сербской, или Турцией — в боснийском варианте). Именно поэтому Европа в представлении многих была неким вариантом анти-Югославии и альтер-Югославии одновременно»². С оглядкой на недавнюю кровавую историю региона и внутриполитические отношения подобный сюжет выглядит, с одной стороны, парадоксально. Государства, мечтавшие об обретении независимости, подлинной и всеми уважаемой, так легко расстались с ней! В то время парадокс был

вполне объясним. Однополярная система международных отношений, с лежавшей в основе идеей либерализма и демократии, в конце 80-х — начале 90-х гг. XX века обретает реальность. И для всех балканских народов, униженных и растоптанных войнами, включение в ЕС, в ряды тогдашней элиты и глашатаев либерализма, означало одновременно и признание, и желанное процветание. Однако постъюгославские страны оказались на своем европейском пути менее удачливыми, чем их центральноевропейские соседи³. Последние проходили трансформацию на волне обоюдного с Западом успеха, воодушевления, надежд. Процесс активного присоединения стран западнобалканского региона совпал с мировым экономическим кризисом, общим кризисом идей либерализма и, как следствие, появлением новых и возрождением старых международных игроков. Для постъюгославских республик, где всегда было велико разнонаправленное влияние внешних сил, это дополнительно осложнило обстановку.

Феноменально и то, что сегодня, несмотря на выход Великобритании из ЕС, неожиданно быстро развернувшийся каталонский сюжет, внутренние экзистенциальные проблемы объединения в целом, «полное членство в Европейском союзе — все еще привлекательная внешнеполитическая цель для политических элит и значительного сегмента населения во всех странах Западных Балкан... Быть членом ЕС все еще означает быть “нормальной” страной, не находящейся больше “в транзиции” и поэтому являющейся менее успешной, чем остальные. [Это происходит потому, что] трансформация в балканских странах — исключительно болезненный и сложный процесс, и в целом народ устал от нее. Но отказ в членстве в ЕС многие бы восприняли как лишение вознаграждения, как то, что все усилия оказались напрасными»⁴. К этому следует добавить и то, что для балканских политических элит формальный отказ от будущего членства в Евросоюзе как основной внешнеполитической цели (что пока очень сложно представить, поскольку большая часть сегодняшних элит является марионеточной для ЕС и США) — оче-

видный поворот в сторону открытого обострения международной конкуренции в регионе. Балканские политические элиты, с одной стороны, этого боятся, с другой — просто не хотят. Кроме того, при всем желании активизировать свою роль в Европе через заигрывание и совместные проекты с Россией, Турцией, Китаем, арабскими странами, Балканы по-прежнему остаются, скорее, объектом, чем субъектом международного влияния. Разнонаправленные усилия мировых игроков, полярные эмоциональные предпочтения в обществах, повсеместно нерешенные вопросы национального и государственного строительства, сложнейшая социально-экономическая обстановка во всех балканских странах (как членах, так и нечленах ЕС) превращают регион в крайне уязвимое и взрывоопасное звено европейской системы международных отношений. Именно поэтому политика, проводимая сегодня в регионе ЕС, и оказываемая, с одной стороны, очень невнятной в содержательном отношении, а с другой — направленной на вытеснение других международных сил, — чревата, в первую очередь, для самого ЕС. Она требует корректировки именно сегодня, когда, казалось бы, Евросоюз в большей степени должен посвятить себя решению насущных внутренних проблем. В противном случае, «европеизируя» Балканы, Европа вновь рискует «балканизироваться» сама.

Стратегия ЕС заключается, с одной стороны, в минимальном поощрении усилий, предпринимаемых западно-балканскими странами. Таком поощрении, при котором у балканцев напрочь не теряется интеграционный импульс, а европейцы не страдают материально. С другой, — в несостоятельных попытках «пожурить» отстающих (как в случае с БиГ), «надавить» без понимания, какие долгосрочные последствия для всей Европы могут иметь подобные шаги, на непокорных (к примеру, в отношении политического кризиса 2015–2017 гг. в Македонии), занять позицию, которую можно трактовать двусмысленно (как по вопросу создания Армии Косова).

Прежний еврокомиссар по вопросам расширения и политики добрососедства Штефан Фюле утверждал, что

расширение удастся только в случае реализации принципа «Четырех С»: доверие, состоятельность, обязательство и решимость (в английском языке — *credibility, consistency, commitment, courage*). Однако действительность свидетельствует о том, что именно этих «Четырех С» ЕС не хватает. Ни о каком доверии по отношению к новым кандидатам речи идти даже не может. «В общественном сознании европейцев Балканы остаются регионом чрезвычайно хрупким, опосредованным межэтническим противостоянием за территорию и власть, взаимоисключающими национализмами, незавершенным государственным строительством, глубоко укоренившейся коррупцией и абсолютной экономической несостоятельностью. Несмотря на это, европейские чиновники до сих пор произносят слово “Европа” так, будто это волшебная пилюля, способная излечить любые балканские болезни», — утверждает британский ученый-европеист Джон О’Бреннан⁵. Неудивительно, что опросы общественного мнения свидетельствуют о растущем скептицизме среди граждан ЕС относительно будущего расширения. Но, как ни странно, жители самих балканских стран от членства в Европейском союзе эйфории также не испытывают. Во всяком случае, стремление во что бы то ни стало интегрироваться в ЕС не настолько очевидно, как это было еще пять-семь лет назад. Хотя, как уже было сказано выше, оно остается основной целью и желанием. На референдуме в Хорватии перед вступлением страны в ЕС в январе 2012 г. «голосовали лишь 42 % населения, и лишь 68 % из них выразили поддержку интеграции. Против вступления выступили 31 % хорватов... По некоторым данным, непосредственно накануне вступления менее половины (45,1 %) граждан Хорватии приветствовали присоединение к ЕС, четвертая часть (25,6 %) опрошенных была против интеграции, а остальные (26,6 %) считали это событие одновременно и положительным, и отрицательным»⁶. Стабильно высоким, но столь же стабильно снижающимся выглядит рейтинг ЕС в других постъюгославских республиках. Так, на вопрос, как вы думаете, ЕС — «хорошо» или «плохо», поставленный в

2015 г., респонденты ответили следующим образом. Жители Албании и Косова практически единодушны в том, что ЕС — «хорошо» (84 % и 89 % соответственно). 41 % македонцев позитивно оценивают ЕС при 15 % скептиков. А вот оставшиеся три государства (не принимая в расчет члена ЕС Хорватию) примерно одинаково распределили свои голоса между «хорошо» и «плохо»: в Черногории «за» — 35 %, «против» — 23 %, в Сербии «за» — 24 %, «против» — 27 %, Боснии и Герцеговине «за» — 30 %, «против» — 26 %⁷. Очевидно, что стабильно высокими рейтинги остаются только в Албании и Косове, для которых объединение в ЕС представляет собой либеральную альтернативу набирающим силу проектам реализации идеи объединения албанцев в той или иной форме. По мнению Димитра Бечева, подобная картина вырисовывается в западнобалканских странах и потому, что с позиций еврореализма они уже неотъемлемая часть ЕС. Жизнь в объединенной Европе для них, скорее, неизбежность. «Со всех практических точек зрения Балканы — уже часть ЕС, одного из рынков, которые Ян Зелонка описал как “неосредневековую империю”. После вступления в 2007 году Болгарии и Румынии регион окружен ЕС. Четыре государства — члена ЕС играют доминирующую роль в торговле: Германия, Италия, Австрия и Греция»⁸. Сегодня к ним присоединилась и Хорватия. То же можно сказать и про финансовые потоки, и про банковский сектор. Получается, что вопрос доверия со стороны европейцев к балканским соседям нагнетается во многом искусственно. Их принятие в единую европейскую систему во многом уже произошло (как, например, в случае со свободным передвижением граждан большинства балканских стран внутри ЕС).

Значительно более серьезной проблемой и для ЕС, и для постъюгославских республик является отсутствие второго «С» по Фюле — состоятельности. ЕС стал экспортером экономического кризиса на Балканы, и без того ведущие борьбу за выживание. По меткому выражению Д. Бечева, «интеграция — палка о двух концах для Западных Балкан: в хорошие времена европейское “ядро” экспортиро-

вало свое процветание на юго-восточную “периферию”; но сейчас, в кризис, оно экспортирует нестабильность»⁹. Очевидно, что чем ближе балканские страны на своем пути к членству в ЕС, тем больше их экономика, завязанная на общеевропейскую, становится уязвимой под давлением внешних воздействий. Серьезную озабоченность вызывают банковская и финансовая системы стран Юго-Восточной Европы. Ни одна из стран, кроме Албании, не имеет своей свободно плавающей валюты. В Черногории действует евро. Македонский и сербский динары де-факто также привязаны к европейской валюте. Боснийская конвертабельная марка обращается под контролем немецкого регулятора. Корни балканского банковского сектора — в Вене, Франкфурте, Афинах и Милане. И поэтому когда европейская банковская система дала крен, на Балканах тут же взлетели ставки кредитования. Упал объем прямых иностранных инвестиций. Еще сильнее обострилась проблема безработицы. По официальным данным, в среднем на Балканах она составляет 24–28%. Однако, если взять самую активную группу населения — людей в возрасте от 18 до 55 лет, то, к примеру, в Боснии и Герцеговине безработным оказывается каждый второй. В Косове процент еще выше. При этом «ни у одной из сегодняшних стран-кандидатов нет сильного “спонсора” в ЕС, что отличало ситуацию с присоединением Хорватии и германским “участием”, или греческим финансированием интеграции Кипра»¹⁰. В подобной экономической ситуации и с учетом собственных сложностей экзистенциального характера «ЕС должен реалистичнее подходить к выдвиганию новых требований. Необходимо сконцентрироваться на относительно небольшом числе критически важных реформ, а не строить Леголенд все новых и новых запросов, которые в итоге могут уничтожить проевропейские силы в странах-кандидатах»¹¹.

То, что кажущееся выполнение всех критериев и даже многолетнее членство в ЕС могут не спасти от краха, свидетельствует пример Греции. Для Западных Балкан он особенно важен и показателен. Ведь Греция — это и мо-

дель интеграции, и еще в совсем недавнем прошлом ее последовательный проводник для стран Юго-Восточной Европы.

Греция была для балканских государств примером того, как южноевропейская страна может стать членом ЕС, проводить успешную политику реализации своих национальных интересов внутри объединения, играть позитивную роль в осуществлении внешней политики (в том числе, направленной на включение в состав ЕС Западных Балкан). Именно в Салониках в 2003 г. для всех сегодняшних стран-кандидатов из Юго-Восточной Европы открылся диалог о будущем членстве. «Вдобавок на Салоникском саммите 2003 года было принято решение о потенциальном предоставлении странам безвизового режима со странами Шенгенского соглашения, что имело огромный эффект для граждан региона»¹². Все эти решения были проведены в жизнь при непосредственном участии Греции во время ее председательства в ЕС в 2003 г. Примерно того же уровня лоббирования ожидали западнобалканские страны от Греции в 2014 г. Однако жизнь сложилась несколько иначе. Вопросы расширения не были включены в приоритетную повестку председательства, что первоначально разочаровало всех балканских лидеров. Однако и в этот раз Греция пыталась максимально содействовать приближению Балкан к членству. Так, именно во время греческого председательства 24 января 2014 г. Сербия открыла переговоры о членстве. При содействии Афин в период с января по июнь 2014 года с Черногорией было открыто пять новых глав *acquis*. Кроме того, греки начали признавать шенгенские визы в паспортах граждан Косова, что само по себе знак того, что Греция готова (или вынуждена под давлением партнеров по объединению) сотрудничать и с этой частично признанной республикой. Наконец, именно в период председательства Афин Албании был предоставлен статус кандидата.

Но это позитивная сторона греко-балканского сотрудничества. Если рассматривать ситуацию в другом ключе, то выясняется, что греческий кризис наложил огромный

отпечаток на весь балканский регион. Во-первых, снизилась интенсивность торговых отношений¹³. А ведь торговые отношения с Албанией, Черногорией, Македонией всегда были тесными. По средним оценкам, экспорт данных балканских стран в Грецию варьируется в диапазоне 12–16% от общего. Греческий банковский сектор — самый объемный из числа европейских на Балканах. В Македонии он составляет около 30% рынка, в Албании — 25%, а в Сербии — 15%. При этом совместно с итальянскими банками греки контролируют примерно половину банковского сектора Балкан¹⁴.

Другим эффектом греческого кризиса стало «стремительное снижение объема поступлений, приходящих на Западные Балканы от балканской диаспоры. Греческая катастрофа — безработица — спутала карты рабочих-мигрантов. Рабочие из Албании, Болгарии, других республик стали жертвами экономического коллапса. Значительное число мигрантов вернулись в свои страны, спровоцировав дальнейший рост безработицы и усиление давления на хрупкие социальные системы теперь уже у себя дома. Падение объема поступлений от диаспоры ударило по валютному резерву стран, среднесрочному бюджетному планированию и финансированию текущего бюджетного дефицита... Примерно 600.000 албанцев жили и работали в Греции, принося около 650 млн евро (около 8% ВВП) Албании (данные за 2009 год). Коллапс греческого строительного сектора, где было занято большинство албанцев, имел негативный эффект как на микроуровне (семейные бюджеты), так и на макро (доходы албанского правительства)»¹⁵.

Наконец, самое главное: в политическом отношении Греция перестала быть и ориентиром, и успешным посредником между Брюсселем и балканскими столицами. Более того, то, каким образом греческий взрыв был подавлен внутри ЕС, ярко демонстрирует, на какое место могут претендовать балканские страны внутри объединения. Невольно возникает вопрос: если за три десятилетия своего членства в ЕС Греция не смогла вылечить все свои

пороки, то как можно ожидать, что страны Западных Балкан способны провести схожие структурные реформы, тем более в условиях изменившегося отношения к интеграции самого ЕС, ограниченных финансовых ресурсов и фактора непопулярности требующихся мер среди населения?

Третья составляющая успеха проекта «Западные Балканы в ЕС» по Штефану Фюле — обязательство. Все в большей и большей степени регион Западных Балкан рассматривается не сам по себе, а в контексте проблем безопасности. В этом отношении, как показала практика, важность Македонии и Сербии ничуть не меньше, чем Хорватии или Словении, уже являющихся членами ЕС. Например, доказывая свою лояльность, сербы в ходе миграционного кризиса взяли на себя обязательства несравнимо большие и тяжелые, чем многие страны-члены ЕС. В обмен на это сербское государство получило только бюрократические «морковки» — открытие следующих переговорных глав по вступлению в ЕС, а Македония и вовсе оказалась в пучине внутривластного кризиса.

Наконец, последнее «С» — решимость. В случае с этой составляющей возникают серьезные сомнения. Решимость ли необходима в регионе, где не решена ни одна из проблем, в сущности приведших к гражданским войнам конца XX века? Скорее, речь должна идти о политической мудрости, взвешенности. О том, что они отсутствуют, свидетельствуют примеры Боснии и Герцеговины и откровенное попустительство со стороны евроатлантических партнеров попыткам албанцев де-факто перекроить национальные границы в регионе.

Так, все чаще и чаще спустя двадцать лет после заключения Дейтонского мира лидеры боснийских сербов, мусульман и хорватов говорят о том, что он оказался абсолютно искусственной надстройкой, за счет которой не удалось ни построить функционирующее государство, ни по-настоящему примирить народы. «Примечательно, что Республика Сербская сегодня оперирует теми же аргументами и занимает похожие позиции, как это делали Словения и Хорватия в Югославии. Второй по величине народ

постоянно стремится к децентрализации, большей автономии... Это будет продолжаться, поскольку это не позиция отдельных руководителей Республики Сербской, а системный результат. Парадоксально, но кажется, что если бы ЕС предложил членство только целой Боснии и Герцеговине, то это привело бы еще к большим сепаратистским устремлениям в Республике Сербской. Здесь уместна историческая аналогия: словенский сепаратизм усилился именно тогда, когда Европейские сообщества начали переговоры с Югославией о гипотетическом членстве. Словенцы тогда сказали: «Хотим в Европу, но не в границах Югославии». Ведь если бы они вступили как часть Югославии, их шансы на выход из нее хоть когда-нибудь оказались бы равными нулю»¹⁶. Если следовать данной логике, то очевидно, что представления и местных лидеров, и самого ЕС о том, что факт вступления западнобалканских стран в Союз может поставить точку на обсуждении экзистенциальных проблем развития региона, не имеют под собой реальных оснований. За двадцать лет ЕС, располагая множеством инструментов влияния, — от политических до финансовых — не смог разрешить ни одно из противоречий Боснии и Герцеговины. Оказался не в состоянии обеспечить не только имплементацию, но и даже принятие решений по ключевым для себя вопросам (как, например, с конституционной поправкой Сейдич-Финци). К сожалению, это вопрос не решимости, а отсутствия системного видения ситуации.

То же самое происходило в случае с политическим кризисом в Македонии. На витке его разгорания, весной 2015 года, ЕС сначала вообще не отреагировал на происходящее, потом обнаружил ничтожность собственного авторитета в стране, когда не смог самостоятельно усадить за стол переговоров представителей власти и оппозиции и был вынужден привлечь для этого США. После состоявшихся в декабре 2016 г. внеочередных парламентских выборов занял крайне опасную для Европы в целом политическую позицию. Суть ее заключалась в формальной поддержке избирательного закона Македонии. В со-

ответствии с ним, македонская оппозиция, заключившая коалицию с тремя албанскими партиями, имела право на формирование кабинета, но не получила соответствующий мандат от президента Георгия Иванова. Причины поведения президента понятны. В январе 2017 г. албанские партии при непосредственном участии Тираны принимали «Албанскую платформу», в соответствии с которой выдвигались требования о предоставлении албанскому языку статуса государственного в Македонии, облегчении трансграничного режима с Косово и Албанией и ряд других. Параллельно запущен и вопрос формирования Армии Косова. Очевидно, что этот блестящий и своевременный (в момент смены власти в США) маневр албанцев ведет к фактическому созданию Великой Албании, решению «македонского» вопроса по существу. Перспективное отделение албанцев в том или ином виде от остальной Македонии неизбежно повлечет за собой усиление Болгарии и желанную сегодня коллективным Западом нейтрализацию России в последней. Однако одновременно это не может не привести к параллельным процессам в Боснии и Герцеговине, где Республика Сербская непременно получит российскую поддержку, а хорваты, наконец, дождутся обещанного Загребом еще в 90-е годы XX века воссоединения. Во всяком случае, со стороны официально Загреба все громче звучит запрос на создание хорватской автономии в БиГ. Кроме того, воплощение албанской идеи создаст прецедент для других европейских народов и окончательно надломит основу действующей международно-правовой системы — Хельсинкские соглашения. То, что подобная ситуация в Европе может устраивать некоторых международных игроков, допустимо. Однако, может ли такой сценарий удовлетворять интересам самой Европы? Разумеется, нет. Соответственно, решимость, если следовать Ш. Фюле, должна состоять в том, чтобы признать неудачи самостоятельной балканской политики ЕС, а также ответственно и системно подойти к решению проблем данного пространства, от чего будет зависеть и будущее Европы в смысле безопасности, и будущее ЕС как взвешенной,

идейной геополитической силы, которой, действительно, не хватает миру и о которой мечтает сам Союз.

Пути оптимального развития Западных Балкан

С одной стороны, анализ текущего положения дел в балканском регионе под углом зрения интеграции в ЕС и ее безальтернативности наталкивает на вывод о том, что интеграционная политика Евросоюза на данной территории столкнулась с рядом сложно преодолимых проблем, а потому эффективна лишь отчасти. Некоторые усилия, безусловно, являются очень важными. К ним относится, например, попытка сконцентрироваться на проблемах верховенства закона. Также разработаны интересные механизмы того, как сохранить диалог и интеграционный импульс у стран, с которыми по тем или иным причинам прогресс невозможен. Однако та же политика явно породила и дополнительные проблемы. Все усложняющиеся схемы и критерии привели к тому, что процесс интеграции не ускорился, а, напротив, замедлился. Вместе с тем, следует признать, что никакими иными действенными факторами долгосрочной стабилизации региона международное сообщество сегодня не располагает. Более того, несмотря на все внутренние проблемы ЕС, пока его право на системное влияние на Балканах никем из влиятельных мировых сил не оспаривается. Однако дальнейшее ослабление ЕС в регионе неизбежно приведет к сверхконкуренции, что может иметь негативные последствия уже для самих Балкан. Поэтому, в первую очередь, ради стабильности и поступательного развития всей Европы, ЕС следовало бы изменить тактику в отношении других международных акторов, присутствующих на Балканах. Сегодня Евросоюз, обозначив Балканы своей внутренней зоной влияния, воспринимает других исключительно в качестве конкурентов. И действительно, «ЕС остается “безоговорочной силой” в регионе — даже для Сербии, считающей себя центральным звеном и проповедующей принцип “четырёх

столпов внешней политики” (ЕС, США, Россия и Китай). Когда ЕС надавил достаточно сильно, Белград безропотно согласился с требованиями в отношении Косова и подписал соглашение в обмен на статус кандидата. Но как только ЕС ослабляет давление, политический оппортунизм возвращается вновь. Противопоставление ЕС другим игрокам, одной страны-члена другой или же просто ведение игры на повышение ставок становится для местных политических элит самым рациональным выбором»¹⁷.

Это происходит, в первую очередь, потому, что ЕС пропустил момент, когда расклад внутри системы международных отношений стал меняться. Набрал обороты Китай. Вновь заявила о себе Россия. С прежней силой, но уже исходя исключительно из собственных интересов, включились в игру исламские страны. Это отразилось и на геополитическом раскладе внутри балканского региона. Появление России, Турции, Китая, арабских стран позволяют политическим элитам бывших югославских республик осуществлять небольшие, но неприятные для ЕС маневры, не меняя при этом общеевропейского фарватера.

Турция преимущественно эксплуатирует свои экономические и дипломатические возможности. Объем ее инвестиций сравнительно небольшой, но устойчивый. Объем торговых отношений Турции и балканских стран за десять лет вырос в шесть раз: с 2,9 млрд долл. США в 2002 г. до 17,5 млрд долл. в 2012 г.¹⁸ Год от года усиливаются ее позиции среди мусульманского населения Балкан. Турки делают ставку на культурную и религиозную общность, на то, что Турция, по сути, — часть Балкан. В общем турецкая политика не противоречит на сегодняшний день той, что проводит ЕС. Однако для очень многих уже в самом ближайшем будущем, с одной стороны, Турция может оказаться моделью. Страной, которая и без членства в ЕС смогла стать влиятельной и в целом преуспевающей. Это особенно актуально для мусульманской части Боснии, Албании, Македонии — стран, чье членство в ЕС на современном этапе призрачно. С другой, религиозная радикализация Турции, внутренние проблемы, внешнеполи-

тический фактор очевидно имеют негативную проекцию и на балканскую политику, и на ценности, экспортируемые турками на Балканы.

Свою экономическую нишу на балканском рынке заняла и продолжает расширять КНР. Наконец, и Россия вернула рычаги экономического и политического влияния на Балканах. В первую очередь, это, конечно, энергетический сектор, присутствие в котором европейские партнеры активно пытаются нивелировать. Кроме того, Россия обладает определенным политическим влиянием в регионе. Оно может быть использовано как для стабилизации, так и для ответного расшатывания мира в регионе.

Для ЕС ситуация в регионе осложняется еще и тем, что традиционный партнер, США, в ряде стран имеет большее политическое влияние, чем Европа. Существует и Косово, «где США все еще играют определяющую роль и часто имеют более значительное влияние на правительство»¹⁹. Кроме того, как верно отмечает Деян Йович, «если ЕС не будет дальше расширяться, то такие страны, как БиГ, Македония, Албания и Косово все больше будут стремиться к США и от них требовать больших гарантий безопасности. Следует вспомнить 1990-е годы, когда Европа не сумела гарантировать мир в Боснии и Герцеговине, а США, и потому, что хотели, и потому, что были должны, оказались главным игроком в Боснии. Чем меньше ЕС, тем больше США. Так происходит с Албанией, которая в большей степени опирается на союзничество с США через НАТО, чем на ЕС»²⁰. Не стоит забывать и о том, что мир в данном регионе — де-факто результат политики США и преподносится, в первую очередь, как их успех, который европейцы не сумели в должной степени развить, поэтому ЕС вряд ли стоит ожидать, что балканский регион вновь, как это было в середине 2000-х годов, будет отдан США под контроль исключительно европейских партнеров.

Все вышеперечисленные международные акторы уже заняли определенные ниши. Вытеснить их — сложно и неоправданно, поскольку ни один из международных игроков даже сейчас, в условиях кризиса ЕС, не имеет своей

целью проведение альтернативного европейскому курсу на Балканах. В этом бессмысленно и недальновидно уличать Россию (чем активно занимаются западные партнеры в последние годы), которая на протяжении всех лет после распада СССР воспринимала Балканы в качестве связующего с Европой звена, а свое возвращение, прежде всего, экономическое видела в концепции перспектив выхода на рынок ЕС.

Европейский союз же сам по себе успешен тогда, когда он — драйвер перемен, роста и развития. В сложившейся экономической и политической ситуации, в сложнейшей международной обстановке этот механизм можно запустить через разумное подключение других внешних игроков. В реализации проекта совместной стабилизации Балкан. В частности, «ЕС должен инвестировать больше в региональные инициативы с Турцией, которые могли бы дать импульс новому потенциалу роста, привлечь инвестиции, увеличить конкурентоспособность...»²¹.

Дальнейшее стремление Запада к изоляции России для Балкан может иметь разные последствия. У сегодняшней России нет разработанных альтернативных проектов в регионе: Балканы, пусть и важный, но все же второстепенный сюжет во внешней политике страны. Но ее поведение на международной арене, декларируемые принципы сами по себе выглядят привлекательно для значительной части балканских стран. В этом отношении на руку России играют общественные настроения в постъюгославских республиках, население которых однозначно восприняло Крымскую операцию 2014 года как верный признак возрождения России. ЕС целесообразно вновь вернуться к идее сотрудничества с Россией. По крайней мере, в пределах Балкан, крайне взрывоопасных и при этом стратегически не могущих стать камнем преткновения для международных игроков. ЕС заинтересован в стабильности региона. Она во многом сегодня зависит от поведения российской элиты. Россия готова пойти в регионе на ряд компромиссов, поскольку, с одной стороны, это зона традиционного присутствия и уход из нее неприемлем, а

с другой — здесь нет столь острых российских интересов, как, например, на пространстве бывшего СССР. В современных условиях, прежде всего, компромиссы могли бы быть найдены в отношении Республики Сербской. Именно российская сторона способна оказать необходимое влияние на ее политическую элиту и, тем самым, обеспечить поиск вариантов для нормального развития государства. В обмен ЕС мог бы предложить приемлемые условия экономического и энергетического сотрудничества, отказ от которого был сделан исключительно в пользу одного члена ЕС — Германии.

Подобный подход всецело отвечает и интересам безопасности в Европе. Сейчас внутри ЕС активно обсуждаются различные варианты перехода к многоскоростной Европе, при котором арьергард ЕС не мешал бы Германии и другим евроцентристским силам строить более сильное и единое интеграционное объединение из ограниченного количества государств-членов. Страны Западных Балкан в этой связи пытаются убедить в том, что от подобного подхода они только выиграют — так удастся быстрее вступить и, соответственно, достичь обещанной электорату цели. В действительности очевидно, что положение в регионе от этого не улучшится. Скорее всего, все обозначенные внутренние проблемы только обострятся, поскольку влияния на развитие ЕС данные государства не получают; внешние же игроки будут еще в большей степени ограничены в том, чтобы способствовать стабилизации и ускоренному экономическому развитию. Для Западных Балкан многоскоростная Европа, увы, не выход, а западня.

Наконец, подключение других внешних игроков к европейскому проекту на Балканах выхватило бы у местных политических элит их традиционный исторический козырь — привычку перебегать с одной стороны на другую. Совместная стратегия международных игроков просто исключает подобную возможность, а ее отсутствие, как и обостряющаяся конкуренция, в сегодняшних условиях неизбежно порождают внутрирегиональную нестабильность.

Остается вопрос, почему международное сообщество должно быть заинтересовано в таком сценарии. Войны в Сирии и на Украине, повсеместный в Европе кризис либерализма, пренебрежение основами международно-правового порядка и усиление международной конкуренции в целом свидетельствуют, что прежних геополитических и идейных парадигм больше нет. Мир оказался перед вызовами, от достойного и ответственного ответа на которые зависит его мирное будущее. Неопределенность будущего балканского региона опасна, потому что «Балканы всегда были регионом, где накапливалась энергия “пороховой бочки”. Балканы прошли этап турбулентных геополитических сдвигов. Балканы — рубеж трех цивилизаций: западноевропейской, восточноевропейской и азиатско-мусульманской. От решения насущных проблем народов, населяющих этот особый регион, зависят стабильность и безопасность складывающегося многополярного мира»²².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Jovic D. 1989: GODINA KOJA NAM SE NIJE DOGODILA. Političkamisao. 07.12.2014. <http://politickamisao.com/1989-godina-koja-nam-se-nije-dogodila/>.

² Ibidem.

³ См., к примеру: Буланникова Ю.А. Региональное сотрудничество как инструмент европейской и евроатлантической интеграции стран Юго-Восточной Европы // Между Москвой и Брюсселем. М., 2016. С. 130–143.

⁴ Jovic D. Instead of Enlargement, «Restern Balkans» in Consolidation // European Western Balkans. 2015.29.07. <http://europeanwesternbalkans.com/2015/07/29/instead-of-enlargement-restern-balkans-in-consolidation/>.

⁵ O'Brennan J. Enlargement Fatigue and its Impact on the Enlargement Process in the Western Balkans // Reports of London School of Economics. 2015. № 18. P. 37. <http://www.lse.ac.uk/IDEAS/publications/reports/pdf/SR018/OBrennan.pdf>.

⁶ Соколова П.С. Влияние кризиса на политику расширения ЕС: Западные Балканы // Кризис ЕС и перспективы европейской интеграции (политические аспекты). М., 2013. С. 40.

⁷ Balkan Barometer 2015. Public Opinion Survey. Analytical Report, Regional Cooperation Council Secretariat. Sarajevo. 2015. P. 45.

⁸ Bechev D. The periphery of the periphery: the Western Balkans and the Eurocrisis // European Council on Foreign Affairs. 2012. August. P. 3.

⁹ Ibid. P. 1.

¹⁰ Jovic D. Instead of Enlargement...

¹¹ Ibidem.

¹² Koktsidis P., Armakolas I., Maksimovic M., Feta B. The Western Balkan EU Accession Process and the Greek Presidency 2014 // ELIAMEP. 2014. August. P. 47.

¹³ Подробнее о греко-балканских экономических отношениях см: *Panagiotou R., Valvis A.* How is the sovereign debt crisis affecting Greece's relations with the Balkan countries and Greece's standing in the region? An initial impact assessment // ELIAMEP. 2014. May. <http://www.eliamep.gr/wp-content/uploads/2014/07/eliamep.pdf>.

¹⁴ *O'Brennan J.* Op. cit. P. 41.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ *Jovic D.* BiH je globalno pitanje koje male zemlje u okruženju ne mogu riješiti // FENA. 2017. 01. Februar. <http://www.6yka.com/novost/120211/dejan-jovic-bih-je-globalno-pitanje-koje-male-zemlje-u-okruzenju-ne-mogu-rijesiti>.

¹⁷ *Bechev D.* Op. cit. P. 8.

¹⁸ *Kutuk D.* Deepening relations between the Balkans and Turkey: Economic growth and patterns of development // Foreign Policy News. 2015. 11 May. <http://foreignpolicynews.org/2015/05/11/deepening-relations-between-the-balkans-and-turkey-economic-growth-and-patterns-of-development/>.

¹⁹ *Bechev D.* Op. cit. P. 7.

²⁰ *Jovic D.* BiH je globalno pitanje koje male zemlje...

²¹ *Bechev D.* Op. cit. P. 9.

²² *Примаков Е.* Балканы и современный мир // Независимая газета. 24.10.2011. http://www.ng.ru/ideas/2011-10-24/9_balkany.html.

Европейский путь развития для стран бывшей Югославии

Мечта о «единой Европе», безопасной, успешной, благополучной, с равными возможностями десятки лет витала над Балканами, маня и соблазняя народы полуострова своей невероятной привлекательностью. Правительственные круги и чиновники всех рангов убеждали своих граждан, что вхождение в Европейский Союз (ЕС) откроет новые возможности для инвестиций, укрепит промышленные и сельскохозяйственные предприятия стран, способствует созданию новых рабочих мест, всестороннему образованию, повышению квалификации и возможности трудоустройства в более развитых европейских государствах. Все эти надежды тесно переплетались с перспективами от членства в НАТО. Экономическое процветание было неотделимо от стабильности и безопасности, которые виделись многим странам после вхождения в Североатлантический альянс. Все проблемы социального, территориального, культурного характера собирались решать уже внутри общего европейского пространства.

Зачем Европе страны балканского региона? Изначально ЕС задумывался как сильное с экономической точки зрения объединение. И первые 12 его членов, действительно, этому критерию соответствовали. В Маастрихтском соглашении (7 февраля 1992 г.) определялись пять критериев, которым должны были удовлетворять страны, желающие вступить в ЕС: дефицит государственного бюджета не должен превышать 3 % ВВП; государственный долг может быть не более 6 % ВВП; государству следует в течение двух лет участвовать в механизме валютных кур-

сов и поддерживать курс национальной валюты в заданном диапазоне; уровень инфляции не должен превышать более чем на 1,5 % среднего значения трех стран-участниц Евросоюза с наиболее стабильными ценами; долгосрочные процентные ставки по государственным облигациям не превышают более чем на 2 % среднее значение соответствующих ставок в странах с самой низкой инфляцией¹.

В дальнейшем расширение ЕС приобрело политический характер. Ни одна из республик бывшей Югославии в полной мере не соответствовала требованиям для вступления в организацию. Кроме экономического отставания в новых балканских странах наблюдались также проблемы с высоким уровнем коррупции, несовершенством судебной системы, несоблюдением прав национальных меньшинств, неразрешенные территориальные споры с соседними государствами.

Чтобы стать частью ЕС и НАТО, республикам бывшей Югославии, Словении и Хорватии, потребовалось провести широкомасштабные реформы банковской, судебной, финансовой систем. Значительно были сокращены армии этих стран, и начался процесс перевооружения. Даже после всех изменений уровень развития республик бывшей Югославии оказался намного ниже тех требований, которые предъявлялись для претендентов на вступление. ЕС выделял значительные средства на период адаптации новых членов. Но на какие-то глобальные экономические преобразования их было явно недостаточно.

До 2008 г. Словения представляла образец одной из самых развитых и успешных экономик Юго-Восточной Европы. Стране удалось безболезненно перейти к рыночной системе, сохранив высокий уровень ВВП. В период 2007–2008 гг. в эйфории от единого европейского экономического пространства госкомпании и частные предприятия активно брали кредиты, в том числе и под государственные гарантии. В результате, государственный долг Словении вырос с 22 % до 50 %. Средний месячный доход в это же время вырос на 15,2 %. Высокие зарплаты вызвали серьезный рост импорта. Отрицательный внешнеторго-

вый баланс Словении утроился до 7%. Поток иностранного капитала иссяк, и стране оказалось нечем оплачивать импортные товары. Руководству страны последние годы пришлось серьезно сокращать фонд заработной платы и социальные программы. В 2015 г. государственный долг Словении достиг своего исторического максимума и составил 28299,96 млн евро, что существенно превышает объем годового ВВП (1500 млн евро) за тот же год². В условиях общемирового экономического кризиса эти тенденции приобрели катастрофический характер для дальнейшего развития страны.

Высокий уровень внешней задолженности и отсутствие значительных золотовалютных резервов (в 2012 г. они составляли всего 722,2 млн евро) заставляют международные рейтинговые агентства понижать уровень кредитоспособности страны, что еще больше затрудняет получение иностранных заемных средств. Снижение рейтинга Словении с AA– до A+ означало потерю в 500 млн евро, так как государство, банки и предприятия получили иностранные кредиты под более высокую процентную ставку, которая и без того на 2% превосходила среднеевропейский уровень. Но проблема состояла еще и в том, что таких дорогих кредитов просто неоткуда взять. Поэтому словенское правительство было вынуждено принять решение о сокращении бюджетных расходов в 2012 г. с 10,3 до 9,6 млрд евро³.

Кризис переживает промышленность, строительство и сельское хозяйство. Объем промышленного производства, сократившийся в 2009 г. на 17,7%, в 2010 г. вырос на 5,9%, однако в следующем году прирост затормозился до 2,8%, а в 2012 г. он составил символические 0,4%. При этом в перерабатывающей промышленности произошёл спад на 0,5%. В глубоком кризисе уже четвертый год находится строительство. Объем строительных работ, после сокращения в 2009 г. на 21%, снизился в 2010 г. еще на 17%, а в 2011 г. и того больше — на 25%. Падение продолжилось и в 2012 г. — на 16,8%. Транспортные перевозки, объем которых уменьшился в 2009 г. на 19,6%, в следующем году вернулись на докризисный уровень и в 2011 г. вырос-

ли еще на 8,2%, однако в 2012 г. темп прироста был нулевым. Объем розничной торговли сократился в 2009 г. на 10,6%, в последующие два года практически стагнировал, а в 2012 г. уменьшился на 2,3%⁴.

Кризис сильно ударил по словенской банковской системе. Из-за невозврата выданных ранее кредитов банки стали неликвидными и оказались на грани банкротства. В 2011 г. банки Словении понесли чистого убытка на сумму 356 млн евро. Несмотря на значительные вливания бюджетных средств в докапитализацию крупных банков, они практически отказываются кредитовать реальный сектор экономики. Полученные от государства средства не доходят до предприятий и остаются в ликвидных резервах банков. Да и сами предприятия уже не обращаются за заимствованиями на новые инвестиции, а в кредитах на погашение долгов им отказывают из-за отсутствия залогового имущества.

Проблемы сбыта продукции и нехватки оборотных средств ставят многие предприятия в безвыходное положение. Только за восемь месяцев 2012 г. обанкротились 369 словенских предприятий и 51 индивидуальный предприниматель. Их долги в общей сложности составляли 1,6 млрд евро. Список производственных объектов, прекративших работу или переживающих процедуру банкротства, постоянно увеличивается. Прекратили свою деятельность многие строительные фирмы, деревообрабатывающие и мебельные фабрики, ряд спортивных обществ, лишившихся спонсоров⁵.

Не простым был путь в ЕС и Хорватии. Накануне вступления в ЕС Хорватии в 2013 г. в беседе с газетой «Известия» директор загребского Центра международного анализа Боголюб Лацманович констатировал: «Хорватия присоединяется к ЕС как финансово-экономический инвалид»⁶. «Мы превратимся в страну торговых центров с западными товарами», — сказал «Известиям» бывший хорватский дипломат и один из организаторов движения «За Хорватию не в ЕС» Карино Хромин Штурм. «Загреб, — подчеркнул он, — продает свои судостроительные заводы.

А ведь раньше Югославия была третьей судостроительной страной после США и СССР. Мы будем полностью зависеть от капитала Запада»⁷. По его мнению, после проведения навязанных Брюсселем реформ Загреб потерял 80 % национальной промышленности и впал в зависимость от внешних кредиторов. И хотя после вступления Хорватия получит из фондов ЕС помощь в размере более чем 650 млн евро, а до 2020 г. в распоряжении Загреба окажется 11,7 млрд евро из ряда европейских фондов, практика других стран показывает, что воспользоваться этими средствами не так просто. По словам тогдашнего председателя правительства Зорана Милановича, Загребу «пришлось пройти через такую проверку, которой еще не подвергалось ни одно другое государство»⁸.

Жесткие требования стандартов ЕС ухудшили ситуацию во многих отраслях производства и сельского хозяйства Хорватии. По нормам Евросоюза страна утратила право поддерживать отдельных производителей в плане реорганизации и модификации производства. Помощь возможна только в рамках программы защиты природы, в сфере инноваций. В Хорватии закрылись ряд предприятий, заводов и фабрик, сократились посевные площади и виноградники, была вырезана часть скота. Не справляется с нагрузкой банковская система.

По данным Госкомстата страны за 2013 г., уровень зарегистрированных безработных достиг максимального уровня за последние десять лет и составил 21,9%⁹. По данным Службы занятости Хорватии, в конце января 2013 г. было зарегистрировано более 372.000 безработных. В январе инфляция в стране составила 5,2 % в год, в результате темпы роста потребительских цен оказались ниже, чем ожидалось, но в то же время и самыми высокими за последние четыре года. Больше всего выросли цены на жилье (на 14,3 %), воду и электроэнергию, газ и другие виды топлива. На 6,2 % зафиксирован рост цен на продукты питания и безалкогольные напитки, в то время как цены на алкогольные напитки и табак увеличились на 5 %. Цены на услуги здравоохранения подросли на 3,4 %¹⁰.

В последующие годы эти показатели только выросли. В 2014 г. Министерство финансов Республики Хорватии констатировало, что страна уже шестой год находится в состоянии рецессии¹¹. В начале года Международное агентство «Standard & Poor's» снизило рейтинг Хорватии с BB+ до BB. «Снижение рейтинга отражает наше отношение к недостаточным мерам экономии, которые предприняло правительство для стимулирования экономического роста», — отметили в Агентстве¹². Небольшого роста ВВП стране удалось достичь только к началу 2015 г. В 2016 г. темпы роста ВВП возросли от 0,7 до 1,7%. При этом зафиксированы рост безработицы (с 14,8 до 15,4) и инфляции (с 0,2 до 0,9)¹³.

Самые развитые республики бывшей Югославии превратились, по сути, в рынки сбыта продукции и услуг стран Западной Европы. В результате, они оказались на грани дефолта, в ситуации постоянно усиливающейся рецессии. У европейских партнеров желания развивать эти регионы не наблюдается. Они могут предложить Хорватии и Словении дешевые потребительские кредиты крупных западных банков, инвестиции в отдельные отрасли, выгодные, прежде всего, им самим, а также поддержку инфраструктуры со стороны крупных европейских компаний. Миграция рабочей силы касается очень узкого круга специальностей, чаще граждан из бывшей Югославии приглашают в качестве разнорабочих.

Со стороны ЕС постоянно звучит констатация нерентабельности, неконкурентоспособности, инвестиционной непривлекательности этих стран. Выход озвучивается только один — сокращение расходов, в том числе в социальной сфере, жесткий режим экономии. Такие меры ведут к социальной и политической напряженности.

Страны, которые стремятся в ЕС, стараются не замечать всех этих отрицательных сторон от вхождения в объединение. С нетерпением ждут приглашения политические элиты Черногории, Македонии, Сербии, а также Боснии и Герцеговины (БиГ). Даже Косово, со своим сомнительным с правовой точки зрения статусом, всеми силами стремится в Евросоюз.

Попыткой ЕС распространить и укрепить свой контроль на территории бывшей Югославии, создав некий конгломерат из стран балканского региона, стало изобретение специального пропагандистского понятия «Западные Балканы». Они включали в себя Сербию, Боснию и Герцеговину, Черногорию, Косово, Македонию и Албанию — или Албанию плюс бывшая Югославия, минус Словения и Хорватия. Однако естественного взаимного притяжения у этих стран нет. Термин активно используется, но не несет какой-либо практической нагрузки. Слишком велики разногласия между отдельными странами.

Еще в 1999 г. специально для Балкан Евросоюз разработал стратегию, с помощью которой собирался выстраивать систему взаимоотношений с каждым отдельным государством, оказывая давление и внедряя в их внутреннюю жизнь европейские параметры, ориентиры, правила, принципы. Эта новая стратегия была закреплена в документах саммита, который прошел в Загребе в 2000 г., и получила название «Процесс стабилизации и ассоциации». Через три года, в июне 2003 г. в Салониках, в нее были внесены новые элементы так называемого «усиленного политического сотрудничества». Они нацеливались на меры по ускорению экономического роста посредством повышения экспортных возможностей стран региона, привлечение стран бывшей Югославии в отдельные программы Союза.

Следующим шагом явилось подписание Соглашения об ассоциации и стабилизации между ЕС и балканскими странами, что в дальнейшем способствовало присвоению официального статуса «кандидат» и начала процесса присоединения. Европейские аналитики Отон Анастасакис и Димитр Бечев считали, что движущей силой данного процесса является чрезвычайная привлекательность европейской модели, что станет сильнейшим стимулом для проведения необходимых радикальных реформ, укрепления стабильности, более активных действий местных правительств¹⁴. Первые Соглашения об ассоциации и стабилизации были подписаны в 2001 г. ЕС с Македонией и

Хорватией. В 2007 г. такое Соглашение заключили с Черногорией, в 2008 г. — с Сербией и Боснией и Герцеговиной, в 2015 г. — с Косовом. На сегодняшний день только Хорватия вошла Европейский Союз. Статус «кандидата» имеют: Македония (с 2004 г.), Черногория (с 2008 г.), Сербия (с 2009 г.). Босния подала заявку в «кандидаты» в 2016 г., но ее статус еще не подтвержден.

Последние годы стратегия ЕС по отношению к странам бывшей Югославии стала меняться. Подход к каждому государству стал индивидуальным, и, по всей видимости, прием в организацию по политическим мотивам закончился. Экономический кризис отчетливо продемонстрировал способность к выживанию и дальнейшему развитию стран Еврозоны с более мощной экономикой и неспособность самостоятельно противостоять трудностям более слабых стран. Дальнейшее расширение на Балканы только еще более ослабит ЕС, так как новые регионы потребуют больших финансовых вложений. Но от политического влияния на Балканах Европа отказываться не собирается.

В силу исторических традиций, национальных особенностей, нерешенных разногласий между соседями, безоговорочно послушного воле ЕС пространства на территории бывшей Югославии не получилось. Хорватия не захотела в полной мере сотрудничать с Гаагским трибуналом по бывшей Югославии, в отличие от Сербии, которая с готовностью выдавала своих военных и политиков. Также хорваты сделали все, чтобы воспрепятствовать возвращению сербских беженцев. Не повиновалась Хорватия и в вопросе невмешательства во внутренние дела соседнего государства Боснии и Герцеговины. Вопреки активному внешнему вмешательству, внутренней нестабильности, всем пессимистичным прогнозам окрепла Республика Сербская в БиГ. Словения и Хорватия не позволили распродавать свои территории иностранцам, максимально усложнив в этой сфере законодательство.

Не удалось Евросоюзу справиться с коррупцией на присоединенных территориях. Наташа Срдоц, соучредитель хорватского экспертно-аналитического центра «Адриати-

ческий институт», считает, что ЕС «намеренно закрыл глаза» на проблему коррупции в Хорватии. Срдоц заявляет, что процесс вступления не принес простым гражданам Хорватии того, на что они рассчитывали. Инициированные ЕС правовая и судебная реформы, а также реформа, касающаяся механизмов преследования коррупционеров от политики, были, по ее мнению, проведены не на должном уровне.

Срдоц указывает также на статистические данные, которые говорят об оттоке из Хорватии более чем 15 млрд долл. вследствие противоправных действий, коррупционных схем и уклонения от уплаты налогов. Она уверена, что, если бы эти средства можно было вернуть, Хорватии не потребовались бы иностранные займы. Последние выборы в стране также сопровождалась коррупционными скандалами: в 2011 г., по ее словам, было подано свыше миллиона несуществующих или нелегальных голосов. Это почти четверть населения всей Хорватии, в которой насчитывается немногим более четырех миллионов жителей. Хорватское правительство после этого пообещало провести «чистку» избирательных бюллетеней. При этом, как считает Срдоц, на этапе вступления мало что изменилось — по всей Хорватии наблюдается разгул коррупции. «Во всех ветвях власти засели мошенники одной масти», — резюмирует она¹⁵.

Не справился пока ЕС и с решением территориальных споров между республиками бывшей Югославии. Неопределенность и затягивание окончательного решения по территориальным вопросам рождает слухи, создают нервную атмосферу, провоцируют попытки заинтересованных сторон прибегать к закулисным интригам. Ярким примером подобной практики являются разногласия между Словенией и Хорватией по вопросу принадлежности Пиранского залива, который расположен в северной части Адриатического моря. Он был назван в честь одноименного города, и его берега являются общими для двух стран. В качестве компромиссного решения Хорватия предлагает проведение границы посередине залива, но в этом случае

Словения оказывается в зависимости от воли хорватской стороны для выхода в международные воды.

В 1991 г. словенское руководство предложило установить границы в заливе, исходя из положения города Пиран, но позднее (5 июня 1992 г.) объявило весь залив собственностью Словении и до сих пор продолжает настаивать на этой позиции. В Хорватии Пиранский залив называется «залив Савудрии». Изначально он использовался в качестве названия для части залива. С 2000 г. местные хорватские рыбаки стали называть так весь залив. Вслед за ними данную терминологию подхватили хорватские средства массовой информации, затем местные органы власти, и, наконец, новое название стало озвучиваться на государственном уровне, что привело к его появлению на официальных картах. Такие действия противоречат сложившейся практике определения географических названий и воспринимаются словенскими властями как стремление «придумать» исторические связи с бухтой для усиления позиции в споре.

Поскольку договора о разграничении так и не удалось достигнуть, Словения в 2008 г. блокировала интеграцию Хорватии в Евросоюз, а тогдашнее хорватское правительство Ядранки Косор было вынуждено ради дальнейшей евроинтеграции, согласиться вынести этот вопрос на рассмотрение международного Арбитража в Гааге. Этот шаг не был популярным, но казался единственно возможным на тот момент решением.

В результате в ноябре 2009 г. между правительствами Хорватии и Словении был подписан документ о согласии на проведение международного арбитражного разбирательства под эгидой Постоянной палаты третейского суда и при посредничестве Евросоюза. На референдуме, проведенном в июне 2010 г. в Словении, 52 % проголосовавших граждан поддержало данное соглашение. Достижение договоренности со Словенией по этому вопросу позволило Хорватии в 2013 г. присоединиться к Евросоюзу. Вердикт Международного суда по спорной территории не мог быть обжалован. Постановление ожидалось в конце 2015 г., од-

нако в июле того же года разразился скандал. В хорватской газете «Вечерни лист» опубликовали транскрипт беседы Йернея Секолеца, члена Арбитражного суда от Словении, и Симоны Дреник, представительницы словенского Министерства иностранных дел в этом суде, которые обсуждали, каким образом можно повлиять на вынесение вердикта в пользу своей страны. Впоследствии появились и аудиозаписи разговора. Премьер-министр Хорватии Зоран Миланович заявил о выходе его страны из договора об арбитраже со Словенией. 16 августа 2015 г. парламент Хорватии единогласно поддержал это решение правительства.

Несмотря на то, что еще в конце 2014 г. министр иностранных дел Словении Карл Эрьявец намекал, что, по неофициальной информации, Арбитраж вынесет решение в пользу его страны, Хорватия воздерживалась от официальных заявлений. Но скандал 2015 г. стал той последней каплей, которая дала повод хорватскому руководству поднять вопрос о выходе из этого невыгодного для нее разбирательства.

После того, как Загреб отозвал своего представителя в соответствии со второй статьей арбитражного соглашения, председатель Трибунала имеет право назначить судью без участия Хорватии. Следовательно, технически разбирательство вполне может возобновиться. Правда, Хорватия может не согласиться с решением Арбитража как незаконным, что сделает невозможным его исполнение. Спор о морской границе между Загребом и Любляной рассматривается в настоящее время в Арбитражном суде в Гааге.

В марте 2017 г. председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер сообщил о продолжении арбитражного процесса по вопросу Пиранского залива и призвал возобновить диалог между заинтересованными сторонами. «Хорватия добровольно заключила соглашение со Словенией о начале арбитражного разбирательства, и оно еще в силе. Верю, что страны безоговорочно примут решение суда. Страны ЕС должны продемонстрировать свое единство», — заявил Ж.К. Юнкер¹⁶. Очевидно, что чиновник Евросоюза выступает с точки зрения общеевропейских интересов. В

случае поддержки Арбитражем того или иного участника территориального спора, проигравшей стороне следует отказать от своих национальных интересов в пользу стабильности в Европе. В ответ на это заявление, премьер-министр Хорватии Андрей Пленкович выразил возмущение неприемлемой позицией Европейской комиссии, так как Арбитраж скомпрометировал себя. Вопрос пролива, по его мнению, следует решать каким-то другим путем¹⁷.

Постоянное метание политического руководства балканских стран между национальными интересами, историческим прошлым, традициями и желанием угодить Евросоюзу неизбежно привели к политическому кризису практически во всех странах бывшей Югославии. Экономические проблемы усугубили его максимально. На данном этапе политический коллапс наблюдается в Хорватии и Македонии. Сложная внутривнутриполитическая ситуация в Сербии и Черногории, нестабильно на политической сцене Словении.

Меняются правительства, президенты, один за другим проходят выборы в парламенты, но, независимо от конкретных программ, многочисленных заявлений и обещаний, ситуация в экономике, политической жизни, социальной сфере не улучшается. Не сумев провести две важные реформы, пенсионную и трудового законодательства, в Словении в 2012 г., за год до истечения мандата, в отставку ушло правительство Боруца Пахора. Бывший премьер-министр Янез Янша также не смог предложить ничего нового для преодоления экономического кризиса, и был смещен после начала громкого коррупционного скандала.

На последних парламентских выборах большинства стран региона избиратели выразили недоверие как прежним лидерам из 1990-х гг., так и новым, ориентирующимся на европейские структуры и организации. Наблюдается значительный рост евроскептицизма и среди тех, кто уже вступил в ЕС и тех, кто туда только собирается.

Появляются и альтернативные Евросоюзу варианты будущего развития стран региона, такие, как партия «Мост» в Хорватии с программой масштабных реформ.

Они нереалистичны по своей сути, но ярко демонстрируют попытку части хорватского общества хоть что-то противопоставить жесткой системе ЕС. В ходе выборов 2015 г. лидеры партии заявили: «Мы хотим четких, серьезных реформ. Граждане должны настроиться на то, что мы будем резать по-живому!»¹⁸ Реформирование предполагало затронуть такие сферы, как культура, законодательство, судебная система, государственная администрация, местное управление, предпринимательство, энергетика, защита окружающей среды. До сегодняшнего дня Хорватия развивалась исключительно в рамках тех требований, которые ей предъявляла ЕС.

Предлагаемые «Мостом» реформы могут вступить в противоречие с общей линией единой Европы. Например, ряд хорватских юристов уже выступили с опасениями, что предложенная реформа правосудия, по сути, означает «шаг назад» и, скорее всего, не понравится ЕС. Крунислав Олуич, судья Верховного суда, заметил: «Молодые люди не знают, как на самом деле функционирует судебная система»¹⁹. Он раскритиковал планы по объединению Государственного судебного веча и Государственного обвинения веча и не согласился с утверждением представителей «Моста» о том, что в судебных инстанциях мало научных кадров. По мнению эксперта, предложения по судебной системе приведут к массовым сокращениям и, что самое главное, к необходимости внесения изменений в Конституцию. По его мнению, данные предложения «не похожи на реформы, а больше напоминают популистские заявления, ориентированные на избирателей»²⁰.

12 сентября 2016 г. в Республике Хорватии внеочередные парламентские выборы. Необходимость новых выборов возникла из-за того, что по результатам всеобщего голосования в начале ноября 2015 г. в хорватском Саборе не удалось сформировать парламентского большинства. Страна погрузилась в долгосрочный политический кризис. Все попытки трех ведущих политических сил (коалиции «Хорватия растет» во главе с правящей Социал-демократической партией — СДП, «Патриотической коалиции»,

которую возглавляла оппозиционная консервативная партия Хорватское демократическое содружество — ХДС, третьей — политическое движение «Мост») не увенчались успехом. До сих пор в хорватском Саборе политические силы разрознены.

Хорватское общество расколото. Убедительной победы на выборах не добились ни сторонники решительных реформ, ни те, кто призывает хорватов вернуться к традиционным ценностям. Хорватские граждане не видят европейского благополучия и стабильности, которые им обещала политическая элита после вступления в ЕС. Продолжается рост безработицы, увеличивается государственный долг, социальные программы сворачиваются, растет недовольство ветеранов войны, не получающих достаточной материальной поддержки. Ни одна из партий не сможет решить эти проблемы в жестких условиях европейских стандартов.

Речь молодого хорватского депутата от коалиции «Живая стена» Ивана Пернара в Саборе в конце 2016 г. приобрела сенсационный характер, получила широкий общественный резонанс и выявила те настроения, которые витают в молодежной среде Хорватии. Примечательно, что остальные депутаты выслушали доклад в полном молчании, открыто не поддерживая его, но и не мешая озвучить весь текст выступления. И. Пернар обратил внимание присутствующих на то, что с 2013 г. для Хорватии от ЕС нет никакой пользы, а от НАТО — только вред. Так, молодой политик отметил, что после вступления в ЕС Хорватия не только не получила доступ к новому рынку, но и потеряла собственный. «Мы, как государство ЕС, лишены суверенитета, мы сами себе не хозяева, потому что не можем принимать ключевые решения по вопросам монетарной, внешней или налоговой политики, все они навязываются извне, а при этом говорится, что ЕС приносит демократию и свободу. Это сказки, в которые граждане Хорватии верят все меньше»²¹, — заявил И. Пернар.

Таким образом, мы видим, насколько изменились за прошедшие годы взгляды на свои перспективы и будущее

ЕС даже тех стран, которые долго и упорно шли к заветному членству в этой структуре. Не прошло и трех лет, а молодые политики в Хорватии заявляют: «...Нам остается только надеяться, что люди наконец-то проснутся, и Евросоюз распадется, а каждое государство, входившее в него, вернет себе суверенитет и будет проводить политику в своих собственных интересах, а не как сейчас, когда Вашингтон говорит Хорватии — вы должны ввести санкции против России, и мы делаем это, хотя никакой пользы нам от этого нет»²².

Страны, которые хотели бы присоединиться к Евросоюзу, делают для этого все возможное, идут на многочисленные уступки и условия, даже если они противоречат национальным интересам и носят сомнительный с точки зрения права и морали характер. В Черногории власть дискредитировала себя, погрязнув в коррупции и связях с криминалом. В отношении Мило Джукановича, который находится у власти с 1991 г., занимая то пост премьер-министра (1991–1998, 2003–2006, 2008–2010, 2012–2016), то президента (1998–2002), итальянская прокуратура начала расследование в мае 2002 г. М. Джуканович подозревался в причастности к группировке контрабандистов сигарет. Следствие располагало свидетельскими показаниями против черногорского президента и части его окружения и готово было выдвинуть обвинение. Однако ход этому делу так и не дали, заморозив его на неопределенное время. Европа заинтересована в послушном и управляемом лидере Черногории, который беспрекословно будет выполнять ее распоряжения, особенно эффективно это можно осуществлять под угрозой судебного разбирательства. Только Джуканович сможет привести страну в НАТО и ЕС, пойдя на все условия этих организаций.

Оппозиционные движения сумели вывести массы на улицы с акциями протеста против существующего режима и внешнеполитических планов руководства. По данным социологических опросов черногорского агентства «Дамар», в 2015 г. 62 % граждан Черногории поддерживали вступление страны в ЕС и только 32 % хотели бы присо-

единиться к НАТО. Опрос населения в феврале 2016 г. показал 47% сторонников Североатлантического альянса, 37% высказались против и 15,6% окончательно не определились²³. Власти удается различными методами, часто далекими от демократических стандартов, подавлять недовольство населения и сдерживать лидеров оппозиции. По распоряжению М. Джукановича осуществлялся разгон демонстрантов на улицах черногорской столицы с применением слезоточивого газа, избивание лидеров оппозиционных движений. Европа, выступающая за права человека и демократию, промолчала и делает вид, что в области защиты прав человека в Черногории ничего не происходит.

В случае с Македонией мы видим противоположные реакции западных стран. Здесь, в отличие от Черногории, инициатива руководства наказуема. В данное время в этой стране существует серьезный политический кризис. После последних парламентских выборов в декабре 2016 г. оппозиционный Социал-демократический союз образовал коалицию с тремя албанскими партиями и потребовал от президента Георге Иванова мандат на формирование нового кабинета министров. Глава государства ответил отказом. «Ни Конституция, ни совесть не позволяют мне отдать мандат тому, кто подрывает суверенитет и независимость Республики Македонии»²⁴, — заявил президент. Угрозу государству представляет платформа, которую в 7 января 2017 г. приняли македонские албанцы в Тиране. В «Тиранской платформе» содержатся требования о придании албанцам статуса государствообразующей нации, уравнивании македонского и албанского языков, внесении в государственную символику албанских элементов, экономическое и административно-правовое равенство народов²⁵. Придя к власти, албанцы собираются начать претворять эти планы в жизнь. Фактически, речь идет о федерализации страны с перспективой ее разделения в дальнейшем, что приведет в результате к исчезновению государства Республики Македонии.

Эти намерения албанских политиков не смущают и не настораживают европейцев. Решение президента Македонии было негативно воспринято в Европе. Верховный

представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Федерика Могерини призвала Г. Иванова пересмотреть свое решение. Ее поддержали еврокомиссар Йоханнес Хан и генсек НАТО Йенс Столтенберг. Посол США в Македонии Джес Бейли выразил разочарование Вашингтона позицией президента. Таким образом, очевидны неприкрытая поддержка интересов албанцев и активное вмешательство Запада во внутренние дела суверенного государства.

И снова мы видим то безразличие, то слишком настойчивое вмешательство Европы в происходящее на Балканах. Смена власти неугодных лидеров какой-либо страны уже не раз опробована в ходе так называемых «оранжевых революций». Но если европейцев устраивает то, как в их интересах действует руководство той или иной страны, тогда международное сообщество закрывает глаза даже на преступления.

Много лет хорватский Сабор (парламент) возглавлял Владимир Шекс, которого Гаагский трибунал обвиняет в военных преступлениях. Он свободно ездил по всему миру. Например, в 2010 г. В. Шекс посетил Украину, где делился опытом по политическому строительству в современном демократическом государстве. И никакой реакции от европейских поборников правосудия и справедливости не последовало.

Бывает и иначе. Вспомним ту охоту, которая велась на сербского генерала Ратко Младича. Для его поимки были задействованы все возможные ресурсы как внутри Сербии, так и за ее пределами. И беспрецедентным выглядит отношение ЕС к политическому руководству Косова. Наиболее криминализированного региона нет во всей Европе. На территории Края расположены лагеря подготовки боевиков, через эту территорию проходит наркотрафик, известны случаи торговли органами. И все это не помешало ЕС в ноябре 2015 г. заключить с Косовом Договор о стабилизации и ассоциации, что автоматически становится шагом к началу переговоров о вступлении Края в Евросоюз. Тем самым, организация нарушила собственные пра-

вила. Ранее по этому вопросу требовалось согласие всех стран — членов ЕС. Понимая, что заручиться поддержкой всех стран не удастся, так как не все признали независимость Косова, Договор был заключен с Евросоюзом как неким единым целым. По оценкам представительства ЕС в Косове, общая сумма финансовой помощи Брюсселя в период с 2007 г. по 2020 г. составит 1,4 млрд долл.²⁶

Несмотря на то, что Босния и Герцеговина была одной из первых стран бывшей Югославии, с которой ЕС заключил Соглашение об ассоциации, ее прием в организацию рассматривается в далекой перспективе. Несовершенство государственной системы и внутренняя политическая нестабильность государства, которое сами же европейцы совместно с американцами выдумали в Дейтоне в 1995 г., не вызывают у ЕС доверия. Беспрекословно подчиняться требованиям Европы готова только Босния. Второй субъект федерации Республика Сербская с 2010 г. старается выйти из-под постоянного контроля и давления со стороны Запада. В 2006–2014 гг. президент Республики Милорад Додик заблокировал процесс присоединения БиГ к НАТО.

Откровенно провокационный характер носит политика Евросоюза по отношению к Сербии. С 2009 г. звучат обещания принять страну в ЕС, но одновременно выдвигаются многочисленный жесткие требования, которым не видно конца. Эти условия вступления в организацию не имеют ничего общего с теми требованиями к кандидатам, которые прописаны в документах Евросоюза. Обещания принятия в ЕС превратились в инструмент давления и шантажа. Последние несколько лет Сербию вынуждали заключать соглашения с Приштиной, которые планомерно расширяли политические и экономические возможности Края. Европа ждет от Сербии официального признания независимости Косова. Сербская политическая элита заявляет о готовности страны войти в ЕС, но утрата части территории государства для любого политика будет означать политическое фиаско.

В истории с беженцами из Сирии республикам бывшей Югославии была уготована роль своеобразного буфе-

ра на границе ЕС. Крупные европейские страны приняли столько переселенцев, сколько могли обеспечить, при этом тщательно отфильтровав их. После перекрытия границ ЕС на Балканах фактически в положении заложников остались те, кого в Евросоюз не пропустили. Среди них много экстремистки настроенных групп. Они вполне могут расшатать и без того нестабильный регион, в котором масса собственных внутренних противоречий.

Осознавая потенциальную угрозу, в ЕС заговорили о создании так называемой «Малой Европы», в которую войдут страны Центральной Европы и страны Бенилюкс. Например, в Словении в средствах массовой информации эта пока неподтвержденная информация вызвала панику²⁷. Как здесь не испугаться, если границы закроются, и балканские страны останутся один на один с сотнями тысяч чужестранцев с совершенно другим менталитетом.

Таким образом, накопленный опыт вступления в ЕС или ожидание приглашения в него показывает, что в системе европейских координат странам бывшей Югославии отведено традиционное место «задворок Европы», которые не нужно серьезно развивать и поддерживать экономически, но при этом они обязаны четко следовать в фарватере тех программ, которые для них разработаны. Неудобные режимы различными способами отстраняются от власти, а полезные поддерживаются и щедро финансируются. Ни о какой экономической или политической самостоятельности речи не идет. В критические же моменты регион фактически берет на себя защитные функции, отфильтровывая все негативное, что не должно проникнуть в ЕС.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Treaty on European Union including the Protocols and Final Act with Declarations (Maastricht, 7 February 1992) // European Communities. (1992). № 3.

² Словения — экономические показатели // <http://ru.tradingeconomics.com/slovenia/indicators>.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Цит. по: Князев Ю. Словения в тисках экономического кризиса // <http://svom.info/entry/351-sloveniya-v-tiskah-ekonomicheskogo-krizisa/>.

⁶ Румянцев А. Хорватия прошла самую суровую проверку в истории ЕС // <http://izvestia.ru/news/547492>.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Центральное статистическое агентство Республики Хорватии // <http://www.dzs.hr>.

¹⁰ Стопа незапослености у Хрватској највиша у последњих 10 година — 21,9 одсто // <http://www.advance.hr/vijesti/stopa-nezaposlenosti-u-hrvatskoj-najvisa-u-10-godina-inflacija-najvisa-od-2008-najvise-rasle-cijene-stanovanja-energije-i-prehrane/>.

¹¹ Шеста година рецесије у Хрватској // <http://www.vaseljenska.com/vesti-dana/sesta-godina-recesije-u-hrvatskoj/>.

¹² Što nam je vlast obećavala, a što lagala: Povjest ekonomske krize u Hrvatskoj od 2008 // <http://www.jutarnji.hr>. 2015.28.02.

¹³ Хорватия — економически показатељи // <http://ru.tradingeconomics.com/croatia/indicators>.

¹⁴ Цит. по: Риччери М. Евросоюз и балкански регион // <http://pandia.ru/text/77/370/14287.php>.

¹⁵ Муджтаба А. Членство Хорватии в ЕС не гарантирует ей улучшений в деле борьбы с коррупцией // <https://www.occrp.org/ru/investigations/2030-eu-entry-may-not-change-corruption-in-croatia-ru>.

¹⁶ Junker protiv Hrvatske. Europska komisija podržala arbitražu o granici sa Slovenijom, očekujemo da će obje države prihvatiti odluku sudišta. 2017.01.03. // <http://www.jutarnji.hr/vijesti/hrvatska/junker-protiv-hrvatske-europska-komisija-podrzava-arbitrazu-o-granici-sa-slovenijom-ocekujemo-da-ce-obje-drzave-prihvatiti-odluku-sudista/5705051/>.

¹⁷ Junckerova podrška arbitraži je irelevantna i neprihvatljiva. Plenković odlučno reagira na izjave čelnik Europske komisije 2017.03.03. // <http://www.jutarnji.hr/vijesti/hrvatska/junckerova-podrska-arbitrazi-je-irelevantna-i-neprihvatljiva-plenkovic-odlucno-reagirao-na-izjave-celnika-europske-komisije/5715603/>.

¹⁸ Матич С., Коваль И. Выборы в Хорватии: патовая ситуация для формирования правительства. 2015. 10.11. // <http://dw.com/p/1H2sj>.

¹⁹ Godec Ž. Stručnjaci o mostovom prijedlogu reforme pravosuđa «Ljudi, pa gdje vi živate posljednjih godina?!» // Jutarnji List. 2015.18.11.

²⁰ Ibidem

²¹ Pernar I. Državnički govor u Saboru (2016.19.10.) // <https://www.youtube.com/watch?v=UbZr0Mm-Dxk>.

²² Ibidem.

²³ Anketa: Za članstvo Crne Gore u NATO više od 47 odsto ispitanika // <http://www.novosti.rs/vesti/planeta.300.html:588874-Anketa-Za-clanstvo-Crne-Gore-u-NATO-vise-od-47-odsto-ispitanika>.

²⁴ Teška zadaća za Federicu Mogherini u Makedoniji // <http://www.dw.com/hr/te%C5%A1ka-zada%C4%87a-za-federicu-mogherini-u-makedoniji/a-37783206>.

²⁵ Шта траже Албанци из Македоније: Тиранска платформа (цео текст) // <https://stanjestvari.com/2017/05/01/tiranska-platforma-sta-traze-albanci-iz-makedonije/>.

²⁶ Цит. по: Власти Косово подписали договор об асоцијацији с ЕС // http://tar-tass.ru/news/rubric_41/news_3683/.

²⁷ Slovenci u strahu, raspada se schengen? Formira se «mini schengenska zona» za Njemačku, Austriju i zemlje Beneluksa // <http://www.jutarnji.hr/vijesti/hrvatska/slovenci-u-strahu-raspada-se-schengen-formira-se-mini-schengenska-zona-za-njemacku-austriju-i-zemlje-beneluksa/187933/>.

**ЕВРО-
СКЕПТИЦИЗМ В СТРАНАХ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ:
МОДЕЛИ И РЕАЛИИ**

Евроатлантизм vs Европа: ЦЮВЕ после прихода Трампа

В июле 2017 г. президент США Дональд Трамп посетил Польшу. Примечательно, что это был его *второй* зарубежный визит на посту главы государства: *первый*, напомним, состоялся в исторически и стратегически традиционную точку интересов США — Саудовскую Аравию. В Брюсселе, что вполне логично, от европейского дебюта нового американского лидера ожидали программных заявлений на тему «США–ЕС и остальной мир». Но значительную часть речи, произнесенной на варшавской площади Красиньских, составило прямое, без отклонений, изложение польской интерпретации истории XX века.

«Польша — географический центр Европы, но, что важнее, в поляках мы видим дух Европы», — говорил Трамп, напомним, что это «гордый народ Коперника, Шопена и Иоанна Павла II». «В 1920 г. ...Польша задержала большевистскую армию на пути к завоеванию Европы. Затем, в 1939 году, на вас (поляков. — *Н.К.*) еще раз напали — нацистская Германия — с Запада и СССР — с Востока... Резня в катынском лесу, оккупация, холокост, варшавское гетто... гибель почти каждого пятого поляка... В 1944 году советская и нацистская армии готовились к битве здесь, в Варшаве. В таких условиях жители Варшавы восстали... Вооруженные силы советской России стояли и ждали, смотрели, как нацисты уничтожают город, убивая мужчин, женщин и детей... Сильная Польша — это благословение для народов Европы, и они об этом знают»... Брюсселю в этом панегирике досталось лишь скромное послесловие в конкретной уязке с ролью НАТО: «Сильная Европа — это благословение для Запада и для мира»¹.

В Европе выступление Трампа восприняли не только как предпочтение Вашингтона сменить «на той стороне» лидера евроатлантизма, но и как грядущую смену вех: атлантизм *vs* Европа. Причем, в старых и новых странах ЕС последствия и возможности «развода» атлантических и европейских ценностей воспринимают по-разному. В Европе, еще не оправившейся от экономического кризиса, зреет кризис политический.

Нужно ли такое наследство Дональду Трампу? Нужен ли Дональд Трамп такой Европе? И какое место здесь занимает Россия?

В европейском доме

Классическую ситуацию хаоса на примере дома Облонских гениально описал Лев Толстой. Начало цитаты про «все смешалось» набило оскомину со школьной скамьи. Но вспомним подробности: «Жена узнала, что муж *был в связи* с бывшею в их доме француженкою-гувернанткой, и объявила мужу, что не может жить с ним в одном доме... *Дети бегали по всему дому, как потерянные; англичанка поссорилась с экономкой* и написала записку приятельнице, прося приискать ей новое место; *повар ушел* вчера со двора, во время обеда; *черная кухарка* (курсив мой. — Н. К.) и кучер просили расчета». Сравним с европейским домом: совпадения поразительные.

После визита Трампа в Варшаву, где выяснилось, что поляки оказались «*в связи*» с США, президент Франции Эмманюэль Макрон заявляет, что власти Польши выступают против интересов объединенной Европы. Нашелся и повод — нежелание Варшавы поддержать реформу статуса открепленных работников, имеющих возможность работать в любой стране Евросоюза. «Европа это пространство общих ценностей и демократических убеждений, но Польша эти принципы нарушает», — заявил французский лидер после переговоров с президентом Болгарии Руменом Радевым 25 августа 2017 г. Еврокомиссия на тот момент уже запустила санкционную процедуру в отношении Варшавы из-за вызвавшей споры судебной реформы².

Далее — *дети забежали по всему дому, как потерянные* (Л. Толстой). 13 сентября 2017 г. президент Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер выступил с программной речью, предложив, в том числе, без дальнейших проволочек решить вопрос о приеме в Шенген Болгарии и Румынии.

Эмманюэль Макрон и Жан-Клод Юнкер руководствовались схожими соображениями: для защиты устоев Евросоюза нужна не только удачная риторика. Важен адресат. Совсем неслучайно президент Франции считал нужным попенять «изменнице»-Польше именно в Болгарии, в стране, избравшей президента, который сразу же после присяги, в выступлении перед Народным собранием, выразил надежду на восстановление диалога с Россией. И при этом увязал перспективу преодоления кризиса в отношениях между НАТО и Москвой с выборами в США.

Президент Еврокомиссии, в свою очередь, сделал шаг навстречу не только Болгарии, но и Румынии: в июне 2017 г., в контексте принятия Евросоюзом решения о продлении антироссийских санкций, президенты Румен Радев и Клаус Йоханнис заявили о дружественном отношении к Москве. «Каналы связи с Россией должны оставаться открытыми для сохранения искреннего и открытого диалога, который снизит напряжение и поможет избежать возможных рисков», — сказал Радев. Президент Болгарии также отметил важность РФ в создании вариативной энергетической сети, обеспечивающей безопасность и низкие цены на энергоносители. Йоханнис, в свою очередь, ответил на критику Москвы, заявлявшей, что размещение элементов ПРО США в Румынии угрожает безопасности РФ: румынский лидер повторил, что база США в стране является «сугубо оборонительным» объектом³...

...Юнкер был красноречив: «Если мы хотим укрепить наши внешние границы, то сейчас самое время сделать Румынию и Болгарию членами Шенгенской зоны». Но против его инициативы выступили евроколлеги. Юнкер, между тем, стоял на своем, стараясь прояснить «определенные недоразумения» в связи с концепцией «Европы разных скоростей», вызывающей скептицизм в той же Ру-

мынии, которая усматривает в этой формуле дискриминацию: «В ЕС никогда не было стран второго сорта или стран, которые мы, продвигаясь вперед, оставим позади». «Мы можем продвигаться вместе, но различными ритмами, — уточнил глава Еврокомиссии. — Европа с различными скоростями предусмотрена европейскими договорами... Реальная дискуссия — не о Европе с различными скоростями, а о необходимости сотрудничества». И ошеломил сомневающих: «Сегодня мы предлагаем открыть торговые переговоры с Австралией и Новой Зеландией. Мне бы хотелось, чтобы все эти соглашения были заключены до конца этого мандата (мандат Еврокомиссии, истекает в 2019 г. — *Н. К.*)». Более того, следуя Юнкеру, ЕС все еще готов «протянуть руку» Турции⁴.

Чем не ответ профессионального еврооптимиста сугубому атлантизму? В речи еврочиновника возобладало даже умеренное евразийство. Что же касается *англичанки* и предоставления ей *нового места* (Л. Толстой), то здесь результат противоположный: на британском направлении атлантизм вышел абсолютным победителем. О современном римейке драмы, получившей название Brexit, написаны многие строки. Доверять стоит британскому премьеру Терезе Мэй, подтвердившей, что Соединенное Королевство покинет ЕС в марте 2019 г., и заявившей о необходимости двухлетнего периода имплементации договоренностей с Евросоюзом — для практических перемен.

Далее, следуя классике, в игре оказались *повара и черные кухарки*, что наглядно продемонстрировали сентябрьские (2017 г.) выборы в ФРГ. Потеря блоком Меркель поддержки избирателей и успех правой и сугубо евроскептической «Альтернативы для Германии» (АдГ) стало следствием разочарования немцев всеми партиями, представленными в парламенте. Главная причина — накрывший Германию, а с ней и всю Европу, *миграционный кризис*. Выбор избирателей может заставить правящие круги Германии задуматься о новой политической программе. Такого мнения придерживаются, в том числе, германские и российские эксперты, принявшие участие в круглом столе

в МИА «Россия сегодня»⁵. Так или иначе, сама Меркель, которой принадлежит идейное лидерство в процессе нового переселения народов, вызвавшего острейшее неприятие во всем Евросоюзе, была вынуждена произнести покаянное: «Миграционный кризис 2015 года не повторится, по крайней мере, в Германии». Проблема не праздная. По данным агентства ЕС Frontex за 2015 г., в Евросоюз прибыли 1,8 млн нежданных гостей, что отражается на бюджетах и настроениях других европодданных стран.

Именно эта тема становится одной из ключевых для европейской стабильности и евроатлантизма, что ясно обозначил и президент США Дональд Трамп.

Повара и черные кухарки

В сентябре 2017 г. Высший суд Евросоюза отклонил жалобу Венгрии и Словакии на законность программы обязательных квот блока, по которым государства — члены ЕС должны принимать мигрантов из Африки, Азии и Ближнего Востока. Будь-то Трамп или без него, но тема миграции стала неиссякаемой питательной средой для евроскептиков всех мастей: от левых — до ультраправых, от рядовых обывателей — до влиятельных политиков, наконец, от мало заметного бунта общественных организаций — до голосования британцев по Brexit. Иное дело, что теперь, «при Трампе», эта тема набирает обороты, опираясь на доставшееся наследие.

Спор начался еще в сентябре 2015 г., когда в разгар кризиса в Европе страны-члены ЕС проголосовали за то, чтобы переместить 120 тыс. беженцев, скопившихся в Италии и Греции, в другие части блока. К концу года число потенциальных гостей выросло еще на 40 тыс. Чехия, Венгрия, Румыния и Словакия проголосовали против этих договоренностей. Польша, получившая квоту в размере 6182 мигрантов, и Венгрия (1294 чел.) не приняли никого. Чехия (2691 чел.) оказала содействие 12-ти⁶.

В игру вступила «тяжелая артиллерия». 20 января 2016 г., на Всемирном экономическом форуме (ВЭФ) в Давосе, глава МВФ Кристин Лагард, образно говоря, пошла

против течения. В докладе ВЭФ по глобальным рискам в 2016 году приоритеты выстраивались в последовательности: а) экология, б) вероятность применения оружия массового поражения, в) кризисы водоснабжения, г) миграция, д) резкое изменение цен на энергоносители. Г-жа Лагард предпочла тему на букву «г». Более того, произвела сенсацию. Глава МВФ говорила о потенциальных *плюсах* притока мигрантов в Европу. По ее словам, миграция может принести *экономическую выгоду* европейским странам. Директор-распорядитель опиралась на данные отчета МВФ, из которого следовало, что в 2016 г., благодаря мигрантам, экономика ЕС в целом вырастет дополнительно на 0,09 процентных пункта (п.п.) и на 0,13 п.п. в 2017 г. Чем быстрее беженцы получают работу, тем больше они смогут помочь местной экономике через уплату налогов и взносов в систему социального страхования. Их успешная интеграция может также отчасти компенсировать негативный эффект от старения населения⁷. В числе мер, предложенных МВФ, были две примечательные позиции. Во-первых, это отмена запрета на поиск работы в период до получения статуса беженца, а во-вторых, отмена правил, ограничивающих перемещение мигрантов между европейскими странами.

Перемещение — наиболее болезненная точка на теле нынешней Европы. Как заявил глава Еврокомиссии Юнкер, шенгенские соглашения «находятся в коме». Стихийно воздвигаемые «заборы» тому подтверждение: многие страны Евросоюза вводят повышенные меры безопасности на границах, погранконтроль, а некоторые и вовсе запрещают свободное передвижение из одного государства в другое. Опасаясь оживления миграции, страны ЦЮВЕ решили сформировать гражданско-военную миссию для защиты внешних границ ЕС. Инициативу поддержали министры обороны Австрии, Чехии, Словении, Словакии, Хорватии, Австрии, Венгрии, Польши, Македонии, Черногории, Сербии. О защите внешних границ не устает говорить и канцлер ФРГ А. Меркель, широко распахнувшая двери для мигрантов. Ради стабилизации ситуации страны ЕС выде-

лили Анкаре 3 млрд евро для укрепления сил безопасности на границе, чтобы предотвратить приток мигрантов в Европу (на территории Турции в организованных там лагерях к весне 2016 г. осели более 3 млн беженцев из Сирии и соседних с нею стран)⁸.

Три миллиарда — это «общак», деньги из казны Евросоюза, весомый удар по обещанной «выгоде». Да и прочие мероприятия по сдерживанию миграционной волны пока что выходят ЕС в копеечку. Как прогнозируют в МВФ, число беженцев, прибывающих в 2015–2017 гг. в Европу, составит около 4 млн. Рискнем предположить, что эта цифра не отражает масштаб бедствия. Если план МВФ сработает хотя бы частично, и определенная доля беженцев обретет законный статус и работу, то их следующим шагом будет воссоединение с семьями. А если власти соответствующих городов не захотят получить у себя под боком не интегрированные в общество исламские анклав, им придется создавать детские сады, школы, поликлиники и прочую инфраструктуру. Скалькулировать такую ситуацию можно лишь приблизительно. Но помимо тех, кто законопослушно обретает статус «нового европейца», есть еще и нелегалы. По информации Европейского пограничного агентства Frontex, с 1 января по 1 ноября 2015 г. внешние границы ЕС пересекли 1,2 млн нелегальных мигрантов — абсолютный рекорд в истории ЕС. При этом Frontex не дает оценок по поводу того, сколько случаев могло остаться не зафиксированными европейскими пограничными структурами. По данным на конец 2016 г., только по Западно-Балканскому маршруту — из восточных стран (Пакистана, Алжира) — к границам Турции с Болгарией и Грецией прибыло 764.038 чел. По Восточно-Средиземноморскому (из сирийских и афганских территорий и из Сомали) к греческой, болгарской, турецкой границам — 885.386 чел.⁹ Ждут ли этих людей в Европе? Похоже, не очень. «Не думаю, что введение обязательных квот решит проблему», — заявил президент Румынии К. Йоханнис.

В распоряжении издания «Süddeutsche Zeitung» оказался рабочий вариант плана Еврокомиссии по спасению

Шенгена. По прогнозу КЕС, одно только введение пограничного контроля внутри шенгенской зоны (который, к слову, в отдельных странах уже частично действует), грозит ежегодным ущербом в 7–18 млрд евро. Ежедневно, по расчетам КЕС, в пробках будут простаивать примерно 1,7 млн граждан, пересекающих внутренние границы ЕС по дороге на работу. Убытки компаний, в которых работают эти люди, составят 2,5–4,5 млрд евро. Плюс к тому — административные расходы на обслуживание границ (как минимум миллиард, не учитывая затрат на создание самих пограничных постов). Ранее французские экономисты подсчитали, что возвращение пограничного контроля между странами ЕС может привести к сокращению европейского ВВП на 100 млрд евро.

Бремя накладных и прямых расходов на преодоление миграционного кризиса Европе, мягко говоря, нехстати. Помноженный на потенциальные угрозы безопасности он может определить европейскую повестку дня на долгие годы. Причем, прогнозировать развитие региона по этому сценарию — даже поэтапно — не рискует ни одна авторитетная международная организация, включая Европейскую комиссию.

Что предлагает Трамп

Европейский дом подтверждает классическую парадигму хаоса: все смешалось, парадокс опережает парадокс. Вот лишь некоторые фрагменты современной повестки дня.

Евросоюз продлевает санкции против России. Санкции увязаны с отношениями России с Украиной, которая имеет с Евросоюзом соглашение об ассоциации, но чрезвычайно тяготеет к США. Киев, тем не менее, принимает скандальный закон, запрещающий преподавание в средней школе на языках этнических меньшинств, вызывая резкий протест младевропейских стран (также тяготеющих к США) — Болгарии, Польши, Румынии, Венгрии, Греции. Президент Румынии даже отменяет визит в Киев (сентябрь 2017 г.). Польша требует от Германии своей доли компенсаций за Вторую мировую войну и при этом заяв-

ляет, что не намерена заботиться о памятниках советским воинам-освободителям. Президент Сербии Александр Вучич вполне в духе европейской политкорректности назначает премьер-министром Ану Брнабич — женщину (по непolitкорректным меркам) нетрадиционной ориентации, но имеющую стойкую репутацию прозападного политика. Вучич поддерживает проведение гей-прайда в Белграде, но заявляет, что ему «и в голову не приходило» присутствовать на этом мероприятии 28 сентября 2017 г. ...

Раздрай начался не вчера. В июне-сентябре 2015 г. Институт Гэллапа провел опрос граждан стран бывшего СССР и ЦЮВЕ. На вопрос «какая страна представляет наибольшую угрозу вашему государству?» ответили по 1 тыс. человек в каждой стране, в России — 2 тыс.¹⁰. Греки при этом указывали на Германию (39%), косовары, албанцы и хорваты — на Сербию (64, 26 и 11 процентов, соответственно), македонцы — на Грецию (14%)...

Ситуация парадоксальная: евразийство (как символ приязни к России) и евроатлантизм (как приязнь к США) соревнуются с европессимизмом: *угроза европейцам, следуя социологическим опросам, кроется в самой Европе.*

У Брюсселя и ряда стран ЦЮВЕ возникают разногласия в отношении принципа верховенства права. Центробежным тенденциям противостоят канцлер ФРГ А. Меркель и президент Франции Э. Макрон. Оставим за скобками штурмующую европейские устои проблему сепаратизма (Brexit, Шотландия, Каталония...). Обозначим лишь критические линии европессимизма в ЦЮВЕ:

- ▶ Польша: по части все той же судебной реформы, отказа принимать беженцев по квотам, а также нескрываемого атлантизма;

- ▶ Венгрия: отказ принимать беженцев, принятие закона о государственном контроле над некоммерческими организациями (НКО), которые получают иностранное финансирование;

- ▶ Румыния — попытка декриминализировать некоторые виды коррупционных преступлений, позиция по приему беженцев и уже не латентный атлантизм;

- ▶ Чехия — все тот же отказ принимать беженцев;
- ▶ Болгария — отказ от реформы судебной власти, колебания между евразийством (читай — «пророссийством») и атлантизмом...

Что в этой ситуации предлагает Трамп? Иными словами, *насколько обоснованы надежды европейцев-атлантистов?*

В январе 2017 г. в своем первом интервью в качестве избранного президента США европейским СМИ (британской The Times и немецкому Bild) Трамп обозначил следующие реперные точки: кредит доверия Владимиру Путину, просчеты Ангелы Меркель и ситуация в НАТО.

По мнению президента США, *Меркель совершила «катастрофическую ошибку», впустив в страну миллионы мигрантов*, которые стали проблемой и для других стран ЕС. «Уверен, что если бы их (страны ЕС. — *Н.К.*) не заставляли принимать огромное число беженцев, у которых так много проблем, то не было бы и Brexit. Конечно, о нем бы говорили, но именно миграционный кризис стал последней каплей», — заявил Трамп¹¹.

О своем видении положения дел в НАТО, главной опоре и надежде атлантических ожиданий европейцев, Трамп высказался и в мае 2017 г., на церемонии открытия новой штаб-квартиры альянса. Президент США раскритиковал союзников за то, что они выделяют недостаточно средств на оборону, чем изрядно смутил аудиторию, состоявшую из глав государств-членов. Он упирал на то, что страны не платят положенные взносы в бюджет НАТО. «Британия платит. Есть пять стран, которые платят то, что должны. Пять. Это немного... из 22 (стран НАТО. — *Н.К.*), — сказал он. — Это нечестно по отношению к народу и налогоплательщикам Соединенных Штатов. И многие из этих стран задолжали за прошлые годы огромные суммы...». Как отмечали зарубежные СМИ, в кулуарах встречи у него были неприятные разговоры на сей счет с некоторыми европейскими лидерами, что «подчеркивало напряженность, существующую в американо-европейских отношениях после прихода Трампа к власти»¹².

Далее, в июле, Трамп посетил Польшу и произнес речь, упомянутую в начале этой статьи. Напомним лишь, что по оценкам экспертов, в 2015 г. доля США в суммарных расходах НАТО достигла порядка 70 %. В начале 2016 г. министр обороны США Эштон Картер на заседании Экономического клуба в Вашингтоне просил о выделении еще 3,4 млрд долл. на увеличение войск в Европе.

Что из этого следует? *Обретая риск стать мишенью для «потенциального противника», страны ЦЮВЕ не получают ничего взамен.* Кроме дорогостоящих американских энергоносителей.

Вашингтон продвигает поставки в Европу сжиженного газа в рамках объявленной Трампом стратегии на доминирование США в глобальной энергетике. При этом, по мнению постоянного представителя России при Евросоюзе Владимира Чижова, эта политика не выгодна ни Европе, ни американскому бизнесу и вообще противоречит законам рынка. «По сегодняшним прикидкам, цена за тысячу кубометров американского СПГ на европейском рынке будет составлять примерно 250 долларов. Это невыгодно европейцам, поскольку российский газ обходится примерно вдвое дешевле, но это невыгодно и американскому бизнесу, потому что в Азию и Латинскую Америку Соединенные Штаты могут продать тот же газ по 300 с лишним долларов», — заявил он в интервью радио Sputnik¹³.

Каковы промежуточные итоги такой политики? Они неутешительны ни для (евро)атлантизма, ни для еврооптимизма. Как, впрочем, и для евразийства в пророссийском его толковании.

Проведенный в странах ЕС летом 2017 г. опрос международной исследовательской организации Globsek показал, что Владимир Путин популярнее Дональда Трампа и Ангелы Меркель в семи восточноевропейских странах: Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Словакии, Хорватии и Чехии. По опросу, наибольшие симпатии к российскому лидеру испытывают граждане Болгарии (Путин — 70 %, Трамп — 37 %). Далее следуют Румыния (47 % и 40 % соответственно), Хорватия (46 % и 20 %), Венгрия (44 %

и 29%) и Словакия (41% и 21%). В Чехии популярность двух лидеров близка (Путин – 32%, Трамп – 36%). Поляки любят Трампа (35%) больше, чем Путина (10%). Ангелу Меркель по уровню симпатии Владимир Путин превзошел в Болгарии, Венгрии, Словакии и Чехии¹⁴.

Для сравнения. По данным опроса, проведенного в феврале-марте 2015 г. центром изучения общественного мнения Alpha Research, большинство граждан Болгарии (страна-лидер пророссийских настроений в ЦЮВЕ) положительно относились к РФ (61,2%). 38,8% негативно оценили действия РФ (по мнению экспертов, «рейтинг» РФ упал на треть в связи началом кризиса на востоке Украины). 44% респондентов отметили, что считают верным членство Болгарии в НАТО, 22% придерживались противоположной точки зрения¹⁵.

Что касается главного европейского «атлантиста» — Польши, то здесь, как показал опрос ARC Rynek i Opinia, проведенный еще в 2013 г., не все так просто. 48% поляков сочли отношение руководства России к Польше «скорее недружелюбным», а 22% — «абсолютно недружелюбным». С другой стороны, 48% высказали мнение, что отношение к ним со стороны русского народа «скорее дружелюбное», а 5% — «очень дружелюбное». Эти показатели почти полностью совпадали с тем, что о поляках думают русские. «Наше исследование полностью подтвердило, что отсутствие доверия, а также ограниченная информация и небольшой масштаб личных контактов — это главные барьеры во взаимоотношениях между Польшей и Россией», — отметил Лукаш Мазуркевич, глава ARC Rynek i Opinia¹⁶.

Наблюдение примечательное: страны ЦЮВЕ (за редким исключением) выпали из контекста российской внешней политики, экономических и гуманитарных связей. Евразийство (в пророссийском толковании), как и еврооптимизм для региона ЦЮВЕ теряют смысл в пользу евроразочарований, тяги к сепаратизму и атлантизму. Последнее, впрочем, не всегда остается без взаимности со стороны Вашингтона — при весьма прохладном отношении со стороны Москвы. Наглядный пример — Румыния.

Terra incognita: парадокс атлантизма

У Москвы и Бухареста взаимный интерес упал до минимальной отметки. В русском интернете немало материалов, связанных с возможностью открытия бизнеса, а также туризмом в Румынии. Но эффективного попадания в цель стороны не фиксируют. Отсутствует — и в России, и в Румынии — такой важный фактор формирования общественного мнения, как «телекартинка»: у Москвы и Бухареста в последние годы не появилось повода для встречи в верхах и для других, достойных телевизионного прайм-тайм, совместных мероприятий. Напомним, Владимир Путин принимал в Москве президента Траяна Бэеску 14 февраля 2005 г. Далее были только встречи «на полях» — в ходе саммита НАТО в Бухаресте (2–4 апреля 2008 г.), саммита АСЕМ в Милане (17 октября 2014 г.).

21 ноября 2014 г. официальный представитель российского МИДа заявил: Россия надеется, что новый президент Румынии (им стал Клаус Йоханнис. — *Н. К.*) и новый состав правительства будут проводить курс, который обеспечит развитие нашего двустороннего сотрудничества. Но дальше — тишина. Между Бухарестом и Москвой стояла тень Украины и европейских санкций. Контакты, конечно, продолжались. К примеру, 18 марта 2016 г. спецпредставитель президента РФ по Ближнему Востоку и странам Африки, замминистра иностранных дел РФ Михаил Богданов принял гендиректора департамента МИД Румынии Даниеля Тэнасе. Говорили о ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке с акцентом на скорейшее политическое урегулирование в Сирии. Но это, скорее, для политических гурманов, нежели для публичной телекартинки.

Так или иначе, Москва для Бухареста роль ньюсмейкера сохраняет (пусть, зачастую, и в роли «плохого парня»). Румыния же для России, за крайне редким исключением, остается *terra incognita*. Судя по опросам общественного мнения, она для Москвы и не друг, и не враг. Нет ее, сле-

дую классику, и в категории «... а так». Для Бухареста же Москва — не *terra incognita*. Летом 2015-го, в исследовании Gallup, 57% румын назвали Россию главной угрозой. Хотя, как говорится, ничего личного: Москва была под санкциями, и роль самой большой угрозы приписали ей практически все государства Евросоюза в ЦЮВЕ¹⁷.

Социологические исследования, напрямую связанные с Румынией (как, впрочем, и с другими отдельно взятыми странами ЦЮВЕ) у нас не проводятся. И потому точно судить о том, что знают наши граждане об этой стране, сложно. Хотя отсутствие интереса социологов к региону показательно уже само по себе.

Румынский аналитический центр — Institutul Român pentru Evaluare și Strategie (IRES) в ноябре 2015 г. рискнул пойти на эксперимент. Картина сложилась любопытная. Итак, 82% румын знают, что президентом России является Владимир Путин. 16%, правда, назвали Михаила Горбачева (воспоминания берут свое — «перестройка» была очень позитивно воспринята в Румынии). Из респондентов, посетивших Россию, 76% приезжали на экскурсию, по делам — 13%, к родственникам или друзьям — 9%, на учебу — 2%. Но что примечательно: 77% были здесь до событий 1989 года, 16% — в 1990–2000 гг. и только 7% — после 2000 г. (это, напомним, данные на ноябрь 2015 г.). При этом 57% вынесли из общения с нашей страной приятные впечатления и хотели бы вернуться; 40% ответили, что больше сюда не поедут. Иными словами, личный опыт общения с современной Россией не является для наших румынских визави решающим источником знаний о стране. 80% участников опроса заявили, что обычно не пользуются продукцией/товарами, произведенными в России, 17% — пользуются. Из тех, кто предпочитает продукт *made in Russia*, 18% назвали российский газ; 16% — электронику и бытовую технику; 11% — водку и прочий алкоголь; 8% — топливо/бензин; 7% — продукты питания; 5% — косметику; 5% — консервы. При этом 51% респондентов считают российские товары качественными, 20% рассудили иначе. Самое любопытное — далее. На вопрос, какой российский

бренд наиболее известен румынам, ответы были такие: автомобиль «Лада» — 30 %, нечто под именем «сталинская» — 9 %, «Волга» (автомобиль) — 8 %, Газпром — 7 %¹⁸.

Ностальгические воспоминания? Лишь отчасти. Ностальгия имеет привкус тоски, а такие эмоции в данном случае вряд ли преобладают над реальностью. А она такова. Основные страны, поставлявшие товары в Румынию в 2014 г. — это Германия (19,1 %), Италия (10,8 %), Венгрия (7,8 %), Франция (5,7 %) и Польша (4,6 %). Россия — 3,9 %. В 2010–2013 гг. зафиксирован всплеск интереса к Румынии со стороны Москвы. Но уже в 2013-м он пошел на спад¹⁹.

Парадокс в другом. Вашингтон, как и Москва, также не является ведущим экспортером Румынии. Между Бухарестом и Вашингтоном взаимодействует примерно тот же набор торгово-промышленных институтов. В сентябре 2015 г. президент К. Йоханнис посетил США, где тогда же прошел инвестиционный форум BestInvest Romania. В обращении к участникам он выразил надежду, что США в ближайшие годы могут стать одним из ведущих инвесторов в румынскую экономику.

На сайте Госдепартамента США упомянуты такие направления сотрудничества: содействие в модернизации вооруженных сил Румынии, приведение их в соответствие со стандартами НАТО. И понятно, почему. Еще в 2011 г. страны подписали соглашение о противоракетной обороне, позволяющее размещение на румынской территории американского персонала, оборудования и ракет-перехватчиков в течение ближайших пяти лет. Принята совместная декларация о стратегическом партнерстве. В 2015 г. Румыния согласилась разместить у себя элементы американской ПРО, что и произошло в 2016-м. Что касается «гражданского» бизнеса, то американские компании работают в сфере энергетики, информтехнологий, телекоммуникаций. Детали на сайте Госдепа не уточняются²⁰.

Какое представление, по данным социологов, об этом стратегическом партнерстве формируется снизу? Начнем с того, что восемь из десяти румын знали имя президента США — результат, аналогичный опросу по России. Далее

тоже немало общего. На вопрос, какая американская продукция поступает в Румынию, 69 % не смогли ответить; 4 % полагали, что это автомобили; 3 % беспронизышно поставили на Coca Cola; 2 % — на вооружения. Главный американский бренд в восприятии румын — Coca Cola. Затем — Pepsi, Gillette, Colgate, Facebook, Google, McDonald's. Далее по списку: Xerox, Gillette, Nike, Ford, Procter&Gamble, Apple... Треть респондентов заявили, что от 25 до 50 % используемых ими товаров — американского происхождения. Особенно высоко качество этой продукции (точнее сказать, брендов) оценивала молодежь в возрасте от 18 до 35 лет. 89 % опрошенных назвали отношения Румынии и США «хорошими» или «очень хорошими». 34 % назвали США наиболее дружелюбно страной²¹.

Из уст Владимира Путина, пожалуй, впервые, публичное адресное упоминание Румынии прозвучало в ходе его визита в Грецию 27 мая 2016 г. и касалось оно размещения на румынской территории американской ПРО: «В эти компактные установки могут быть погружены ударные комплексы, ударные ракеты... Достаточно только поменять программное обеспечение, и никто этого не заметит, даже румыны не заметят... Поэтому мы вынуждены будем соответствующим образом отреагировать. И если вчера еще части территории Румынии просто не знали, что такое быть под прицелом, то сегодня придется нам произвести определенные действия, которые будут обеспечивать нашу безопасность. Повторяю, это ответные действия, ответные...»²².

Со стороны НАТО последовали заверения, что создаваемая в Европе система ПРО не направлена против России. В последовавшем тут же заявлении МИД Румынии излагалась та же позиция.

Это же, 28 июня 2017 г., в очередной раз подтвердил и президент Румынии К. Йоханнис — на упомянутой в начале этой статьи встрече с президентом Болгарии Руменом Радевым. На фоне решения ЕС о продлении антироссийских санкций оба лидера говорили о дружественном отношении к Москве. Скольжение по кругу «Брюссель — Вашингтон — Москва» продолжается.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ <http://rian.com.ua/abroad/20170707/1025614387.html>.
- ² <https://ria.ru/world/20170731/1499441270.html>.
- ³ <https://ria.ru/world/20170628/1497459023.html>.
- ⁴ <https://ria.ru/world/20170913/1504710326.html>.
- ⁵ <https://ria.ru/world/20170925/1505521037.html>. По данным немецкого избиркома, партийный альянс ХДС/ХСС во главе с Ангелой Меркель получил 33 % (246 мест в Бундестаге), это худший результат с 1949 г. Социал-демократическая партия Германии во главе с Мартином Шульцем — 20,5 % (153 места), это худший результат за всю историю партии. Правая «Альтернатива для Германии» впервые прошла в парламент с 12,6 % и стала третьей силой в бундестаге (94 места). Либеральная Свободная демократическая партия (СвДП) — 10,7 % (80 мест), «Левые» — 9,2 % (69 мест) и «Зеленые» — 8,9 % (67 мест).
- ⁶ <https://russian.rt.com/world/news/426901-sud-es-iski-bezhentsy>.
- ⁷ <http://www.interfax.ru/business/483788>.
- ⁸ Подробнее о позиции Турции в европейском миграционном кризисе см.: Стрелков Г. Эрдоган vs Турция // Russian View. 2016. № 1(08). С. 40–44. <http://www.russianview.com/article?id=16&lang=ru>
- ⁹ <http://emigranto.ru/spravochnaya/emigraciya/migranty-v-evrope.html#i-8>.
- ¹⁰ <http://geo-politica.info/kogo-grazhdane-stran-byvshego-sssr-i-vostochnoy-evropy-schitayut-naibolshey-ugrozoy.html>.
- ¹¹ <https://russian.rt.com/world/article/350726-trump-politika-rossiya>.
- ¹² <http://inosmi.ru/politic/20170526/239445699.html>.
- ¹³ <https://ria.ru/economy/20170821/1500792691.html>. Примечательно и следующее. В январе 2016 г. танкеры с американской нефтью впервые за последние сорок лет пошли в Европу. Объемы поставок невелики. По оптимистическим прогнозам, они могут дойти до 2 млн баррелей в день (2 % мирового производства). Сенсацией стала другая новость — о заключении контракта на поставки Украине 700.000 тонн угля одним из крупнейших американских экспортеров XCoal Energy Resources — после заявления президента Трампа о том, что эта страна нуждается в «миллионах и миллионах тонн американского угля».
- ¹⁴ <https://ria.ru/politics/20170706/1497948341.html>.
- ¹⁵ <https://ria.ru/world/20150316/1052862241.html>.
- ¹⁶ www.pravda.ru/world/europe/european/05-04-2013/1151179-polsha-0/.
- ¹⁷ camonitor.com. 2016. 10 апреля. № 1717614.
- ¹⁸ http://adevarul.ro/news/politica/sondaj-ires-rusia-considerata-mai-mare-dusman-romaniei-cunosc-romanii-despre-produsele-rusesti-1_565889827d919ed50ea6bf8d/index.html.
- ¹⁹ <http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/2538/>.
- ²⁰ <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/35722.htm>.
- ²¹ Sinteza, revista de cultură și gândire strategică. 2015. 21 august. № 19.
- ²² <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52024>.

Внешнеполитическая концепция польской партии Гражданская платформа (2007–2015 гг.)

Гражданская платформа (ГП) и Право и справедливость (ПиС) — две политические партии, которые с момента своего возникновения в 2001 г. начали играть важную роль на польской политической сцене. Впервые с 1991 г. сторонами соперничества оказались две правые политические силы. Общая оценка социально-экономической действительности имела влияние и на восприятие ими международных вопросов.

Эти различия в упрощенном виде можно представить как соперничество двух лагерей. Первый (ГП и левые партии) поддерживал дальнейшее развитие интеграционных процессов, особенно механизмы интеграции в ЕС (включая федеративные); трактовал их как гарантию дальнейшего развития страны и защиту польских геополитических интересов, в том числе от доминирования Германии или чрезмерного влияния со стороны России. Второй политический лагерь (ПиС и другие правые партии) с недоверием подходил к интеграционным процессам, поскольку это, по мнению его лидеров, могло привести к чрезмерной концентрации власти сильнейшими европейскими странами. Основой же геополитической безопасности Польши этот лагерь считал союз с США.

Некоторые аналитики в Польше обвиняли ГП в популизме. Но ее политики не соглашались с этим обвинением: они вовсе не спешили отказываться от проевропейской ориентации, но акцентировали необходимость отстаивания национальных интересов. В принятой партией в

2004 г. Европейской программе говорилось: «Европейский союз должен защищать разнообразие исторического наследия, традиций и обычаев Европы... Мы решительно выступаем за национальный характер законов, которые касаются особенно важных, мировоззренческих проблем современного мира, в частности, человеческой жизни, семьи и воспитания»¹.

Наличие в партии как либерального, так и консервативного течения отражалось и на двойственности отношения ГП к Евросоюзу. Консервативное направление усиливалось установками ее союзника — Польской крестьянской партии (ПКП). В период подготовки к вступлению в ЕС и в первые годы пребывания в его составе консервативное направление в Гражданской платформе было наиболее ярко представлено в лице лидера ее парламентского клуба Я. Рокиты. Он активно боролся за выгодные для Польши условия членства в ЕС; являлся автором и пропагандистом лозунга «Ницца или смерть», появившегося в польском политическом дискурсе в 2003 г. в ходе обсуждения проекта европейской конституции. Договор, принятый в Ницце в 2001 г., действительно, был весьма выгоден для Польши, а, согласно новому проекту европейской конституции 2003 г., принцип исчисления голосов ставился в прямую зависимость от численности населения страны и, соответственно, Польша, где население меньше, имела в два раза меньше голосов, чем Германия. Я. Рокита в 2003 г. был признан «человеком года» влиятельным польским журналом «Wprost». Лозунг Рокиты звучал несколько популистски. Хотя, в отличие от одного из основателей и лидеров ГП А. Олеховского, Д. Туск считал этот лозунг вполне приемлемым, соответствующим интересам Польши, отстаивающей свои позиции в ЕС. В статье Туска и Рокиты, опубликованной в «Gazeta Wyborcza», подчеркивалось: «Польша — суверенная страна и имеет право выбирать то, что для нее лучше, даже вопреки интересам сильнейших!»².

Если в период «борьбы за Ниццу» основные политические партии Польши в известной степени проявляли

единство, то со временем обострялась борьба двух основных политических партий — ПиС и ГП, которые отличались разным подходом к проблемам внешней политики и, в частности, к европейской интеграции. Внутриполитическая ситуация в стране особенно обострилась после прихода к власти ПиС и избрания президентом Л. Качиньского в 2005 г.

Следует отметить эволюцию установок ГП — от типичного «евроэнтузиазма» в период ее возникновения в 2001 г. до «еврореализма» в 2003–2006 гг. На рубеже 2006–2007 гг. произошло очередное изменение позиции ГП по проекту евроконституции. Было решено отказаться от пропаганды лозунга «Ницца или смерть». Это могло быть результатом ослабления в партии позиции автора этого лозунга Я. Рокиты, но также и появления шанса на то, что отказ от ниццкого способа голосования в Совете ЕС может быть компенсирован Польше обеспечением, например, энергетической солидарности со стороны ЕС³.

Европейская программа ГП начинается с определения двух основных фундаментальных принципов польской внешней политики — отношений с НАТО и ЕС, которые, по мнению ГП, являются основным приоритетом польской дипломатии. «Центром притяжения внешней политики Польской республики должна быть Европа, в первую очередь, Европейский союз»⁴, — утверждает в документе.

Проевропейский тренд предвыборной программы ГП 2007 г. связан с именем Б. Коморовского, который принимал участие в ее подготовке. В ней отмечалась благотворность для Польши европейской интеграции. Согласно концепции ГП, Евросоюз — сообщество, а не формальное соглашение полностью суверенных государств. Поэтому партия поддерживала принятие Лиссабонского договора и усиление институтов Сообщества. По убеждению политиков ГП, членство в ЕС не только не угрожает суверенности страны, а, напротив, усиливает ее — благодаря доступности новых инструментов, которых Польша может лишиться, оказавшись за рамками интеграционного процесса. ГП выступала за введение поста министра иностранных

дел ЕС, создание сил быстрого реагирования, совместное планирование европейских вооруженных сил. «ЕС, — согласно ГП, — должен получить способность координации задач внешней политики и безопасности». Одновременно подчеркивался принцип солидарности стран-членов как необходимый элемент интеграции. Проявлением этой солидарности должен стать бюджет Евросоюза, предполагающий широкую помощь для более бедных стран⁵.

После прихода к власти в 2007 г. правительства Туска проевропейская направленность внешнеполитического курса Польши значительно усилилась; подчеркивалось, что именно ЕС и НАТО — важнейшие сферы интересов польской внешней политики. Как заявил Туск на заседании Сейма 23 ноября 2007 г., «в глобальном мире, в условиях глобального развития и глобальных перемен поодиночке действовать нельзя. И поэтому для моего правительства так важно повышение качества работы в области международного сотрудничества, особенно если речь идет об интеграции в семью народов, близких нам в цивилизационном отношении. Это Евросоюз и евроатлантическое пространство»⁶.

Министр иностранных дел Р. Сикорский отметил, что Польша является «страной, которая самостоятельно, хотя и в границах европейской и союзнической солидарности, определяет свою позицию». Ему вторил премьер Туск, заявляя, что правительство приняло решение о «реализации в Евросоюзе польских интересов»⁷.

Новая политическая формация исходила из того, что Европа Польше ничем не угрожает. «Европа и ЕС — это мы», — утверждал Р. Сикорский. Европейский вектор политики нового правительства обозначил и первый визит его главы в Брюссель. В период второго срока премьерства Туск по-прежнему подчеркивал важность для Польши участия в деятельности ЕС. «Да, — констатировал он, — Польша не является центром мира, но она стала частью одного из центров этого мира — Евросоюза»⁸. «Мы будем спокойно создавать Европу в Польше» — эти слова Туска можно считать ключевыми в его внешнеполитической концепции.

Однозначно занимая проевропейскую позицию, премьер считал необходимым при этом отстаивать польские интересы в Евросоюзе. «Польша, — заявлял он, — не была и уже определенно не будет золушкой в ЕС. Она станет ведущим актором на европейской и, соответственно, — на мировой сцене. Сильный Союз — это Союз интегрированный, основанный на прочном фундаменте, а таковыми являются общие ценности»⁹.

В данном контексте особое значение он придавал Лиссабонскому договору, который был подписан в конце 2009 г., причем не без трудностей (особая позиция Ирландии, Чехии). По сути, этот договор в какой-то мере заменяет конституцию ЕС, которую так и не удалось принять в том числе из-за позиции Польши, требовавшей введения в ее преамбулу положения о христианских основах единения Европы. В польском Сейме разгорелись горячие дискуссии. Противники договора считали, что Польша, одобрив его, утратит свой суверенитет, так как договор предполагал, что с 2014 г. решения ЕС будут принимать в соответствии с принципом «двойного большинства». То есть для принятия решения необходимо его одобрение как минимум 55%-ми государств-членов, если они представляют не менее 65% населения ЕС. Условия Лиссабонского договора, несомненно, увеличивали влияние Брюсселя на принимаемые в Варшаве решения.

Отстаиваемая в противоборстве с президентом Л. Качиньским проевропейская ориентация польского правительства получила признание, что выразилось, в частности, в избрании в 2009 г. главой Европарламента представителем ГП Е. Бузека.

Акцентирование Туском европейского вектора внешней политики Польши вполне закономерно. Вступление Польши в ЕС, при всех сложностях и проблемах, несомненно, является одним из важнейших событий в истории страны, повлиявшим как на ход внутриполитических процессов, так и на положение Польши в мире. В документе «Пять лет стабильного развития. Гражданская платформа 2007–2012» отмечается, что Польша за эти годы значи-

тельно опередила многие страны ЕС, достигнув в 2008 г. 18,5% аккумулированного экономического роста, тогда как в среднем по ЕС этот показатель равнялся 0,7%. Большинство поляков, несмотря на экономический кризис, положительно оценивают пребывание страны в ЕС: именно так относятся к ЕС 65% жителей страны (один из самых высоких показателей в Евросоюзе).

Важным событием стало председательство Польши в Совете Европы во второй половине 2011 г., которому Туск придавал большое значение. Задачей Польши в период ее председательства входило и формирование имиджа государства как полностью европейского, которое понимает и поддерживает интеграционные процессы в Европе. Польский президент Б. Коморовский, выступая в Европарламенте 13 сентября 2011 г., отмечал динамичное развитие основанных на принципах солидарности стран ЕС. Польский министр иностранных дел Р. Сикорский в своей речи 28 ноября 2011 г. в Берлине призывал всех членов ЕС, и прежде всего — Германию, отказаться от национального эгоизма во имя общеевропейских интересов¹⁰. Отношение к его речи в Польше в очередной раз продемонстрировало высокую степень разобщенности польского общества, различное восприятие поляками блага для своей страны и ее национально-государственных интересов.

Польский премьер неоднократно и вполне убедительно высказывал мысль о том, что будущее Польши немыслимо без ЕС. Совершенно безосновательны, по мнению Туска, представления о том, что ЕС стоит на незыблемом фундаменте. Этот фундамент надо укреплять, используя интеграционные усилия всех членов ЕС и рост компетенций органов управления. Во время своего председательства польские политики проводили мысль, что углубление европейской интеграции и дальнейшее расширение Евросоюза за счет других стран — это не источник кризиса в ЕС, а лекарство от него. В этом случае, по словам Сикорского, Польша могла бы «навсегда избавиться от синдрома периферии и оказаться в безопасном центре»¹¹.

В принятом в 2012 г. польским правительством документе «Приоритеты польской внешней политики 2012—2016 гг.» содержится положение о ЕС как о политическом союзе входящих в него стран. При этом ЕС, согласно этой концепции, не следует трактовать как сверхгосударство, отрицающее экономические и национальные интересы отдельных стран-членов. Видение объединенной Европы характеризовалось тремя лозунгами: конкурентоспособность, солидарность, открытость. Польша поддерживает, в частности, следующие направления интеграции: успешный единый рынок, в том числе цифровой и энергетический; эффективно функционирующий европейский рынок труда, свободное перемещение работников в зависимости от профессиональной квалификации; амбициозный бюджет ЕС. Особое значение придавалось отношениям ЕС и США¹². Польская идея энергетического союза подчеркивалась, в частности, министром Сикорским, представлявшим приоритеты политики на 2014 г.: «Евросоюз должен иметь возможность использования своего потенциала с целью предупреждения перебоев в поставках энергии»¹³. ГП подчеркивала значение европейской солидарности как основы интеграции.

На необходимость углубления европейской интеграции как один из способов укрепления позиций Польши указывал в ходе предвыборной президентской кампании 2015 г. и Б. Коморовский, заявляя, в частности, что «Польша должна как можно глубже войти в структуры Евросоюза». Через интеграцию «ведет дорога к сильной позиции Польши и безопасности... Для этого нужно стремиться к национальному согласию вокруг вопроса европейской интеграции, интеграции с миром Запада», — убеждал он¹⁴.

Таким образом, ГП — партия, представляющая будущее Польши во все более интегрирующейся Европе. Ее приоритетом является интеграция с Евросоюзом, и только в этой плоскости Польша намеревалась реализовывать другие политические цели. Это отличало ГП от ПиС, которая хотела, чтобы Польша завоевала себе весомое место в Евросоюзе, проводя собственную внешнюю

политику и отстаивая свое лидерство в Центральной и Восточной Европе.

Туск на посту премьера неоднократно подчеркивал важность для Польши хороших отношений с Германией. В этом же русле звучали и заявления польских министров иностранных дел. «Тесное сотрудничество с Германией прокладывает нам путь к центру, где принимаются решения ЕС, помогает влиять на Россию. При этом Германия — крупнейший экономический партнер Польши...», — отмечал Р. Сикорский, выступая в Сейме¹⁵. «Германия — главный партнер Польши... Отношения Польши и Германии, несомненно, относятся к приоритетам польской внешней политики, позволяющим Польше укрепиться в структурах Запада», — подчеркивал и Гж. Схетына¹⁶. Новое сближение с Германией достаточно часто демонстрировалось публично. Так, широко отмечалась 20-я годовщина подписания Договора о добрососедстве и сотрудничестве. 17 июня 2011 г. в Берлине состоялись торжества по случаю этой даты, в которых приняли участие президенты Польши и Германии. А 21 июня того же года в Варшаве состоялось совместное заседание правительств Польши и Германии под председательством Д. Туска и А. Меркель. Была принята юбилейная декларация обоих правительств с приложением — программой польско-немецкого сотрудничества. Несмотря на целый ряд проблем, по утверждениям польских исследователей, отношения между двумя странами, особенно после 2009 г., вышли на другой уровень. Германия стала рассматривать Польшу как важного внешнеполитического партнера, что было обусловлено, в первую очередь, успехами Польши в экономическом развитии¹⁷.

Политики ГП указывали на фундаментальное значение для европейской интеграции франко-немецкого тандема. «Мы хотим и в дальнейшем реализовывать восстановленное правительствами ГП сотрудничество с Германией и Францией в рамках Веймарского треугольника», — отмечалось, в частности, в предвыборной программе партии в 2015 г.¹⁸. Министр иностранных дел РП

(сентябрь 2014 г. — ноябрь 2015 г.), а впоследствии — лидер партии Гж. Схетына также подчеркивал важность для страны Веймарского треугольника, который был «для нас осью нашего влияния на внешнюю политику, на европейскую политику, связующим звеном между ней и Вишеградской группой»¹⁹.

Такая линия вытекала из убеждения, что без улучшения отношений с Германией и Францией, которые вместе составляют «мотор европейской интеграции», Польша не сможет помешать явному сближению этих стран с Россией и проведению ими политики, игнорирующей польские интересы. Если ГП стремилась преобразовать Польшу в одну из главных сил Европы, наряду с Германией, Францией и Великобританией, то ПиС руководствовалась региональной внешней политикой с целью уравновесить позицию Германии и Франции²⁰.

Спецификой польского «возвращения в Европу» является особое отношение к США. ПиС считает эту страну наиболее важным партнером в области безопасности, а НАТО, по ее представлениям, не может выполнять своих функций без ярко выраженного американского лидерства. ГП же старалась сбалансировать свою политику между США и партнерами из ЕС²¹. По мнению Сикорского, польское государство должно проводить двустороннюю политику, демонстрирующую, с одной стороны, лояльность к ЕС, а с другой — поддерживать союз с США. В одном экспозе в этом контексте он заявил: «Мы не хотим выбирать, мы хотим иметь два взаимодополняющих страховых полиса». ГП рассматривала НАТО как единое целое, не делая различий между членами альянса, подчеркивая, как и ПиС, значимость США. Это касалось, к примеру, вопросов размещения элементов противоракетной защиты в Польше, когда ГП настаивала на реализации концепции противоракетной обороны на основе НАТО²².

«Союз с США в рамках НАТО остается постоянным, — заявлял министр Сикорский. — Наши отношения с США дружеские, но зрелые, с учетом несоизмеримых потенциалов... Мы действуем в пользу усиления сплоченности

НАТО, стремимся к ликвидации анахроничного деления на старых и новых членов НАТО. Указываем на потребность размещения союзной инфраструктуры в ЦВЕ. Наш регион заслуживает того же уровня безопасности, как и Западная Европа»²³. В этом же ключе звучали и выступления Гж. Схетыны, сменившего Сикорского: «В политике безопасности мы акцентируем сотрудничество в рамках НАТО, но видим также растущую потребность увеличения военной мощи ЕС»²⁴.

В целом во внешней политике правительства Туска преобладали прагматизм и реализм. Политика Туска отличалась несколько более сдержанным отношением к США, чем это было при ПиС, но партия всегда выступала решительным сторонником членства Польши в НАТО.

По результатам исследований агентства Gallup в 2014 г., поляки признали, что наибольшую угрозу несет Россия (17,9%), США расположились на шестом месте (5,8%), за Китаем перед Сирией; принадлежность Польши к НАТО поддерживал 81 % (против 5%); усиления военного присутствия НАТО в Польше желало 64 % населения страны.

Одним из важнейших направлений внешней политики Польши стала восточная политика страны — по отношению к своим соседям на Востоке, прежде всего России, Украине, Белоруссии. Позиция в отношении Москвы влияла и на политику в ЕС, и на трансатлантические отношения. ГП и ПиС представляли два видения России в международных делах.

В политической концепции ГП прослеживается определенная эволюция восприятия России. Если в программе 2001 г. не было даже упоминания о ней, то в последующих программах восточная политика и сама Россия стали появляться все чаще. В предвыборной программе 2007 г. партия выражала надежду на установление нормальных отношений с Россией, полагая, что Польша должна принять стратегию «длительного марша». Партия выступала за формирование Евросоюзом единой политики в отношении России. Признавая Польшу полноправным членом

НАТО и ЕС, ГП заявляла: «Противоядием от опасений перед Россией является современная и сильная Польша, занимающая прочные позиции в Евросоюзе, имеющая надежных союзников и хорошие отношения со своими соседями на Востоке»²⁵.

Отношение обеих партий к ЕС оказало большое влияние на восприятие России и отношений Россия — ЕС, а также польско-российских. ГП рассчитывала на выработку единой позиции Польши и ЕС в отношении России. В программе 2011 г., в частности, отмечалось, что «успешная реализация наших государственных интересов возможна только благодаря умелому включению нашего интереса в более широкий европейский». Эта стратегия ГП сталкивалась с яростной критикой ПиС, которая отличалась более инструментальным подходом к ЕС и стремилась использовать его возможности для реализации польских национальных интересов, которые часто не совпадали с приоритетами ведущих стран-членов, а партнеров для проведения политики в отношении Москвы видела прежде всего в США и странах Центральной и Восточной Европы²⁶.

Лидеры ГП, увидев в России «недружественные акценты и непреодоленные комплексы», утверждали, что политика в отношении Москвы должна базироваться на стратегии «длительного марша», основанного на терпеливом политическом диалоге с Москвой. Министр Р. Сикорский призывал использовать язык прагматизма и компромисса. Это сопровождалось декларациями Туска о желании «диалога с Россией, такой, какая она есть», так как «отсутствие диалога не служит ни Польше, ни России». Премьер констатировал, что улучшение отношений с Москвой повлияло и на отношение к Польше в мире.

Но после прихода к власти ПиС (2015 г.) министр иностранных дел этого правительства В. Ващиковский подверг критике попытку своего предшественника Р. Сикорского найти общий язык с Россией. МИД Польши рассекретил «Тезисы о политике РП в отношении России и Украины» от 4 марта 2008 г., авторы которого подчеркивали (при поддержке министра Сикорского) необходимость укрепле-

ния связей с Москвой. Авторы документа называли «полу-правдой» утверждения о том, что «Россия — извечный враг Польши», а также ожидания все новых и новых конфликтов с Москвой, победителем из которых может выйти только одна сторона. По их мнению, если это и было актуально, то только тогда, когда Польша сталкивалась с Россией «один на один». Сейчас же Варшава, как член Евросоюза и НАТО, может выстраивать с Москвой гораздо более выгодную для себя политику и укреплять тем самым свою репутацию на международной арене. «Чем больше мы знаем о России и чем достовернее можем ее оценивать, тем сильнее мы сможем влиять на общую политику ЕС и всего Запада по отношению к РФ и всему постсоветскому пространству», — говорилось в документе²⁷.

В. Ващиковский утверждал, что обоснование «пророссийского курса» содержало «перегибы и ложные оценки», а опубликованный текст положил начало «отказу правительства Дональда Туска от проукраинской политики в пользу политики пророссийской»²⁸.

Смена риторики в отношениях с Россией, как считает польский исследователь Я. Корейба, явилась эффектом совокупного действия ряда объективных факторов, в основном независимых от действий польского правительства. Она вытекала, скорее, из внутривластной обстановки в Польше, чем из смены ориентиров внешнеполитической стратегии. Туск выиграл выборы и в 2007 г., и в 2011 г. под лозунгами тотальной критики братьев Качиньских. Следует также учитывать давление Парижа и Берлина с целью нормализации отношений Польши с Россией²⁹. Сыграло свою роль и потепление персональных отношений лидеров России и Польши, что также влияло на позицию Варшавы в Евросоюзе, ставшим приоритетным направлением политики Д. Туска.

Польша должна была «мягко» включиться в главное течение европейской политики. В восточной политике она, скорее, сочла необходимым отказаться от концепции Гедройца, чем придерживаться ее. Если подразумевать под этой концепцией особое внимание к проблемам Украины

и Белоруссии, то можно заключить, что «прометеизм»* уступил место нормальности. На первом месте оказались интересы Польши, а Украина, Литва и Белоруссия перестали рассматриваться как земля обетованная польской внешней политики. В этом контексте происходило улучшение отношений с Россией³⁰.

Своеобразным тестом на союзническую лояльность можно считать вооруженный конфликт в Грузии в 2008 г., в ходе которого президент Лех Качиньский решил использовать выстраиваемый им союз стран региона для защиты независимости Грузии. Уже после начала спровоцированных грузинской стороной военных действий проявились фундаментальные разногласия во взглядах на конфликт канцелярии премьера и президентского центра. Несмотря на изначальное осуждение российских бомбардировок, правительство Туска поддерживало европейский путь решения конфликта. Премьер повторял, что ЕС должен остановить огонь, а затем следить за выполнением мирных постановлений.

Однако поступательное развитие польско-российских отношений снова осложнилось в связи с авиакатастрофой 10 апреля 2010 г., а также событиями на Украине в 2014 г. Польская элита решительно осудила политику России. Именно польский премьер отреагировал первым, предложив созвать чрезвычайное заседание Совета ЕС. Президент Коморовский полагал, что способ разрешения конфликта, «ключ к поддержке Украины» находится в руках ЕС и США. Польша поддерживает США и старается влиять на ЕС, с тем, чтобы Евросоюз осознал, что «если России удастся реализовать план дестабилизации Украины и приостановки процесса модернизации, то это будет угрозой всему политическому порядку в Европе». Чем более прозападной является ориентация Украины, тем в большей безопасности находится Польша. Туск воспринимал кризис вокруг Украины как вызов для всей Европы. По мнению

* Прометеизм — политическая концепция Ю. Пилсудского, направленная на ослабление России посредством поддержки сепаратистских движений нерусских народов.

польского министра Сикорского, Россия вступила на путь агрессии, и Польша делает соответствующие выводы.

Кризис на Украине поставил перед Европой много важных вопросов, но одновременно обнажил истинные направления внешней политики крупнейших стран ЕС. Как полагает польский исследователь Зд. Краснодобский, сдержанная реакция Германии и Франции на позицию России по украинскому кризису лучше всего демонстрирует, что идея европейской солидарности не всегда сдает экзамен³¹. Благодаря концепции Восточного партнерства Сикорского, Евросоюз был втянут в дела Украины, и сегодня ЕС, поддерживая ее прозападную ориентацию, тем самым выражает стратегические интересы Польши³².

Как справедливо заметила российский исследователь Л. Лыкошина, «поляки всегда претендовали на особую роль по отношению к Украине. Для них важно было всеми силами оттянуть Украину от России и помочь ей идти по западному пути развития. Именно поляки были инициаторами программы Восточного партнерства»³³. По словам министра иностранных дел Р. Сикорского, этот проект явился модернизацией концепции Е. Гедройца³⁴.

Восточное партнерство (ВП) рассматривается польскими политиками как одно из ключевых направлений внешней политики страны, как самая значимая и масштабная инициатива Польши в рамках ЕС. Этот проект, направленный на углубление сотрудничества между Евросоюзом и его восточными соседями, ГП считала своим успехом. Следует также обратить внимание на значение ВП как элемента геополитического состязания с Россией³⁵.

Польские идеи «восточного измерения» не сразу встретили поддержку в ЕС. Уже с первых шагов участия Польши в данной структуре было ясно, что ее главные амбиции связаны с определением восточной политики Евросоюза. В экспозе премьера Туска в 2007 г. подчеркивалось, что восточной политике, с акцентом на отношения с Украиной и Белоруссией, Польша будет уделять особое внимание. Проект ВП был принят в 2009 г. в Праге. Ключевую роль в его поддержке сыграли страны Вишеградской группы,

прибалтийские государства, Швеция и Германия. Последняя тем самым противостояла усилению Франции на южном направлении ЕС. К приоритетам польского председательства во второй половине 2011 г. относились: ВП и вопросы усиления энергетической безопасности ЕС. В предвыборной программе ГП в 2015 г. Восточное партнерство определялось как стратегическое, целью которого является прогрессирующая интеграция стран Восточной Европы и Южного Кавказа, а следовательно, в первую очередь, Украины, Молдавии и Грузии с Евросоюзом³⁶.

Именно как способ реализации интересов Польши на востоке, в частности, по отношению к Украине, рассматривает политику ВП и польский автор А. Чанчара. Отмечая начало новой, прагматичной тактики польской дипломатии, поскольку прежняя модель расширения и сотрудничества себя исчерпала, автор обращает внимание на наиболее адекватную в нынешних условиях так называемую эластичную модель расширения, предполагающую участие стран, стремящихся в ЕС, в той или иной сфере политики ЕС, не ожидая, пока данная страна будет соответствовать всем критериям членства³⁷.

Таким образом, программа ВП является для Польши средством осуществления двух целей. С одной стороны, она направлена на сближение непосредственных соседей Польши с Евросоюзом и создание на восточной границе страны ряда дружественных, прозападных государств, отделяющих Польшу от России. С другой стороны, ВП — средство реализации польских интересов внутри ЕС, а именно использования потенциала Евросоюза для осуществления собственной концепции международного порядка в регионе.

Важным направлением внешнеполитической деятельности правительства Туска являлась также политика в Центральной и Восточной Европе. Главная идея — претензии Польши на роль регионального лидера, и интересы России и Польши здесь нередко пересекаются. Туск полагал, что в ситуации, когда позиции Польши в Европе весьма сильны, эти претензии вполне обоснованы.

Эффективный инструмент достижения этой цели — Вишеградская группа, объединяющая Польшу, Венгрию, Чехию и Словакию (В-4). С польской точки зрения, «вишеградская марка» стала образцом удачного регионального сотрудничества, усиливая Евросоюз в целом. Следует добавить, что страны В-4 располагают в Совете Европы таким же количеством голосов, как Германия или Франция. Следовательно, усиление Вишеградской группы имеет смысл, и в случае с Польшей может составлять важный инструмент борьбы за собственные национальные интересы в ЕС³⁸.

Украинский кризис зафиксировал существенное расхождение в понимании Польшей и другими участниками Вишеградской группы основных приоритетов развития региона и перспектив его взаимодействия с Россией в новых, «посткрымских» реалиях. Если Венгрия, Чехия и Словакия пытаются балансировать между идеями европейской солидарности, евроатлантическими интересами и собственными преимуществами, связанными с развитием конструктивного диалога с Москвой, то Польша с самого начала этого кризиса занимает последовательную антироссийскую позицию. Положение в Польше отличается тем, что представители консервативного и либерального спектра фактически едины в своих антироссийских устремлениях, и различия между ними носят, скорее, тактический, но отнюдь не стратегический характер³⁹.

Приход в Бельведерский дворец администрации А. Дуды летом 2015 г. и победа на парламентских выборах в октябре того же года правоконсервативной партии ПиС означали отход польского общества и политического класса от проводившегося с 2007 г. внешнеполитического курса, направленного на поиск компромисса с Россией и Германией. Этот курс, связанный с партией Гражданская платформа и фигурой Д. Туска, ныне занимающего пост председателя Европейского совета, уходит в прошлое. В ближайшие годы внешнюю политику Польши будет определять команда Я. Качиньского, известного своими антироссийскими и евроскептическими взглядами.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Program europejski PO // http://www.platforma.org/download/dokumenty/progra_europ_po.doc.
- ² *Rokita J., Tusk D.* Obrona Nicei i odwaga // *Gazeta Wyborcza*. W-wa, 2003. 3 paźd. S. 21.
- ³ Подробнее см.: *Lisiakiewicz R.* Stosunki polsko-rosyjskie w programach politycznych Prawa i Sprawiedliwości oraz Platformy Obywatelskiej // *Dylematy polskiej demokracji*. Kraków, 2012. S. 517.
- ⁴ Program europejski PO...
- ⁵ Polityka zagraniczna według partii politycznych. 11 październik 2007 // www.psz.pl/92-polska/raport-psz-pl-polityka-zagraniczna-wedlug-partii-politycznych; *Kik K.* W poszukiwaniu wspólnego mianownika: integracja Europy w programach i polityce głównych polskich i zachodnioeuropejskich partii politycznych // *Bilans pierwszych lat członkostwa Polski w Unii Europejskiej*. W-wa, 2011. S. 112.
- ⁶ Expose Premiera Donalda Tuska. 23.11.2007 // www.poprzednia.strona.premier.gov.pl/s.php?id=1389&path=10325.
- ⁷ Informacja Ministra Spraw Zagranicznych na temat polityki zagranicznej RP w 2011 r. MSZ 16.03.2011 // www.msz.gov.pl/Expos%C3%A9,2011,41979.html.
- ⁸ *Tusk D.* Po romansie małżeństwo // www.polityka.pl/kraj/wywiady/1513588,1,rozmowa-z-premierem-donaldem-tuskiem.read?print=true.
- ⁹ *Tusk D.* Trzecia fala nowoczesności // www.platforma.org/pl/artykul/platforma/polska/trzecia-fala-nowocze/; www.szejnfeld.pl/index.php/analizy/nastepny-krok-razem-zalozenia-ideowe-programu-wyborczego-platformy-obywatelskiej.
- ¹⁰ *Bielecki T.* Europa mówi Sikorskim // *Gazeta wyborcza*. W-wa, 2012. 30 list. S. 3–4.
- ¹¹ Polska Unią silna // www.instytutobywatelski.pl
- ¹² Priorytety polskiej polityki zagranicznej 2012–2016. Warszawa, marzec 2012 // www.gov.pl.
- ¹³ Priorytety polskiej polityki zagranicznej. 08.05.2014 // <http://www.platforma.org/aktualnosc/37382/priorytety-polskiej-polityki-zagranicznej>.
- ¹⁴ Komorowski i Duda o bezpieczeństwie i o polityce zagranicznej. 17.05.2015 // www.bankier.pl.
- ¹⁵ Informacja Ministra Spraw Zagranicznych na temat polityki zagranicznej RP w 2011 r. 87. posiedzenie Sejmu w dniu 16 marca 2011 r. // www.msz.gov.pl/expos%C3%A9,2011,41979.html.
- ¹⁶ Polska polityka zagraniczna według expose Ministra spraw zagranicznych. 7.05.2015 // www.stosunki.pl.
- ¹⁷ *Trzecielińska-Polus A.* Priorytety polskiej i niemieckiej polityki zagranicznej w latach 2010–2013 // *Dylematy polityki zagranicznej Polski na początku XXI wieku*. Katowice, 2014. S. 187–208.
- ¹⁸ Polska przyszłości — Program Platformy Obywatelskiej 2015 // www.platforma.org.pl.
- ¹⁹ Schetyna: polityka PiS oddala Polskę od Berlina i Paryża. 05.02.2016 // <http://www.tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/schetyna-o-spotkaniu-camerna-z-kaczynskim-i-szydlo,616865.html>.
- ²⁰ Polska — przejście w inną rzeczywistość // <http://zw.lt/opinie/antonowicz-polska-przejscie-w-inna-rzeczywistosc-polityczna>.
- ²¹ *Zięba R.* Polityka zagraniczna Polski w strefie euroatlantyckiej. Warszawa, 2013. S. 131–132.
- ²² Подробнее см.: *Zajac J.* NATO i UE w polskiej polityce bezpieczeństwa w XXI wieku // *Dylematy polityki zagranicznej...* S. 442–462.
- ²³ Informacja Ministra Spraw Zagranicznych na temat polityki zagranicznej RP w 2011 r. 87. posiedzenie Sejmu w dniu 16 marca 2011 r. // www.msz.gov.pl/expos%C3%A9,2011,41979.html.

²⁴ Schetyna przedstawił założenia polityki zagranicznej. «Bezpieczeństwo Polski kwestią kluczową» // www.tvpparlament.pl; Polska polityka zagraniczna według expose Ministra spraw zagranicznych. 07.05.2015 // www.stosunki.pl.

²⁵ Następny krok. Razem. Program wyborczy 2011 // <http://platforma.org/pl>.

²⁶ Подробнее см.: *Lisiakiewicz R.* Op. cit. S. 517.

²⁷ MSZ publikuje notatkę poprzedników w sprawie Rosji i Ukrainy // <http://www.tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju/3/notatka-msz-w-sprawie-rosji-i-ukrainy-z-2008-roku-opublikowana,709452.html>; b — В Варшаве вспомнили о надеждах на Россию // <http://www.kommersant.ru/doc/3200489>.

²⁸ MSZ ujawniło notatkę z 2008 r.; Witold Waszczykowski: to był początek zwrotu ku polityce prorosyjskiej // <http://www.msz.gov.pl/pl/aktualnosci/wiadomosci/msz-ujawnilo-notatke-z-2008-r-witold-waszczykowski-to-byl-poczatek-zwrotu-kupolityce-prorosyjski...>

²⁹ *Корейба Я.* Историко-идеологические основы внешней политики Польши в отношении европейских стран бывшего СССР // Восточная Европа. Перспективы. Польша, ЕС и «восточная политика». М., 2011. № 2. С. 74.

³⁰ Подробнее см.: *Лыкошина Л.С.* Дональд Туск. Политический портрет. М., 2013. С. 67; *Волобуев В.В.* Е. Гедройц и Ю. Мерошевский о формировании восточного направления внешней политики современной Польши // Между Москвой и Брюсселем. М., 2016. С. 193–203.

³¹ Tomasz Badowski. Rozmowy z prof. Zd. Krasnodębskim // www.stosunki.pl.

³² Ucieczka spod żyrandola // http://wyborcza.pl/politykaekstra/1,145208,17866734,Ucieczka_spod_zyrandola.html

³³ Подробнее см.: *Лыкошина Л.С.* Российско-польские отношения в контексте украинского кризиса // Между Москвой и Брюсселем. М., 2016. С. 209–211.

³⁴ Informacja Ministra Spraw Zagranicznych o zadaniach polskiej polityki zagranicznej w 2014 roku, Ministerstwo Spraw Zagranicznych, 8.05.2014 // http://www.msz.gov.pl/pl/aktualnosci/wiadomosci/informacja_ministra_spraw_zagranicznych_o_zadaniach_polskiej_polityki_zagranicznej_w_2014_roku; Siła zmiany. Polska polityka zagraniczna po 2004 roku // <http://ekonomiczna24.osdw.pl/ksiazka/JOANNA-KAMINSKA/SILA-ZMIANY-POLSKA-POLITYKA-ZAGRANICZNA-PO-2004-ROKU,ekono13VU7ZBC>.

³⁵ Ważny głos przed Wilnem — relacja z konferencji Polska Polityka Wschodnia // http://www.mojeopinie.pl/wazny_glos_przed_wilnem_relacja_z_konferencji_polska_polityka_wschodnia_2013,3,1382516481.

³⁶ Polska przyszłości — Program Platformy Obywatelskiej 2015 // www.platforma.org.pl.

³⁷ *Лыкошина Л.С.* Восточное партнерство 2009–2014 // Современная Европа. М., 2015. № 6. С. 159.

³⁸ V4 skutecznym narzędziem polskiej polityki zagranicznej // www.stosunki.pl.

³⁹ Подробнее см.: *Буневич Д.* Польский сценарий геополитической реорганизации Центральной Европы // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях. М., 2015. С. 252.

Иоанн Павел II и евроскептицизм братьев Качиньских

Моральная революция, объявленная Я. Качиньским в качестве цели своей политической деятельности, опирается, по мысли лидера партии Право и справедливость (ПиС), на учение католической церкви и Иоанна Павла II. В ноябре 2015 г., выступая на католическом радио «Трвам», он заявил: «В Польше не существует системы ценностей, которая соперничала бы с учением церкви. И мы либо поддерживаем это учение, либо впадаем в нигилизм...»¹. Того же мнения держался и его покойный брат Лех. Например, в интервью еженедельнику «Факт» от 2 апреля 2010 г. он подчеркнул: «Европа должна помнить о великом послании Святого Отца, говорившего, что мир меняется, равно как и взгляды, но основой нашей цивилизации неизменно остаются Христос и десять заповедей. Это наши корни и нам не следует от них отрекаться»².

Пожалуй, сейчас нет в Польше другого политика, который так часто цитировал бы покойного римского папу, как Ярослав Качиньский. Председатель ПиС явно воспринимает себя как его последователя, а слова Войтылы — как руководство к действию. Не случайно то же выступление на радио «Трвам» Я. Качиньский начал с традиционного приветствия, которое использовал римский папа: «Восславим Иисуса Христа и деву Марию!»³.

Еще в 2007 г., занимая пост премьер-министра, Я. Качиньский настаивал на включении в преамбулу нового европейского договора пункта о христианских корнях европейского единства. Это — одна из основных мыслей Иоанна Павла II, заявлявшего в 2004 г.: «устойчивость Евросоюзу могут обеспечить лишь христианские корни,

которые объединяют и формируют самосознание»⁴. Собственно, о самом единстве Европы, по мнению Иоанна Павла II, можно говорить лишь после распространения по континенту христианства⁵.

И Качиньский в рекламном ролике ПиС от мая 2016 г. в полном соответствии с мыслью Войтылы также указал, что «мы, поляки, всегда были в Европе. Мы уже 1050 лет принимаем участие в создании христианской цивилизации на нашем континенте. Наши предки внесли свой вклад в строительство сообщества свободных народов. Мы часто создавали его с куда большим трудом, чем другие. А следовательно, у нас есть право и даже обязанность бороться за свои интересы»⁶. В программе ПиС 2014 года эта мысль была сформулирована следующим образом: «Мы не создаем европейцев, поскольку европейцы уже есть, а европейская цивилизация коренится в греко-римско-христианской культуре»⁷.

Иоанн Павел II полагал, что именно благодаря христианству Европа сумела разнести свои ценности по всему миру — на благо человечества⁸. По мнению римского папы, античная, иудейская или кельтская культуры при всем своем богатстве не были способны сами по себе консолидировать Европу, это могло сделать только христианство, ислам же вообще идеологически несовместим с европейской культурой. Поэтому Иоанн Павел II умалчивал об арабском влиянии на европейскую культуру⁹.

Я. Качиньский и созданная им партия также испытывают недоверие к иммигрантам из исламских стран. Подобно Иоанну Павлу II, члены этой партии склонны видеть в наплыве иноверцев угрозу Европе. Я. Качиньский в сентябре 2015 г. заявил в Сейме, что иммигранты могут принести шариат на польские земли¹⁰, а спустя месяц в одном из интервью даже принялся пугать соотечественников болезнями, которые якобы разносят беженцы из стран Ближнего Востока¹¹.

Отношение Иоанна Павла II к европейской интеграции, однозначно позитивное в 1980-е годы, изменилось в 1990-е, когда он начал критиковать европейские структу-

ры за отсутствие духовного наполнения, за то, что интеграция свелась исключительно к политическому объединению¹². Для Войтылы это было неприемлемо: мораль он отождествлял с верой, без коей, по его мнению, человек вообще не может быть моральным¹³ (напоминает тезис Ф.М. Достоевского: «Если Бога нет, то все позволено»). «Я не перестану повторять этой правды, ибо ее нужно твердить громким голосом, особенно сегодня, когда в лоне расширяющегося Европейского Союза появляется искушение отделять историю от сегодняшнего дня, культуру от традиции, и в конце концов — политику и экономику от духовных ценностей, составляющих фундамент европейского самосознания», — говорил он¹⁴.

Другими словами, Войтыла не верил, что сама по себе правовая и политическая системы могут обеспечить поступательное развитие Европы. Римский папа настаивал на том, что в основе демократии должны лежать вечные, то есть, христианские, догмы, без которых европейское единство обречено на вырождение. В энциклике 1991 г. «*Centesimus annus*» («В год сотый») он негодовал по поводу часто слышащихся заявлений, будто философией демократических форм правления должны быть агностицизм и скептический релятивизм, отрицающие наличие неизменной (христианской) истины. По мнению К. Войтылы, если нет никакой последней правды, властям легко манипулировать людьми. История XX века, делал вывод римский папа, доказала, что «демократия, лишенная [духовных] ценностей, легко превращается в явный или скрытый тоталитаризм»¹⁵. Эту мысль Иоанн Павел II неустанно твердил до самой кончины. Без наличия трансцендентных стандартов морали в общественной жизни, утверждал Войтыла, демократия оборачивается тиранией, при которой одна сторона навязывает другой юридическими или иными, более жесткими, методами свою точку зрения, а те, кому навязывают, воспринимают это как ущемление своих прав. Результатом становится разложение демократии¹⁶.

То же недоверчивое отношение к правовой системе, лишенной корней, характеризует и Я. Качиньского. Меж-

ду правом и моралью он явно выбирает мораль, хотя опирается при этом не столько на учение папы (это — скорее цель), сколько на воззрения своего бывшего научного руководителя, юриста левых взглядов Станислава Эрлиха (это — теоретическое обоснование тактики действий). Качиньский полагает, что в польских реалиях доктрина правового государства вместо создания эффективной демократии закрепила влияние бывшей партноменклатуры. По мнению Качиньского, в Польше нет четырех основополагающих элементов, делающих демократию эффективной: общественного плюрализма, элиты, укорененной в народе, здоровой судебной системы и влиятельного общественного мнения. Из этого Качиньский делает весьма радикальный вывод: «В Польше нет предпосылок для правового государства»¹⁷. А раз так, можно идти напролом во имя евангельских заповедей.

Именно заповеди должны лежать в основе любой общественно-политической системы. Так считал Иоанн Павел II. Все же остальное, с его точки зрения — лишь надстройка для лучшего их воплощения. К той же позиции ныне склоняется, судя по всему, и Я. Качиньский, когда говорит, что призывы Иоанна Павла II во время его папомничества в Польшу в 1991 г. не были услышаны¹⁸. Действительно, поездка римского папы на родину в 1991 г. была самой неудачной: соотечественники ожидали, что великий земляк разделит с ними счастье обретения полной независимости и свержения коммунизма, в то время как понтифик, выбрав темой речей десять заповедей, сосредоточился в своих выступлениях на недостатках демократии, лишенной моральных (т.е. христианских) норм¹⁹.

Я. Качиньский уверен, что Иоанн Павел II не был доволен Третьей Республикой (хотя понтифик никогда открыто не высказывался по этому поводу). В Польше, по словам Я. Качиньского, «политика скачет от зондажа к зондажу, доминирует пропаганда, властный интерес, сиюминутные выгоды». Поэтому, выступая на пресс-конференции в Закопанах в апреле 2014 г., лидер ПиС призвал вспомнить знаменитые слова Иоанна Павла II, сказанные

в 1979 г. о том, что святой дух должен снова сойти и обновить землю²⁰.

Ценностям либерализма Качиньский противопоставляет ценности солидарности, вновь обращаясь к мысли Войтылы, мечтавшего о том, чтобы люди были вместе, а не один против другого. С особенной силой этот принцип подчеркивается в энцикликах Иоанна Павла II «*Sollicitudo rei socialis*» («Забота о социальных ценностях») и «*Centesimus annus*» («В год сотый»), изданных в 1987 г. и 1991 г. Критикуя либеральный капитализм, Войтыла отстаивал необходимость широкого вмешательства государства в экономику для гарантии обеспечения прав человека (прежде всего, на труд). Но при этом отнюдь не выступал апологетом опекунского государства (которое, по его мнению, лишало людей инициативы), и вообще оставался приверженцем свободного рынка, хотя и указывал на необходимость работодателей заботиться о своих работниках²¹.

В нынешних польских реалиях за лозунгом солидарности фактически кроется программа социальной поддержки, которую в странах Западной Европы традиционно отстаивают социал-демократические партии. В Польше же с ее извилистым путем к демократии возник редко встречающийся, однако, совсем не уникальный гибрид право-консервативной партии с левой программой защиты малообеспеченных слоев населения. На волне выборов 2005 г. Я. Качиньский и его партия всю раскручивали образ «солидарной Польши», противостоящей «Польше либеральной», т.е. Польше дикого рынка и презрения к традициям²².

На те же ценности солидарности, но в отношении внешней политики, сослался однопартиец Я. Качиньского президент А. Дуда 21 декабря 2015 г. на конференции, посвященной внешней политике Леха Качиньского: «Мы в Польше часто называем господина президента Качиньского человеком Солидарности... Но я полагаю, что можно взглянуть на господина президента Качиньского как на человека Солидарности также через призму слов: „Солидарность — это способность реализовывать свои интере-

сы, а еще — способность выступать от имени других, даже если в этом нет собственного интереса”... Лех Качиньский был человеком, который солидарность понимал шире. Думаю, мы должны воспринимать его политику через призму слов Иоанна Павла II: “Солидарность — это вместе, и никогда — один против другого”. Именно такое содружество господин президент Качиньский старался построить в нашей части Европы»²³.

Иоанн Павел II в самом деле говорил в таком духе о европейском единстве — в частности, в апостольском послании «*Ecclesia in Europa*» (июнь 2003 г.): «национальные различия должны сохраняться и поддерживаться как основа европейской солидарности, а с другой стороны, само национальное самосознание воплощается в открытости к другим народам и в солидарности с ними»²⁴.

Та же мысль прослеживается и в программе ПиС 2014 года. По мнению ее авторов, ЕС должен остаться международной организацией и не стремиться к созданию федерации; Конституция Польши должна быть выше европейской юстиции, а Конституционный трибунал в Польше — выше Европейского суда; финансами страны и налогами также должно распоряжаться только правительство. ЕС в кризисе, отмечали авторы программы, и Союз несомненно нуждается в укреплении, но не за счет ограничения национального суверенитета. Польские стратегические интересы должны превалировать в трех областях: сохранение национальной валюты, осуществление энергетическо-климатического пакета мер и оборот земли. В то же время следует защищать такие достижения ЕС как общий рынок, свобода передвижения и перемещения капитала и услуг, свобода и равенство, общие права и общие обязанности, солидарность и взаимопомощь²⁵.

В области межчеловеческих отношений Качиньские также строго держались учения церкви и конкретно — Иоанна Павла II. В частности, такие явления как гомосексуализм и однополые браки, однозначно воспринимались ими как извращения и нарушение библейских канонов. Правда, про однополые браки Войтыла нигде прямо не

говорил (очевидно, не в силах себе вообразить чего-то такого), но можно представить, что именно он сказал бы об этом, если бы столкнулся с подобным явлением. В работе «Любовь и ответственность» будущий римский папа ясно выражает свое отношение к сексуальной жизни: «В браке соединяются две личности, мужчина и женщина, становясь таким образом неким “единым телом” (пользуясь словами Книги Бытия)...»²⁶. О гомосексуалистах Войтыла высказался еще более откровенно: «Силой вещей половое влечение у человека устремлено на другого человека — это его нормальное устройство. Когда оно обращено на одно сексуальное удовлетворение, его следует признать поверхностным или даже извращенным. Если оно обращено на сексуальное удовлетворение с представителем того же пола, мы говорим о гомосексуальном извращении. Тем более, можно говорить об извращении, если желание обращено не на человека, а на животное. Естественное направление сексуального влечения указывает на человека другого пола, а не просто на другой пол»²⁷.

Аналогичного мнения держится и Я. Качиньский, который полагает, что гомосексуалистов, к примеру, нельзя допускать к работе со школьниками (о чем он высказался в сентябре 2005 г., взбудораженный заявлением своего брата Леха, не исключившего такую возможность)²⁸.

Известна также позиция Я. Качиньского по вопросу аборт, целиком совпадающая с мнением церкви, которая рассматривает это как убийство (в мае 2004 г. Иоанн Павел II причислил к лику святых Джанну Берету Моллу, отказавшуюся в свое время прервать беременность, чтобы спасти свою жизнь. Ее имя стало символом противников абортов). Также, высказываясь в 2000 г. в послании к кардиналу А. Ортасу по поводу Хартии основных прав Евросоюза, Иоанн Павел II сокрушался, что в ней недостаточно обеспечены права личности и семьи, оказавшиеся под угрозой во многих странах ввиду разрешения на аборты и эвтаназию²⁹.

В марте 2016 г. Я. Качиньский тоже заявил, что его партия в подавляющем большинстве поддержит законо-

проект о полном запрете аборт в стране³⁰. Не менее определенно высказывался он и об эвтаназии. Например, в марте 2009 г., комментируя рассмотрение этой проблемы правительством Д. Туска, он сказал: «Наша позиция по поводу эвтаназии ясна — мы против»³¹.

Таким образом, лозунги ПиС о моральной революции, построении Четвертой республики и оздоровлении государства — есть ничто иное как попытка возвести здание общественно-политической системы на заветах Иоанна Павла II и евангельских заповедях. Все это не исключает, конечно, расхождений, вызванных противоречиями между интересами государства и довольно таки абстрактными требованиями христианской морали. Это проявилось, например, при вторжении американских войск в Ирак в 2003 г. — данная акция была поддержана как властями Польши, так и братьями Качиньскими (находившимися тогда в оппозиции), но встретила осуждение Иоанна Павла II. Однако не подлежит сомнению, что, по крайней мере, с начала 2000-х гг. именно учение церкви и Кароля Войтылы стало идеологической основой деятельности братьев Качиньских, стремящихся как можно полнее осуществить заветы своего великого соотечественника. Иоанн Павел II ратовал за духовное (читай — христианское) наполнение Европейского союза; Я. Качиньский и его партия ратуют за то же самое в Польше, а в перспективе — и в Европе. Насколько это осуществимо и как воплощается на практике, мы имеем возможность наблюдать прямо сейчас.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Kaczyński J.* List prezesa Prawa i Sprawiedliwości do członków PiS: <http://www.pis.org.pl/download/php>.

² Интернет-страница президента Польши [prezydent.pl: http://www.prezydent.pl/archiwum-lecha-kaczynskiego/wypowiedzi-prezydenta/wywiady-krajowe/art,548,lecha-kaczynski-jan-pawel-ii-byl-darem-od-boga-dla-polski.html](http://www.prezydent.pl/archiwum-lecha-kaczynskiego/wypowiedzi-prezydenta/wywiady-krajowe/art,548,lecha-kaczynski-jan-pawel-ii-byl-darem-od-boga-dla-polski.html)

³ Ibidem.

⁴ Aby nad Europą jaśniało oblicze Boga (przemówienie podczas audycji z okazji przyznania Janowi Pawłowi II nagrody Karola Wielkiego) на портале ZiBaTePa (интегрированная база папских текстов): <http://nauczaniejp2.pl/dokumenty/wyswietl/id/1380/pos/4/haslo/trwa%C5%82o%C5%9B%C4%87%20mo%C5%BCe%20zapewni%C4%87%20unii%20jedynie%20zakorzenie%20w%20chrze%C5%9Bcija%C5%84stwie,%20b%C4%99d%C4%85cym%20czynnikiem%20jednocz%C4%85cym%20i%20nadaj%C4%85cym%20to%C5%BCsamo%C5%9B%C4%87>.

⁵ Leszczyńska K. Cztery wizje Europy. Kraków, 2009. S. 84–88.

⁶ Информационный ресурс wPolityce.pl: <http://wpolityce.pl/polityka/292049-silna-polska-w-europie-zobacz-nowy-spot-z-jaroslawem-kaczynskim-naprawimy-rzeczpospolita-krok-po-kroku-dalimy-wam-slowo-wideo>.

⁷ Program Prawa i Sprawiedliwosci 2014 (на сайте партии «Право и Справедливость» — www.pis.org.pl/dokumenty). S. 159.

⁸ Leszczyńska K. Op. cit. S. 85.

⁹ Ibid. S. 93.

¹⁰ Информационный портал Dziennik.pl: <http://wiadomosci.dziennik.pl/polityka/artykuly/500599,sejm-kaczynski-przeciw-przyjeciu-imigrantow.html>.

¹¹ Информационный портал wPolityce.pl: <http://wpolityce.pl/polityka/268356-kto-przesadzil-kaczynski-imigranci-moga-przyniesc-nieznane-choroby-celinski-to-jezyk-nazizmu-mowilo-sie-ze-zydki-maja-tyfus>.

¹² Leszczyńska K. Op. cit. S. 129.

¹³ Ibid. S. 118.

¹⁴ Ibid. S. 124.

¹⁵ Текст энциклики на сайте ZiBaTePa (интегрированная база папских текстов): <http://nauczaniejp2.pl/dokumenty/wyswietl/id/24>.

¹⁶ Weigel G. Świadek nadziei. Biografia papieża Jana Pawła II. Kraków, 2000. S. 780.

¹⁷ Mazur K. Filozofia Jarosława Kaczyńskiego // Информационный ресурс Jagielloński24: http://jagielloński24.pl/2016/01/18/jaroslaw-kaczynski-ostatni-rewolucjonista-iii-rp/?fb_comment_id=1004783079580885_1005404209518772#fdb6a2be0e4b18.

¹⁸ wPolityce.pl: <http://wpolityce.pl/polityka/193112-jaroslaw-kaczynski-papiez-kazal-milowac-blizniego-nadchodzi-czas-kiedy-do-tej-jego-nauki-bedziemy-wracac>.

¹⁹ Wiegel G. Op. cit. S. 812.

²⁰ PAP 25.04.2014 // Gazeta Wyborcza: http://wyborcza.pl/1,91446,15855071,Kaczynski_polska_rzeczywistosc_inna_niz_wmarzyl_sobie.html.

²¹ Urgacz P. Państwo a gospodarka w świetle nauczania Jana Pawła II // Jan Paweł II w kręgu myśli politycznej i dyplomacji. Red. Naukowa M. Wilk i Ł. Donaj. Łódź, 2009. S. 318–322; Tasak A. koncepcja państwa sprawiedliwego w myśli społeczno-politycznej Jana Pawła II // Jan Paweł II w kręgu... S. 344.

²² Лыкошина Л.С. «Польско-польская война». Политическая жизнь современной Польши. М., 2015. С. 101.

²³ Интернет-страница президента Польши prezydent.pl: <http://m.prezydent.pl/aktualnosci/wydarzenia/art,90,w-polityce-lecha-kaczynskiego-zawieraly-sie-najlepsze-europejskie-wartosci.html>.

²⁴ Adhорacje apostołskie Ojca świętego. T. 2. Kraków, 2006. S. 715.

²⁵ Program PiS... S. 157–158.

²⁶ Wojtyła K. Miłość i odpowiedzialność. Kraków, 1962. S. 20.

²⁷ Ibid. S. 39.

²⁸ Информационный ресурс wiadomosci.wp.pl: <http://wiadomosci.wp.pl/kat,1342,title,JKaczynski-homoseksualistow-izolowac-a-nie-przesladowac,wid,7957825,wiadomosc.html?tid=11761c>.

²⁹ Kusztal A. Wokół aksjologicznych podstaw europejskiej integracji: Jan Paweł II wobec Traktatu, ustanawiającego Konstytucję dla Europy // Jan Paweł II w kręgu... S. 366.

³⁰ <http://wiadomosci.dziennik.pl/polityka/artykuly/516962,jaroslaw-kaczynski-aborcja-zakaz-ustawa-pis-prawo-przerwywanie-ciazy-kosciol-sejm.html>.

³¹ Информационный ресурс onet.wiadomosci: <http://wiadomosci.onet.pl/kraj/prezes-pis-nie-mowmy-o-eutanazji/blyh8>.

Политические партии Чехии и Словакии: еврооптимизм / евроатлантизм или евроскептицизм / евразийство

О методологических аспектах проблемы

1 марта 2017 г. Европейская комиссия (ЕК) представила публикацию «Белая книга будущего Европы»¹, подготовленную к прошедшему 25 марта 2017 г. в Риме юбилейному саммиту Европейского союза (ЕС). В ней изложено видение высшим органом исполнительной власти ЕС будущих интеграционных процессов в Европе. В книге председатель ЕК Ж.-К. Юнкер предложил к рассмотрению пять сценариев развития ЕС к 2025 г., давая им афористические обозначения: 1. Оставить все без изменений; 2. Только единый рынок; 3. Кто хочет, делает больше; 4. Меньше, но эффективнее; 5. Вместе можно сделать намного больше².

Ранее Юнкер, предпочитая пятый сценарий, считал возможным и даже целесообразным переход к интегральной модели функционирования объединенной Европы в виде сообществ, выстраиваемых по принципу «концентрических кругов». Уточняя детали этой модели, он утверждал, что вокруг центра Европы должна быть орбита; на ней могут разместиться те страны европейского континента, которые пока не в состоянии разделять их амбиции, например, в области экономической политики, в сфере обороны и т. д., но разделят их в будущем. Brexit на одном краю ЕС и особые позиции Польши — на другом, создали в этих кругах существенные лакуны, и свойственная пято-

му сценарию Юнкера установка на еврооптимизм так или иначе сегодня корректируется позициями, содержащими большую долю евроскептицизма. Это и отразилось в переходе от концепта полноценного федералистского ЕС к такой метафоре, как «Европа двух скоростей»; в ее рамках интенсивнее обсуждаются менее продвинутые формы интеграции окраин — во всех смыслах этого слова — в центр.

Странам-членам ЕС до конца 2017 г. рекомендовалось провести после обсуждения позиций Юнкера и других лидеров ЕС (включая, к примеру, Д. Туска, который нашел своих наиболее яростных противников как раз среди политиков-соотечественников, стремившихся заблокировать его избрание) более широкие дискуссии и четче определиться со своим выбором. Предполагается, что достаточно широкий диапазон предложенных альтернатив мог бы позволить политическим акторам стран Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ) найти свое место в предлагаемом руководством ЕС наборе сценариев. При этом можно с достаточной долей уверенности утверждать, что в своем выборе они будут руководствоваться установками не только на еврооптимизм, но и на евроскептицизм.

Общий анализ этих концептов в соотношении с мировоззренчески более широкими установками на евроатлантизм и евразийство, а также рассмотрение на конкретном документальном материале их проявлений в политической жизни современных Чехии и Словакии и составит предмет рассмотрения данной главы.

При этом внедрение ценностей еврооптимизма считалось и считается приоритетной задачей для весомой части правящих элит практически всех стран региона — не всегда коррелируя, с одной стороны, с уровнем их экономического развития, а с другой — с настроениями электората («казус втягивания» частью политической элиты Черногории в блок НАТО вопреки воле народа демонстрирует это с достаточной убедительностью). Соответственно, трансформировались в сторону обесценивания и идеи, обслуживающие проект евроединения; забытыми оказались проекты Европы от Бреста (французского) до Владивосто-

ка, а новые импульсы получили проекты Евразии от Бреста (белорусского) до Пекина.

Две пары концептов «еврооптимизм» и «евроатлантизм», а также «евроскептицизм» и «евразийство» выбраны для анализа не только по созвучию двух первых слогов в обозначающих их словах. Причина еще и в том, что указанные пары связывает, как представляется, определенная преемственность. Еврооптимизм характеризуется уверенностью в том, что евроединение — неизбежная и продуктивная перспектива, сближающая, в первую очередь, страны в рамках ЕС как трансгосударственной структуры. Соответствующая установка сформировалась давно, но укрепились в ходе 60-летнего существования Римского договора. Правда, она не всегда была доминирующей, в частности, в силу того, что за нею просматривалась форсируемая установка на евроатлантизм, который был, к примеру, забракван в 1960-е гг. Ш. де Голлем (вплоть до того, что Франция в 1966 г. вышла из военных структур НАТО, продолжая, впрочем, принимать участие в работе его политических институтов).

Евроатлантизм трактуется нами как геополитическое единение стран Северной Америки и Европы — за исключением России — с целью достижения экономического и политического союза с опорой на такие ценности демократии и прав человека, которые якобы допустимо навязывать и силой в ходе гуманитарных интервенций. Реализатором евроатлантического проекта выступают, в первую очередь, США, и сводится он к переформатированию мира с целью сохранения американского лидерства.

В целом установка на евроатлантизм, присущая, скорее, силам правой ориентации, утверждает доминирующую роль США, которые стремятся в перспективе обрести контроль над евроазиатским пространством и его сырьевыми ресурсами. Ее можно идентифицировать как трансформированную идеологию холодной войны, призывающую к выдавливанию России из глобального и особенно европейского пространства. В странах региона ЦЮВЕ политика евроатлантизма защищает интересы США, препятствуя партнерству России и Европы.

Начала евроатлантизма просматривались в послевоенном экономическом плане Маршалла и в образовании военно-политического блока НАТО. Трансформации в странах ЦЮВЕ после серии революций конца 1980-х годов придали новые импульсы его развитию, которое совпало с периодом доминирования идеи о том, что как раз объединенная Европа в ближайшей перспективе приведет ее народы к процветанию. Этой идеей в чем-то вдохновлялись и сторонники перестройки в СССР, допуская, что ряд проблем ЦЮВЕ как региона легче решать совместными усилиями. Однако поборники западноевропейской интеграции видели пути достижения всеевропейского благосостояния по-своему, оказывая помощь ряду политиков распавшегося СССР, особенно прибалтийским, побуждая их к вхождению в «единую Европу» без России.

Нельзя, безусловно, отрицать, что на начальном этапе создания объединенной Европы евроинтеграторы добились определенных успехов. Однако решить главную задачу ЕС по выравниванию степени экономического развития и доходов на душу населения так и не удалось — ни тогда, ни теперь. Что касается контуров политического развития, то за относительно недолгим доминированием идеи европейского единения настало время тотального навязывания господства идеи евроатлантизма.

Но такое навязывание небеспроблемно. Фактически более семи лет на континенте тянулась рецессия, начавшаяся финансово-экономическим кризисом 2008 года. Греция, Португалия и Испания с присущим им высочайшим уровнем безработицы продолжают находиться в нем; еще большие затруднения испытывают некоторые страны ЦЮВЕ; деструктивное влияние на евроединение оказывают события на Украине. И в этих условиях предлагаемые брюссельскими чиновниками способы решения экономических проблем дают все меньше оснований для оптимизма, а Brexit и миграция внесли столь диссонирующие ноты в призывы к евроединению, что под вопрос ставится будущее ЕС как квазигосударственной манифестации евроатлантизма в целом. Это и есть

ключевая предпосылка для современного евроскептицизма, присущего, скорее, силам левой ориентации (дальнейший анализ партийных структур в Чехии и Словакии продемонстрирует большую лабильность этого «скорее»: в этих странах более чем достаточно и левых еврооптимистов, и правых евроскептиков).

Что касается концепта «евроскептицизм», то обозначающий его термин появился в Великобритании еще в 1971 г. среди противников членства в ЕС, впоследствии это понятие распространилось и в других странах Европы. Евроскептики, не принимая в целом или частично интеграцию в ЕС, выступают за ограниченное участие в европейских интеграционных процессах, в том числе против введения единой валюты евро, не приемлют любых разновидностей евроконституции, некоторых надгосударственных образований, обосновывают лишь ограниченную федерализацию союза. В целом они постоянно высказывают опасения, что дальнейшая евроинтеграция, за которой просматриваются контуры евроатлантизма, размоет национальный суверенитет их государств.

Под евразийством обычно понимается идейное направление и политическое течение 1920–1930-х годов, ориентированное при обосновании путей развития России (СССР) и сопредельных стран на учет реалий сохранения ее как геополитического центра Евразии³. Это классическое евразийство повторилось в многочисленных вариантах неоевразийства, во многом осмыслявших итоги уже Второй мировой войны (в Европе с 1939 г. по 1945 г.) и следовавших за ними народно-демократических революций⁴.

Феномен евроскептицизма стал пристально рассматриваться в политологическом ракурсе еще с конца прошлого века, в первую очередь, в работах П. Таггарта и А. Щербяка (оба из Сассекского Европейского института в Великобритании). Первый в 1998 г. ввел в научный оборот термин «евроскептицизм»⁵, хотя он уже в 1970-е годы появлялся в журналистской среде⁶. Таггарт на материале 15 стран-участниц Европейского сообщества и Норвегии

охарактеризовал данный феномен как установку на принципиальное отторжение той или иной политической партией идеи ЕС и процессов европейской интеграции.

Позже Таггарт и Щербяк, расширив рамки анализа и включив в качестве его предмета «новых» членов ЕС, предложили типологизацию, по которой «партийный» евроскептицизм разделялся на «жесткий» и «мягкий». Первый идентифицировался с принципиальным неприятием ЕС⁷: партии, занимающие эту позицию, требуют выхода своей страны из ЕС, а их политика направлена в целом против проекта европейской интеграции в его нынешнем виде. «Мягкий» же евроскептицизм — политика, которая не представляет принципиальных возражений против членства в ЕС, но содержит таковые по отношению к одной или нескольким политическим сферам; партии, придерживающиеся этой позиции, также критикуют несовместимость траектории ЕС с национальными интересами вошедших или входящих в него государств.

Предложенная концепция почти сразу стала объектом критики за чрезмерную широту определения «мягкого» евроскептицизма, поскольку в то время под его дефиницию попадали как правящие партии, например, чешская Гражданская демократическая партия или венгерский Фидес, которые как раз и вели свои страны к членству в ЕС, так и некоторые партии, не согласные с европейской интеграцией, например, Словацкая национальная партия. Анализируя деятельность этих и ряд других европейских партий, П. Копецки и К. Мудде предложили свою типологизацию, включающую евроэнтузиастов и еврооптимистов, с одной стороны, и европрагматиков и евроскептиков — с другой⁸. При этом евроэнтузиасты выступают за передачу власти наднациональным органам и рост суверенитета ЕС; европрагматики не поддерживают передачу власти, но не возражают против дальнейшего роста суверенитета ЕС. Европрагматики, по градации этих авторов, настаивают на передаче власти, но не поддерживают дальнейшее увеличение полномочий ЕС, а евроскептики не согласны ни с передачей власти, ни с ростом полномочий ЕС⁹.

Под их влиянием Таггарт и Щербяк скорректировали свою типологизацию, уточняя, что «жесткий» евроскептицизм не означает тотально негативного отношения той или иной партии к членству в ЕС; скорее, они сопротивляются передаче власти и части суверенитета трансгосударственным структурам¹⁰. Под «мягким» же евроскептицизмом подразумевается отсутствие принципиальных возражений против проекта европейской интеграции, основанного на передаче власти в наднациональный орган, и вместе с тем наличие оппозиции ряду существующих или планируемых траекторий ЕС, предполагающих дальнейшее расширение его компетенций¹¹.

Следует отметить появление и других попыток типологизации евроскептицизма¹², но именно Таггарту и Щербяку удалось не только обосновать указанное разделение между двумя его видами, но и наметить разность форм его проявления в странах ЕС и тех государствах, которые в эту структуру лишь устремлялись. Хотя их работа и была примечательной как своими выводами, так и прогнозами, сами авторы предупреждали: евроскептицизм может модифицироваться вслед за довольно динамично меняющейся политической конъюнктурой. Попытки же расширить ряд названий для указания на динамику установок евроскептицизма и опереться более прочно на результаты политического мониторинга (сами авторы провели его недостаточно тщательно; так, Болгарии было отказано в наличии партий евроскептической направленности — предшественников Атаки, которая заявила о себе в 2005 г.) особого успеха не принесли.

Поскольку в ЦЮВЕ — особенно в странах, ставших членами НАТО и ЕС — сложились свои модели национального евроскептицизма, это побудило проводить более точно соответствующую нынешним тенденциям типологизацию. В данной связи примечательна предложенная в 2008 г. чешским аналитиком Я. Микласом модель четырех основных мировоззренческих групп: правые еврооптимисты и левые еврооптимисты; правые евроскептики и левые евроскептики.

Правые еврооптимисты выступают за евроатлантическое единство, но без национализма и экономического либерализма. Они полагают, что европейская идентичность основана на традиционных ценностях католицизма и протестантизма, что политические связи с США диктуются необходимостью защиты этих и других западноевропейских ценностей от угрозы ислама, а Россия считается ими неевропейской державой. *Левые еврооптимисты* защищают идею объединения Европы на основе сохранения социально-рыночной экономики. Они ратуют за идею «евроатлантического» цивилизационного пространства, но без доминирующей роли США, с сохранением политического и цивилизационного партнерства и с относительной терпимостью к России и мусульманскому миру.

Правые евроскептики считают, что ЕС должен быть объединением в духе экономического либерализма и децентрализации, при этом национальный суверенитет остается приоритетным. Его приверженцы критикуют ЕС за стремление к экономическому социализму; их приоритет — идея «евроатлантической цивилизации», они признают доминирующую роль США в блоке НАТО. *Левые евроскептики* отрицают идею ЕС как идеологического союзника «глобального империализма» и американской мировой гегемонии, а также воспринимают идею «евроатлантизма» как инструмент политического влияния США в Европе¹³.

Ни еврооптимизм, ни евроскептицизм не являются некой окончательно оформленной идеологией. Часто представители разных партий и различных движений в тех же странах ЦЮВЕ высказывают свое неприятие отдельных аспектов политики ЕС, оставаясь при этом еврооптимистами. И цели у евроскептиков из разных стран тоже значительно различаются: одни добиваются выхода своих государств из ЕС или еврозоны, другие выступают за реформирование союза, не выходя из него и т.п.¹⁴. В связи с этим, модифицируя и конкретизируя типологию Микласа в применении к анализу политических ландшафтов современных Чехии и Словакии, отметим: соотношение пар еврооптимизм-евроатлантизм и евроскептицизм-ев-

разийство едва ли окончательно проясняет ситуацию с четкой идентификацией политических установок разного рода политических партий во всех странах ЦЮВЕ. Все же небезынтересными в этом плане являются некоторые исторические аллюзии.

Внимание в данном отношении привлекает одна из геополитических метафор З. Бжезинского о мире как великой шахматной доске. На наш взгляд, во времена и евразийцев, и вышедших сегодня на арену идеологических столкновений евроскептиков ключевые фигуры на этой шахматной доске остались прежними; это страны-лидеры Востока и Запада.

Для периода 1914–1945 гг. такими фигурами являлись: Российская империя/СССР, с одной стороны, и романо-германский/германский мир — с другой. Это и было отрефлексировано классическим евразийством, расцвет которого пришелся на 1921–1929 гг. На извечности противостояния между этими мирами настаивали не только те, кого мы называем классическими евразийцами, но также их приверженцы (назовем их латентными евразийцами) в ряде европейских стран, в первую очередь, государств в поясе между Балтикой и Адриатикой: в Польше, Чехословакии, Югославии. Эта латентность обнаружилась в антифашистском движении Сопротивления, а после 1945 года — в тяготении данных и других стран к СССР, когда многие народы региона, в том числе славянские, пошли по народно-демократическому (социалистическому) пути развития.

Конечно, происходивший в послевоенное время «исход к Востоку» (известный термин-метафора евразийцев, применяемый нами для указания на выбор как раз этого пути) в такой форме и тогда, и особенно сегодня многими представителями политических элит указанных стран отрицается, а то и предается анафеме. Но не следует забывать, что «исход к Востоку» со стороны Запада — в варианте «*Drang nach Osten* — Дранг нах Остен», когда он утверждался в 1939–1945 гг. силой оружия, считался ими неприемлемым.

В конце XX века, после возвращения России в «лоно капитализма», обернувшегося развалом не только Организации Варшавского Договора (ОВД), но и СССР, казалось, что фигуры противостояния с великой шахматной доски наконец-то сметены. Однако, как это можно увидеть сегодня, оно возобновилось, произошло лишь то, что можно назвать их трансфигурацией¹⁵, т.е. преобразованием. А именно: определилось новое противостояние двух ключевых «фигур»: носителей евроатлантического и евразийского начал, а страны ЦЮВЕ как были, так и остаются «предместьем» их противостояния.

Следует отметить, что и у современных евразийцев в России (их именуют неоевразийцами) есть латентные приверженцы в поясе государств между Балтикой и Адриатикой, причем самые разнородные; они-то иногда и идентифицируются с евроскептиками. Эти приверженцы, обращаясь к глубинам исторической памяти, чувствуют, что за моральным наставничеством некоторых еврооптимистов угадываются планы евроатлантистов. Сегодня они через гуманитарные интервенции предоставляют опасность для стран Среднего Востока и арабского мира, а завтра — могут стать угрозами, в первую очередь, для национально-культурной идентичности стран ЦЮВЕ. Часть их элит готовы принять новые — «истинно демократические» — ценности, но народы помнят и об их издержках — в какой бы упаковке они не преподносились.

Нацистская Германия ведь тоже руководствовалась «лучшими» побуждениями, устанавливая «новый порядок» в этих странах, причем не только в «недоразвитом пограничье» между Балтикой и Адриатикой и в СССР, но и, например, во Франции или Норвегии, не особо интересуясь, приемлем ли он для оккупированных государств. И в те времена появлялись свои варианты идей, условно говоря, «евроскептицизма» относительно судеб «третьего рейха», так или иначе освящавших движение Сопротивления в его национальных вариантах.

Сегодняшний же кризис проекта евроединения, сопровождаемый ростом евроскептицизма, в целом, как пред-

ставляется, во многом происходит потому, что строился он в основном по лекалам евроатлантизма; соответственно, обесценивались идеи, обслуживающие проект собственно евроединения, включавшего Россию. Отсюда спрос на многообразные варианты евроскептицизма, в частности, на те, которые инициировались евразийством — как классическим, так и современным.

В этом плане уместно еще раз прибегнуть к термину «трансфигурация». Его смысл сводится к тому, что позиции геополитического противостояния Запада и Востока во времена как минувшие, так и нынешние — сохранились, поменялись лишь фигуры. Для евразийства такой фигурой была романо-германская цивилизация, редуцированная к «третьему рейху» с его «новым порядком». Для крайних же евроскептиков такой фигурой является евроатлантизм, сводящийся к доминированию США в ходе «гуманитарных интервенций». Ход истории показал и показывает, что и первому, и второму доминированию противостоит Россия как носитель евразийского начала. Это хотя и латентно, но все же осознается трезвомыслящими политиками Европы, в частности стран ЦЮВЕ. Формы такого осознания разнообразны и, в основном, не идентифицируются с евразийством — но и от бездумного евроатлантизма они дистанцируются, в частности, под воздействием многообразных кризисов¹⁶.

Европейский опыт показывает, что сторонниками евроскептицизма могут быть представители самых различных политико-идеологических течений и партии любой направленности. Так, евроскептики довольно активно действовали во многих странах-кандидатах при их вступлении в ЕС перед его расширением в 2004 г. и после него. Оно являло собой затяжной и болезненный процесс «вращения» стран ЦЮВЕ в ЕС, не менее трудный чем тот, который в свое время переживали и другие европейские страны — и южноевропейские, и даже скандинавские.

Примечательно, что политики стран ЦЮВЕ чаще выступают теоретиками, чем практиками евроскептицизма. Едва ли для кого-то из них приемлема мысль или про-

грамма резкого отрыва от ЕС, как это произошло в Великобритании. Одна из причин такого фантомного страха, как раз и побуждающая к евроскептицизму — усиливающаяся боязнь России. Как и ранее диссиденты, нынешние еврооптимисты не склонны в большей мере критиковать Россию, чем евроскептики. Причина, во многом политико-психологического характера, в следующем: еврооптимисты хотели бы видеть альтернативу вхождению своих стран в ЕС и дальнейшей интеграции любой ценой, включая угрозу экономическому благополучию своих граждан, культурной идентичности, религиозным традициям и т.д. Но они все же в большей мере придерживаются установки на евроатлантизм.

В целом сторонники евроскептицизма в состоянии добиваться реальной поддержки своих взглядов, даже не являясь представителями четко оформившейся политической идеологии. Так, победой линии евроскептиков стало блокирование не столько политическими партиями, сколько населением Великобритании, Дании, Нидерландов, Польши и Франции общеевропейской конституции 2004 года. Разразившийся кризис в итоге удалось остановить лишь путем принятия Лиссабонского договора в 2009 г. Но и после этого евроскептики в Чехии поддерживали президента В. Клауса, отказавшегося его признать (договор был подписан позднее главой правительства М. Тополанеком). Свои варианты евроскептицизма вырабатывали в это время Польша и Словакия, Болгария и Сербия — практически все страны региона.

Более того, глобальный финансово-экономический кризис 2008 года усилил волну евроскептицизма, поскольку лидеры ЕС оказались неспособны добиться улучшения экономической ситуации в указанных странах, равно как в Греции и государствах Балтии. Стали раздаваться голоса о «Европе третьего сорта», «Европе двух и двух-с-половиной скоростей» и т.п.; сейчас звучат даже суждения о «Европе четвертой скорости» и даже «многоскоростной Европе». Многие политики в странах ЦЮВЕ осознают бесперспективность попыток «догнать Европу» — как в свое

время декларируемых устремлений партийного руководства СССР «догнать и перегнать Америку».

Евроскептические настроения стали заметны на выборах в Европарламент в 2009 и 2014 гг., а усиливавшийся в 2016 г. евроскептицизм британского консерватора Д. Кэмерона, вылившийся в Brexit, передавался как заразная болезнь. Новый виток его роста вызвал неконтролируемый поток мигрантов в Европу, и массовое сознание именно надгосударственные евроструктуры посчитало виновными в неудавшихся попытках его сдержать.

В своей книге «Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис» З. Бжезинский еще в 2013 г. пафосно писал по этому поводу: «Евросоюз рискует потерять статус образца для подражания у других регионов. Слишком богатый для неимущих краев, он притягивает иммигрантов, но не служит примером. Слишком пассивный в вопросах международной безопасности, он не обладает достаточным влиянием, чтобы помешать Америке проводить усугубляющую глобальный раскол политику, особенно в исламских странах. Слишком эгоцентричный, он ведет себя так, будто его главная политическая задача — стать самым благоустроенным в мире домом для престарелых. Слишком закоснелый, он опасается культурного многообразия. Поэтому его ждет незавидная судьба всего Запада: глобальная неразбериха и рост политического экстремизма»¹⁷. Под подобными оценками одного из лидеров евроатлантизма подписался бы сегодня не один адепт евразийства.

Данного рода суждения фиксируют неудачи в реализации очередных попыток создать единую Европу по лекалам евроатлантизма, что порождает и усиливает евроскептицизм во всех его национальных вариантах и разновидностях. И если руководство ЕС, равно как экономически мощные в его рамках страны, идут в фарватере политики США, усиливая позиции евроатлантизма, причем не только на европейском континенте, то ряд деятелей в государствах на периферии Евросоюза осуждают форсированную европейскую интеграционную политику. Поэтому даже самый общий взгляд на проблему их соот-

ношения в позициях ключевых партий двух стран, находящихся в самом центре Европы, показывает, что они весьма сдержанно относятся к крайностям и еврооптимизма, и евроскептицизма, смещаясь к более осмотрительной позиции еврореализма.

Чешская правящая коалиция: обоснования внешнеполити- ческих ориентиров

Какова же расстановка политических сил в современной Чехии в контексте процессов евроинтеграции и в ракурсе соотношения еврооптимизма и евроскептицизма — с учетом фактора трансфигурации евроатлантизма и евразийства? В ответе на этот вопрос мы будем опираться на модифицированную и адаптированную с учетом указанного фактора модель Я. Микласа.

Типологизация проводится, в первую очередь, с опорой на предвыборные программы политических партий, победивших на парламентских выборах 25–26 октября 2013 г. Они привели к власти коалиционное правительство в составе трех политических субъектов: Чешская социал-демократическая партия (ЧСДП — 20,45% голосов избирателей), Акция недовольных гражданами 2011 (АНГ 2011 — 18,65%) и Христианско-демократический союз — Чехословацкая народная партия (ХДС–ЧНП — 6,78%)¹⁸. Кабинет министров возглавил социал-демократ, председатель ЧСДП Б. Сobotка.

Следует напомнить, что Чехословацкая социал-демократическая партия, трансформировавшаяся после распада Чехо-Словакии в Чешскую социал-демократическую партию, уже в первой февральской (1993 г.) программе заявила о своей приверженности евроинтеграции. Она выражала намерение «поддерживать любые усилия, ведущие к включению Чешской Республики (ЧР) в структуры западноевропейских и других всемирных сообществ, которые объединяют демократические государства. Чем скорее Чешской Республике удастся стать членом Евро-

пейского сообщества, Западноевропейского союза, а также оборонного союза ведущих европейских государств, США и Канады, т.е. НАТО, тем скорее мы будем считать нашу безопасность гарантированной»¹⁹. Учитывая указанную типологию, уже с этого времени она придерживается установки на *левый еврооптимизм*.

То, что чешские социал-демократы и сегодня остаются преданными сторонниками европейского интеграционного проекта, зафиксировано в одной из частей предвыборной программы ЧСДП, утвержденной 18 сентября 2013 г. под названием «Активное членство в Европейском союзе». В ней продекларировано: «Нашим национальным интересом является успешное продолжение процесса европейской интеграции»²⁰. Здесь перечислены и четыре приоритета: активное участие в политических дебатах о дальнейшем развитии ЕС, в которых партия намерена поддерживать социальное и культурное измерение европейской интеграции; более эффективное использование экономических возможностей членства в ЕС; подготовка ЧР к вхождению в еврозону в наиболее выгодный для экономики момент²¹; создание коммуникационной сети занятых в европейских структурах чешских граждан с целью упрощения передачи информации и координации действий при защите чешских национальных интересов. ЧСДП выразила стремление к «более высокому уровню международного сотрудничества и интеграции», подчеркнув, что ЧР является не только активным и ответственным членом ЕС, но и выражает приверженность Североатлантическому альянсу. Ее цели — развитие сотрудничества с ближайшими соседями, усиление способности ЕС противостоять кризисам, укрепление взаимовыгодного союзничества между США и Европой в сфере безопасности.

В то же время нельзя не отметить влияния на программные документы ЧСДП набравшего силу евроскептицизма в ряде стран Европы. Так, наряду с констатацией поддержки процесса евроинтеграции в уже устоявшемся формате появились моменты, свидетельствующие о намерении ЧСДП активно участвовать в дискуссиях о будущем

ЕС с самыми разными внешнеполитическими акторами, хотя конкретные их темы не приводятся.

Премьер-министр Б. Сobotка, занявший пост председателя партии, во вводной части предвыборной программы отметил, что ЧР стала неотъемлемой составной частью цивилизованных европейских народов. Ключевым в этом ракурсе ЧСДП считала, в частности, развитие добрососедских отношений с соседними странами (Словакия, Германия, Австрия и Польша), подчеркивая значимость такого развития на международном и региональном уровнях²².

Через полтора года пребывания в качестве партии-лидера социал-демократы в изданном 4 апреля 2015 г. документе «Зеленая книга ЧСДП о европейской политике. Европа и мы» подвергли критике политику предшествующих правительств в отношении ЕС. В нем констатировалось снижение интеграционных инициатив ЧР, что ставилось в вину правому правительству и президенту В. Клаусу, выражались опасения перед угрозой распада европейской социальной модели и подчеркивалась необходимость укрепления ЕК и ЕП²³. Своеобразная защита тех структурных элементов ЕС, которые чаще всего обвиняются в бюрократизме, централизации и унификации, выявила некоторую неуверенность ЧСДП в своем еврооптимизме. В ее позициях наметился прагматичный подход к евроинтеграции, что проявляется в методичном подчеркивании значимости финансовых вливаний из европейских фондов в чешскую экономику и их роли в ее развитии.

Этот подход социал-демократы закрепили и развили в «Долгосрочной программе ЧСДП», принятой на 39-м съезде партии 10–11 марта 2017 г. в Брно. В ее четвертом разделе «Чешская Республика в мире» подчеркивается неизменно позитивное отношение к ЕС. Наряду с этим программа содержит и пассажи, свидетельствующие о намерениях усилить прагматический подход, в частности, усовершенствовать действующие в ЕС интеграционные механизмы, не допускать нежелательной унификации и пр. «ЧСДП, — говорится в документе, — выступает за упрочение политического единства ЕС при сохране-

нии европейского культурного разнообразия. Вот почему она стремится демократизировать, рационализировать и профессионализировать механизмы принятия решений в ЕС, а невыборные европейские институты приблизить институтам выборным. Цель — повысить ответственность Европейской комиссии перед странами-членами и подчеркнуть значимость решений Европейского совета как репрезентанта стран-членов».

Нельзя не заметить в программе чешских социал-демократов весьма значимые подвижки, касающиеся, в частности, отношений с Россией. «В рамках Восточной Европы, — заявляют социал-демократы, — мы хотим развивать с Российской Федерацией конструктивные отношения с акцентом на соблюдение международного права, сделать возможным экономическое и культурное сотрудничество». Не менее симптоматичным является следующее положение документа: «Наряду с евроатлантическим пространством необходимо уделять внимание развивающемуся региону Азии. ЧСДП будет продолжать развивать отношения с Южной Кореей и Японией. Важной страной является и будет Индия. ЧСДП приветствует ядерное соглашение с Ираном, которое позволяет восстановить политические и экономические отношения»²⁴.

Второй участник правящей коалиции — движение АНГ 2011 чешского миллиардера А. Бабиша, занявшего в правительстве посты вице-премьера и министра финансов. Эта партия тоже квалифицируется как однозначно проевропейская, а доминирующей установкой при этом для нее является *правый еврооптимизм*.

Предвыборная программа АНГ 2011 была представлена избирателям 23 сентября 2013 г. Документ изобилует следующими призывами: «Нашей целью является дальнейшее упрочение экономического положения в Европейском союзе»; «ЕС чрезвычайно важен для нас как стратегический экономический партнер, более 85 процентов нашего экспорта идет в его страны-члены»; «наша главная цель — развивать добрососедские отношения как с Германией, которая является нашим естественным партнером, так и с

Австрией, и, в первую очередь, со странами Вишеградской четверки, вместе мы сможем добиться большего»²⁵ и др.

Особо подчеркивалась приверженность НАТО. Партия, как утверждается в 12-м разделе «Оборона и внешняя безопасность», преисполнена решимости добиваться, чтобы ЧР оставалась «полноценным и заслуживающим доверия» членом Североатлантического альянса «с его способностью реагировать на проявления разного рода угроз». С этой целью АНГ 2011 ориентировалась на углубление трансатлантических связей. Пожалуй, именно такого рода установки высвечивают за правым еврооптимизмом контуры евроатлантизма. «Мы, — говорится в этом же разделе, — будем и в дальнейшем углублять и укреплять наше членство в ЕС и НАТО и совершенствовать двусторонние отношения... Наша страна должна стать активным, конструктивным, возможно, критически настроенным, но ни в коем случае не капризным членом союза, наши действия в этом плане иногда доходили до смешного и наносили ущерб, в первую очередь, нам самим». Остается лишь догадываться, кто же был носителем «капризов», в чем они заключались и, тем самым, более четко идентифицировать «недовольных» этим граждан.

Все же программа содержит элементы некоторой сдержанной критики в отношении ЕС. Так, утверждая безальтернативность ЕС для чешской внешней политики, АНГ 2011 подчеркивает, что считает своей «обязанностью конструктивно ограничивать его бессмысленную бюрократизацию». Не осталось движение в стороне и от угрозы размывания роли национального государства в процессе глобализации. «Внешняя политика ЧР должна быть долговременной и консенсусной стратегией направленной на продвижение приоритетных национальных интересов», — констатируется в 11-м разделе программы²⁶. Правда, на фоне вышеприведенного указания на «капризность», такого рода упоминания представляются в чем-то декларативными.

Весьма показательно, что по мере приближения очередных парламентских выборов (октябрь 2017 г.) стали бо-

лее активными выступления лидера партии относительно внешней политики. 27 февраля 2017 г. в интервью корреспонденту польской редакции интернет-издания «Евро-Актив» А. Бабиш изложил свое мнение относительно ЕС, прибегая к образному ряду американских комиксов. В ЕС, подчеркнул он, «не должно быть какого-либо ограничения и регулирования», нужно создать такую «деревню Астерикса», в которой «все функционирует без проблем». «Там, — рассуждал Бабиш, — нет никакой дискриминации или барьеров, а защита границ является реально сильной; она последовательна в отношении всех иностранцев, имеет четкие правила для всех своих внешних связей, которые подкрепляются отвагой и поддержкой своих граждан. Такая деревня не может просто так позволить каждому искать лучшей жизни. Эта деревня открыта только для тех, кто готов сотрудничать и вносить свой вклад в общее богатство. И в зависимости от этого она выбирает своих жителей»²⁷. Наверное, под проектом такой «деревни» подписался бы и президент страны, откуда импортирован приводимый в качестве иллюстрации комикс — Д. Трамп.

На вопрос польского корреспондента о необходимости оказания помощи прибывшим в Европу 1,4 млн мигрантам Бабиш отреагировал следующим образом: «Да, мы должны помочь им. Но мы ведь помогаем украинским семьям. Они тоже спасаются от конфликта... Точно так же мы помогаем тем странам, которые затронуты миграцией. Мы посылаем войска, полицию, деньги и все необходимое. Но это свидетельствует о неспособности Европы действовать». Затем последовал его призыв активизироваться за пределами ЕС, а в этом контексте — трансформировать НАТО из оборонительного в наступательный альянс. «У нас, — утверждал Бабиш, — есть враги. И это не только Россия. Это ИГИЛ, терроризм и т.д. В августе 2015 года я спросил, для чего нам НАТО. Почему министерство обороны должно покупать истребитель, который затем летает в Ирландии? Они должны быть направлены в Средиземное море и атаковать пустые корабли, которые были подготовлены для этих несчастных людей, причем еще до того, как они

оплатят дорогу. А что сейчас НАТО делает против контрабандистов? Ничего», — решительно резюмировал Бабиш.

Обличая с позиций правого еврооптимизма, предельно сближающегося с евроатлантизмом, неспособность Европы действовать, Бабиш заявил: «Европа — это не мы. Европа — это политики, которые избираются народом. А они некомпетентны. Европа же не имеет единой внешней политики. И в этом причина ее неэффективности... Но государства должны сосредоточиться на определенных приоритетах. Одним из них является миграция. Ее не остановить, пока не будет достигнут мир в Сирии. А это можно сделать только с помощью Владимира Путина и Дональда Трампа. Затем нужно создать план Маршалла и проводить такую инвестиционную политику, чтобы каждый располагал возможностями для роста»²⁸.

Наконец, третий член правящей коалиции — партия ХДС–ЧНП — всегда являлась убежденным и последовательным приверженцем евроинтеграции, а по модифицированной типологии Микласа — установки на *правый еврооптимизм*²⁹. В предвыборной кампании партия стартовала с программой «Приведем страну в порядок». Партия поддерживает дальнейшее расширение ЕС, реформу налога на добавленную стоимость на европейском уровне и присоединение ЧР к еврозоне. Среди предложенных мер — полное использование структурных фондов ЕС для поддержки занятости в регионах и развития сельских районов (включая поддержку виноделен и мелких ферм); более легкий доступ к структурным фондам ЕС для общественных организаций, муниципальных образований и мелких хозяйствующих субъектов; вступление в Европейский валютный союз только при условии готовности для этого чешской экономики; более жесткие правила ЕС для финансового сектора, который вызвал экономический кризис; облегчение доступа на рынки услуг чешским предпринимателям в других государствах-членах; защита единого рынка и защита потребителей от опасных импортных продуктов, представляющих угрозу здоровью граждан; развитие более тесного полицейского и судебного сотрудничества

ва в рамках ЕС, появление европейской прокуратуры по расследованию мошенничества с субсидиями ЕС.

ХДС–ЧНП приветствовала расширение ЕС, отвергая вместе с тем полноправное членство в нем Турции и предлагая для данного государства статус «привилегированного партнерства». Программа декларировала необходимость ужесточения иммиграционной политики ЕС с акцентом на интеграции мигрантов в Европе, но содержала требование «сохранения открытости в отношении тех, кто подвергается преследованиям за демократию и свободу вероисповедания»³⁰.

Партия активно выступала за развитие трансатлантических связей. Вместе с тем, ХДС–ЧНП намеревалась поддерживать создание совместных военных мощностей в рамках ЕС, поскольку, по мнению ее лидеров, США проводят политику «значительного сокращения своего военного присутствия в Европе». Представляется, что за такого рода еврооптимизмом просматривается евроатлантизм, хотя и в несколько меньшей мере по сравнению с движением АНГ 2011.

Именно на общей платформе еврооптимизма (как левого, так и правого) коалиционное правительство в составе ЧСДП, АНГ 2011 и ХДС–ЧНП объявило о принятом 12 января 2014 г. Программном заявлении³¹ на 2013–2017 гг.³² Его первоочередными задачами объявлялись: активное членство в ЕС и НАТО в соответствии с интересами ЧР; деятельность в ООН по устранению рисков, представляющих угрозу для всеобщего мира; поддержка равноправного сотрудничества народов и участие в мерах по предотвращению международного терроризма и кибертерроризма и др.³³

Чешское правительство назвало государства и институты ЕС основными гарантами безопасности, процветания демократии и солидарности в Европе. Оно выразило готовность активно поддерживать в политическом плане ЕС как «влиятельное и дееспособное, экономически конкурентоспособное объединение, которое отстаивает демократические принципы и поддерживает социальную со-

лидарность и человеческое достоинство». «Целью нашей европейской политики, — заявило коалиционное правительство, — является продвижение в направлении европейского интеграционного центра (ядра) и деятельность в европейском пространстве в качестве внятного и заслуживающего доверия партнера». В категории сфер, которые чешский кабинет выделил «в соответствии с принципами subsidiarity и пропорциональности, а также с акцентом на индивидуальную ответственность», приведены следующие: углубление европейской интеграции и сотрудничества; экономическая политика, ориентированная на внутренний рынок; социальная солидарность и высокая занятость; важные совместные проекты в энергетике, транспорте, финансовых институтах, исследовательских областях, а также среде обитания.

Особый акцент в документе ставился на стабилизации экономической и валютной ситуации в ЕС посредством координации экономической и налогово-бюджетной политики, а также восстановления доверия к европейскому финансовому сектору. Допускалось, что ЧР переоценит существующее отношение к валютной интеграции и финансовому сотрудничеству. Правительственное заявление, фиксируя тесные связи чешского финансового сектора с европейским, заявляло о готовности активно отстаивать свои интересы в формирующемся банковском союзе, включая подготовку к вступлению в него. Такого рода утверждения, как представляется, имплицитно содержат возможность введения евро на приемлемых для Чехии условиях.

В документе отмечается необходимость более активного использования потенциала внутреннего рынка ЕС. В связи с этим констатируется, что правительство «будет стремиться к устранению существующих и ограничению возникающих новых барьеров свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Правительство будет поддерживать Европейский союз, открытый как вовнутрь, так и вовне при одновременном сохранении и усилении социальных стандартов. Амбициозные товарные и инвестиционные соглашения с третьими странами прави-

тельство считает неотъемлемой составной частью европейской конкурентоспособности, а его приоритетом является завершение переговоров о трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве между Европейским союзом и США. Правительство будет активно принимать участие в формировании энергетико-климатической политики Европейского союза с тем, чтобы была сохранена конкурентоспособность экономики. Правительство будет выступать за проведение дискуссий о европейских и внутренних экономических реформах с учетом Национальной программы реформ как ключевого стратегического документа национальной экономической политики». Тем самым, здесь достаточно прозрачно просматривается попытка чешского правительства сместить акцент на национальные программы, хотя такие термины, как «национальный суверенитет» или «национальные приоритеты» в Программном заявлении отсутствуют. При этом особо подчеркивается значимость евроатлантической составляющей экономической политики чешского правительства.

В сфере внешнеполитической деятельности Заявление правительства акцентировало внимание, в первую очередь, на усилении единой в ЕС внешней политики и политики в сфере безопасности, на укреплении Восточного партнерства и расширении ЕС за счет стран западных Балкан после выполнения ими соответствующих условий. «Правительство будет и в дальнейшем поддерживать соответствующее включение Чешской Республики в миссии и операции Единой политики в сфере безопасности и обороны», — отмечается в документе, правда, без конкретизации мест и времени такого рода акций.

В целом в правительственный документ вошли с определенными коррективами положения предвыборной программы ХДС–ЧНП о повышении конкурентоспособности и качества жизни в Чехии, а также программы ЧСДП о возможности эффективного использования средств из европейских фондов для поддержки слабых и находящихся в невыгодном положении регионов, а также призыв к ужесточению контроля за их использованием. При этом подчер-

кивалось, что кабинет будет принимать системные меры для упрочения единой и активной политики ЧР внутри институтов ЕС, установит регулярный диалог с европейскими институтами, наладит активное сотрудничество с представителями ЧР в ЕП. Программное заявление избегает таких терминов, как бюрократизация или гиперцентрализация европейских институтов, не содержит оно и мер по реформированию и совершенствованию деятельности ЕС.

В специально выделенном внешнеполитическом разделе отмечается: «Внешняя политика будет нацелена на продолжение укрепления позиций страны в центре Европы, Европейском союзе и атлантическом поясе безопасности. Членство в Европейском союзе является ключевым фактором внешнеполитических устремлений Чешской Республики... Поэтому правительство будет укреплять многостороннее сотрудничество в евроатлантической области, главным образом, через активное членство в НАТО и активный подход к политическому, экономическому диалогу и диалогу в сфере безопасности между Европейским союзом и США». Здесь, правда, в меньшей мере, чем в программе АНГ 2011, за сбалансированным еврооптимизмом вырисовываются контуры евроатлантизма.

Нужно отметить заявленное в программном документе намерение «правительства как творца внешней политики стремиться к координации позиций и по возможности к более широкому политическому соглашению, к сотрудничеству с президентом и Парламентом ЧР»³⁴. Однако, как показала практика, внешнеполитические предпочтения президента М. Земана и правительства зачастую максимально расходились, переходя порой в конфликты.

В целом анализируемый документ позволяет идентифицировать курс правящей коалиции в период 2013–2017 гг. как осторожный и сбалансированный еврооптимизм. Подобная позиция — не всегда с явным дистанцированием от евроскептицизма и нарочитым упоминанием возможного партнерства в восточном направлении³⁵ — считается коалицией предпочтительной и в борьбе за парламентские места осенью 2017 г.

Дилеммы чешской парламентской оппозиции

Чешские избиратели на выборах 2013 г. оставили «за бортом» многие политические партии, но некоторые из них, преодолев пятипроцентный барьер, вошли в парламент и составили оппозицию. Перечислим их в соответствии со статусом, который закрепил за ними на период 2013–2017 гг. чешский электорат: Коммунистическая партия Чехии и Моравии (КПЧМ — 14,91% голосов избирателей), партия Традиция, ответственность, процветание (ТОП 09 — 11, 99%), Гражданская демократическая партия (ГДП — 7,72%) и Рассвет прямой демократии³⁶ (6,88%)³⁷.

Свои приоритеты КПЧМ изложила в разработанной в 2013 г. «Программе для будущего» (2013–2017 гг.). В ее преамбуле коммунисты обрушились с жесткой критикой на стоявшие у руля предшествовавшие правые правительства. «Корруптированное правительство Нечаса»³⁸, — говорится в документе, — сформированное по итогам выборов 2010 года, явилось лишь кульминацией правой политики, которая наносит ущерб долгосрочным политическим, социальным и экономическим интересам большинства населения Чешской Республики. Она втянула страну в ловушку бессистемных сокращений и антинародных мероприятий, которые приводят к экономической стагнации и ухудшению уровня жизни большинства граждан. Бесславный конец этого правительства раскрыл систему тесных связей так называемого кумовства политических партий и лоббистских групп с криминальным прошлым. Он указал также на загнивание политической элиты, захватившей власть после 1989 г. КПЧМ уже давно и неоднократно на это указывала и подвела [подобную практику] критике»³⁹.

Партия выразила решительное намерение положить конец перечисленным негативным явлениям, предлагая комплекс долгосрочных, средне- и краткосрочных мер. «Стратегической целью КПЧМ, — говорится в преамбуле, — является социализм, демократическое общество свободных, равноправных граждан, общество

политически и экономически плюралистическое, основанное на максимальном гражданском самоуправлении, процветающем и социально справедливом, заботящемся о сохранении и улучшении жизненной среды, обеспечивающее людям достойный жизненный уровень, а также безопасность и мир».

Документ включает также долгосрочную программу на 2013–2017 гг. под названием «С людьми для людей». Последний, шестой ее раздел, «Да миру, нет вооружениям» посвящен внешнеполитическим предпочтениям. Здесь ставится акцент на усилении ключевой роли ООН в соблюдении международного права для всех государств, пресечении любых попыток создания иностранных военных баз на территории ЧР и участия в военных операциях на иностранных территориях без мандата СБ ООН.

КПЧМ всегда выступала за ликвидацию НАТО, а в качестве краткосрочной цели призывала к выходу ЧР из его военных структур, настаивая на «ревизии неприемлемой практики НАТО с 1999 г., которая основана на “праве нанесения превентивных ударов” и действиях далеко за пределами стран-членов и без соответствующего мандата в соответствии с международным правом». Выработка же новой оборонной стратегии и достижение безопасности ЧР связывается КПЧМ с поддержанием тесного сотрудничества со Словакией на основе равноправных и взаимовыгодных отношений, в рамках развития добрых отношений с соседними государствами и в рамках Вишеградской группы и Центральноевропейской ассоциации свободной торговли (ЦЕАСТ). Программа, помимо прочего, содержит призыв избегать попыток ограничения гражданских прав и прав человека.

Что касается ЕС, то чешские коммунисты ставят акцент на «полном обеспечении равноправного положения всех стран-членов в политических институтах ЕС», «целенаправленном отвержении масштабной бюрократизации». Отмечается и необходимость преодоления «дефицита демократии в принятии ЕС политических решений и его устранение»⁴⁰.

Таким образом, занимающая на чешской политической сцене левые позиции КПЧМ, считается *левой евроскептической партией*. Ключевой претензией чешских коммунистов в отношении ЕС является его антидемократический, антисоциальный и антинациональный характер. Характеризуя евроинтеграцию как неизбежный исторический процесс, КПЧМ предпочла бы ЕС в качестве потенциального инструмента международного сотрудничества левых политических субъектов. Партия не призывает к выходу ЧР из ЕС, но одновременно изначально выступает с резкой критикой устоявшейся модели евроинтеграции, ставя в вину, в первую очередь, его наднациональный характер. Что же касается НАТО, КПЧМ выступает с требованием выхода страны из военных структур альянса.

Вторая по ранжиру парламентская оппозиционная партия ТОП 09 позиционирует себя консервативной проевропейской политической силой. Ее можно идентифицировать как занимающую нишу *правого еврооптимизма*.

В 9-й главе «Внешняя и оборонная политика» ее предвыборной программы, принятой 12 сентября 2013 г., говорится: «Одним из основных условий достойной жизни и процветающего безопасного общества мы считаем международную стабильность и мир. Мы убеждены, что в интересах граждан Чехии необходимо усилить наш голос в ЕС и стремиться в данном интеграционном объединении к единству, которое будет учитывать и наши специфические интересы. ТОП 09 убеждена, что чешские национальные интересы можно наиболее эффективно отстаивать в тесном партнерстве за общим европейским столом, уходя от общих дискуссий с исключительно критической направленностью»⁴¹.

В отличие от предыдущих программных установок этой партии на безоговорочную поддержку ЕС, в ее новой среднесрочной программе под названием «Видение для Чешской республики», которая была принята 28 января 2017 г.⁴², заметно смещение фокуса на необходимость учета национальных интересов ЧР в европейском интеграционном проекте.

Подтверждая, что ЧР является активным членом ЕС и НАТО на основе принципа субсидиарности, программа требует выработки «более качественных общих решений, главным образом, в области внешней, безопасности и энергетической политики». В связи с этим партией предлагаются и конкретные меры, направленные на ограничение деятельности наднациональных структур в ряде перечисленных в документе сфер. Партия обещает решить задачу по выравниванию уровня жизни ЧР и Германии, а также ввести в ближайшее время евро⁴³.

Однако фоном этих ожиданий выступают некие риски. ТОП 09 в этом плане позиционирует себя в качестве последовательного противника евразийства (в интерпретации В. Гавела, о которой будет сказано ниже). В программе без какой-либо аргументации утверждается: «В середине второй декады XXI века для Чешской республики, Центральной Европы и ЕС самыми большими риском безопасности являются политические силы, подвергающие сомнению фундамент, на котором базируется демократическая система правления и система власти права... Нужно открыто сказать, что этой силой является и в ближайшие годы останется Россия»⁴⁴. Восточному соседу необоснованно приписываются экспансионистские действия в рамках попыток «преобразовать международную систему в так называемый “интерполярный мир”, который характеризуется переходом от культурного, политического и экономического господства Запада к более диверсифицированной и более гетерогенной международной системе, в которой новые и старо-новые игроки не только продвигают свои интересы, но также и закрепляют собственные взгляды на мир»⁴⁵.

ТОП 09 рекомендует ЕС адаптировать к изменяющимся условиям в мире свою политическую и военную мощь, соответствующую его экономической значимости. Это якобы позволит ему «противостоять имперским амбициям, которые в 2017 году продвигала Российская Федерация, и поднимет ЕС на равный с другими великими державами уровень»⁴⁶. Под «великими державами» в этом плане

подразумеваются, по всей видимости, США, с которыми уже наличествуют связи в рамках евроатлантизма. Или ЕС должен сформировать собственную «военную мощь»? Внятного указания на силу, на которую планируется возложение защиты указанного «фундамента», в документе не обнаруживается.

Гражданской демократической партии (ГДП), существенно снизившей свои показатели после потери «президентского ресурса», отводилась в парламенте в период 2013–2017 гг. роль оппозиционной. Партия придерживается установки на *правый евроскептицизм*, правда, не столь последовательно, как при лидерстве и даже президентстве В. Клауса.

В Предвыборной (2013 г.) программе ГДП «Избираем правых. Нет левых или правых тем. Существуют только левые или правильные решения» в параграфе «Союзничество в НАТО, прочные трансатлантические связи и “умная оборона”» подчеркивается: партия будет стремиться к тому, чтобы ЧР продолжала оставаться надежным и уважаемым союзником НАТО и партнером ЕС, выступать за сохранение и укрепление трансатлантических связей и упрочение отношений между ЕС и США не только в области обороны, но и экономического сотрудничества (торговля и инвестиции)⁴⁷.

В то же время в параграфе «Национальные интересы» говорится, что события последних лет и, главным образом, кризис евро однозначно подтвердили настоятельность реалистичного подхода к европейской интеграции, которая приносит ЧР ряд преимуществ. «Однако, — подчеркивается в документе, — ее нужно оценивать так, чтобы она проводилась не за счет отдельных ее членов. Мы не хотим безответственно выходить из Союза, но это не означает, что мы будем слепо принимать все, что исходит из Брюсселя. Каждый элемент европейской интеграции будем оценивать чешскими глазами и с точки зрения чешских национальных интересов. Мы выступаем за Союз как пространство экономической свободы, а не как пространство европейской бюрократии. Мы хотим Чешскую республику

как гордую и уверенную в себя страну в Европе. Мы хотим добиться, чтобы чешские представители репрезентовали Чешскую республику в Брюсселе, а не Брюссель — в Чешской республике», — резюмируется в документе.

В получении финансовых вливаний из европейских фондов, по мнению ГДП, следует вместо «слепых» субсидий отдавать предпочтение долгосрочной поддержке устойчивых проектов, например, в виде льготных кредитов. При этом партия сохраняла отрицательное отношение к введению в стране европейской валюты, поскольку это не приносило пользу. «Чешская крона, — утверждается в программе, — является для нас более выгодной, и мы верим в ее будущее. Поэтому мы будем настаивать на проведении референдума по вопросу о возможном введении единой европейской валюты. Обязательства, связанные с введением евро после нашего вхождения в ЕС настолько изменились, что мы не считаем необходимым его введение».

Позиция ГДП относительно внутреннего рынка ЕС зафиксирована в параграфе «Расширение зоны свободной торговли, окончательное закрытие внутреннего рынка», в котором подчеркивается особое значение предложения о создании трансатлантической зоны свободной торговли. С нею связываются дополнительные преимущества и значительное политическое влияние, в частности, «укрепление трансатлантических отношений и внутренней сплоченности евро-американской цивилизации». Акцент на необходимости создания зоны подобного рода, включая апелляции к ее роли в защите устоев такой цивилизации — примечательный момент, фиксирующий позицию отвержения цивилизации евразийской. Это не отменяет установки на евроскептицизм, изложенной в параграфе «Снижение регулирования экономики», в котором однозначно констатируется: «Европейское регулирование во многих областях достигло своего предела. Малый и средний бизнес особенно перегружены различными правилами и стандартами, которые должны соблюдаться, что ограничивает возможности их дальнейшего развития и приводит к росту расходов». В связи с этим ГДП выдвигает

ет требование провести ревизию регулирования и освободить малые и средние предприятия от навязываемых ЕС требований и обязанностей⁴⁸. К слову, с подобными установками чешских гражданских демократов, как правых евроскептиков, коррелируют некоторые программные положения партии ТОП 09 как правых еврооптимистов.

Чешское политическое движение Рассвет — Национальная коалиция (образовано в результате раскола партии Рассвет прямой демократии Томио Окамуры) — консервативно-либеральный субъект, располагающий девятью членами в нижней палате парламента. Его — как и ГДП — правомерно идентифицировать как *правую евроскептическую силу*⁴⁹. Движение поддерживает сотрудничество между странами-членами ЕС, а также странами, не входящими в эту европейскую структуру, акцентируя сохранение гражданских прав и расширение экономической свободы граждан.

В программе, принятой 17 августа 2016 г., утверждается: «Мы за свободную Европу без барьеров для перемещения товаров, служб, инвестиций и лиц... Мы — составная часть западной цивилизации и в этом факте не собираемся ничего менять». В программе перечислены позиции, против которых выступало движение. А именно: централизация власти в наднациональных организациях, какими являются ЕК, ЕП и другие подобного рода структуры; европейские дотации, хотя они якобы способствуют росту ВВП, а по сути — укрепляют власть в политической и бюрократической сферах, деформируя естественные экономические отношения; вмешательство ЕС в налоговую область; «солидарная» защита стран-должников и разоряющихся банков в рамках ЕС; ориентация внешней политики «на какую-либо сверхдержаву, с любым центром — в Москве ли, Берлине, Брюсселе или в каком-либо другом месте за рубежом». «С другой стороны, — заявлено в документе, — мы не против сотрудничества и союза. Но лишь в том случае, если речь идет о взаимовыгодных и равноправных союзах»⁵⁰. Сюжеты о НАТО в данном и следующих документах движения практически отсутствуют⁵¹.

Чешские внепарламентские партии о евроинтеграции

Разброс установок на еврооптимизм и евроскептицизм присущ и четверке партий, не вошедших в парламент в 2013 г. Их планы на победу на парламентских выборах 2017 г. трудно определимы, однако шансы достичь успеха сохраняются у каждой.

К разряду *правой евроскептической партии* следует отнести Партию свободных граждан (сокращенно — Свободные), определяющей себя классической либеральной и либертарианской. Партия, основанная в 2009 г. П. Махом, выступает категорически против введения евро. В 2009 г. она не поддержала Лиссабонский договор, а после его принятия стала добиваться проведения референдума о выходе ЧР из ЕС. Проведя после принятия договора интернет-голосование, партия приняла следующее постановление: «Свободные выступают за свободную и суверенную Чешскую республику, и поэтому считают выход из Европейского союза легитимным путем к самостоятельности, к истинной демократии и к экономике, базирующейся на принципах свободы»⁵². Председатель партии П. Мах считает ЕС не поддающимся реформированию, а выход из него — единственным путем восстановления ответственности, здоровой конкуренции и свободы⁵³.

К самому членству в ЕС ее представители занимают разные позиции, однако все они представляют его как зону свободной торговли и добровольного сотрудничества, без директив и постановлений. Свободные не вошли в состав чешского парламента, но представлены одним депутатом в ЕП (получили на евровыборах 2014 г. 5,24 % голосов электората). Главной темой партии тогда стала критика «евробессмыслицы», т.е. негативных аспектов деятельности ЕС⁵⁴. Альтернативу ЕС Свободные видят во всеобъемлющем сотрудничестве суверенных государств в рамках Европы на принципах добровольности и взаимной выгоды. Поэтому они предпочитают Европейское объединение свободной торговли (ЕОСТ–ЕФТА).

В программе Свободных, принятой 21 июня 2016 г., подчеркивается, что «нынешняя попытка интеграции европейских государства является тупиком», а ЕС в результате проводимой им политики превратился в «стагнирующий и неспособный к конкуренции регион»⁵⁵. «Современный демократический дефицит (точнее, недемократические отношения), господствующий в Европейском союзе, вызван не тем, что не удалось реализовать хорошие идеалы; он стал преднамеренной попыткой устранения традиционных европейских ценностей, каковыми являются свобода, демократия, достоинство человека, плюрализм мнений, ответственность политиков перед гражданами. Такие институты, как Европейский парламент или Европейская комиссия, ставят перед собой единственную цель: замаскировать этот факт»⁵⁶.

Свободные ставят перед собой задачу созидать безопасность ЧР и Европы на коллективной обороне в рамках Североатлантического альянса. Они не согласны с попытками придать ЕС военное измерение (в рамках Европейской оборонной политики и политики безопасности), а также представлять его в качестве противовеса США в политическом смысле и в плане безопасности⁵⁷.

Свобода и прямая демократия (СПД) — движение, основанное депутатами Т. Окамурой и П. Фиалой в первой половине 2015 г., после раскола созданного первым ранее движения Рассвет-прямая демократия. СПД подчеркивает свою приверженность национальным интересам и требует от политиков ответственности. Фиала охарактеризовал СПД как радикальное движение, поскольку оно стремится к фундаментальным изменениям в политической системе страны. Оно решительно настроено против повышения налогов и поддерживает интересы людей, которые честно работают или занимаются предпринимательством.

В программе (раздел 10 — «Не хотим быть провинцией ЕС, хотим развивать и отстаивать суверенитет Чешской республики») продекларировано: «Будем требовать проведения референдума о каждом случае перевода государственного суверенитета органам ЕС и референдума о

выходе из ЕС. Мы хотим Европу как свободный рынок товаров, услуг и труда. Европу сотрудничающих свободных и суверенных национальных государств. Не хотим Европу несистемных дотаций, налогов и чиновников»⁵⁸.

Движение СПД, как и Свободные, добивается проведения референдума по вопросу о выходе ЧР из ЕС. Цель СПД состоит также в том, чтобы поставить радикальный ислам вне закона. Его можно идентифицировать в силу этой и ряда других причин как *правое евроскептическое*.

Еще более жесткую риторику использует тоже *правая евроскептическая партия* — Народная демократия (НД) — консервативная и даже, как она характеризуется чешскими аналитиками, националистическая. До 12 января 2014 г. партия называлась Право и справедливость (ПиС), до 22 декабря 2014 г. — НЕТ Брюсселю — Народная демократия (лидер — А. Бартош). НД выступает против ЕС как европейской сверхдержавы и против его бюрократизации.

Программа НД в части внешней политики зиждется на трех главных столпах: отрицательном отношении к ЕС; необходимости прочного союза с Россией и уважении суверенитета остальных государств. В ней акцентируется «невмешательство во внутренние дела иностранных государств; борьба против Брюсселя и американского диктата; стратегический союз с Россией; выравнивание отношений с немецким народом»⁵⁹.

Отмечено, что ЕС как недемократическая структура навязывает всем остальным модель либеральной демократии. «Брюссельскую империю, мы считаем одним из главных зол нашей эпохи, причиной многих наших проблем и препятствием на пути к государственному суверенитету и гражданской свободе. Поскольку Европейский союз, который является орудием глобальной олигархии по порабощению народов и ликвидации традиционных общественных норм и ценностей, нельзя реформировать, его нужно ликвидировать. У каждой страны-члена есть две возможности: попытаться выйти из ЕС либо же в нем остаться и стремиться в сотрудничестве с другими страны к его раз-

ложению. На практике оба эти пути будут, скорее всего, сочетаться, поскольку Брюссель с трудом допустит свободный выход некоторых стран-членов из своего состава»⁶⁰, — констатируется в документе.

Партия прав граждан (ППГ; ранее — ППГ Земановцы) 7 ноября 2015 г. приняла документ «Прочные чешские корни. Открытая среднесрочная программа»⁶¹. «Правительственная внешняя политика, а также политика в сфере безопасности Чешской Республики, — отмечается в нем, — остается в плену стереотипов, ориентированных на поиски некоего внешнего врага среди государств, которые могли бы стать союзниками или партнерами». «У нас, — подчеркивается далее в программе, — отсутствует четкая дефиниция национального интереса, на котором можно было бы основывать рациональную внешнеполитическую концепцию и военную стратегию»⁶².

В параграфе 4.1. «Внешняя политика» изложена следующая позиция партии: «Внешняя политика Чешской республики должна исходить из жизненных национальных интересов, которыми является, прежде всего, среда безопасности и благоприятные экономические интересы, способствующие экономическому развитию страны». В числе факторов, угрожающих безопасности ЧР, названы те, которые появляются из «рисков возникновения на территории Европы масштабного военного конфликта между Российской Федерацией и армиями стран НАТО». При этом утверждается: «Чешская республика является прочной составной частью Североатлантического альянса и Европейского союза. Однако опыт показывает нам, что нельзя полностью надеяться лишь на помощь этих структур. Нынешняя, продолжающаяся уже более года беззубая политика руководства ЕС, наряду с отрицательным отношением командования НАТО к проблемам, которые несет с собой массовая миграция европейским странам-членам альянса, не смогла обеспечить ни элементарную охрану границ Шенгенской зоны, не говоря уже о том, чтобы остановить миграцию». В целом же — принимая во внимание взвешенную позицию своего неформального лидера,

президента Чехии, партия в числе конкретных предложений декларирует «необходимость предпочтения последовательной кооперации перед конфронтацией, международного права перед односторонним использованием силы или ее угрозой».

Интересна часть программы, в которой говорится: «В настоящее время Азия стала двигателем глобального экономического роста. Нужно более активно включаться в разнообразную деятельность некоторых региональных объединений или же активно сотрудничать с их членами. Сегодня это, прежде всего, страны БРИКС, проект нового Шелкового пути или Азиатский инвестиционный инфраструктурный банк, а также многие другие проекты. Следующими территориями должны стать Соединенные штаты Америки, Латинская Америка и Африка»⁶³. Своеобразным подтверждением продуктивности этой линии является укрепление экономических связей Чехии и Китая в ходе визита в страну президента КНР: Чехия занимает позицию страны — лидера в регионе в этом направлении.

На фоне трех вышеуказанных непарламентских оппозиционных партий, последовательно занимающих позиции правого евроскептицизма, Партию прав граждан (ППГ) можно идентифицировать как *правую еврооптимистическую*, но с определенными оговорками. Позиции ППГ близки политическим воззрениям президента М. Земана (которые будут рассмотрены ниже) и его команды, что вовсе не способствует ее электоральным предпочтениям.

* * *

Нами рассмотрены доминирующие установки 11 чешских политических партий: трех коалиционных, четырех оппозиционных и четырех, не вошедших в парламент (наиболее крупных); десятки других партий не сумели преодолеть даже однопроцентный барьер⁶⁴.

Все три коалиционные партии придерживаются установок *еврооптимизма*: левого (ЧСДП — 20,45% голосов электората в 2013 г.) и правого (АНГ 2011 — 18,65%), а также ХДС—ЧНП (6,78%); всего еврооптимизм этих пар-

тий предпочли почти 46% избирателей. Неудивительно, что этим трем партиям удалось создать достаточно конструктивное коалиционное Программное заявление правительства ЧР в начале 2014 г.

К ним следует добавить еврооптимистов из числа оппозиционных парламентских партий: стоящую на позициях правого еврооптимизма партию ТОП 09 (11,99%). Из непарламентских партий к группе правых еврооптимистов примыкает Партия прав граждан (1,5%).

В целом число ориентированных на еврооптимизм избирателей в ЧР на момент проведения парламентских выборов 2013 г. достигало 59,38%, явно определяя линию «веры в единую Европу» чешских граждан. Конечно, это далеко не однозначная позиция: многие, голосующие за «еврооптимистические» партии, проникнуты духом «евроскептицизма» — и наоборот. Но общий вектор признать можно.

В число *евроскептических* политических субъектов входят следующие оппозиционные партии: КПЧМ (левый евроскептицизм — 14,91% избирателей), ГДП (правый евроскептицизм — 7,72%) и Рассвет прямой демократии (правый евроскептицизм, 6,68%). Евроскептическими можно считать и такие внепарламентские партии, как Партия свободных граждан (2,46%), Народная демократия (все правые) и др. Тем самым, в целом число евроскептического электората в Чехии в 2013 г. достигало 31,97%. Недостающие проценты добирают маргинальные политические субъекты⁶⁵.

Президенты Чешской Республики: вектор еврореализма

Своеобразным фоном анализа присущих чешским политическим партиям установок является рассмотрение траектории отношения к дилемме еврооптимизм-евроскептицизм президентов ЧР.

Когда в 1999 г. ЧР вступала в НАТО, ее президент В. Гавел продемонстрировал столь страстную устремленность в этот военно-политический блок, забывая свои обещания относительно сбалансированной политики по

отношению к Востоку и Западу, что она поразила даже многих его соратников. В частности, это выразилось в оправдании бомбардировок столицы одного из европейских славянских государств и их трактовке как «гуманитарной интервенции». С этого можно начать и глобальную линию на оправдание любого рода акций агрессии и всякого вида революций, получивших наименование «цветные».

Оправдание бомбардировок Белграда сводилось Гавелом, в частности, к необходимости НАТО противостоять евразийству, о чем он неоднократно заявлял и после⁶⁶. Так, на конференции 28 февраля 2008 г. в Бельгии Гавел выступил с пространным докладом «Пять замечаний по теме НАТО», в котором, в частности, призывал к установлению восточных границ Евросоюза и НАТО. «С моей точки зрения, — сказал он, — она начинается границей России со странами Прибалтики, продолжается российской границей с Украиной и Беларусью и тянется к Черному морю. Это очевидно при взгляде на карту и более-менее соответствует историческому и культурному развитию»⁶⁷. Гавел, помимо этого, выразил еще и обеспокоенность по поводу развития ситуации в России. «Восточнее территории, — утверждал он, — которая находится под защитой НАТО, медленно, но верно возникает сравнительно новый тип диктатуры... обновляется система формальной демократии и власти одной партии, как это было во времена коммунизма»⁶⁸. Отсюда его призывы к продвижению НАТО на Восток. Причем немногим более пяти лет спустя после речи Гавела реальные границы контакта НАТО с Россией в Прибалтике дополнялись призывами к политикам первого (2004 г.) «майдаана» установить таковую и на Украине. Но он смотрел и дальше, допуская ее установление и по Белоруссии, опираясь при этом на самые причудливые аргументы⁶⁹.

При этом чешского президента беспокоили так и не изжившие себя настроения уважения к России среди некоторых деятелей политических партий Чехии, но особенно — чешского общества, за что они подвергались упрекам в «материализме». Но эти настроения нарастали и выра-

зились во внешне почтительном, но внутренне отстраненном уважении к Гавелу со стороны общества, в осуждении некоторых особенностей его личной жизни и в недовольстве высказывавшимися им оценками внешне- и внутриполитического курса страны⁷⁰. Как раз поэтому и общество, и правящие, а не только оппозиционные политические акторы не без некоторого удовлетворения восприняли уход Гавела с политической сцены в 2003 г. и появления на ней в качестве президента человека с противоположными установками.

Если В. Гавел был лидером еврооптимистов, а в большей степени — евроатлантистов, то В. Клаус вскоре после появления на своем посту показал себя одной из ключевых фигур евроскептиков, и в этом качестве его взгляды приобретали общеевропейский масштаб. Характерно, что соответствующие политические установки Клауса появились еще до того наката евроскептицизма в центрально- и западноевропейских странах, который обнаруживается сегодня.

Что касается отношения к России, то незаурядный экономист В. Клаус признал плодотворность интенсификации контактов с восточным соседом, но в основном по прагматическим соображениям. В русофильстве его не мог упрекнуть никто, равно как и в полном отказе от евроатлантизма. Конкретно он не идентифицировал себя как евроскептика, а говорил о себе как евроеалисте. Но если признать эту идентификацию, то реализм нового президента Чехии как раз и заключался в том, что он одним из первых увидел опасность политического диктата Брюсселя и экономического Германии — вплоть до того, что не интенсифицировал вступление в еврозону Чехии, одной из последних подписавших Лиссабонский договор.

Во многих отношениях В. Клаус не парил над партийными разногласиями, подобно гуманитарно интервенционистски ориентированному В. Гавелу, а опирался на реалистически мыслящие структуры как своей партии, так и партий оппозиционных. Тем самым, его реализм как раз и привел к скептицизму относительно общеевропейского единения по лекалам евроатлантизма.

В. Гавел стремился быть активным политиком вплоть до своей кончины, постоянно манифестируя свои русофобские установки, поддерживая оппозиционные силы Украины, особенно в ходе избрания в 2004 г. президента В. Ющенко, и оправдывая гуманитарные интервенции вслед за Югославией уже в других районах мира. В. Клаус в меньшей мере выступал в качестве такого политика, а в большей — участвовал в поиске сбалансированного внешнеполитического курса страны. Он при этом вовсе не устремлялся за званием, скажем, лидера центральноевропейских евроскептиков, хотя мог бы с полным правом на это претендовать.

Позиция М. Земана по отношению к дилемме еврооптимизм/евроскептицизм отличается большей неопределенностью; он позиционирует себя в качестве искушенного политика, дистанцируясь как от первого, так и от второго. Такие акции, как, например, выговор послу США за его политические нравоучения или выступление по случаю 25-летия «бархатной» революции, когда он сумел осадить воинствующую толпу новых революционеров, казалось бы, свидетельствует о высокой степени евроскептицизма, а через него — и неприятие евроатлантизма. К тому же, Земан не опасается демонстрировать свою доброжелательность к России и к Китаю, он часто дает интервью российским СМИ.

Но все же, на наш взгляд, Земан придерживается установки своего предшественника Клауса на еврореализм, исходя из того, что экономика Чехии в значительной степени интегрирована как раз в европейскую экономику и при этом не стремится превратиться в мост между Востоком и Западом⁷¹.

Словацкая правящая коалиция: неустойчивый еврооптимизм

Седьмые парламентские выборы в Словакии состоялись 5 марта 2016 г. с участием почти 60% электората. Всего в словацкий парламент прошли 8 политических субъектов: Направление — Социал-демократия (Н-СД) до-

билась поддержки 28,28% голосов (49 мест в парламенте), Свобода и солидарность (СиС) — 12,1% (21), Обычные люди и независимые личности (ОЛиНЛ) — 11,02% (19), Словацкая национальная партия (СНП) — 8,64% (15), Народная партия — Наша Словакия (НП-НС) М. Котлебы — 8,04% (14), МЫ СЕМЬЯ — Борис Коллар — 6,62% (11), МОСТ-ХИД — 6,5% (11), созданная в 2014 г. партия СЕТЬ — Объединяем Словакию (далее СЕТЬ) — 5,6% (10 мандатов).

По итогам парламентских выборов 4 словацкие партии (Н-СД, СНП, МОСТ-ХИД и СЕТЬ) сформировали коалиционное правительство. О соотношении еврооптимизма и евроскептицизма дает представление, в первую очередь, анализ внешнеполитических частей их предвыборных программ и других документов.

Уточнить представления победившей на парламентских выборах 2016 г. партии Н-СД о внешнеполитическом векторе можно, обратившись к двум документам, принятым осенью-зимой 2016 г., когда началась разработка положений ее новой программы. В «Тезисах», утвержденных на состоявшейся 22 октября 2016 г. в Братиславе конференции «Европа, Словакия и Социал-демократия» (на которую приглашались глава чешского кабинета министров социал-демократ Б. Сobotка и другие европейские социал-демократические лидеры), утверждалось: «членство в Европейском союзе и еврозоне являются основными жизненными интересами Словацкой Республики» (Раздел 1. С. 1)⁷², и это явно *левая еврооптимистическая установка*.

В то же время в «Тезисах» прослеживаются евроскептические мотивы, что видно из включенных в программу пожеланий относительно реформирования ЕС. «При утверждении международных соглашений, — отмечается в документе, — мы поддерживаем так наз[ываемую] смешанную модель: ратификация международных торговых соглашений Европейским парламентом должна проходить только при условии их одобрения в парламентах национальных»⁷³.

На рабочем съезде Н-СД, прошедшем 10 декабря 2016 г. в Прешове, оценивались итоги председательства

ва Словакии в Совете ЕС (1 июля — 31 декабря 2016 г.). Председатель партии Р. Фицо подчеркнул тогда, что Словакия, как председательствующая сторона, пыталась акцентировать внимание на темах, объединяющих страны-члены, а не разделяющих их. Подчеркивалась значимость национальной специфики при сохранении уникальности таких проектов, как евро и Шенген; отмечалось, что суверенные позиции Словакии не должны вести к дестабилизации ЕС. Важным аспектом выступления Фицо явился призыв прекратить поиски врага, как в случае с РФ, сосредоточить внимание на поисках путей к диалогу⁷⁴. Все же хотя Фицо мог позволить себе даже пророссийские высказывания, официальные документы съезда выдерживались в строго проевропейской тональности.

Любопытной можно назвать своеобразную трактовку метафоры «Европы двух скоростей» госсекретарем Министерства иностранных дел и европейских вопросов СР И. Корчоком во время рабочей встречи 13 марта 2017 г. с госсекретарем МИД Словении С. Штиглич. В ее ходе он, в частности, отметил: «Наши страны одинаково воспринимают незаменимые преимущества, которые дает нам наше членство в европейском клубе. Во все более часто раздающихся голосах о развитии Европы в двухскоростном режиме нет ничего нового, и мы его в принципе не отрицаем. Следует также открыто сказать, что двухскоростной ЕС не является панацеей. От нас зависит, как мы будем в дальнейшем вносить свой вклад в развитие еврозоны, в Шенгенскую зону, целостность внутреннего рынка, а также в защиту от терроризма»⁷⁵. В свете такого рода заявлений, а также внешнеполитических предпочтений партии левый еврооптимизм можно считать доминирующей ее установкой. Она во многом коренится в социал-демократических ориентациях ее руководства.

Еще один член правящей коалиции, СНП, в своих «Тезисах предвыборной программы» от 6 июня 2015 г. подчеркивает необходимость проводить «внешнюю политику в соответствии с национальными и государственными интересами и с учетом ценностных приоритетов», «соблюдени-

ем международных обязательств, которые не противоречат национально-государственным интересам и интересам граждан»⁷⁶. В «Тезисах» говорилось: «В международных отношениях активно поддерживать все инициативы, ведущие к установлению мира и мирных решений международных конфликтов. В отношении к Европейскому союзу запретить и не допустить дальнейший перевод суверенных компетенций и полномочий Словацкой Республики в пользу брюссельского бюрократического центра»⁷⁷. Установка на *правый евроскептицизм* выражена в данных тезисах и других заявлениях СНП с достаточной определенностью.

При этом в принятом еще 29 июня 2013 г. документе «Попрадский меморандум. Быть партнерами, а не подданными. Требования словацких патриотов к Брюсселю» отмечалось: «мы с глубоким беспокойством следим за постоянным свертыванием полномочий национальных парламентов, утратой суверенитета и манипуляционными изменениями в избирательной системе на выборах в Европейский парламент»⁷⁸. Председатель партии А. Данко при этом заявил, что это «первый документ в истории независимой Словакии, в котором политическая партия требует и рекомендует шаги, направленные на фундаментальные изменения в Европейском союзе». «Более того, — продолжал он, — СНП убеждена в том, что документ может быть источником вдохновения для других государств-членов, чьи граждане и политики и правительственные чиновники не согласны со всеми шагами Брюсселя». Он отметил далее, что цель «Попрадского меморандума» — «заставить брюссельских чиновников и депутатов Европейского парламента начать дискуссию о реформе европейского сообщества»⁷⁹.

Позицию *правого еврооптимизма* заняла в коалиции партия МОСТ–ХИД, поместившая в своей предвыборной программе⁸⁰ пространный внешнеполитический раздел. В нем, в частности, критикуется премьер-министр Р. Фицо за его негативную позицию относительно возможности вступления Украины в ЕС и НАТО⁸¹; поддерживается

интеграция в ЕС также Грузии и Молдовы; осуждается «оккупация» частей территории трех указанных стран, но при этом признается независимость Косово. «В рамках НАТО, — декларируется в документе, — мы инициируем создание неформальной группы “Друзья Украины”, которая могла бы стать движущей силой интеграции Киева». МОСТ–ХИД не скрывает желания укрепить британское и американское военное присутствие в Центральной Европе, в том числе и в Словакии — при том, что политические партии в соседней Венгрии занимают по всем указанным вопросам гораздо более умеренные позиции в духе евро-скептицизма.

В третьей главе («Словакия в Европе») программы этого словацкого политического субъекта констатируется: «Главным столпом европейской политики Словакии является стремление переместиться из периферии в центр». МОСТ–ХИД выступает «за сильный и дееспособный Европейский союз», перечисляя при этом традиционных партнеров Словакии (Германия, Франция и Великобритания), ратует за «поддержку усиления политического и военного присутствия США в Европе». Россия же, согласно документу, «из стратегического партнера превратилась в стратегического конкурента или даже противника»⁸².

Наконец, четвертый член правящей коалиции — Партия СЕТЬ (выпавшая из коалиции в конце 2016 г.) — в долгосрочной программе на 2016–2020 гг.⁸³ ставила цель способствовать «продвижению СР ближе к экономическому центру (ядру) Европейского союза»⁸⁴, позиционируя себя *правой еврооптимистической* силой. Партия появилась в 2014 г., когда ее молодой, но становящийся харизматическим лидер П. Прохазка вывел значительную часть своих сторонников из ХДД. Он «оседлал» непрекращавшуюся в стране тему борьбы с коррупцией и в том же 2014 г. успешно вступил в президентскую гонку, получив более пятой части голосов. Проведя СЕТЬ в парламент, он надеялся стать там «делателем королей», но получил лишь один министерский пост; в конце 2016 г. вышел из правящей коалиции, но не стал таким «делателем» в оп-

позиции. Партия придерживается установки на правый еврооптимизм, дистанцируясь от ХДД с его правым евроскептицизмом.

Подобно руководству чешских партий, лидеры четырех словацких партий, прошедших в парламент по итогам выборов, подписали 15 марта 2016 г. Декларацию о программных приоритетах. Лидер Н-СД и премьер-министр Р. Фицо отметил, что программа стала результатом серьезного компромисса между всеми политическими субъектами об однозначном продолжении внешней политики, ориентированной на трансатлантическое сотрудничество, увеличение фондов на поддержку организаций словаков, живущих за рубежом, дальнейшее развитие оборонной стратегии в рамках активного участия СР в программах НАТО. Особо отмечалось, что новый кабинет министров является «правительством преемственности и прогресса», а в Словакии появился исторический шанс преодолеть глубокие разногласия между политическими субъектами правого и левого спектра. В этом ракурсе особенно важны принципы «открытого правления» и принятие конституционного Закона о транспарентности (прозрачности) происхождения имущества⁸⁵.

В Декларации речь шла о намерении правительства увеличить в ближайшие 4 года финансирование сферы образования. Общая сумма увеличения финансовых средств в этой области должна была составить в течение всего избирательного цикла около 2 млрд евро. Вынашивались и планы повышения с сентября 2016 г. заработной платы учителям школ и преподавателям вузов в среднем на 6%.

Конкретизация ряда положений Декларации и ее исполнение новыми принципами привело в апреле 2016 г. к оглашению Правительственного заявления коалиционного правительства Словакии на долгосрочный период: 2016–2020 гг.⁸⁶ В его приоритетах задекларирована безоговорочная поддержка евроатлантического и европейского измерений словацкой внешней политики. Документ принимался накануне председательства Словакии в Совете ЕС, что отразилось на его содержании и даже стилис-

тике. «Непосредственным приоритетом правительства, — утверждалось в нем, — **будет достойное и успешное проведение первого в истории словацкого председательства в Совете Европейского союза во второй половине 2016 года** (выделено в оригинале. — Э.З.). Целью правительства Словакии является позитивная повестка дня, оказывающая влияние на повседневную жизнь граждан. Приоритеты председательства будут нацелены на достижение конкретных результатов в областях, определенных стратегической повесткой дня Европейского совета. Повышение устойчивости ЕС в целом — и, таким образом, отдельных государств-членов — и предотвращение дальнейшей фрагментации союза находится на переднем крае стратегического видения председательства Словацкой Республики»⁸⁷.

В Правительственном заявлении приглушены крайние позиции партий МОСТ–ХИД и СНП, нет специального упоминания об Украине или о поддержке ее вхождения в ЕС и НАТО; в нем сложно обнаружить и антироссийские инвективы. Подчеркивалась настоятельность развития особых отношений с ЧР и сотрудничества в рамках Висшеградской группы, на первый план выводилась необходимость укрепления партнерских отношений с Германией в качестве одного из ключевых государств-членов в ЕС.

«Неизменным приоритетом Словацкой Республики, — декларировалось в документе, — остается расширение Европейского союза и передача опыта трансформации кандидатам в члены с тем, чтобы способствовать их сближению с европейскими ценностями и стандартами. В духе политики соседства ЕС, правительство будет также оказывать поддержку странам Восточного партнерства в их усилиях по демократизации, реализации реформ и преобразований. С учетом контекста безопасности правительство будет уделять достаточное внимание политике по отношению к южным соседям ЕС».

Специальная небольшая глава Правительственного заявления посвящена теме многостороннего сотрудничества с упоминанием, что правительство «будет основываться

на нормах международного права и ценностях европейской цивилизации»⁸⁹.

В целом Правительственное заявление на 2016–2020 гг. является собой пример компромисса, когда евроскептические тенденции одних членов коалиции (Н–СД и СНП) во многом фактически элиминируются еврооптимистическими установками (МОСТ–ХИД) других. О том, что это не в полной мере удастся, свидетельствует казус с партией СЕТЬ, вышедшей из состава коалиционного кабинета министров.

Выражая позицию кабинета на саммите 27 стран ЕС, прошедшего 16 сентября 2016 г. в Братиславе, премьер-министр Р. Фицо признал, что Евросоюзу не удастся справиться с некоторыми проблемами. Он предупредил, что если не будет проявлен «хотя бы элементарный уровень саморефлексии», то и в других странах могут пройти референдумы об их выходе из ЕС, а эти процессы, в конце концов, могут привести к разрушению данной структуры⁸⁸.

Своеобразной конкретизацией положений Декларации и Правительственного заявления явился Проект ориентации экономической дипломатии, утвержденный 2 ноября 2016 г. на заседании правительства СР. В нем подчеркивается, что приоритетом словацкой экономической дипломатии на период до 2020 года по-прежнему остается ЕС, куда в настоящее время направляется около 85 % отечественного экспорта и откуда Словакия получает более 66 % своего импорта. Еще одним ключевым направлением экономической дипломатии Словакии названы регионы, расположенные в непосредственной близости от Евросоюза — Балканы, СНГ, страны так называемого «восточного соседства» и отдельные государства «южного соседства».

Что касается торговых отношений с Россией и другими странами Евразийского экономического союза, в документе, принятом кабинетом министров СР, говорится, что здесь «наблюдается ослабление двусторонних торговых отношений в результате экономической и политической ситуации на Украине и в Российской Федерации после аннексии Крыма». Оценок такому состоянию дел в Проекте не дается.

Парламентская оппозиция Словакии об ухабах евроинтеграции

Свои позиции по вопросам евроинтеграции представили и те словацкие политические партии, которые по итогам мартовских (2016 г.) выборов составили оппозиционную часть парламента (69 мест). Это — Свобода и солидарность (СиС), Обычные люди и Независимые личности (ОЛиНЛ)—НОВА, Народная партия — Наша Словакия (НП—НС), МЫ СЕМЬЯ — Б. Коллар.

Внешнеполитические приоритеты оппозиционной правоцентристской либеральной партии СиС (21 мандат) изложены в ее предвыборной программе 2015 года. В ней нет сюжетов, подвергающих какому-либо сомнению членство Словакии в ЕС. Вместе с тем, в документе выражалась озабоченность «ростом количества граждан ЕС, которые начинают отвергать его как не оправдавший себя институт»⁹⁰. Причины этого явления, по мнению СиС, заключаются в «хроническом отсутствии видения Евросоюзом своего собственного функционирования и способности оперативно решать проблемы». В итоге эти задачи берут на себя крупные страны-члены со своими интересами. Первоначальные ценности ЕС утрачиваются, а на первый план выдвигаются «бессмысленная бюрократия и регулирование». Партия манифестировала установку либерального, скорее, *правого евроскептицизма*, чем левого.

В документе представлены и пути выхода из создавшегося положения. «СиС, — подчеркивается в нем, — будет добиваться возврата к первоначальным принципам и ценностям, которые в прошлом приносили процветание государствам-членам ЕС. Для достижения этих целей мы будем углублять добрые отношения и сотрудничество прежде всего с нашими партнерами из В4. Единая Европа во многих сферах оправдала себя, но голос Словакии в Европе должен звучать более громко».

Приоритетами СиС в документе названы финансовая стабильность и поддержка либеральной демократии в ре-

гионе, включая страны западных Балкан, Украину и Белоруссию. При этом главной опорой политики СР в сфере безопасности считается Североатлантический альянс (НАТО); СиС заявила о своей поддержке его расширения. Партия признает, что «ЕС себя оправдал, но намерена кое-что изменить, например, снизить регулирование со стороны Брюсселя. Она также планирует содействовать принятию по отношению к нарушителям общих правил автоматических санкций: временное лишение права голоса или приостановление получения поддержки из некоторых еврофондов».

В то же время в программе, хотя и с оговорками, содержится призыв к сотрудничеству с РФ. «Мы хотим продолжать сотрудничество, которое, однако, не должно носить зависимый от Российской Федерации характер. По этой причине, мы будем поддерживать альтернативные энергетические проекты, направленные на диверсификацию»⁹¹.

Следует отметить, что СиС одной из первых откликнулась на призыв ЕК принять участие в обсуждении предложенных ею 1 марта 2017 г. пяти сценариев относительно будущего ЕС. Уже 29 марта 2017 г. партия обнародовала «Манифест словацкого еврореализма», в котором представила свою тщательно разработанную 59-страничную концепцию будущего Евросоюза⁹². Документ включает: предисловие, 8 глав (1–4; А–Г)⁹³, заключение, приложение и список сокращений. В его преамбуле говорится: «Мы — еврореалисты. В отличие от еврооптимистов, которые говорят, что если что-то не функционирует, нужно передать еще большее компетенций Брюсселю, а также, в отличие от требующих выхода из ЕС европессимистов, мы утверждаем, что являемся еврореалистами; хотя Европейский союз и является уникальным проектом, он нуждается в реформировании»⁹⁴. Манифест не содержит призывов к выходу страны из ЕС, называя шаги подобного рода «фантазмагорией». Вместе с тем, в документ внесены 23 конкретных предложения по реформированию ЕС, в том числе возвращение странам-членам 14 полномочий; прекраще-

ние расширения ЕС; введение принципа «one in — two out», т.е. с вводом одной новой директивы ликвидируются две прежние; сокращение европейской администрации (включает 8 позиций, в частности, снижение численности парламентских комитетов с 22 до 13, а количества евродепутатов и еврокомиссаров — в 2 раза) и др. «Мы, — читаем в документе, — приветствуем эту инициативу [ЕК], настало время начать честную дискуссию о будущем ЕС с обсуждением всех возможных сценариев»⁹⁵.

Второе по числу мандатов (19) парламентское оппозиционное правоцентристское консервативное политическое образование ОЛиНГ–НОВА в своей предвыборной программе не подвергало сомнению членство Словакии в ЕС и НАТО. В ней указано, что в 2014–2020 гг. Словакия получит из фондов ЕС более 15 млрд евро, т.е. более 2800 евро на одного жителя. «Для развития страны, — отмечается в документе, — ключевым является, разумное и эффективное использование нами этих денежных средств... Но для этого нам нужны умные и честные люди, ответственные за отдельные проекты, что до сих пор было, скорее, исключением из правил»⁹⁶. *Правый еврооптимизм* в наибольшей мере выражает чаяния приверженцев этой партии.

Программа констатирует, что «насильственная аннексия Крыма в 2014 г. и последующая поддержка военного конфликта на востоке Украины обновили прямую угрозу безопасности Словакии», а «русский ревизионизм является главной, но не единственной угрозой для Словакии как члена НАТО и Европейского союза»⁹⁷. Гарантом безопасности поэтому остается система коллективной обороны и безопасности НАТО, а также «интеграционный процесс в рамках Европейского союза, включая постепенную кристаллизацию европейской политики в сфере безопасности и обороны».

«Непрекращающийся кризис продолжает углублять демаркационную линию между Севером и Югом, Востоком и Западом, еврозоной и странами вне ее (включая трех соседей Словакии в В4 — не являющихся членами еврозоны). Как следствие этого — концентрация полити-

ческого внимания на внутренних проблемах, на сохранении функциональности ЕС, вместо реакции на ширящиеся конфликты и нестабильность вокруг Европы. Позиция Европейского союза на международном поле существенно ослаблена ее внутренним состоянием... Популярным трюком было — и остается — сваливать вину за все ошибки на Брюссель»⁹⁸, — констатируется в документе. Причины нынешней сложной ситуации в ЕС сведены в программе также к росту влияния популистских и радикальных партий.

Блок НАТО охарактеризован в программе «зонтиком безопасности», который «предоставил и предоставляет Европе возможность политически и экономически развиваться в интегрированном целом». Партия осуждает «блокировку связей между НАТО и ЕС, что является политически сконструированным анахронизмом, ослабляющим безопасность в Европе». В ее программе нашлось место и для параграфа, именуемого «НАТО — основа нашей безопасности».

Не обошлось и без приписывания таких «грехов» России, как «ревизия границ», «агрессивные действия», «провал модернизации страны», «рост недовольства населения», «авантюризм» и пр. В то же время приветствовалась интенсификация связей не только с такими странами, как ЧР, Польша, Венгрия, США, Украина, но и Российская Федерация, Сербия и Западные Балканы.

Компактная программа консервативного движения МЫ СЕМЬЯ — Борис Коллар (22 стр.) включает несколько разделов. В числе угроз безопасности Словакии названы международная миграция, военные конфликты вблизи границ государства, серьезная экономическая и финансовая криминальность⁹⁹. Движение выступает против обязательных квот на прием иммигрантов, считает необходимым более активное участие СР в международных структурах ЕС, В4 и НАТО. Подчеркивается, что оно «будет апеллировать к сбалансированной внешней политике с учетом аспектов безопасности и экономических аспектов с использованием своего геополитического положения, членства в Европейском союзе, а также в других между-

народных структурах и соблюдать баланс в подходах к зарубежным партнерам как на Западе, так и на Востоке». Движение ратует за «обеспечение соблюдения принципа уважения международного права и поддержание максимально возможной степени независимости Словацкой Республики с акцентом на ее безопасность, культуру, историю, геополитику, призывает сохранять суверенитет СР в области культуры — этических, финансовых вопросах и вопросах безопасности»¹⁰⁰. В целом данный политический субъект можно идентифицировать как *правый евроскептический*.

Предельно лаконичная программа еще одного словацкого политического актора, партии Народная партия — наша Словакия (НП–НС, лидер М. Котлеба), состоит из 10 пунктов. В их числе: «Не позволим иммигрантам занять Словакию. Словакия — не Африка! Никогда не подчинимся иностранцам!» (пункт 4); «Возобновим экономическую самостоятельность Словакии. Вернем Словацкой Республике продовольственную и энергетическую независимость» (пункт 6); «Словакию поставим над диктатом Брюсселя. Вернем Словацкой Республике гордость, самостоятельность и суверенитет» (пункт 9).

В документе сделан акцент на результатах евроинтеграции для Словакии. Отмечалось, что сельское хозяйство и многие отрасли промышленности, которыми ранее можно было только гордиться, лежат в руинах; сотни тысяч людей потеряли свои рабочие места. «Несмотря на то, что мы в Словакии располагаем обилием воды и плодородной почвы, до 38 % продуктов питания приходится импортировать из-за рубежа. Причем зачастую очень сомнительного качества. Это отходы, которые никто не хочет употреблять на западе. Поэтому наша первоочередная цель — возрождение сельского хозяйства и пищевой промышленности. Только так мы снизим безработицу на 25 %», — призывает программа¹⁰¹.

Партия придерживается установок *правого евроскептицизма*. 9-я часть предвыборной программы НП–НС гласит: «После вхождения в Европейский союз Слов

вакая уже не является самостоятельным государством. Все ключевые вопросы решаются сегодня бюрократами в Брюсселе. Правила Европейского союза даже выше законов Словацкой республики! (выделено в оригинале. — Э.З.). Тысячи бессмысленных предписаний Европейского союза определяют, что нам дозволено производить и в каких количествах. Запрет на производство традиционных электроламп накаливания или ртутных термометров — лишь ничтожно малый пример того, что нам диктует Брюссель. В результате подобных издательств исчезли сотни словацких фирм. Многие товары мы покупаем сегодня за рубежом, причем по завышенным ценам. Критику Европейские бюрократы пытаются заглушить сказками о еврофондах. Фактически же 80 % еврофондов составляют взносы Словацкой республики в Европейский союз. Вернем процесс принятия решений о словацких делах в компетенцию избранного гражданами правительства. Словацкого правительства! (выделено в оригинале. — Э.З.)»¹⁰². Таким призывом завершается лапидарная программа НП–НС.

Словацкие внепарламентские политические партии: внешне-политические доминанты

Два словацких политических актора, игравших ранее в политической жизни страны ключевую роль — Христианское демократическое движение (ХДД) и Словацкий христианско-демократический союз — Демократическая партия (СХДС–ДП) не вошли в 2016 г. в парламент. СХДС–ДП — лидер правых политических сил потерпела сокрушительное поражение, получив на выборах всего 0,26 % голосов избирателей. Третья внепарламентская оппозиционная политическая партия — Словацкое венгерское сообщество (СВС) добилась поддержки 4,04 % принявших участие в выборах.

Рассмотрим предвыборные программы оставшихся за пределами парламента политических субъектов по уровню их поддержки (не менее 4 %) словацким электоратом.

Исключение будет сделано для СХДС–ДП, поскольку ранее она играла лидирующую роль в политической жизни Словакии, возглавляя правительство и оказывая максимальное влияние на выработку внешнеполитических ориентиров СР (остальные словацкие партии получили менее 1 % голосов избирателей).

Не добрав 0,6 % голосов избирателей, ХДД впервые в истории Словакии после «нежной» революции 1989 г. не удалось преодолеть 5-процентный барьер. Являясь с 1990-х гг. приверженцем европейской интеграции, партия в своих внешнеполитических предпочтениях постепенно эволюционировала в сторону «мягкого» евроскептицизма. Одна из причин такой эволюции — формирование в рядах ХДД евроскептического крыла во главе с В. Палко, а также взвешенная позиция одного из основателей партии и ее лидера в период 1990–2000 гг. Я. Чарногурского в вопросах евроинтеграции и отрицательная — по отношению к НАТО.

В предвыборных программах христианских демократов в парламентских выборах 2002 и 2006 гг. достаточно громко зазвучали евроскептические мотивы. Так, в специальном разделе программы 2002 г. «Внешняя политика и европейская интеграция» наряду с положительной оценкой ориентации страны на вступление в ЕС, излагались представления христианских демократов о данной структуре «как специфическом сообществе стран-членов с комбинацией коммунитарной и межправительственной форм сотрудничества». ХДД традиционно выступало за сохранение суверенитета Словакии в решении культурно-этических проблем¹⁰³.

Более отчетливо свою позицию относительно европейской интеграции партия изложила в предвыборной программе «За достойную жизнь в Словакии» на выборах в парламент в 2006 г. Документ состоит из 15 разделов, один из которых под названием «Национальный интерес и внешняя политика» раскрывает взгляды христианских демократов на ЕС, будущее которого, по их представлениям, сводится «не к передаче компетенций стран-членов органам ЕС, а к более эффективной деятельности институ-

тов и инструментария, а также в постепенном упрочении взаимного доверия, являющегося условием любого общественного развития»¹⁰⁴. Позиционируя себя приверженцем концепции Европы национальных государств, ХДД последовательно выступала против проекта ЕК, квалифицируя его как «принципиальный шаг на пути создания европейского государства и кардинальное превращение европейской интеграции в такую форму, которая угрожает национальным и экономическим интересам Словакии». Христианские демократы отвергали любую модель централизации ЕС и поддерживали «защиту принципа субсидиарности и суверенитета стран-членов, упрочение статуса национальных парламентов и права вето в решающих сферах, затрагивающих национальный интерес». ХДД поддерживает трансатлантическое сотрудничество, однако придает значение реализации как континентальных, так и автономных элементов в сфере безопасности¹⁰⁵.

Следует подчеркнуть, что с уходом из партии представителей ее евроскептического крыла¹⁰⁶, и особенно — с выходом из ее рядов в 2014 г. Я. Чарногурского, эти конкретные формулировки стали размываться в программных документах достаточно общими рассуждениями о ЕС и НАТО, причем в исключительно положительном ключе. Так, предвыборная программа 2010 г. «Путь для Словакии» содержала раздел «Словакия в международном сообществе», включавший помимо прочих параграф «Словакия для Европы, Европа для Словакии». Его формулировки сводились, главным образом, к разъяснению позиции христианских демократов в вопросах европейской интеграции и роли Словакии в ЕС¹⁰⁷.

Однако позднее установки основной программы ХДД «Наша Словакия», принятой на съезде 21 февраля 2015 г. (4 раздела, 164 стр.), приобрели довольно сбалансированный характер. Так, III раздел «Борьба за более справедливый мир» (с. 111–127), состоящий из двух глав (13-я — «Наша Европа. Европейская политика ХДД» и 14-я — «Словакия в мире 21 века. Внешняя политика ХДД») включает, в частности, такие параграфы, как, скажем: «Отрицаем построе-

ние Европейского союза как сверхгосударства» (13.1); «Проект европейской интеграции основан на христианских ценностях» (13.1); «Расширение Европейского союза» (13.1). В главе «Институциональные реформы Европейского союза» (13.3) подчеркивается, что ЕС «необходимо не углубление централизации, а эффективное функционирование в интересах своих членов»¹⁰⁸.

Примерно в такой же тональности выдержана и обширная (87 стр.) предвыборная программа ХДД «Безопасный дом, довольные семьи», утвержденная в 2016 г. Раздел VIII этого документа «Словакия в международном сообществе», поднимая более глобальные вопросы, ставит акцент на проблеме идентичности: «Сохранение культурной идентичности Европы — главное условие обеспечения ее существования. Под культурной идентичностью Европы мы подразумеваем сохранение и развитие наследия национальных идентичностей...»¹⁰⁹. Конкретизация этого положения в программе показывает доминирование последних над брюссельскими проектами дехристианизации Европы. Отсюда и сохранение фрагментов евроскептических настроений в его рядах; ХДД можно идентифицировать как *правое евроскептическое* движение.

Партия Словацкое венгерское сообщество (СВС), за которую проголосовали 4,05% избирателей, в предвыборной программе от 12 января 2016 г. подчеркивала: «Для Словакии и для венгерского сообщества в Словакии нет лучшей альтернативы Европейскому союзу». Вместе с тем программа не обходила стороной и некоторые негативные моменты в деятельности Союза. ЕС «противостоит таким долговременным вызовам, которые в нынешнем состоянии она неспособна либо же может решать с огромным трудом. Продолжающиеся влияния финансово-экономического кризиса, серьезные вызовы безопасности (например, кризис на Украине, угрозы терроризма), приливы мигрантов и беженцев, направляющихся в Европу, показали, что нынешняя система функционирования ЕС неспособна эффективно решать новые серьезные проблемы. В вопросе необходимых реформ господствует невиданный раскол

между странами-членами. Лишь события последующих лет покажут, начнет ли ЕС реформы при сохранении нынешнего интеграционного уровня или же отдельные ее страны-члены (например, еврозона) пойдут на дальнейшее значительное углубление интеграции. В этом втором случае могла бы появиться качественно новая форма европейской интеграции, что означало бы конец “Европы двух скоростей”, которая в форме еврозоны и Шенгенской системы уже частично реализовалась»¹¹⁰.

СВС не исключает дальнейшего усиление роли ЕП, однако осуществляемого на принципе субсидиарности. По мнению ее лидеров, перенос полномочий стран-членов на уровень ЕС должен базироваться на практических, стратегических преимуществах, а не на доктринарских и идеологических соображениях. Ставилась также задача «пересмотреть эффективность нынешних процессов принятия решений с тем, чтобы избежать практики бесконечной “выработки правовых предписаний”»¹¹¹. Партия поддерживает НАТО в его классической ипостаси — коллективная оборона стран-членов¹¹². Эти и другие доминантные установки СВС утверждают ее в статусе *правой евроскептической* партии.

Еще одна внепарламентская партия — СДХС-ДП — добилась, как уже отмечалось, поддержки всего 0,26 % голосов электората, хотя в предшествующем парламенте она располагала 11 мандатами, а ранее занимала одно из ведущих мест на словацкой политической сцене. Ее можно считать *правой еврооптимистической*. Партия обратилась к избирателям со своей краткой 2-х страничной предвыборной программой непосредственно накануне выборов. Шестой ее тезис «Европейский союз» гласит: «Словакия и Европа без железного занавеса. В членстве в ЕС мы видим, в первую очередь, преимущества свободы передвижения и сильной экономики. Мы не стремимся использовать членство лишь для получения средств из еврофондов, но и для перманентной критики по улучшению таких проблемных областей, как, например, безопасность. Мы поддерживаем укрепление внешних границ и сохранение свободы передвижения внутри союза»¹¹³.

Более ранняя программа партии СДХС–ДП «Сильный средний слой. Справедливая Словакия», утвержденная 17 ноября 2012 г., содержит достаточно солидные части, посвященные внешней политике¹¹⁴. Но оказалось, что ее положения не нашли отклика у словацких избирателей: на парламентских выборах 2016 г. партия испытала беспрецедентный крах в современной политической истории Словакии.

К маргинальным политическим субъектам относятся и коммунисты Словакии (0,62 % голосов), в отличие от Чехии (в 2013 г. КПЧМ поддержали 14,91 % избирателей); она характеризуется установками *левого евроскептицизма*.

* * *

Итак, в Словакии в правящей коалиции лидируют *еврооптимисты*: левоцентристская Н–СД (28,28 %), а также правые МОСТ–ХИД и СЕТЬ (соответственно, с 6,5 % и 5,6 %). Общее количество их электората, тем самым, достигает 40,38 %. Однако если к ним добавить проценты рассмотренных в главе ориентированных на правый еврооптимизм оппозиционных политических субъектов ОЛиНЛ–Нова (11,02 %) и СДХС–ДП (0,26 %), то доля избирателей, которые надеются на единую Европу, возрастет до 52,92 %.

И все же недооценивать словацких евроскептиков — в основном правых (левых представляет лишь Компартия Словакии с 0,62 % голосов) — никак нельзя. В числе *евроскептиков*: парламентская правящая партия СНП с 8,64 % голосов, парламентская оппозиционная НП–НС с 8,04 %, внепарламентская оппозиционная СиС с 12,1 % и СЕМЬЯ — Борис Коллар с 6,62 % голосов, что в целом составляет 35,40 % электората. Но к ним нужно присоединить и такие мощные внепарламентские политические субъекты, как Христианское демократическое движение с 4,94 % и Словацкое венгерское сообщество с 4,05 %; в этом случае число словацких евроскептиков достигнет 44,38 %¹¹⁵. Голоса остальной части электората распределились между небольшими партиями.

Вместо заключения

В целом и словацкий, и чешский электорат избегают крайностей еврооптимизма и евроскептицизма; предпочтительней для них еврореализм и даже европрагматизм, о чем свидетельствует анализ программных документов как партий, так и их объединений.

Указанная общность не отменяет различий в партийно-политических ландшафтах двух стран. Так, Чехии в этом плане присущ все тот же клинч (правда, не столь жесткий, как ранее) двух правящих партий — на этапе данного парламентского цикла левоориентированной ЧСДП и правоориентированной АНГ 2011. Словацкая же правящая коалиция — после полного, но относительно недолгого доминирования в предшествующем парламенте Н-СД — воспроизвелась в качестве рыхлой. При этом если в Чехии более осмотрительными стали силы еврооптимистической ориентации, то в Словакии — евроскептической.

По-особому выстраиваются и отношения между президентами и премьер-министрами: в Чехии они менее конфликтны, чем в Словакии. Но и здесь все четче вырисовывается дистанцирование от крайностей как еврооптимизма, так и евроскептицизма. Они все чаще объединяются на платформе еврореализма и даже европрагматизма, неизбежного для лидеров государств, находящихся в самом центре Европы.

На наш взгляд, анализ рассмотренных в главе идеологических столкновений — носителей четырех типов политических установок — не является ни полным, ни самодостаточным, причем не в силу отсутствия строго аналитических подходов. Причина, скорее, в том, что эти споры и столкновения с трудом помещаются в глобальные контексты, которые характеризуются противостоянием евроатлантизма и евразийства, причем и здесь обнаруживается еще больше неопределенностей, чем в рамках вышеназванных столкновений. Это особенно касается освещения установок евразийства, где мировоззренческих шумов и идеологических помех гораздо больше, чем относительно евроатлантизма.

Все же, несмотря на указанную размытость аналитических процедур, ориентированных на рассмотрение противостояний как евроскептицизма и еврооптимизма, так и евроатлантизма и евразийства, их разработка безальтернативна. Дело в том, что противостояние этих установок являют собой ширму, часто скрывающую реальные политические конфликты, наполненные провокациями самого различного толка. Взрывоподобные вспышки конфликтов в Сирии и вокруг Северной Кореи — явный тому пример; тем более это касается событий на Украине. Причем поражает в этом плане показное, но мнимое единодушие политических элит практически всех центральноевропейских стран в их осуждении альтернатив агрессивного евроатлантизма; часть этих элит не безуспешно индоктринируют и массы населения, которые все же сохраняют генетическую память о том, с какой стороны пришла беда с крахом чехословацкой государственности в 1938–1939 гг.

На этом фоне столкновения еврооптимистов и евроскептиков во многом выстраиваются по шаблону известной русской пословицы: «Милые бранятся — только тешатся». Более того, идентифицировать соответствующие установки невозможно, часто одни их составляющие перерастают в другие, нося диссипативный характер, перетекая одна в другую. Отсюда усложненность их анализа и незавершенность ряда выводов. Что касается более серьезной и не потешной «брани» — если брать все смыслы этого слова, начиная с указаний на ссоры и несогласия и заканчивая побоищами и войнами, то и она происходит в контексте более глобальных противостояний и часто в скрытых формах; достаточно вспомнить оправдание санкций против России и события на Украине. Чешские и словацкие еврооптимисты и даже евроскептики проявляют в этом плане большую сдержанность по сравнению, например, с польскими, но и для них членство в военно-политическом блоке НАТО представляется пока безальтернативным, а, соответственно, установка на евроатлантизм — ключевой.

В любом случае, анализ процессов, происходящих в указанных странах, значим для определения судеб как конти-

нента, так и такого трансгосударственного объединения в нем, как ЕС. Во многих отношениях ключевые политические силы, скорее, сглаживают крайности и еврооптимизма, и евроскептицизма, чем заостряют их. Данное заключение, равно как и крайняя усложненность соотношения между мировоззренческими позициями евроатлантизма и евразийства, определяемое в ходе нашего анализа внешнеполитических предпочтений и чешских, и словацких политических субъектов — лишь первый шаг в осмыслении особенностей внешнеполитической стратегии и Чехии, и Словакии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ White Paper on the Future of Europe. Reflections and scenarios for the EU27 by 2025. European Commission. COM (2017). Brussels. 1 March 2017 // ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/white_paper_on_the_future_of_europe.

² Ibid. P. 15–25.

³ Особенности его рецепции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в прошлом и настоящем см.: *Задорожнюк Э.Г.* Неуслышанные споры: евразийцы о судьбах славянства // Вопросы истории. 2016. № 7. С. 49–64. В настоящей статье данный термин используется для объяснения имплицитных внешнеполитических установок некоторых политических партий в регионе, т.е. ему придается инструментально суженное истолкование.

⁴ См., например: *Пащенко В.Я.* Социальная философия евразийства. М., 2004; *Bäcker R.* Międzywojenny eurazjatyzm. Od intelektualnej kontrakulturacji do totalitaryzmu? Łódź, 2000; *Paradowski R.* Eurazjatyckie imperium Rosji. Studium idei. Warszawa, 2003; *Voráček E.* Eurasijsství v ruském politickém myšlení. Osudy jednoho z porevolučních ideových směrů ruské meziválečné emigrace. Praha, 2004.

⁵ *Taggart P.* A touchstone of dissent: Euroscepticism in contemporary Western European party system // European Journal of Political Research. 1998. 33 (3). P. 363–368.

⁶ Проявления скептического отношения к проектам Европейского содружества наблюдались в Великобритании и Дании еще с 1950–1970-х годов. Особый размах они приобрели в 1980-е годы в Великобритании с приходом к власти М. Тэтчер и ее известным выступлением на саммите ЕС в 1988 г. в Брюгге. Именно Тэтчер ввела термин «евроскептицизм» в политическую жизнь и в политическую науку. Поначалу он использовался в весьма широком значении и отождествлялся с Великобританией как «евроскептической страной». См.: *George S.* An Awkward Partner: Britain in the European Community. Oxford, 1998.

⁷ *Taggart P., Szczerbiak A.* Opposing Europe // Sussex European Institute Working Papers. 2000. Vol. 36. P. 7.

⁸ *Kopecký P., Mudde C.* The Two Sides of Euroscepticism. Party Position on European Integration in East Central Europe // European Union Politics. 2002. 3 (3). P. 300–304.

⁹ Ibidem.

¹⁰ *Taggart P., Szczerbiak A.* Theorising Party Based Euroscepticism: Problems of Definition, Measurement and Causality // Sussex European Institute Working Papers. 2003. Vol. 69. P. 7–8.

¹¹ Ibid. P. 12.

¹² См., напр.: *Hendersen K.* Euroscepticism or Europhobia // Sussex European Institute Working Papers. 2001. Vol. 50; *Riishej S.* Europeanisation and Euro-scepticism. Experiences from Poland and the Czech Republic // Central European Political Studies Review. 2004. Vol. 6/4; *Kopeček L.* Euroskeptici, europeanisté, euroentuziasté, eurofobové —

jak s nimi pracovat? // *Politologický časopis*. Praha, 2004. Č.3; Euroskepticismus a země střední a východní Evropy. Eds. V. Havlik, Kaniok. Brno, 2006; *Хуберуас К.Ф.* Антиевропеизм и евроскептицизм: анализ ситуации после расширения Европейского союза на восток // *Европа. Журнал польского Института международных дел*. Варшава, 2007. Т. 7. № 2 (23) и др.

¹³ Миклас Я. «Евроскептики» и «еврооптимисты». ЕС в чешском общественно-политическом сознании // http://www.stoletie.ru/slavyanskoe_pole/evroskeptiki_i_evrooptimisti_2008-05-30.htm.

¹⁴ Подробнее см.: *Задорожнюк Э.Г.* Евроскептицизм «богатых» и «бедных» славянских стран // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. М., 2017.

¹⁵ Transfiguration (англ.) — видоизменение, преобразование; transfiguratio (лат.) — преображение, превращение.

¹⁶ Подробнее см.: *Задорожнюк Э.Г.* Евроскептицизм как трансфигурация евразийства. Доклад // Научная конференция «Евразийство-евроскептицизм-евразийство: варианты разочарований в европейском пути развития». Москва, 15 ноября 2016 г.

¹⁷ Цит. по: Одна Родина // www.odnarodyna.org. Информационно-аналитическое издание.

¹⁸ Подробнее см.: Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Историко-политологический справочник. Отв. ред. К.В. Никифоров. М.; СПб., 2015. С. 447–448.

¹⁹ *Задорожнюк Э.Г.* Социал-демократия в Центральной Европе. М., 2000. С. 256.

²⁰ Prosadíme dobře fungující stat. Volební program ČSSD pro volby 2013 // https://www.cssd.cz/ke-stazeni/volebni-programy/volebni-program-cssd-pro-volby-do-poslanecke-snemovny-parlamentu-ceske-republiky-2013/volebni_program.pdf S. 33.

²¹ В начале 2017 г. чешское правительство согласилось с рекомендациями министерства финансов и Национального банка не считать введение евро ключевой задачей на ближайшие годы. Согласно проведенному в начале 2016 г. опросу, «за» введение евро проголосовали лишь 17% населения страны, «против» — 78%, остальные не определились. Высказываясь против единой европейской валюты, граждане опасаются неизбежного повышения цен на товары и продукты первой необходимости, потери финансового суверенитета, усиления зависимости от экономики других стран. См.: *Снегирев В.* Укрываются под кроной // Российская газета. 2017.06.03.

²² Prosadíme dobře fungující stat... S. 1, 32–33.

²³ Zelená kniha ČSSD o Evropské politice. Evropa a my // http://www.cssd.cz/data/files/evropa_a_my_.pdf.

²⁴ <http://www.cssd.cz/data/files/cssd-dlouhodoby-program.pdf> S. 10, 12. См. также: http://www.cssd.cz/data/files/socialni_demokracie_pro_21_stoleti.pdf.

²⁵ <http://www.anobudelip.cz/cs/o-nas/program/resortni-program/>.

²⁶ Ibidem.

²⁷ Babiš A. Máme nepřátele. NATO by mělo být účinnou organizací // <http://euractiv.cz/rozhovory/visegradska-ctyrka-v-eu/babis-nato-by-melo-byt-utocnou-organizaci/>.

²⁸ Ibidem.

²⁹ В состоящей из 14 разделов ее предвыборной программе (всего 13 стр.) внешнеполитическим сюжетам посвящен специальный раздел «ЕС и международные отношения» (12-й, включающий 11 частей). См.: *Dáme zemi do pořádku. Volební program KDU-ČSL. 2013-2017* // <http://www.kdu.cz/getattachment/Aktualne/Novy-hlas/Novy-HLAS-volby-2013/Novy-HLAS-volby-2013.pdf.aspx>; см. также: <http://www.kdu.cz/getattachment/6089d21c-eba3-4e8e-b390-1b922500af73/Volebni-program-pro-volby-do-poslanecke-snemovny-2.aspx>.

³⁰ *Dáme zemi do pořádku... S. 4, 11.*

³¹ В приложении к Программному заявлению опубликована подписанная 13 января 2014 г. окончательная версия документа «Коалиционное соглашение между ЧСДП, движением АНГ 2011 и ХДС-ЧНП на период 2013–2017 гг.». См.: <https://www.vlada.cz/cz/media-centrum/dulezite-dokumenty/koalichni-smlouva-mez-i-cssd-hnutim-ano-2011-a-kdu-csl-na-volebni-obdobi-2013---2017-115459/>.

³² Правительство насчитывало 17 членов: 8 представителей ЧСДП, 6 — АНГ 2011 и 3 — ХДС-ЧНП; в сумме названные партии получили 111 из 200 депутатских мандатов, т.е. конституционное большинство. Подробнее см.: Центральная и Юго-Восточная Европа... С. 448–449.

³³ https://www.vlada.cz/assets/media-centrum/dulezite-dokumenty/programove-prohlaseeni_unor_2014.pdf.

³⁴ Ibidem.

³⁵ При явном увеличении присутствия в экономике страны китайского капитала. См.: *Снегирев В.* Чешское пиво китайского розлива // Российская газета. 2017. 20.03.

³⁶ Движение Рассвет прямой демократии в 2015 раскололось на два самостоятельных политических субъекта: Рассвет-Национальная коалиция (лидер — М. Линдский) и Свобода и прямая демократия (лидер — Т. Окамура).

³⁷ См.: Центральная и Юго-Восточная Европа... С. 447–448.

³⁸ Правящий кабинет (июнь 2010 г. — август 2013 г.) был сформирован под председательством лидера гражданских демократов П. Нечаса, который в вопросах европейской политики руководствовался в основном установками ГДП, характеризовавшимися сдержанным отношением к евроинтеграции. По словам чешского аналитика В. Глоушека, Нечас «действовал относительно прагматически, что вызывало раздражение как убежденных евроскептиков, так и убежденных еврофилов». См.: *Jaká byla evropská politika odstupujiho premiéra Nečase?* // <http://euractiv.cz/clanky/cr-v-evropske-unii/jaka-byla-evropska-politika-odstupujiciho-premiera-necase-necas-eu-010916/>.

³⁹ https://www.kscm.cz/sites/default/files/soubory/ProgramKSČM/Volebni_program_KSCM_pro_volby_do_PS_PCR_2013.pdf.

⁴⁰ Ibid. S. 1, 6.

⁴¹ <http://www.top09.cz/proc-nas-volit/volebni-program/volebni-program-2013/>.

⁴² TOP 09: Úspěšná země — odolná společnost // <http://www.top09.cz/co-delame/tiskove-zpravy/top-09-uspesna-zeme-odolna-spolecnost-21747.html>.

⁴³ <http://www.top09.cz/proc-nas-volit/vize2030/3-bezpeci-a-zahranicni-politika-21784.html>; см. также: http://www.top09.cz/files/soubory/vize-cr-2030-uspesna-zeme-odolna-spolecnost_1696.pdf.

⁴⁴ <http://www.top09.cz/proc-nas-volit/vize2030/3-bezpeci-a-zahranicni-politika-21784.html>.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ <http://www.top09.cz/proc-nas-volit/vize2030/3-bezpeci-a-zahranicni-politika-21784.html>; см. также: TOP 09: Úspěšná země — odolná společnost...; http://www.top09.cz/files/soubory/vize-cr-2030-uspesna-zeme-odolna-spolecnost_1696.pdf.

⁴⁷ Volební program. #Volím_ pravici. Neexistují levicová nebo pravicová témata. Existují jen levicová nebo správná řešení // <http://www.ods.cz/docs/programy/volebni-program-2013.pdf>. S. 26.

⁴⁸ Ibid. S. 26, 29.

⁴⁹ На момент завершения настоящей работы лишь некоторые партии представили свои предвыборные платформы на парламентских выборах (21–22 октября 2017 г.). В их числе — ГДП с программой «ГДП 2017. Сильная программа для сильной Чехии» (март 2017 г.). В ней, в частности, констатируется: «К ЕС у нас долгосрочное константное отношение: мы не относимся ни к наивным еврооптимистам, ни к радикальным евроскептикам... ЕС мы воспринимаем, прежде всего, как сообщество стран-членов, которое должно служить реализации их национальных интересов». См.: <http://www.ods.cz/volby2017/program>. В апреле 2017 г. в качестве серьезного дополнения к предвыборной программы с развернутым уточнением отношения к ЕС гражданские демократы приняли документ «Сильная Чехия в Европе 21 века». См.: <http://www.ods.cz/volby2017/program/zahranicni-politika>; см. здесь же: [silne_cesko_v_europe_21_stoleti.pdf](http://www.ods.cz/volby2017/program/zahranicni-politika).

⁵⁰ <http://www.usvitnarodnikoalice.cz/program-strany/>.

⁵¹ <http://www.usvitnarodnikoalice.cz/program-strany/>; Program strany pro krajské volby. Hrdá a bezpečná země // <http://www.usvitnarodnikoalice.cz/program-strany/>.

⁵² Strana svobodných občanů. Vystoupení z EU je legitimní cestou k samostatnosti // svobodni.cz. 2010.18.3.

⁵³ Mach P. Projev na konferenci UKIP // petrmach.cz. 2010.13.09.

⁵⁴ Svobodní jdou do eurovoleb s kritikou «evropských nesmyslů» // http://www.tyden.cz/rubriky/domaci/politika/svobodni-jdou-do-eurovoleb-s-kritikou-evropskych-nesmyslu_304262.html.

⁵⁵ Svoboda, odpovědnost, spravedlnost / Politický program Strany svobodných občanů // <https://public.svobodni.cz/svobodni/Politicky-program-Svobodnych.pdf>. S. 7.

⁵⁶ Ibidem.

⁵⁷ Ibid. S. 8.

⁵⁸ Deset zásadních programových bodů politického hnutí SPD // <http://spd.cz/program/>.

⁵⁹ <http://narodnidemokracie.cz/program/>; сокращенную версию программы см.: <http://narodnidemokracie.cz/vyjadeni-nd-k-navrh-o-pozastaveni-cinnosti-strany/#more-8546>.

⁶⁰ <http://narodnidemokracie.cz/program>.

⁶¹ Program SPO 2016: Pevné české kořeny. Otevřený střednědobý program // <http://www.stranapprav.cz/info/volebni-program.htm>. См. также: <http://www.spoz2013.cz/upload/program-spo---711-2015.pdf>.

⁶² <http://www.spoz2013.cz/upload/program-spo---711-2015.pdf>. S. 30.

⁶³ Ibid. S. 31, 32–33.

⁶⁴ Конечно, ряд партий как чрезмерно еврооптимических, так и излишне евроскептических в чем-то походят на Партию умеренного прогресса, которую в свое время создал «политтехнолог» Я. Гашек. Следует в их оценке проявлять осмотрительность, поскольку некоторые создаются современными политтехнологами (без кавычек) и получается, что шутка литературного гения превратилась в устоявшийся прием.

⁶⁵ Согласно приведенным «Евробарометром» осенью 2014 г. опросам, позитивно к ЕС в ЧР относились 37 % респондентов, нейтрально — 40 % и негативно — 22 %. См.: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb82/eb82_cz_cz_nat.pdf. Более релевантными нам представляются предпочтения чешских избирателей, когда свое мнение выражают все имеющие право голоса, а не 1000–1500 чел., участвующих в социологических опросах.

⁶⁶ Вплоть до свой кончины он демонстрировал установку на последовательное русофобство, но в то же время постоянно говорил о своей приверженности русской культуре и особенно литературе, главным образом к Достоевскому. Правоммерно в этом плане было бы вспомнить одного из героев романа того же Достоевского «Бесы», который говорил, что начинает с прославления безграничной свободы, а заканчивает прославлением деспотизма. При этом Гавел в один день мог говорить о любви к русской культуре, на следующий день — о русофобской установке, а зачастую совмещал два этих подхода.

⁶⁷ http://archive.vaclavhavel-library.org/kvh_search/itemDetail.jsp?offset=440&fq=DrUhDokumentNavEn:%22Speech%22&id=3865.

⁶⁸ Ibidem.

⁶⁹ «Если, — утверждал чешский президент, — вы посмотрите на карту, то ясно увидите некую разделяющую черту. Она отделяет Россию как евроазиатскую державу от остальной Европы, которая должна знать, где начинается и где кончается, и мне кажется, что кончается на границе с Белоруссией. Если же Белоруссия войдет в состав России, существует опасность, что то же может случиться и с Украиной». См.: Независимая газета. 2000.12.IV. В выступлении 11 мая 2001 г. на конференции в Братиславе, Гавел назвал Россию «огромной евроазиатской державой», предостерегая Европу от тесных с нею контактов. См.: Projev prezidenta Republiky Václava Havla na konferenci «Evropské nové demokracie: Vedení a odpovědnost». Bratislava. 2001. 11 května // http://www.vaclavhavel.cz/docs/ostatni/HAVEL_cj_OK.pdf; см. также: <https://archive.vaclavhavel-library.org/viewArchive.php?itemDetail=35821>.

⁷⁰ Во многом следы присущей ему концепции евроатлантизма сохранились у сил правой ориентации в Чехии и Словакии, утверждая доминирующую роль США, которые стремятся обрести контроль и над евроазиатским пространством. Эту

концепцию можно идентифицировать как трансформированную идеологию холодной войны, призывающую к выдавливанию России из мировой политики, истово защищая интересы США, она препятствует партнерству России и ЕС.

⁷¹ Весьма упрощенно, но тем не менее продуктивно применить к анализу политической линии всех трех президентов гегелевскую триаду — тезис-антитезис-синтез. Она крайне обще вычерчивает линию от чрезмерного еврооптимизма Гавела, за которым прятался его евроатлантизм, к евроскептицизму Клауса, правда, без апелляций к евразийству, а далее — к некоему синтезу взглядов первого и второго у Земана.

⁷² Programové tézy strany SMER — sociálna demokracia // <http://strana-smer.sk/r-fico-mame-legitimnu-ambiciu-vyhrat-aj-piate-volby-za-sebou/>; *Fico R.* Máme legitimnu ambiciu vyhrať aj piate voľby za sebou // <http://strana-smer.sk/r-fico-mame-legitimnu-ambiciu-vyhrat-aj-piate-volby-za-sebou/>.

⁷³ Programové tézy strany SMER — sociálna demokracia... S. 7; см. также: Видеозапись выступления Фицо: <http://www.smertv.sk/c/1196/8/0/programova-konferencia.htm>.

⁷⁴ Pracovný snem strany SMER - sociálna demokracia v Prešove // <http://www.smertv.sk/c/1232/1/0/pracovny-snem-strany-smer-socialna-demokracia.htm>; см. также: *Fico R.* Smer chce vytvoriť silný program 'politiky s ľudskou tvárou' // <http://spravy.pravda.sk/domace/clanok/408727-fico-smer-chce-vytvorit-silny-program-politiky-s-ludskou-tvarou/>.

⁷⁵ I. Korčok o dvojrychlostnej EÚ a silnej kohézii aj po roku 2020 so slovinskou štátnou tajomníčkou S. Štiglic // https://www.mzv.sk/aktuality/vsetky_spravy/-/asset_publisher/Rp2fPY0svzs/content/i-korcok-o-dvojrychlostnej-eu-a-silnej-kohezii-aj-po-roku-2020-so-slovinskou-statnou-tajomnickou-s-stiglic-?p_p_auth=Tg94AQyY&_101_INSTANCE_Rp2fPY0svzs_redirect=%2F.

⁷⁶ http://www.sns.sk/engine/assets/uploads/2016/01/volebny_program_2016.pdf. S. 23.

⁷⁷ Ibid. S. 24.

⁷⁸ Byť partnermi, nie otrokmi. Žiadosti slovenských vlastníkov Bruselu. Popradské memorandum // <http://www.popradskememorandum.sk/>.

⁷⁹ См.: SNS prijala memorandum, ktorým žiada zásadnú reformu EÚ // <http://spravy.pravda.sk/domace/clanok/285381-sns-prijala-memorandum-ktorym-ziada-zasadnu-reformu-eu/>.

⁸⁰ Občianská vízia 2016. Volebný program. MOST-HÍD. Polgári part-Občianska strana // http://obcianskavizia.sk/sites/default/files/obcianska_vizia.pdf.

⁸¹ Ibid. S. 154.

⁸² Ibid. S. 154, 156–158, 160.

⁸³ См.: Dobrý štát slúži ľuďom. Programové východiská #Siete na obdobie 2016–2020 // <http://siet.sk/wp-content/uploads/2016/01/Plan-Siete-pre-obdobie-2016-2020.pdf>.

⁸⁴ <http://siet.sk/program/cervena-zona/#medzinarodne-vztahy>.

⁸⁵ Zástupcovia Smeru, SNS, Mosta-Híd a Siete podpísali programové priority // <http://spravy.pravda.sk/domace/clanok/386776-smer-a-buduca-koalicia-rokuje-o-programovych-prioritach-a-stolickach-vo-vlade/>.

⁸⁶ Programové vyhlásenie vlády Slovenskej republiky // http://www.vlada.gov.sk/data/files/6483_programove-vyhlasenie-vlady-slovenskej-republiky.pdf. На официальном сайте СР можно найти сокращенный вариант этого документа. См.: <http://www.vlada.gov.sk/programove-vyhlasenie-vlady-sr-na-roky-2016-2020/>.

⁸⁷ Ibidem.

⁸⁸ *Fico R.* EÚ sa zamilovala sama do seba, musí si priznať chyby // <http://europa.pravda.sk/aktuality/clanok/405194-fico-eu-sa-zamilovala-sama-do-seba-musi-si-priznat-chyby/>.

⁸⁹ Ibidem.

⁹⁰ Aby sa doma oplatilo pracovať, podnikáť žiť. Volebný program strany Sloboda a Solidarita // www.strana-sas.sk/file/4282/SaS_volebny_program.pdf. S. 54.

⁹¹ Ibid. S. 54–56.

⁹² Manifest slovenského eurorealizmu. K 60 výročiu podpisu Rímskych zmlúv dňa 25.3.1957 // <http://www.strana-sas.sk/manifest-eu>.

⁹³ Манифест включает следующие главы: 1. ЕС — больше или меньше интеграции?; 2. Членство в ЕС как ключевой интерес СР; 3. ЕС после 60-лет — критическое положение; 4. Принципы функционирования ЕС; А. Институциональная основа; Б. Фискальная основа (бюджет ЕС); В. Монетарная основа; Г. Основа безопасности. См.: Ibidem.

⁹⁴ Ibidem.

⁹⁵ Ibidem.

⁹⁶ Program za ľudské a rozumné Slovensko. Veríme v lepšie Slovensko // <http://www.obycajniludia.sk/program/>. S. 51.

⁹⁷ Ibid. S. 112.

⁹⁸ Ibidem.

⁹⁹ <http://hnutie-smerodina.sk/Program-Hnutia-Sme-Rodina.pdf>. S. 5.

¹⁰⁰ Ibid. S. 6–7.

¹⁰¹ 10 bodov za naše Slovensko! Volebný program politickej strany Kotleba-Ľudova strana naše Slovensko // <http://www.naseslovensko.net/wp-content/uploads/2015/01/Volebný-program-2016.pdf>. S. 3.

¹⁰² Ibid. S. 4.

¹⁰³ См.: Ondroušek J., Havlík V. O krok zpět? Evropeizace volební programatiky slovenských politických stran (1994–2010) // <http://www.cepsr.com/clanek.php?ID=423>.

¹⁰⁴ Ibidem.

¹⁰⁵ Подробнее см.: Marušiak J. Kresťanskodemokratické hnutie — analýza volebného programu // <http://www.infovolby.sk/index.php?base=data/parl/2006/analyzy/1148247366.txt>.

¹⁰⁶ В 2009 г. В. Палко и его сторонники создали новую партию — Консервативные демократы Словакии, которая прекратила деятельность в 2014 г.

¹⁰⁷ Подробнее см.: Ondroušek J., Havlík V. Op. cit.

¹⁰⁸ Cesta pre Slovensko. Základný program KDH. Schválený na Sneme KDH 21. februára 2015 v Nitre // <http://kdh.sk/wp-content/uploads/2015/02/Cesta-pre-Slovensko-program-KDH.pdf>.

¹⁰⁹ Bezpečný domov, spokojné rodiny. Volebný program KDH 2016 // http://kdh.sk/wp-content/uploads/2016/01/volebny_program_web.pdf. S. 75.

¹¹⁰ Volebný program SMK. Spoločná vôľa. Programové vyhlásenie strany Maďarskej komunity 2016 // <http://www.mkp.sk/sk/2016/01/12/volebny-program-smk/>. S. 30; см. также: SMK_volebny_program_2016pdf.

¹¹¹ <http://www.mkp.sk/sk/2016/01/12/volebny-program-smk/>. S. 30–31.

¹¹² Ibid. S. 31.

¹¹³ <http://slovenska-politika.webnode.sk/products/volebny-program-strany-sdku-ds-k-marcovym-volbam-2016/>.

¹¹⁴ Silná stredná vrstva. Spravodlivé Slovensko. Programové východiska SDKÚ-DS // <http://www.sdku-ds.sk/pages/27/program-sdku-ds>; см. также: <http://www.sdku-ds.sk/archiv/volby/data/MediaLibrary/0/220/sdku-ds-volebny-program-2012-web.pdf>.

¹¹⁵ Согласно проведенному в Словакии 21 февраля 2017 г. опросу, выход страны из ЕС поддерживали 30% респондентов. См.: Slováci nečekané zmenili názor na EÚ, ukázal průzkum // <https://globe24.cz/svet/26126-slovaci-necekane-zmenili-nazor-na-eu-ukazal-pruzkum>. В то же время по данным «Евробарометра» от 28 апреля 2017 г.: позитивно членство в ЕС оценили 54% опрошенных словаков. См.: Prieskum: Počet Európanov podporujúcich EÚ rastie, v SR je to polovica obyvateľov // www.hlavnespravy.sk/prieskum-pocet-europanov-podporujucich-eu-rastie-v-sr-je-polovica-obyvateľov/984926.

Словацкая Республика: путь от евроожиданий к евроскептицизму (1993–2017 гг.)

Словакия с момента возникновения в 1993 г. прошла долгий, трудный и извилистый путь к своему «евросоюзному настоящему», на котором она ни разу не усомнилась в правильности цели вплоть до ее вступления в Европейский союз (ЕС) в 2004 г.¹ Только средства ее достижения отличались. Такое отсутствие любой другой альтернативы становится совершенно понятным, если рассмотреть структуру ее экономики: Словакия стремилась ориентировать свое экономическое развитие на экспорт, для чего ей нужны были новые и более богатые рынки сбыта. Одновременно с этим, она нуждалась в других, более качественных технологиях. Все это ей готов был предоставить ЕС. Однако такое безальтернативное одностороннее движение могло привести к потере экономической независимости, с таким трудом полученной ею в начале 1990-х годов.

Необходимо иметь в виду, что страна с экономическими масштабами Словакии в той или иной степени всегда будет зависеть от других государств. Однако если выстроить внешнеторговую политику таким образом, что она окажется в зависимости от разных стран (ЕС, США, РФ, Китай, Япония), то такая структура может привести к обретению в определенном смысле экономической самостоятельности². Именно так формировалась концепция внешней торговли Словакии при правительствах В. Мечъяра в 1990-е годы. Ее краеугольным камнем стала поддержка правительством создания среднего слоя в Словакии. Вкратце ее можно охарактеризовать следующим образом: внутриэкономическими и финансовыми мерами и стимулами наряду с реструктуризацией и амортизацией промышленности

словацкое правительство стремилось реформировать экономику, добиваясь улучшения уровня жизни населения. Все это происходило на фоне увеличивающегося экспорта Словакии в ЕС, который способствовал углублению и развитию словацкого производства.

Путь страны в Евросоюз в соответствии с данной концепцией пролегал через обеспечение динамики словацкого экономического роста. Правительством особо подчеркивалась необходимость проведения внутренних мер по сравнению этой страны «с будущим развитием [Евросоюза] в момент присоединения к нему Словакии». 19 января 1995 г. на четвертом заседании Национального совета Словацкой Республики (НС СР) премьер-министр Словакии В. Мечъяр, представляя программное заявление правительства СР, особенно отметил важность структуры словацкой экономики в этом процессе. «На этом пути, — заявил он, — мы подчеркиваем необходимость поиска последовательных шагов, отвечающих положению нашего общества, ее ресурсам и возможностям. К тому же они должны соответствовать стратегии, которая хотя и имеет одну только цель, но множество путей ее достижения. Поиск собственного пути не является поиском третьего пути. Речь идет о поиске соответствующего способа использования ресурсов и мобилизации всего, что нам доступно»³.

Это была своя собственная, словацкая концепция, основанная на нюансах внутренней экономики государства. Так она воспринималась в то время и российским ученым О. Богомоловым, охарактеризовавшим ее следующим образом: эта страна не хочет «идти по третьему, второму или первому пути, но именно по тому, который исходит из условий и нужд Словакии»⁴. Для успешного претворения в жизнь необходимы были две важнейшие составляющие. Во-первых, мобилизация всех ресурсов правительства и принятие конкретных мер, соответствующих данной концепции. И, во-вторых, поддержка этих начинаний не только со стороны оппозиции, но и западных стран.

С первым вопросом серьезных проблем не возникло. Министры ежемесячно предлагали основные концепции

по своим ведомствам для претворения в жизнь «словацкого пути». Ежегодно, начиная с 1996 г. и заканчивая 1998 г., ими подготавливались документы по реализации программного заявления правительства СР по каждому министерству. Основой данного процесса стали и правительственные законопроекты, принимаемые на протяжении нескольких лет в Национальном совете. Итог этой работы в высшей степени позитивно оценивался не только экономистами, но даже некоторыми иностранными журналистами. В апреле 1998 г. при правительстве В. Мечяра 25 экспертами Всемирного банка был подготовлен отчет «Словацкая Республика: Стратегия для экономического роста и европейской интеграции». В нем американские эксперты характеризовали словацкое макроэкономическое развитие с 1993 г. следующим образом: «Словацкая республика с момента приобретения независимости... показала один из самых лучших макроэкономических результатов в Центральной Европе. Инфляция постоянно снижалась приблизительно на 6% в год и в настоящее время она одна из самых низких среди стран с переходной экономикой. Реальный ВВП вырос более чем на 6% в год и является лучшим достижением среди всех стран региона. Частный сектор, увеличивший свое участие в ВВП приблизительно до 80%, привел к экономическому подъему... Соотношение валовых инвестиций в основной капитал к ВВП сохранился на 30% уровне, что является самым высоким показателем в странах Центральной и Восточной Европы. Благодаря этому повысились перспективы дальнейшего накопления капитала и роста. Основной вопрос, с которым сталкиваются словацкие политики, заключается в том, сможет ли Словакия сохранить эти впечатляющие результаты. Наши эксперты в данном отчете приходят к выводу, что ответ на этот вопрос — положительный»⁵.

Вторая составляющая сыграла со словацкой экономикой злую шутку. Чем больше стабилизировалась словацкая экономика, чем большего роста она достигала, чем больше продвигалась реструктуризация и амортизация словацкой промышленности, тем больше словацкая оппо-

зиция понимала крайнюю сложность обстановки. Раньше, когда еще Словакия не добивалась столь положительных результатов, оппозиция аргументировала тем, что в той или иной степени соответствовало действительности: Мечъяр и его правительство не справляются, усугубляют положение словацкой экономики, приводят Словакию к экономическому спаду и социальной напряженности. Однако, начиная с 1995 г., ситуация для оппозиции становилась все более сложной. Поэтому она стала выдвигать на первый план весьма абстрактные формулировки. Заговорили о «преступной приватизации», «возвращении в коммунистическое прошлое», авторитаризме, национализме, невозможности в связи с «мечъяризмом» вступления Словакии в НАТО и ЕС и др.⁶ Причем нередко, как это бывает, Мечъяр обвинялся ими в том, чем они сами занимались находясь у власти в 1994 г.

Положение усугублялось не столько поддержкой этой позиции словацкими СМИ, сколько тем, что 90 % газет, журналов и радиостанций в тогдашней Словакии преподносили точку зрения оппозиционных депутатов как свою собственную, причем объективную, аналитику. Ежедневно на население выбрасывалась огромная порция компромата против словацкого правительства. В связи с этим создавалось впечатление, что Мечъяр не пригоден к управлению государством, а его образ тиражировался в качестве едва ли не диктатора, которого необходимо убрать из политики, так как он не сможет привести Словакию в светлое европейское будущее. Следует особо подчеркнуть, что до настоящего момента ни одно из этих обвинений доказать не удалось. Даже ни в одном из своих документов два правительства М. Дзуринды (1998–2002, 2002–2006) не смогли привести доказательства ко всем этим обвинениям. Тем не менее, и сегодня в словацком обществе, политологии и историографии история Словацкой Республики поделена на две части: эпоха «мечъяризма» и «эра демократии и правового государства».

Эту журналистскую составляющую усугубляло то обстоятельство, что оппозиционный образ, превалировав-

ший в словацких СМИ, получил развитие в западной журналистике. Корреспонденты западных газет находились в Праге и переписывали чешскую журналистику. Это приводило к серьезным последствиям. Так, например, еще в марте 1994 г. поверенный в делах Посольства Великобритании в Братиславе М. Бейтс в своем интервью отмечал тиражирование на Западе «искаженного, неправдивого образа» о Словакии, создававшегося иностранными журналистами посредством использования «второсортных информации» и выдвижения «превратного субъективного мнения». Результатом такой работы стало возникновение «ошибочного» представления об этой стране в среде английских предпринимателей и экономистов. В начале 1994 г. Бейтс приехал в свою страну с «торговой миссией», целью которой было посещение им торговых палат, экспортеров и других предпринимателей для ознакомления их со словацкими экономическими возможностями. «С сожалением я обнаружил, что в Великобритании имеется только незначительная заинтересованность в Словакии. Поэтому моя миссия продолжалась всего лишь три дня. Это печально для британских коммерческих интересов, не говоря уже о британской промышленности, так как с моей точки зрения Словакия обладает инвестиционными и торговыми перспективами»⁷, — констатировал он.

Проблема еще больше осложнилась из-за позиции западных политиков, которые поддерживали Мечьяра и его правительство в 1993 — начале 1994 г. и отчасти в начале третьего правительства Мечьяра, т.е. до середины 1995 г. В июне 1995 г., однако, ситуация кардинальным образом изменилась. По дипломатическим каналам из Вашингтона и Бонна развернулась критика Мечьяра и всей Словацкой Республики. Верховенство в ней заняли Соединенные Штаты Америки, поднимая «классические» для западных стран темы: коррупция, состояние прав человека, положение национальных меньшинств, свобода слова и др. Первым в ряду такой критики стал доклад сотрудницы Комитета по внешней политике Конгресса США Э. Смит «Опасение, касающееся развития демокра-

тии в Словакии». Его можно охарактеризовать как набор некоторых выдернутых из контекста фактов из словацкой действительности, которым придавалась трактовка, противоречившая не только реальному положению вещей, но и в ряде случаев западной практике. Так, например, в данном документе утверждалось, что директор словацкой внешней разведки — Словацкой информационной службы — «использует ее для проведения в жизнь программы словацкого правительства»⁸. Бывший председатель Словацкой академии наук и тогдашний посол Словакии в Вашингтоне член-корреспондент Б. Лихардус в своем письме по поводу данного документа колко заметил: «Здесь (в отчете. — *В.Н.*) находится еще одна вещь, по поводу которой я прошу Вас хорошо подумать. Вы когда-нибудь видели директора любой разведки в мире, чтобы он делал что-то другое, нежели “использовал ее для осуществления программы правительства”?»⁹.

Необходимо также отметить, что американский эксперт перепутала заместителя председателя Демократического союза (ДС) Р. Ковача с президентом Словакии М. Ковачем. К тому же, ее заявление о том, что словацкий «парламент состоит преимущественно из лояльных правительству партий» демонстрирует ее непонимание не только словацкой государственной системы, но и всех европейских демократий парламентского типа. Именно на это обратил внимание Б. Лихардус, едко заметив: «Хотелось бы надеяться, что Ваши познания в европейских парламентских системах предоставляют Вам достаточную базу для их сравнения, чтобы делать соответствующие выводы»¹⁰.

Все эти факты удивительны тем, что Э. Смит в начале июня приезжала в Словакию, и американские дипломаты должны были ей предоставить хотя бы пояснительную записку к внутриполитической ситуации в стране пребывания. К тому же, она встречалась как с представителями власти, так и с оппозиционными депутатами. Однако словацкого дипломата удивило не это. Больше всего его поразило тот факт, что «на наших предыдущих встречах вы не представили ни одного из этих замечаний»¹¹.

Таким образом, Конгресс США в лице Э. Смит внезапно для самих словацких дипломатов в США предъявил претензии словацкому правительству по тем вопросам, которые возникали и раньше, но тогда еще не замечались американскими политиками и экспертами. Этот вывод подтверждает дальнейшая динамика нападок на Словакию.

В конце августа 1995 г. члены Хельсинкской комиссии Конгресса США написали письмо Б. Лихардусу, в котором в основной своей массе содержатся аргументы Э. Смита. Они дополнялись новыми утверждениями, затрагивавшими свободу слова, законопроект о государственном языке, положение национальных меньшинств в СР и др.¹² Весь этот объем аргументов был почерпнут ими от словацких депутатов венгерского происхождения, приехавших в США в начале июля 1995 г. Причем, особенно поражает тот факт, что конгрессмены ссылались на утверждения члена Комитета по местному и региональному управлению и национальным меньшинствам НС СР М. Дурая, с критикой которого выступил секретарь посольства Венгрии в Бонне. Тогдашний словацкий дипломат И. Корчок¹³ в донесении от 27 октября 1994 г. отметил, что в разговорах с венгерскими дипломатами за последнее время бросаются в глаза «отрицательные оценки позиции и политики Дурая»¹⁴. Именно его венгерский дипломат обвинил в том, что представителям венгерских партий не удалось достигнуть согласия с Мечъяром по поводу возможного их вхождения в состав нового словацкого правительства. Таким образом, венгерские дипломаты, в отличие от американских конгрессменов, критично относились не к Мечъяру, а к своим политикам в Словакии. У них в то время прослеживалась попытка разобраться в ситуации в стране.

Не дожидаясь ответа со стороны словацких дипломатов, сотрудники Хельсинкской комиссии опубликовали в пресс-релизе основные свои выводы. Таким образом, уже к концу августа 1995 г. имела место попытка со стороны представителей Конгресса втянуть американское общество в давление на Словакию. Благодаря этому создавался весьма плачевный ее образ, как недемократической, авто-

ритарной страны, оказывавшей давление на национальные меньшинства и нарушавшей права человека.

Во второй половине 1995 г. США попытались оказать давление на Евросоюз, чтобы тот расторг Соглашение об ассоциации Словакии с ЕС и ввел экономические санкции против Словакии. Мечъяр проинформировал заместителя госсекретаря США Р. Холбрука о наличии информации по поводу такой американской политики, отметив, что «в случае давления на нынешнее словацкое правительство» будет достигнут только обратный эффект: «граждане СР в ходе референдума о вступлении в ЕС проголосуют против»¹⁵. Совершенно очевидно, что угроза, связанная с референдумом, была единственной возможностью для маленькой страны защитить себя от подобного рода американской политики.

Евросоюз, однако, не собирался санкционировать Словакию. У него существовали другие рычаги давления. От формы демарша правительству СР (октябрь 1995 г.) через критику Словакии и правительства Мечъяра вплоть до неприглашения Словакии к переговорам о расширении ЕС на Лиссабонском саммите 1997 г. К евросоюзному демаршу месяц спустя присоединились США. В заявлении говорилось: «Правительство Соединенных Штатов Америки было проинформировано о том, что трое послов Евросоюза 25 октября вручили премьер-министру В. Мечъяру демарш, выражающий беспокойство Евросоюза в связи с возможными действиями, направленными против президента [Словацкой] Республики. Они могли бы отрицательным образом повлиять на развитие демократии в Словацкой Республике... Мы разделяем опасения Евросоюза...»¹⁶. Далее в демарше США повторяются выводы из заявления ЕС, в которых изобилуют такие фразы, как «скорее всего», «нам кажется», «возможно» и др. Таким образом, на официальном уровне США представляли свою политику по отношению к Словакии, как позицию, дублирующую восприятие этой страны Евросоюзом.

В дальнейшем критика расширялась, охватывая все новые и новые аргументы, которые также не подкреп-

лялись никакими доказательствами, как и раньше. Подавляющее их большинство основывались либо на непонимании, либо на фальсификации законодательства Словакии. Так, например, в 1996 г. США использовали неправдивую трактовку со стороны словацких оппозиционных журналистов поправок к Закону о государственных символах СР. В отчете Госдепартамента о правах человека за 1996 г. содержится утверждение о том, что данный закон «ограничивает» звучание иностранных гимнов на территории Словакии, связывая его только с присутствием иностранной делегации в этой стране¹⁷. А Конгресс США в лице Хельсинкского комитета пошел еще дальше: данный законный акт он охарактеризовал как «антивенгерскую политику»¹⁸. Во-первых, речь шла о «государственном гимне», то есть об официальном звучании одного из атрибутов других стран на территории СР. Этот закон не курировал, да и не мог, звучание гимнов на радиостанциях, телевидении или в жилых домах и помещениях. Необходимо иметь в виду, что до сентября 1996 г. при приезде иностранной делегации в Словакию организация оркестра, исполняющего гимн другой страны, зависела от воли политиков центрального, регионального или местного уровня. Министерство внутренних дел СР (МВД) своей поправкой обязало их обеспечить звучание гимна другой страны, включив в 13-ю статью закона текст следующего содержания: «национальный гимн другой страны играет-ся при присутствии ее официальной делегации»¹⁹.

Во-вторых, никто на заседании НС СР не выступил против этой поправки, в том числе и венгерские депутаты²⁰. Существовали три голосования к этим поправкам: первое голосование касалось поправок, предложенных министерством. Затем депутаты голосовали за поправку, предложенную депутатом З. Лазаровой. После чего депутаты проголосовали в целом за все поправки к данному законопроекту. В виду того, что никто не предложил изменить часть, касающуюся гимнов, нас интересует первое, а отчасти и третье голосование. Итог был следующий. Первый раз за этот документ из 102 депутатов проголо-

вал 91 человек (конституционное большинство), никто не голосовал против. Третье голосование имело следующий результат: из 112 депутатов за окончательную редакцию поправок проголосовали 82 депутата (необходимо было 76 голосов), против не голосовал никто, воздержались 29 человек, не голосовал 1 депутат. Так реально выглядела тогдашняя «антивенгерская политика» словацкого правительства. Отметим, что данная законная норма вступила в силу 1 октября 1996 г.²¹ Она осталась в данном законе и после принятых поправок в 2004 г.²², и действует она до сегодняшнего дня²³.

В 1997 г. западные политики предприняли даже попытку фальсификации постановления Конституционного суда СР. Тогда уже со всей очевидностью стало понятно, что «демократические ценности» были отодвинуты в сторону. Касалось это референдума о вступлении Словакии в НАТО.

«Североатлантическое» измерение словацкой внешней политики с момента образования этого государства не вызывало никаких сомнений. На первом этапе (январь 1993 — середина 1995 гг.) существовал консенсус всех политических фракций в двух созывах НС СР по поводу вступления в НАТО и ЕС. Еще в середине 1993 г. этот факт особо отметили российские дипломаты в пояснительной записке к визиту делегации Верховного совета РФ в Братиславу²⁴.

В феврале 1997 г. депутаты от Движения за демократическую Словакию (ДЗДС) с поддержкой «коалиционных» фракций парламента — Словацкой национальной партии (СНП) и Объединения рабочих Словакии (ОРС) представили проект референдума с тремя вопросами: «1. Вы за вступление Словацкой Республики в НАТО? Да — нет. 2. Вы за размещение атомного вооружения на территории Словацкой Республики? Да — нет. 3. Вы за размещение военных баз на территории Словацкой Республики? Да — нет»²⁵.

Представители словацкой оппозиции на заседании парламента 14 февраля 1997 г. проголосовали против проведения референдума²⁶. Однако после того, как президент СР

М. Ковач объединил два референдума (вступление в НАТО с прямыми президентскими выборами), бывшие критики стали горячими сторонниками волеизъявления словацкого народа с четырьмя вопросами. Последний был следующий: «Вы согласны с тем, чтобы президента Словацкой Республики избирали напрямую словацкие граждане в соответствии с прилагаемым конституционным законопроектом?»²⁷ Однако Конституционный суд СР своим постановлением № 26 от 21 мая 1997 г. признал четвертый вопрос противоречащим второму абзацу статьи 3 Закона № 564/1992 о проведении референдума от 19 ноября 1992 г.²⁸ Но и приложение к последнему вопросу в соответствии с постановлением Конституционного суда СР противоречило второму разделу пятой главы Конституции СР²⁹.

В связи с этим, необходимо было либо видоизменить четвертый вопрос, либо его убрать. По первому пути правительство пойти не могло, так как его вписал в референдум своим указом словацкий президент, что могло свидетельствовать о вмешательстве в его работу. Поэтому оставалась только одна возможность: провести всенародное голосование с тремя вопросами. Но этому противодействовали и президент, и оппозиционные депутаты, и большинство членов Центральной избирательной комиссии (ЦИК), в которой были представлены все политические фракции НС СР и, следовательно, оппозиция имела больше голосов, чем партии власти. Партия левых демократов (ПЛД), Христианско-демократическое движение (ХДД), ДС и представители венгерской фракции в нарушение постановления Конституционного суда СР заявляли о том, что голосовать можно только по четырем вопросам. На самом деле здесь угадывается продолжение борьбы против референдума как такового. Но если в феврале дело касалось высказываний депутатов на заседании парламента, их взаимных споров и упреков касательно референдума, то в мае дело уже дошло до нарушения постановления высшей судебной инстанции Словакии.

Однако учитывая то обстоятельство, что за ними стояла вся политическая и дипломатическая мощь США и

Евросоюза, как и внутренняя общественно-политическая сила в лице подавляющего большинства СМИ, то они по большому счету ничем не рисковали. Сфальсифицировав данное постановление, они решили обвинить во всем правительство Мечъяра и лично главу МВД Г. Крайчи. При чем для этого им понадобилось еще сфальсифицировать и пояснительную записку к данному постановлению, и закон № 564/1992 о проведении референдума от 19 ноября 1992 г. Бывший вице-премьер временного правительства И. Шимко (депутат от ХДД), как и бывший министр внутренних дел СР Л. Питтнер (депутат от ДС) обвинили министра в нарушении статьи 30 Закона о проведении референдума. Его вина заключалась якобы в том, что он «не обеспечил проведение в жизнь постановления Центральной избирательной комиссии от 5 мая 1997 г., в соответствии с которым МВД предписывалось изготовить и представить в ЦИК не позднее 7 мая 1997 г. образец бюллетеня согласно статье 15 абзаца 2 настоящего закона»³⁰. Логика здесь следующая: ЦИК обязал МВД распечатать бюллетени с четырьмя вопросами (в нарушение постановления Конституционного суда СР!), а последний представил только 3 вопроса с бланком ЦИК и, тем самым, нарушил его постановление.

Эта аргументация, однако, не выдерживает никакой критики. Во-первых, в соответствии со статьей 12 у ЦИК нет никаких полномочий по изготовлению и представлению бюллетеня. Во-вторых, статья 30 говорит о том, что именно МВД занимается его распечаткой, без какого-либо упоминания о ЦИК. В-третьих, в соответствии с 15 статьей, МВД без участия ЦИК распространяет эти бюллетени по участкам³¹. Этот закон действовал в Словакии до 30 июня 2015 г.³²

Вся эта политика и все обвинения Мечъяра, а также его правительства были тут же поддержаны западными политиками. После объявления референдума представители Комитета по обороне Западноевропейского Союза в начале апреля 1997 г. выступили против проведения референдума, ссылаясь на отсутствие в Словакии опы-

та в подобных вопросах. Лорд Ньювал, член комитета от Великобритании, заявил, что «правительство принимает решение о вступлении государства в НАТО и в случае проведения всенародного голосования оно должно содержать минимальное количество вопросов, в лучшем случае один»³³. Таким образом, западные политики пытались сами решать, необходимо ли волеизъявления словацкого народа по поводу вступления этой страны в НАТО или нет. Они также стремились определить содержание и количество вопросов в словацком референдуме.

После фальсификации оппозицией постановления Конституционного суда СР и последующего обвинения на ее основе Мечъяра в том, что именно он якобы «сорвал» проведение референдума, западные политики и дипломаты тут же начали эксплуатировать этот образ. И пресс-секретарь Госдепартамента США, и посол США в Братиславе Р. Джонсон, и Хельсинкская комиссия³⁴, и другие представители западных стран в один голос заявляли об отсутствии в Словакии правового государства. Член Еврокомиссии Г. ван ден Броек, к примеру, утверждал, что словацкое правительство «действовало вразрез с решениями Конституционного суда и ЦИК», что являлось для него доказательством «дефицита применения основ правового государства»³⁵. Проблема заключалась не в том, что эти заявления противоречили постановлению Конституционного суда, а в том, что об этом не могли не знать на Западе. 26 мая 1997 г., на следующий день после несостоявшегося референдума, Мечъяр встретился с дипломатами 43 стран³⁶. В ходе их общения глава словацкого правительства передал представителям этих государств переведенное на английский язык постановление Конституционного суда³⁷. Следовательно, его реализация правительством В. Мечъяра объявлялась нарушением основ правового государства, а его нарушение оппозицией — демократией.

Эта тенденция сохранилась и в 1998 г. Госсекретарь США М. Олбрайт назвала Словакию «черной дырой Европы» в связи с тем, что парламент не смог избрать президента Словакии³⁸. Правда, лишь в сентябре 2016 г., в ходе

беседы со словацким президентом А. Киской, она якобы «извинилась» за эту фразу, спросив его, обижаются ли словаки до сегодняшнего дня за эту характеристику³⁹. Совершенно другой точки зрения в 1998 г. придерживался премьер-министр Италии Р. Проди. На встрече с Мечъяром 30 июля 1998 г. он сказал, что Словакии не нужно переживать по поводу того, что парламент в ходе пяти раундов не смог избрать президента, так как в Италии для этого необходимо более 20 раундов. Таким образом, здесь вновь прослеживается критика Словакии со стороны США в связи с тем, что является совершенно нормальной практикой в некоторых западных странах. Тогдашний итальянский президент О. Л. Скалфаро был избран президентом Италии 28 мая 1992 г. в ходе 16 раунда⁴⁰.

В ходе парламентских выборов в сентябре 1998 г. представители западных стран, действовавших в рамках наблюдательской миссии ОБСЕ, грубейшим образом вмешались в ход выборов. Сначала они с поддержкой своих дипломатов заявляли, что выборы вряд ли можно будет признать демократическими, ссылаясь на поправки к закону о выборах⁴¹. Это несмотря на то, что словацкое законодательство о выборах полностью соответствовало чешским нормам, по которым уже прошли выборы 19–20 июня 1998 г. Они были признаны демократическими и ОБСЕ. На этот факт уже после словацких выборов 25–26 сентября указал наблюдатель от ОБСЕ и председатель британской Хельсинкской группы Дж. Логлэн⁴². Так, например, он привел в пример не только Чешскую Республику, но и июньские выборы в Черногории⁴³, где тогда не существовало никакого оппозиционного телеканала, не велась даже трансляция сербского телеканала, оппозиционно настроенного по отношению к черногорскому правительству. К тому же, оппозиционные газеты, по его утверждению, находились в руках правительства. Тем не менее, эти выборы ОБСЕ охарактеризовала как демократические⁴⁴. В Словакии же 90% печатных СМИ находилось в руках оппозиции, а один из двух основных телеканалов — Маркиза — обслуживал интересы оппозиции.

За день до выборов наблюдатели ОБСЕ передали словацким оппозиционным журналистам письмо сотрудников Национального демократического института (НДИ), в котором оказывалась поддержка словацкой оппозиции. Это явилось нарушением не только устава ОБСЕ, но и закона о выборах СР. Это была агитация за один из противоборствующих политических лагерей в день моратория на какую бы то ни было агитацию. На этот факт обратило внимание сотрудников ОБСЕ Министерство иностранных дел Словакии⁴⁵. Причем речь шла об инструменте Демократической партии США не только на территории Словакии. Еще более жестко представители НДИ действовали в то время в Российской Федерации⁴⁶.

В ходе выборов некоторые наблюдатели ОБСЕ пошли даже на фальсификацию собственных документов, на что обратил внимание Логлэн. Один из представителей ОБСЕ К. Варрен на пресс-конференции констатировал, что телеканал Маркиза был менее предвзятый, чем проправительственный телеканал СТВ. Однако из данных ОБСЕ, переданных журналистам в ходе пресс-конференции, «следует противоположная картина. Они показывают, что именно общественный телеканал СТВ был менее односторонним, чем Маркиза..., что противоречит утверждениям Кэра Варрена»⁴⁷.

В основу их работы был положен исключительно политический, или антиправительственный фактор. Это стало очевидный уже после первого дня голосования. Утром второго дня (26 сентября) на закрытом совещании наблюдателей ОБСЕ характеристика выборов была положительной. В то время, по предварительным данным, побеждала Словацкая демократическая коалиция (СДК) во главе с Дзуриной. Однако в середине дня, когда уже вырвалась вперед ДЗДС, их оценки стали «куда более сдержанными. На вопрос одного американского журналиста, демократичны ли выборы в Словакии, [наблюдатели ОБСЕ] отказались дать четкое определение». Председатель британской Хельсинкской группы предположил, что разница в их оценках зависела от того, кто на выборах побеждает: СДК или ДЗДС⁴⁸.

Такая работа сотрудников ОБСЕ полностью противоречила тому образу, который пытался нарисовать об ее деятельности на выборах глава миссии наблюдателей К. Воллан в разговоре с министром иностранных дел Словакии З. Крампловой еще в первой половине сентября. Он уверял ее, что наблюдатели не станут вмешиваться ни в предвыборную кампанию, ни в сам выборный процесс, а отчеты об итогах выборов будут «уравновешены и объективны». И поэтому их наблюдатели «своим присутствием внесут вклад в демократический и прозрачный ход парламентских выборов»⁴⁹. Воллан «выразил убеждение в том, что все наблюдатели будут придерживаться Кодекса поведения миссий ОБСЕ по наблюдению за выборами и ни при каких обстоятельствах не будут влиять на выборы. В нынешней практике он встретился только с 2–3 случаями нарушения кодекса, которые, однако, ОБСЕ решала немедленно и категорично»⁵⁰. Эти приятные словацким правительственным политикам фразы со стороны К. Воллана нужны были лишь для получения возможности наблюдать за словацкими выборами. Как показало время, они ничего общего с реальной политикой ОБСЕ не имели.

Но западная позиция одержала верх: победили «про-западные» и «демократические» силы. После формирования нового словацкого правительства во главе с Дзуриндой от 30 октября 1998 г. на Западе ликовали. С конца октября по конец декабря 1998 г. множились одобрительные оценки работы нового словацкого правительства, хотя оно никакие реальные изменения тогда еще провести в жизнь не могло. Они начались разрабатываться и принимались правительством в самом конце 1998 г. — начале 1999 г. Несмотря на фразы поддержки западными политиками «новой Словакии», никакие конкретные меры ими не были предложены⁵¹.

Запад, таким образом, на словах все более и более поддерживая правительство М. Дзуринды, занял на деле выжидательную позицию. Но что, действительно, хотели от Словакии западные политики? Что им настолько не нравилось в этой стране, что готовы были поддержать оппози-

цию и вместе с ней фальсифицировать словацкие законные нормы и даже постановление Конституционного суда СР, нарушая тем самым свои демократические нормы.

Начнем с того, что еще в конце 1994 г. западные политики и дипломаты особенно пристальное внимание уделяли словацкой приватизации. 4 ноября тогдашняя оппозиция (ДЗДС, СНП и ОРС) сняла с поста министра по управлению и приватизации национального имущества СР М. Яничину⁵² из-за чего тогдашнее временное правительство СР во главе с Й. Моравчиком не смогло продолжить приватизацию. Это привело к тому, что документ о приватизации стратегических предприятий так и не был реализован. Вслед за этим Евросоюз отправил Словакии демарш. Однако формирование нового словацкого правительства 14 декабря 1994 г. под председательством Мечьяра породило выжидательную тактику со стороны западных стран к Словацкой Республике. Но после того, как в июне 1995 г. словацкое правительство отправило в НС СР Законопроект о соблюдении государственных интересов при приватизации стратегических предприятий (Закон о стратегических предприятиях)⁵³, в соответствии с которым эти компании не подлежали приватизации, развернулась настоящая травля Словакии. Это показывают такие аналитические материалы, как отчеты Э. Смит и Хельсинкской комиссии в июле–августе 1995 г.

После того, как словацкий парламент преодолел вето президента СР на этот законопроект, в США прибыл с визитом министр внутренних дел СР Л. Худек. Советник по вопросам безопасности президента США Д. Фрид привел ему несколько фактов из словацкой политической жизни в изложении оппозиции и оппозиционных СМИ. Например, он упомянул о краже дамской сумочки у женщины-депутата НС СР Б. Шмегнеровой, бывшего вице-премьера временного правительства СР. Эти факты он охарактеризовал как «практики бывшего КГБ». Вслед за этим он процитировал высказывание Р. Холбрука, в соответствии с которым Мечяр мог бы стать «словацким Джорджем Вашингтоном». «Но если Словакия продолжит то, что он

назвал тоталитарным курсом, то она останется изолированной», — написали словацкие дипломаты в одном из донесений⁵⁴.

Здесь вырисовываются два интересных момента. Во-первых, до вступления в силу Закона о стратегических предприятиях словацкий премьер-министр, по словам западных политиков, мог стать «отцом-основателем» Словакии, а после — его действия стали напоминать «практики КГБ». Во-вторых, как только Словакия начала проводить «неподходящую», «неправильную» макроэкономическую политику на своей территории, сразу возникла теория об изоляции страны. Уже тогда американцы дали понять словакам, в каком русле будет развиваться их критика. В дальнейшем их аргументы и действия выстраивались по этому образцу.

Динамика этого давления была следующей: с самым жесткими заявлениями перед американской прессой (как, впрочем, и по дипломатическим каналам) выступали конгрессмены и сенаторы из Хельсинкской комиссии. Словацкие дипломаты с ними встречались, обсуждали их точку зрения, аргументировали и доказывали несостоятельность их утверждений. В итоге в 1997 г. ее председатель А. Д'Амато даже отказался встретиться с министром иностранных дел Словакии П. Гамжигом, сославшись на занятость. Последний хотел обсудить с ним его «резкое, субъективное заявление по поводу соблюдения прав человека в СР»⁵⁵.

На втором месте были сотрудники Совета по национальной обороне США. Еще более мягкая позиция наблюдалась у представителей Госдепартамента США. Но последние, тем не менее, пересказывали аргументы Хельсинкской комиссии. Однако, в отличие от нее, американские дипломаты давали словацким коллегам и политикам возможность ответить на их критические замечания. Впрочем, это касалось только дипломатических каналов. На публику выбрасывались исключительно разоблачения авторитарной Словакии, чем создавался отрицательный, неправдивый образ об этом государстве. Он использовался

конгрессменами и сенаторами из других комитетов Конгресса США, которые вторили коллегам из Хельсинкской комиссии.

Необходимо подчеркнуть, что в тогдашнем Конгрессе существовали не только критики Словакии, но и ее сторонники. Одним из «самых влиятельных и самых последовательных защитников»⁵⁶ страны был конгрессмен от Флориды, республиканец Дж. Мика, приезжавший в Словакию с американскими предпринимателями еще в первой половине июля 1994 г.⁵⁷ Следует также отметить, что у него были словацкие корни: его дедушка и бабушка родились в западной Словакии⁵⁸. В связи с этим он совершил личный визит в Словакию (для встречи с двоюродной сестрой)⁵⁹. Председатель словацкого языкового и культурного центра на Флориде «Словацкий сад» А. Гудак охарактеризовал его как «молодого, гордого американского словака»⁶⁰. «Мой дед родился в Словакии. Словаки — терпеливые и мирные люди. Их угнетали на протяжении 1000 лет, а свободными и независимыми они стали только в последние четыре года», — такой образ страны рисовал Мика на заседании Палаты представителей Конгресса США. 11 июня 1997 г. в ходе обсуждения «Закона о европейской безопасности 1997 г.», направленного на расширение НАТО, практически все выступавшие исключили Словакию из списка стран-кандидатов для расширения альянса. Наряду с Чешской Республикой, Польшей и Венгрией отмечалась готовность к вступлению в НАТО Словении, стран Балтии, Румынии. Даже Украина приводилась чаще, чем Словацкая Республика. Мика напомнил Палате представителей о существовании этого государства. «Я сожалею, что этот законопроект выбирает победителей и проигравших... Лично я считаю, что Словакия должна быть приглашена к расширению НАТО. Ее следовало выбрать для первого раунда расширения еще в прошлом году и, безусловно, она должна быть включена в качестве страны-кандидата сегодня. К сожалению, весь этот процесс стал скорее конкурсом популярности, чем продуманным анализом международной безопасности»⁶¹.

Еще одним защитником Словакии выступил Дж. Маккейн. В ходе его встречи с Гамжиком 23 апреля 1997 г. американский сенатор поддержал стремление этого государства стать членом НАТО. Словакия, по его словам, «должна вступить в НАТО — во второй волне вместе с Румынией... и, возможно, с другими 2–3 странами». В то же время он отметил, что Чешская Республика должна вступить в НАТО вместе со Словакией, «поскольку обе страны должны иметь одинаковый уровень гарантий безопасности». Видимо, он имел в виду возможный перевод Чехии во второй раунд расширения НАТО*. Что касается демократизации Словакии, Маккейн стоял на следующих позициях: после приглашения его Гамжиком на словацкие выборы 1998 г. в качестве наблюдателя американский сенатор отреагировал замечанием, что «в Словацкой Республике создана функциональная демократия и в связи с этим туда не нужно отправлять никаких иностранных наблюдателей»⁶².

Таким образом, в целом критика и разоблачения «мечьяризма» в Словакии имела единственную причину: отказ правительства от приватизации стратегических предприятий. Это являлось краеугольным камнем всей западной политики по отношению к Словакии. Так, например, Мюллер, сотрудник филиала Министерства экономики ФРГ в Берлине, еще в октябре 1994 г. предупреждал словацкого дипломата И. Майера: Германия будет относиться к словацкому правительству исходя из того, как оно будет проводить приватизацию⁶³. Это понимали в то время и российские эксперты. Так, например, в декабре 1994 г. в ходе встречи со словацкими дипломатами сотрудник Совета безопасности РФ С. Губарев охарактеризовал внешнюю политику Евросоюза по отношению к государствам ЦВЕ следующим образом: «что ваше — то наше, а что наше — в это вы не вмешивайтесь»⁶⁴.

Мечьяр не хотел идти по этому пути. Но с приходом к власти Дзуринды все изменилось. В 1999 г. словацкое

* Отметим также и то, что в то время Дж. Маккейн высказал «серьезные сомнения в том, что страны Балтии могут стать членами НАТО» даже в будущем.

правительство принимает концепцию приватизации, в соответствии с которой с 2000-го года планировалась приватизация стратегических предприятий. Австрия получала национального авиаперевозчика «Slovak Airlines»⁶⁵, «Словацкая газовая промышленность» доставалась концерну ЭОН (немецкая компания «Рургаз» и французская «ФДП Суэц»), американская транснациональная корпорация (ТНК) U. S. Steel приобретала «Восточно-словацкий металлургический комбинат», «Словацкий энергетический холдинг» переходил к итальянской ТНК «Энел», а основной нефтеперерабатывающий концерн «Словнафт» — венгерской компании MOL, ранее приватизированной американскими субъектами⁶⁶.

Подобная западная политика, а в особенности проведение ее в жизнь правительством Дзуринды привела к катастрофическим последствиям. На фоне существенного роста ВВП и внешнеторгового оборота, значительно упал уровень жизни населения Словакии. Эту ситуацию охарактеризовал советник по экономике бывшего премьер-министра Словакии Мечъяра и нынешнего главы словацкого правительства Р. Фицо экономист П. Станек в 2011 г. «Успешность словацкой экономики, — подчеркнул он, — зависит не от словацких предприятий, а от нескольких десятков иностранных компаний, в руках которых находится подавляющее большинство экспорта, продукции, прибыли. Так что ситуация следующая. Формально у нас огромный рост ВВП, который не способствует повышению зарплат, а прибыль переводится за границу. Но наш внешнеторговый баланс изумителен, так как мы имеем положительное сальдо»⁶⁷.

Сегодня ситуация выглядит еще сложнее, чем несколько лет тому назад. Ее охарактеризовал премьер-министр Словакии Фицо в одном интервью 1 февраля 2012 г. Самым большим преимуществом Словакии в Евросоюзе, с его точки зрения, является социальная терпимость населения этой страны. «Мне, — сказал он, — не хотели верить мои коллеги премьер-министры, когда я им сообщил о том, что обычная пенсия составляет 280 евро, и сотрудник компа-

нии может получать оклад в размере всего лишь 450 евро. Они сказали мне, что на такие финансовые средства выжить невозможно. И именно такая своего рода способность людей жить благодаря низким зарплатам, позаботиться о своих семьях за счет работы на двух-трех местах, с моей точки зрения, является преимуществом Словакии. Я думаю, что мы более приспособлены к жизни, чем французы, испанцы, португальцы. Если бы в Испании возникла ситуация, когда им пришлось бы жить на 300–400 евро, то они сожгли бы собственную страну. А наши люди живут и продолжают работать. В этом наше преимущество». При этом Фицо откровенно заявил, что эта «социальная терпимость» появилась благодаря деятельности всех политиков в Словакии, которые могут поздравить друг друга с таким результатом⁶⁸. И в этих словах нет никакой иронии. Он всего лишь охарактеризовал тот факт, который возник в Словакии еще в начале 2000-х годов и стал следствием прозападной политики двух правительств Дзуринды. Как метко заметил еще в 2006 г. словацкий социолог Ш. Сурманек: «Надо смириться с действительностью, что каждая реформа или трансформация имеет своих “победителей” и своих “побежденных”. Но трудно примириться с тем, что последних оказывается гораздо больше»⁶⁹.

И на фоне этих последствий, развития «социальной терпимости» трансформируются старые и появляются новые политические субъекты, которые предлагают альтернативный путь, во многом напоминающий макроэкономическую политику правительств, возглавляемых Мечъяром. Один из них — «Народная партия — Наша Словакия» (НП–НС) под председательством М. Котлебы, занимающая выраженные антинатовские и антиевросоюзные позиции. С их точки зрения, и НАТО и Евросоюз оккупируют Словакию⁷⁰. Они являются приверженцами точки зрения, согласно которой Чехословакия не была столь зависимой от СССР, как Словакия — от Евросоюза. Они называют Словакию экономической колонией Запада, поскольку иностранные компании выкачивают миллиарды евро из словацкой экономики⁷¹. НП–НС выступила как про-

тив учений словацких военнослужащих в составе НАТО на границах России, так и против вступления в альянс Черногории. НАТО они характеризуют как преступную, террористическую группировку⁷². Более того, с помощью процитированного на заседании Национального совета СР письма словацкого военнослужащего, член НП–НС Н. Граусова заявила о «геноциде русскоязычного населения в восточной Украине»⁷³.

На парламентских выборах 2016 г. НП–НС получила 8% голосов электората, а сегодня у нее по опросам общественного мнения около 11%. Причем агентство «Полис» дает ей 14,2%⁷⁴. Это свидетельствует о том, что борьба за словацкое будущее еще впереди.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: Чехия и Словакия в XX веке: Очерки истории. Т. 2. М., 2005. С. 383–429; Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е годы XX века — начало XXI столетия). М., 2008. С. 229–246; Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М.; СПб., 2015. С. 284–326;

² Такого многовекторного экономического развития придерживались словацкие предприниматели еще в марте 1993 г., настаивавшие на проникновении словацкой продукции не только на рынки ЕС, но и на усилении «позиций Словацкой Республики на рынках Польши, Венгрии и стран СНГ». См. Чехия и Словакия в XX веке. Т. 2... С. 386. Необходимо отметить, что в то время в Словакии как политологи, так и экономисты постоянно подчеркивали важность проведения диверсификации поставок российских энергоресурсов в Словакию, аргументируя полной зависимостью страны от Российской Федерации в этой области. См., например: *Duleba A. Slepý pragmatizmus slovenskej východnej politiky. Aktuálna agenda slovensko-ruských bilaterálnych vzťahov*. Bratislava, 1996. S. 14; *Idem. Slovensko-ruské hospodárske vzťahy — viac otázok ako odpovedí. Obchodné problémy, vízie, surtoviny a záujmy // Mezinárodní vzťahy*. Praha, 1997. Č. 2. S. 31–33. Однако эта концепция почему-то не касалась США и Евросоюза. Как будто зависимость от этих территорий можно охарактеризовать как положительную, в отличие от российской зависимости. Словацкое же правительство к этому относилось иначе. С его точки зрения, любая односторонняя зависимость от отдельно взятой страны (США, Германия, Австрия, Франция) или интеграционной группы (ЕС) грозила серьезными последствиями не только для словацкой экономики, но и для дальнейшего существования Словакии как государства. Так, например, на встрече с экспертом по странам Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) Комитета по внешней политике Конгресса США Э. Смит государственный секретарь МИД СР Й. Шестак отметил стремление Словакии к «сбалансированному представительству иностранного капитала в процессе приватизации», акцентируя внимание на Чешской Республике, оставившей «позади многие другие бывшие социалистические страны». См.: Чехия и Словакия в XX веке. Т. 2... С. 335. Однако с его точки зрения «высокая доля немецкого капитала создает угрозу для германизации этой страны». См.: *Diplomatický archív Ministerstva zahraničných vecí Slovenskej republiky (DA MZV SR)*. F. Zastupiteľský úrad (ZÚ) Washington. Kr. 3. Fasc. 110–100. Č. j. 74.829/95-POLF. S. 2. С точки зрения Смита, приведенной в

ее отчете для членов Комитета по внешней политике Конгресса США, именно этой судьбы Словакия хотела избежать. См.: Ibid. Kr. 9. Fasc. 253–109. Č. j. 2411/95-or. Concerns regarding democratic development in Slovakia. P. 3. И. Шестак считал, что как раз подобная внешняя «сбалансированность» словацкой экономики сможет привести страну к «наименьшим трудностям» среди государств, входивших в «Вишеградскую четверку». Обращает на себя внимание тот факт, что в первой послереволюционной «Концепции государственной политики в области внешних экономических отношений», принятой на заседании правительства Чешской и Словацкой Федеративной Республики 14 июня 1990 г., чехословацкая политическая элита опасалась оказаться в «односторонней зависимости от... немецкого рынка и капитала» (Slovenský národný archív. F. Úrad vlády Slovenskej republiky 1981–1992. Zasadania vlády Českej a Slovenskej federatívnej republiky. Šk. 550. Usnesení č. 410. Č. j. 5386/90-15. S. 30). Однако, именно подобная концепция многовекторного развития словацкой внешней торговли не устраивала западные страны. К примеру, Смит ее называла «манипуляцией с процентами иностранных инвестиций». См.: DA MZV SR. F. ZÚ Washington. Kr. 9. Fasc. 253–109. Č. j. 2411/95-or. Concerns regarding democratic development in Slovakia. P. 3.

³ Stenografická správa o 4. schôdzi Národnej rady Slovenskej republiky, konanej 19., 20., 25. a 26. januára 1995. URL: <http://www.nrsr.sk/dl/Browser/Document?documentId=65805>.

⁴ *Bogomolov O.* Slovensko medzi silovými poľami. Interview — zhováral sa I. Drábek // Pravda. 1995. 13. 10. S. 1.

⁵ Slovak Republic: A Strategy for Growth and European Integration. Washington: World Bank Organisation, 1998. P. IX.

⁶ Некоторые из оппозиционных аргументов собраны и в русскоязычной литературе. См.: Чехия и Словакия в XX веке. Т. 2... С. 384–394; *Фиш М.С.* Конец «мечьяризма» // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. М., Чикаго, 1999. № 5. С. 2–9; *Щербакова Ю. А.* Конец «мечьяризма» [Рецензия на статью М.С. Фиша] // Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе. М., 2003. С. 185–195.

⁷ *Bates M.* Slovensko s poškvrným menom — Interview. Zhovárala sa T. Kelcová // Hospodárske noviny. 1994. 11. 3. S. 1, 3.

⁸ DA MZV SR. F. ZÚ Washington. Kr. 9. Fasc. 253–109. Č. j. 2411/95-or. Concerns regarding democratic development in Slovakia. P. 1–3.

⁹ Ibid. Ms. Anne V. Smith, Professional Staff Member U.S. Senate Foreign Relations Committee, Washington, D.C. P. 2.

¹⁰ Ibid. P. 1.

¹¹ Ibid. P. 4.

¹² Ibid. Kr. 4. Fasc. 253–100. Č. j. 3463/95-USVV1. List členov Kongresu v SR v USA z 22.8.1995. S. 1–3.

¹³ И. Корчок работает сегодня на посту заместителя министра иностранных дел Словакии.

¹⁴ DA MZV SR. F. ZÚ Bonn. Kr. 29. Fasc. 253–100. Č. j. 3958/94. S. 1.

¹⁵ Ibid. Kr. 52. Fasc. 256–100. Č. j. 242/96. S. 2.

¹⁶ Texty demaršov EÚ a USA vláde SR // Pravda. 1995. 9. 11. S. 5.

¹⁷ DA MZV SR. F. ZÚ Washington. Kr. 19. Fasc. 253–100. Č. j. 1183/97-USVV1. The Slovak Republic. P. 13.

¹⁸ Ibid. Kr. 17. Fasc. 253–100. Human Rights and democratization in Slovakia. P. 22

¹⁹ Vládny návrh zákona NR SR, ktorým sa mení a dopĺňa zákon NR SR č. 63/1993 Z.z. o štátnych symboloch Slovenskej republiky a ich používaní v znení zákona NR SR č. 240/1994 Z.z. S. 11. http://www.nrsr.sk/dl/Browser/DsDocumentVariant?documentVariantId=22576&fileName=nav_0456.pdf&ext=pdf.

²⁰ См.: Stenografická správa o 17. schôdzi Národnej rady Slovenskej republiky (11.-27. septembra 1996). <http://www.nrsr.sk/dl/Browser/Document?documentId=65842>.

- ²¹ Zákon Národnej rady Slovenskej republiky č. 273 zo 17. septembra 1996, ktorým sa mení a dopĺňa zákona Národnej rady Slovenskej republiky č. 63/1993 Z. z. o štátnych symboloch Slovenskej republiky a ich používaní v znení zákona Národnej rady Slovenskej republiky č. 240/1994 Z. z. S. 4. https://www.slov-lex.sk/static/pdf/1996/273/ZZ_1996_273_19961001.pdf.
- ²² Zákon Národnej rady Slovenskej republiky č. 63/1993 Z. z. z 18. februára 1993 o štátnych symboloch Slovenskej republiky a ich používaní. Časová verzia predpisu účinná od: 1. 1. 2004 do: 30. 6. 2006. S. 6. https://www.slov-lex.sk/static/pdf/1993/63/ZZ_1993_63_20040101.pdf.
- ²³ Ibid. Časová verzia predpisu účinná od: 1. 1. 2016. S. 6. https://www.slov-lex.sk/static/pdf/1993/63/ZZ_1993_63_20160101.pdf.
- ²⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 888. Оп. 1. П. 1. Д. 4. Л. 29.
- ²⁵ Návrh na prijatie uznesenia NR SR o vyhlásení referenda. Tlač č. 617. S. 2. http://www.nrsr.sk/dl/Browser/DsDocumentVariant?documentVariantId=23857&fileName=tlac_0617.pdf&ext=pdf.
- ²⁶ Stenografická správa o 24. schôdzi Národnej rady Slovenskej republiky. <http://www.nrsr.sk/dl/Browser/Document?documentId=65863>.
- ²⁷ Rozhodnutie prezidenta Slovenskej republiky z 13. marca 1997 o vyhlásení referenda. https://www.slov-lex.sk/static/pdf/1997/76/ZZ_1997_76_19970315.pdf.
- ²⁸ Uznesenie Ústavného súdu Slovenskej republiky z 21. mája 1997. https://www.slov-lex.sk/static/pdf/1997/139/ZZ_1997_139_19970522.pdf.
- ²⁹ Zbierka názvov a uznesení — Ústavný súd SR, 1997, II. Uznesenia. Č. 26-II. ÚS 31/97, Referendum a zmena Ústavy Slovenskej republiky. S. 1. <https://www.ustavnyusud.sk/zbierka-nalezov-a-uzneseni#?znauView>.
- ³⁰ Správa o 29. schôdzi Národnej rady Slovenskej republiky konanej 19. júna 1997. <http://www.nrsr.sk/dl/Browser/Document?documentId=65877>.
- ³¹ Zákon NR SR č. 564 z 19. novembra 1992 o spôsobe vykonania referenda. S. 4, 6, 10–11. https://www.slov-lex.sk/static/pdf/1992/564/ZZ_1992_564_19960528.pdf.
- ³² Ibid. Časová verzia predpisu účinná od 1. 7. 2011 do 30.6.2015. https://www.slov-lex.sk/static/pdf/1992/564/ZZ_1992_564_20110701.pdf.
- ³³ DA MZV SR. F. ZÚ Washington. Kr. 18. Fasc. 253–100. Č.j. 111.495/97-POLF. Záznam o rozhovore. S. 2–3.
- ³⁴ Ibid. Č.j. 2126/97. Vyhlásenie hovorcu MZV USA k situácii na Slovensku zo dňa 27.5.1997. S. 1; Ibid. Č.j. 2450/97. Poznámky veľvyslanca Ralpa Johnsona «Upevňovanie vzťahov medzi USA a Slovenskom». S. 3; Ibid. Kr. 20. Fasc. 253–103. CSCE Digest, June 1997. P. 64.
- ³⁵ Ibid. Kr. 18. Fasc. 253–100. Č.j. 2148/97. Informácia o návšteve člena Európskej komisie H. van den Broeka v SR. S. 1.
- ³⁶ Ibid. Č.j. 2110/97. Stretnutie premiéra V. Mečiara s titulármi akreditovanými v SR. S. 1–3.
- ³⁷ Ibid. F. ZÚ Bonn. Kr. 54. Fasc. 253–100. Č.j. 605/97. Uznesenie ÚS SR — úplné znenie. S. 1–2.
- ³⁸ Чехия и Словакия в XX веке. Т. 2... С. 394.
- ³⁹ Madeleine Albrightová (79) pripomenula Kiskovi trpkú minulosť. Aká bola jeho reakcia? <http://www.pluska.sk/spravy/z-domova/madeleine-albrightova-pripomenula-kiskovi-trpku-minulost-aka-bola-jeho-reakcia.html>.
- ⁴⁰ DA MZV SR. F. ZÚ Viedeň. Kr. 37. Fasc. 253–103. Zahraničná politika. S. 6–7.
- ⁴¹ DA MZV SR. F. ZÚ Viedeň. Kr. 37. Fasc. 253–103. Č. j. 3724/98. Zahraničná politika SR. S. 5; Ibid., Monitoring domácich a zahr. elektronických médií a domácej maďarskej tlače. S. 9; Ibid. Zahraničná politika — SR. S. 11, 20–21.
- ⁴² DA MZV SR. F. ZÚ Viedeň. Kr. 38. Fasc. 253–103. Zahraničná politika. S. 6.
- ⁴³ О Чешской Республике и чешских выборах 1998 г. см.: Чехия и Словакия в XX веке... Т. 2. С. 332–382; О Черногории см.: Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв... С. 394–395.

- ⁴⁴ DA MZV SR. F. ZÚ Viedeň. Kr. 37. Fasc. 253–103. Č. j. 3724/98. Zahraničná politika SR. S. 5.
- ⁴⁵ Ibid. S. 2.
- ⁴⁶ Домрин А. Грустная история американской помощи в Москве. http://web.archive.org/web/20070523185726/http://world.ng.ru/dipcorpus/2001-03-22/4_help.html.
- ⁴⁷ DA MZV SR. F. ZÚ Viedeň. Kr. 38. Fasc. 253–103. Zahraničná politika. S. 5.
- ⁴⁸ Ibid. S. 6.
- ⁴⁹ Ibid. Kr. 37. Fasc. 253–103. Č. j. 100.410 ANAP. Otázky európskej integrácie. S. 4–5.
- ⁵⁰ Ibid. S. 6.
- ⁵¹ Ibid. Kr. 39. Fasc. 253–103. Č. j. 2138Mi98.vie. S. 1–2; Ibid. Č. j. 2137Mi98.vie. S. 1; Ibid. Č. j. 2093/98. S. 1; Ibid. Č. j. 2092Mi98.vie. S. 1–2; Ibid. Č. j. 2109Mi98.vie. S. 1; Ibid. Č. j. 100.410/98-ANAP/49. S. 18–20.
- ⁵² Stenografická správa o 2. schôdzi Národnej rady Slovenskej republiky konanej 4. novembra 1994. S. 80–88. <http://www.nrsr.sk/dl/Browser/DsDocument?documentId=311848>.
- ⁵³ Vládny návrh zákona Národnej rady Slovenskej republiky o zabezpečení záujmov štátu pri privatizácii strategicky dôležitých štátnych podnikov a akciových spoločností. Č. 175. S. 10–28. http://www.nrsr.sk/dl/Browser/DsDocumentVariant?documentVariantId=21106&fileName=nav_0175.pdf&ext=pdf.
- ⁵⁴ DA MZV SR. F. ZÚ Washington. Kr. 3. Fasc. 110–100. Č. j. 2992/Li. Návšteva ministra vnútra SR L. Hudeka u poradcu prezidenta USA pre bezpečnosť D. Frieda. S. 1–2.
- ⁵⁵ Ibid. Kr. 18. Fasc. 253–100. Č. j. 1904/97-USVV1. Návrh informácie o návšteve ministra zahraničných vecí SR v USA pre ZÚ SR v zahraničí. S. 1.
- ⁵⁶ Ibid. Č. j. 2522/97-USVV1. S. 2.
- ⁵⁷ Ibid. Kr. 1. Fasc. 256–100. Č. j. 2205/94. S. 1–3; Ibid. Č. j. 2670/94. S. 1–2.
- ⁵⁸ Ibid. Kr. 2. Fasc. 253–100. Č. j. 1829/94. S. 1.
- ⁵⁹ Ibid. Kr. 12. Fasc. 253–100. Č. j. 1371/96-or. Stanovisko k návrhu predsedu «Slovak Garden» A. Hudaka na udelenie uznania kongr. J. Micovi. S. 2.
- ⁶⁰ Ibid. Č. j. 210.112/96-KAŠT. S. 1.
- ⁶¹ Congressional record. House of Representatives. European Security Act of 1997. P. H3713-3714. <https://www.congress.gov/crec/1997/06/11/CREC-1997-06-11-pt1-PgH3706-2.pdf>.
- ⁶² DA MZV SR. F. ZÚ Washington. Kr. 18. Fasc. 253–100. Č. j. 1895/97-USVV1. Záznamy z rozhovorov ministra zahraničných vecí SR P. Hamžíka so senátorom J. McCainom a kongresmanom L. Hamiltonom. S. 2.
- ⁶³ Ibid. F. ZÚ Bonn. Kr. 31. Fasc. 265–100. Č. j. 3848/94. S. 1.
- ⁶⁴ Ibid. F. ZÚ Moskva. Kr. 85. Fasc. 256–100. Č. j. 019/94-PÚ-tajné. S. 2.
- ⁶⁵ Archív Úradu vlády SR (A ÚV SR). Uznesenie č. 61. Č. j. 158/99. Návrh na zrušenie určenia spoločnosti Slovenské aerolínie, a. s., Bratislava za národného leteckého dopravcu SR.
- ⁶⁶ См., например: A ÚV SR. Uznesenie č. 577. Č. j. 1439/2000. Zámer a postup privatizácie SPP, š. p.; Návrh na vydanie rozhodnutia, ktorým sa mení rozhodnutie o schválení privatizačného projektu Slovnaft, štátny podnik so sídlom Bratislava a rozhodnutia vlády Slovenskej republiky o spôsobe naloženia s majetkovou účasťou FNM SR v obchodnej spoločnosti SLOVNAFT, a.s. Bratislava. <http://www.rokovania.sk/Rokovanie.aspx/BodRokovaniaDetail?idMaterial=2734>; Návrh spôsobu privatizácie 49 % — ného podielu v spoločnosti Slovenský plynárenský priemysel, a. s. Bratislava <http://www.rokovania.sk/Rokovanie.aspx/BodRokovaniaDetail?idMaterial=1759>; Analýza možných spôsobov nakladania a súhlas s naložením s majetkovou účasťou Fondu národného majetku SR na podnikaní obchodnej spoločnosti VSŽ akciová spoločnosť Košice formou priameho predaja vopred určenému záujemcovi spoločnosti US Steel <http://www.rokovania.sk/Rokovanie.aspx/BodRokovaniaDetail?idMaterial=7918>; Návrh spôsobu privatizácie Slovenských elektrární, a.s. — nové znenie <http://www.rokovania.sk/Rokovanie.aspx/BodRokovaniaDetail?idMaterial=14111>.

⁶⁷ Televízne noviny [JOJ], 28.7.2011. <https://www.youtube.com/watch?v=8AbNBU8UC6w>.

⁶⁸ Fico hovorí, že najväčšia prednosť Slovenska je schopnosť ľudí žiť z nízkych príjmov. <http://www.parlamentnelisty.sk/arena/monitor/VIDEO-Fico-hovori-ze-najvacsia-prednost-Slovenska-je-schopnost-ludi-zit-z-nizkych-prijmov-288028>.

⁶⁹ Сурманек Ш. Условия развития и характер демократической консолидации в Словакии // Восточноевропейские исследования. 2006. № 3. С. 85.

⁷⁰ Так, например, к очередной годовщине ввода войск Организации Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г. заместитель председателя НП–НС М. Угрик написал статью «Воспоминания об августе 1968 г.: Одна оккупация закончилась, другая началась». В ней словацкий политик характеризует возникновение в 2016 г. натовского полигона в Словакии следующим образом: «“Братская помощь” Советского Союза была заменена на “союзную помощь” американцев. А “защита социализма” меняется на “защиту демократии”». См.: Spomienka na august 1968: Jedna okupácia skončila, druhá sa začala. <http://www.naseslovensko.net/nase-nazory/vyhlasenia/spomienka-na-august-1968-jedna-okupacia-skoncila-druha-zacala/>.

⁷¹ Plán “B” — časť 1: Pravda o zahraničných investoroch a o kolonizácii slovenského hospodárstva. <http://www.naseslovensko.net/nase-nazory/plan-b-cast-1-pravda-o-zahranicnych-investoroch-a-o-kolonizacii-slovenskeho-hospodarstva/>.

⁷² Prvý deň rokovania 6. Schôdze NR SR 14. júna 2016 o 13.00 hodine. S. 21–40. http://www.nrsr.sk/dl/Browser/Default?legId=13&termNr=7, RF_0007_0006_20160614.

⁷³ Ibid. S. 15.

⁷⁴ TERAZ preferencie. <http://preferencie.teraz.sk/Strana/Kotleba+-+L'SNS/1503439200>.

Россия и Венгрия: еврокризис и его уроки

Евразийство и евроскептицизм, обозначенные в качестве центральной темы этого коллективного труда, призваны выявить степень и практическое значение разочарования стран-членов Евросоюза в европейском пути развития, определить возможность поворота этих государств в направлении евразийской ориентации. Для России как великой евроазиатской державы учет евразийской идеи и выбора соответствующего пути развития является естественным и жизненно важным. Это неоспоримо особенно в нынешних геополитических условиях, когда углубившийся кризис Европейского союза заставляет сомневаться в степени еврооптимизма даже западных членов этого сообщества, не говоря уже о некотором страхе перед его развалом среди восточноевропейцев.

Следует, однако, отметить, что в современных официальных представлениях стран-членов ЕС, включая бывший социалистический регион Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ), евразийство как политический проект не присутствует. (Впрочем, эту группу государств по американской аналогии в российской литературе почему-то упорно продолжают именовать «Восточной Европой», не задумываясь над тем, что к востоку от нее до Азии еще далеко, и что тем самым вольно или невольно страны реальной восточной Европы причисляются к последней вместе с европейской частью России.) Иными словами, несмотря на кризис Евросоюза, в странах ЦЮВЕ пока не зафиксирован отказ государств от участия в этом, до сих пор наиболее успешном, европроекте. Они долго добивались вступления в ЕС, а став его членами, на собственном опыте испытали все его плюсы и минусы, положительные и отрицательные стороны. Но появились пожелания кое-что

изменить в устройстве этого объединения. Сегодня есть возможность определиться, стоит ли оставаться еврооптимистами или стать евроскептиками, а может, задуматься над возможностью оставить пределы этого союза (устав ЕС допускает свободный, хотя и непростой выход из него).

Следует, однако, учитывать, что нынешний кризис ЕС, по сути, прежде всего интеграционный и организационный, а потенциал союза огромен. Пребывание этих стран в Евросоюзе уже позволило им накопить не только определенный опыт, но получить некоторые блага и преимущества в сочетании с разочарованиями, проявлениями прямого или скрытого недовольства со сложившейся в сообществе ситуацией. У некоторых стран, в частности Венгрии, появилось желание добиваться большей свободы и возможностей для развития интенсивных торгово-экономических отношений и культурного сотрудничества с Россией даже в ее азиатской глубинке, на что правящий аппарат руководства ЕС долгое время накладывал существенные ограничения.

Для бывших европейских стран социализма, получивших полноту национальной независимости после развала СССР и выхода из далеко не добровольного союза в СЭВ и ОВД, понятия «Европа», «Европейское Сообщество», «Евросоюз» и «НАТО» тогда означали многое. Сами названия, а тем более представления об их содержании и мощи были для них однозначно привлекательны. Нельзя отрицать, что в ЕС мечтали вступить практически все страны этой «Восточной Европы». В своем новом политическом и экономическом статусе они рассчитывали на помощь и поддержку ЕС, желали скорейшего приобщения к европейскому уровню жизни, мечтали о европейском благополучии. Все это продолжалось вплоть до наступления нынешнего интеграционного кризиса, особо обострившегося в 2017 г.

Сегодня под общепринятым понятием «Европа» принято подразумевать не только политическую демократию, многопартийность и западную модель потребления (соединение этих понятий почти все современные идеологические направления считают аксиомой)¹, но и проблемы,

вытекающие из непродуманно стремительного расширения ЕС на Восток в увязке с НАТО.

Европа, европейская культура и технологии не только ныне, но и в прошлом олицетворяли собой прогресс, который постепенно распространялся по миру. Если обратиться к символическому определению Европы, сформулированному венгерским писателем Ласло Неметом после Первой мировой войны, то европейская культура и технологии «сумели покрыть весь земной шар, и хотя на пути их распространения встречались более древние культуры, они оказались неспособны противостоять европейской... Многонациональная европейская культура в лице наций имеет свои скрытые резервы для обновления. За свою многовековую историю Европа всегда находилась в движении, менялась... Осуществляя экономическую экспансию, она загнала себя до смерти, но ее национальные культуры хранят еще немало неизрасходованной энергии, и отдышавшись, Европа может возродиться... Распростертая, опустошенная и беспомощная в переживаемом кризисе Европа — только видимость»². Наверное, и сегодня, когда рассуждений о слабости и «закате Европы» немало, когда она действительно переживает нелегкие времена, при всей неоднозначности ситуации и скептицизме в связи с нынешним кризисом ЕС мы не можем сбрасывать со счетов возможность его реформирования, модернизации и обновления. Другой вопрос, что экспансия «Европы» как таковой за пределы континента, действительно, закончилась, а ее место с конца Второй мировой войны заняли США, контролирующие ныне саму Европу, вставшую на путь объединения европейских государств.

Есть ли будущее у крупнейшего европейского объединения государств, покажут ближайшие годы. Станет ли евразийская идея альтернативой для тех членов Евросоюза, кого в политической литературе продолжают называть «Восточной Европой», либо они вместе с западными союзниками возьмутся за его обновление и переустройство с учетом своих интересов? Разумеется, для этого должны быть выявлены и устранены причины и преграды, при-

ведшие ЕС к нынешнему кризису. Но даже при скептическом подходе к будущему Евросоюза следует считать с его достижениями, необходимо и далее сохранять и беречь те его гуманистические ценности, которые были обозначены в *Приложении* к договорам со странами, вступавшими в ЕС. Это общеизвестные европейские ценности (достоинство и свобода, демократия и равноправие, верховенство закона и уважение прав человека и меньшинств, плюрализм и отсутствие дискриминации, терпимость и солидарность, равноправие мужчин и женщин, право на справедливый и независимый суд) зафиксированы также в *Хартии основных прав*.

Хотя идея евразийства и не обозначена сегодня в политических программах стран ЕС, «восточноевропейским» членам этого союза далеко не безразлично развитие всесторонних связей и контактов, особенно торгово-экономических отношений, с евразийской Россией. Другой вопрос, что страны этой самой «Восточной Европы» при приеме в ЕС были ориентированы именно на внутрисоюзное экономическое, политическое и культурное сотрудничество, а связи за его пределами искусственно ограничивались.

По данным венгерских исследователей, изучавших структурную политику ЕС второй половины 1990-х годов, в товарообмене на внутренний рынок союза больше остальных была ориентирована Польша. Венгрия, имея тогда еще интенсивные торгово-экономические связи с Россией, принадлежала к числу стран со «средней ориентацией», тогда как Чехословакия меньше их была заинтересована в торговле с ЕС³.

Торговые отношения с Россией у принятых в ЕС «восточноевропейских» стран постепенно сокращались в связи с их переориентацией на внутрисоюзный рынок. Россия же, как известно, обратила свои взоры на стремительно развивающийся азиатский регион. Ее приоритетными партнерами стали Китай и Индия, а также Бразилия, Сирия, Турция и, конечно, Казахстан. Президент Казахстана Н. Назарбаев, будучи инициатором евразийского сотрудничества и союзов, поддержал стремление России развивать

именно это направление. Он, в частности, подчеркивал: «Евразийское экономическое сообщество — это идеальная возможность смягчить тяготы глобализации для наших государств. Вместе мы как-то можем сопротивляться»⁴. Китай, как известно, весьма высокими темпами наращивал свой экономический потенциал, привлекал западные инвестиции и стал локомотивом развития региона, его ежегодный экономический рост за последнее десятилетие измерялся двузначными цифрами. Индия также числится среди восходящих мировых экономик. Правда, в этом направлении сотрудничество имеет свои проблемы. По данным Евразийского банка развития, рост ВВП Китая в первом квартале 2016 г. составлял только 6,6%, что на фоне достижений стран Евросоюза (0,4%) может считаться существенным показателем (правда, на текущий год прогнозы роста ЕС еще 1,6%). У других государств БРИКС зафиксирован экономический спад. Для России по тому же источнику, за этот период показатель роста ВВП отрицательный (–0,6%). Бразилия же отличилась нулевым ростом экономики и массовой безработицей. На этом фоне разве что Турция обещает стать более надежным партнером с показателем роста ВВП 4,0%⁵.

Так называемые восточноевропейские государства Евросоюза, в том числе Венгрия, свой выбор между европейской и евразийской ориентацией сделали во время вхождения в ЕС и НАТО. Их дальнейшая ориентация, на наш взгляд, во многом будет зависеть, прежде всего, от уровня экономической и технологической развитости соответствующих европейских или евразийских структур, от возможности получения инвестиций и новейших технологий, без которых экономический рост в современном мире невозможен. Страны восточной группы ЕС, естественно, заинтересованы в экономическом сотрудничестве с Россией. Заинтересована в этом и Россия. Будучи великой евразийской державой, она строит свободный рынок и демократию с учетом особенностей страны. Как отметил президент В.В. Путин на большой итоговой пресс-конференции 2016 г., Россия желает, чтобы в лице Европы «у нас

был надежный, сильный и самостоятельный партнер». При этом он добавил, что если «в решении вопросов между Европой и Россией нужно обращаться в третью страну (подразумевая под ней США. — *Б.Ж.*), то тогда с самой Европой неинтересно разговаривать»⁶.

Такое состояние дел свидетельствует о целесообразности перемен и переформатировании ЕС. При этом, как неоднократно подчеркивал глава МИД РФ Сергей Лавров, Россия «никогда не была заинтересована в распаде ЕС». Не следует забывать, как на то справедливо указывают многие российские журналисты, что Россия не только азиатская держава, она также живет и мыслит по-европейски, а если говорить о массовой культуре, то и по-американски. И хотя у нее «немало и азиатского, особенно в сфере гражданского общества, которое находится еще в детском возрасте»⁷, Россия готова развивать отношения с объединенной Европой.

Что касается Венгрии, то нелишне напомнить, что когда страны социализма только освободились от советской зависимости и мечтали о «единой Европе без границ», она старалась сохранить свои налаженные экономические и культурные связи с евразийской Россией, которая тогда только обретала облик своей независимости. Венгрия — одна из первых — установила с Москвой дипломатические отношения нового типа. Будапешт развивал тесные контакты с азиатской российской глубинкой, и такое сотрудничество казалось долговременным и перспективным. Но в процесс вмешались идеологические факторы. Государственная Дума РФ тянула с ратификацией российско-венгерского межгосударственного договора из-за упоминания в преамбуле документа о венгерской революции 1956 г.⁸ и утвердила его только спустя пять лет.

Сотрудничество Венгрии с Россией продолжалось, но геополитические факторы меняли облик Европы. Бывшие социалистические страны, освободившись от советской «опеки», устремили свои взоры на преуспевающие европейские структуры. Политический класс Венгрии, как и других государств региона, избрал путь на сближение со

странами Западной Европы. Венгрия вместе с ними устремилась в НАТО и Евросоюз, которые со второй половины XX века были неотделимы от «опеки» США. Европа и ее структуры вместе с Соединенными Штатами олицетворяли собой единый «Запад». И это притом, что в отношении Запада, западной политической элиты, ее поведения и решений у венгерского народа сохранились далеко не самые благоприятные впечатления и исторические воспоминания. Как справедливо отмечают отдельные исследователи, «Запад в XX веке дважды принес в жертву Венгрии»⁹, предал ее. Здесь достаточно напомнить о международных решениях, принятых великими западными державами в Трианонском дворце Версаля в 1920 г. и о парижских вердиктах 1947 г., которые оставили за пределами новых границ Венгрии 3,5 млн этнических венгров, проживающих в основном компактной массой вдоль этих границ, но насильно отделенных ими от материнской нации. Стоит упомянуть и о поведении западных стран, побоявшихся заступиться за борющихся венгров в 1956 г. Все эти обстоятельства стали достаточными основаниями для скептицизма со стороны венгров.

Первоначальный идеал — «единая Европа без границ» — с конца 80-х годов XX в. был предан забвению. Характеризуя изменившуюся ситуацию, венгерский политолог, вице-президент Венгерской академии наук Ференц Патаки еще в 1995 г. с явным европессимизмом отмечал: «Быстро рухнули надежды на актуальность и дееспособность идеи „Европа — наша цитадель“... но новый план Маршалла не появился, его нам долго не давали, не хлынул и поток западных кредитов и займов. Помощь не пришла, пришел только бизнес. И начался долгий марш по пути к институтам европейской интеграции и к НАТО. Но этот путь стал более долгим и сложным, чем мы надеялись»¹⁰. Правда, в итоге Венгрия, как и другие страны «Восточной Европы», все же стали членами Европейского союза.

С расширением ЕС и НАТО Европа постепенно стала терять облик Европы наций и приобретать черты союза,

которому, в соответствии с либеральной идеологией, предстояло пройти через стирание национальных различий. Такой подход, стремление правящей брюссельской бюрократии к строгой централизации управления союзом, к созданию европейского супергосударства и ограничению внешних связей за его пределами не удовлетворяли представителей ряда стран в ЕС, в том числе Венгрии, пытавшейся сохранить сотрудничество с Россией и защитить свои национальные интересы. Бюрократические ограничения становились одной из причин нарастания евроскептицизма в венгерском обществе.

Весной 2005 г., в связи с дальнейшим расширением ЕС и проектом европейской конституции, свое неприятие всевластия брюссельского чиновничества первым из политических деятелей «восточноевропейской» части Евросоюза четко выразил президент Чехии Вацлав Клаус.¹¹ Во вводной статье к русскому изданию этого документа, опубликованной под заголовком «Почему я не „европеист“», он назвал утопией сам «европеизм», претендующий на роль «новой альтернативы, современной либеральной или постлиберальной идеологии». Политик выразил сомнение, что значительное число его сограждан готовы «без колебания соглашаться с утратой государственного суверенитета и добровольной передачей значительной части полномочий национального государства отдаленному наднациональному центру, возможности контроля за действиями которого с их стороны ограничены»¹². При этом он с полным основанием взял под защиту понятие «национальное», реабилитируя его от предвзятости, преднамеренных искажений и наслоений, и тем самым выразил необходимость отстаивания национальных интересов в рамках Евросоюза. Вслед за чешским философом В. Белоградским евроскептик В. Клаус утверждал, что на самом деле «европейские тоталитарные режимы были продуктом не ослепленных ненавистью националистов, как лгут нам идеологи европейского федеративного супергосударства, а следствием *надменности и экспансионизма крупных европейских наций* (курсив мой. — Б.Ж.)». Клаус далеко не

без основания обратил внимание на то, что всё это повторилось после Второй мировой войны, но европейская элита ничему не научилась. Президент Чехии подчеркивал, что интерпретация войны «исключительно как следствия национализма, не только не точна, но и не может использоваться в качестве основания для строительства будущего европейского порядка»¹³. Речь идет о ложном и неприемлемом толковании национального, впрочем, как и о демократии в странах региона, к которой народы устремились сами.

Здесь целесообразно отметить, что эти предостережения В. Клауса имели основания еще при вступлении стран в ЕС. Политики тогда опасались поднимать вопрос как о национальных правах, так и о национальных интересах. Впрочем, их мнения и не спрашивали. Им, по словам Клауса, лишь «предлагали принять стандартизированный проект ценностей, заодно с инстанцией, которая вправе их контролировать»¹⁴. И здесь уместно обратиться к опыту венгерских политиков.

Известный венгерский политический деятель Имре Пожгаи впоследствии отмечал: «Особым испытанием стало принятие принципиального решения о присоединении к европейским институтам. Либеральные сторонники так называемой евроатлантической ориентации предполагали, что акцент на национальные интересы и национальную общность с четкой идентичностью может стать препятствием на пути евроинтеграции». Пожгаи коснулся и позиций важнейших политических сил демократизирующейся Венгрии. По его словам, «Союз свободных демократов (либералы) недооценивал национальный элемент, а Венгерский демократический форум (народно-национальное объединение) во главе с Йожефом Анталлом воспринимал необходимые действия, относящиеся к нации, как анахронизм»¹⁵.

Следует отметить также, что хотя все представленные в парламенте венгерские политические партии выразили приверженность вступлению страны в ЕС, консервативные силы (в отличие от политиков правящего

социал-либерального толка) как тогда, так и ныне, более критически относятся к этой европейской структуре, представляя в ней сторонников мягкого или умеренного евроскептицизма.

Венгерские политики левого политического крыла, осуществлявшие вступление страны в Евросоюз, также опасались в полный голос заявить о национальных интересах Венгрии, считая, что тем самым могут помешать получению полноправного членства в этом объединении. После принятия в Евросоюз странам также не представлялась реальная возможность полноценно разобраться с этим вопросом и защитить свои национальные интересы, хотя о них уже и ранее велись непродуктивные дискуссии.

Тем не менее, членство в ЕС долгие годы считалось благом, к нему стремились все страны Европы, ради чего и стояли в многолетних очередях на вступление. При этом принимающая сторона сама, по своему усмотрению, устанавливала для них правила и критерии приема.

Венгрия еще в конце 1991 г., т.е. до Маастрихта, по инициативе премьер-министра страны Й. Анталла подала заявку на ассоциированное членство в ЕС. Полноправное членство тогда считалось достижимым к середине 1990-х гг., но вскоре выяснилось, что это произойдет не ранее 2004 г. Конечный срок получения этого статуса (при выполнении страной всех условий «бракосочетания» под строгим контролем центра) был установлен в июне 2001 г. на саммите в Гетеборге. В организационной структуре ЕС Венгрия официально присутствует с 1 мая 2004 г. Произошло это после проведения референдума в апреле 2003 г., где за вступление проголосовало 83,78% участвовавших в нем 3,6 млн венгерских граждан¹⁶. Они стали гражданами и ЕС, где сложная многоступенчатая система регулирует внутрисоюзные отношения. Венгры получили право на свободное передвижение по ЕС, на переселение в любые страны и регионы, на участие в голосовании и парламентских выборах союза.

В принятом парламентом *«Политическом заявлении»* накануне вступления Венгрии в ЕС, отмечалось, что

«членство в этой организации предоставляет всем венграм исключительный шанс для приобщения к союзу наиболее успешных стран, к свободе и демократии, к росту благосостояния». Говорилось там о целях и задачах ЕС, среди которых — обеспечение экономического роста, поднятие уровня развития отсталых регионов, увеличение занятости, борьба с бедностью и т.п., что имело немалое значение в тех условиях и соответствовало национальным интересам государств¹⁷. Другой вопрос, в какой степени эти ожидания реализовались.

По предварительным расчетам Еврокомиссии по финансированию от января 2002 г., на весь процесс расширения ЕС планировали тратить ежегодно по 13–14 млрд евро¹⁸. Эти средства при распределении по странам оказались явно недостаточными для экономического и социального оздоровления. «Когда регион вступал в НАТО, в Европарламенте (Страсбург) подсчитали, во сколько обойдется Европе интеграция этих стран в ЕС, — отмечал в одном из своих выступлений И. Пожгаи. — По подсчетам, речь шла о сумме в диапазоне от 80 до 160 млрд евро. Сколько на самом деле было потрачено, сколько требовалось вложений, нам не известно»¹⁹. Следует, однако, признать, что для новых стран-членов и эти средства были довольно существенны, тем более, что преимущества от членства этим не ограничивались. Конечно, наряду с позитивом с самого начала присутствовали и отдельные не вполне отвечающие их ожиданиям условия, но их молчаливо принимали и выполняли, подчинившись весьма жестким требованиям приема. В выработке этих условий и критериев новобранцы участия, конечно, не принимали. Вынужденные чем-то жертвовать, они подчинились предписаниям и требованиям евробюрократии, а взамен получали определенные материальные блага и защиту от возможных внешних угроз. Поначалу, став членами союза, эти страны были полны еврооптимизма, который со временем пошел на убыль.

Характерно, что Венгрия еще до вступления в ЕС, подержав евроинтеграцию, поставила вопрос о возможной

альтернативе самостоятельного союза для стран Центральной Европы. Тогда возможность такой европейской региональной интеграции (при поддержке западноевропейской) казалась реальной. Однако тут же появились опасения, что такой незащищенный региональный союз может потянуть за собой весь регион назад — в ту ситуацию, из которой он лишь недавно вырвался. Венгерский министр внешнеэкономических связей и иностранных дел Петер Сийярто, сославшись на исторический опыт, в этой связи далеко не без основания подчеркивал, что «в конфликте между Западом и Востоком, между США и СССР, трансатлантическим сообществом и Россией Центральная Европа всегда оказывается в проигрыше, независимо от того, какой век на дворе и к какому блоку мы относимся»²⁰.

С вхождением же стран региона в ЕС, уже многое (если не все) зависело исключительно от Брюсселя и его западного патрона. Впрочем, часть венгерской политической элиты (среди ее представителей тот же И. Пожгаи) при вступлении Венгрии в ЕС считала, что объединенную Европу следовало бы создавать на принципах сохранения идентичности наций. Политики исходили из того, что сложная «иерархичная система во главе с европейской олигархией» не может стать основой для прочной европейской интеграции²¹. Иными словами, подобно В. Клаусу в Чехии, они отвергали как наднациональные идеи и союзы, так и устремления брюссельских чиновников, возводивших здание Евросоюза именно в качестве наднациональной бюрократической структуры. С их мнением, однако, не считались. К тому же, Венгрия отдала Евросоюзу явно больше суверенитета и полномочий, чем того хотела бы. В результате возникла такая структурная надстройка, в которой накопившиеся внутренние проблемы и противоречия привели к росту евроскептицизма и нынешнему еврокризису.

Среди прочих важных причин накопления внутрисоюзного недовольства и появления разного уровня «евроскептицизмов», на наш взгляд, стал целый букет аргументов и факторов, обозначить которые в рамках статьи

не представляется возможным. Часть из них для Венгрии имели особое значение и нашли отражение в литературе.

К их числу принадлежат, прежде всего, издержки и недочеты в сфере *экономики и экономической политики* руководства ЕС.

Принимая условия евроинтеграции, Венгрия ожидала от ЕС, на наш взгляд, не только начальной финансово-экономической помощи и доступа венгерских товаров на внутрисоюзный рынок, но и рассчитывала на рост иностранных инвестиций. Вместо этого пришлось смириться не только с не вполне удачной перестройкой экономической структуры, но и с непониманием брюссельского чиновничества, навязавшего странам региона свою систему своеобразной специализации на производство тех или иных товаров. В результате особенно пострадало прежде высокоразвитое венгерское сельское хозяйство. Аграрный сектор играл весомую роль в создании ВВП и в сфере внешней торговли. Сельхозпроизводством в стране в 1990-е годы было охвачено 60 % земельных угодий. До вхождения Венгрии в ЕС этот показатель для стран союза (за исключением Дании с 62 %) составлял 30–40 %²². При вступлении в ЕС Венгрия в связи с перестройкой экономики, переориентацией и специализацией стран-участниц, недостаточным учетом уровня ее развитости была вынуждена отказаться от налаженного механизма высокоиндустриального сельского хозяйства, как и от производства автобусов. Чтобы стать «еврокомфортной», она была вынуждена приватизировать или свернуть эти производства. И это вопреки тому, что венгерское сельское хозяйство, не получая поддержки, равной западным госдотациям (50 %), ежегодно пополняло внешнеторговый баланс страны до 3 млрд долларов²³.

Вместо ожидаемого притока иностранного капитала в экономику страны произошел захват венгерского рынка иностранцами, которые постепенно вытесняли из внутреннего оборота традиционно качественные венгерские товары как сельскохозяйственного, так и промышленного характера. В условиях глобализации и свободной тор-

говли крупные транснациональные компании наводнили венгерский рынок дешевыми стандартными товарами, рассчитанными на массового потребителя. Конкурировать с массовым притоком ширпотреба привычные качественные отечественные товары не могли. Постепенно свертывалось отечественное производство, технологическое оборудование которого оставалось на прежнем уровне и ожидание его стремительной модернизации откладывалось. В конечном счете, с прилавков стали исчезать даже привычные венгерские продукты питания. Все это вызывало огорчение, способствовало росту недовольства населения, появлению евроскептицизма, приводило к тому, что Венгрия предпочла сохранить право на собственную национальную валюту и не перешла на евро.

Подобные обстоятельства дают о себе знать и в сфере *национальной культуры*, которая нередко подвергается агрессивному воздействию со стороны либерально-космополитической морали и наднациональной политики, утвердившихся в США и Европе. В результате инокультурного вторжения в стране получила распространение растиражированная через различные каналы средств массовой информации низкопробная «американизированная» массовая культура. В таких условиях страдают национальная культура и традиционная христианская мораль. В этой связи нелишне напомнить, что из-за ложно истолкованной политкорректности даже из основного закона ЕС было изъято упоминание о христианской религии Европы.

Отмеченные явления не могли не вызвать неприятие и растущее недовольство со стороны венгерской интеллигенции, которая в сложившихся условиях начала утрачивать свою изначальную функции и роль в меняющемся мире.

Переход к свободному рынку и внедрение массовой культуры меняют не только экономику и общество, способствуют деградации и даже исчезновению традиционно значительных слоев национальной интеллигенции, особенно технической (заводской, аграрной и пр.), как,

впрочем, и состоявшей ранее на госслужбе. Все меньше остается тех, кто в принципе способен поддерживать прежний образ жизни. «Круг действительно выигравших от перемен довольно ограничен, он едва выходит за рамки венгерской политической элиты и успешных предпринимателей», — писал в этой связи один из исследователей, анализируя деятельность венгерских правительств новой эпохи²⁴.

Часть венгерской политической элиты весьма озабочена состоянием и восприятием в Евросоюзе самого понятия «национальное». ЕС, хотя и объединяет именно национальные государства, фактически мало внимания уделяет национальному фактору в своей реальной политике, увлекаясь наднациональными устремлениями, что, в свою очередь, также усиливает евроскептицизм.

И. Шебештен, известный общественный деятель Венгрии, в этой связи далеко не без основания отмечал, что если в прошлом официальная стратегия эпохи социализма «сознательно уничтожала национальное сознание венгров», то ныне, после смены строя, «на нас хлынула голливудская и прочая космополитическая культурная грязь, полились потоки массовых манипулятивных рекламных компаний». Он подчеркивает, что под лозунгом открытого общества нам «навязывают свой образ жизни и, опираясь на примитивные инстинкты»²⁵, по сути, «пропагандируют бездумное поведение и потребление».

Былой еврооптимизм до вступления Венгрии в ЕС обосновывался надеждой на то, что национальный вопрос для расколотой на части венгерской нации в рамках союза может быстро решиться. Венгры полагали, что в рамках свободной федерации европейских государств общение с соплеменниками, живущими в сопредельных странах, станет проще, произойдет не только их свободное общение, но станут возможными всесторонние контакты и сотрудничество, начнется совместное культурное развитие, воссоединение без границ. Но эти ожидания оправдались лишь частично, реализуются медленно. Более того, в отдельных странах ЕС даже в новых условиях венгерскому

меньшинству приходилось бороться за свои языковые права, которые даже на законодательном уровне ущемлялись. Парадоксально, но оказалось, что утверждавшаяся либерально-демократическая среда не в состоянии обеспечить меньшинству равные права во всех странах-членах союза, добиться объективного понимания проблемы и даже толкования *национального*.

Такое положение дел, безусловно, способствовало усилению евроскептицизма. Ведь национализм политических лидеров правящих наций, недостаточное понимание партнерами важности решения проблем меньшинства действуют именно в таком направлении. Правда, как уже отмечалось, и само руководство Евросоюза, опираясь на либеральные ценности и ложное толкование приоритета наднационального над национальным, нередко прибегает к крайностям противоположного порядка, что тоже вызывает недовольство и нарушает равновесие сил в союзе. Ведь отношение к национальному — обстоятельство весьма чувствительное для всего центрального и юго-восточного региона Европы, особенно для Венгрии, испытавшей национальное унижение вследствие решений по итогам двух мировых войн. Страна переживает «фантомную боль», от которой трудно избавиться. Проблема с венгерским национальным меньшинством, как известно, практически не решалась ни в условиях социализма, ни современного неолиберализма, который определил нынешний характер ЕС.

Национальный компонент в регионе, да и в Европе в целом, сегодня переживает ренессанс и поэтому важно, чтобы в союзнических интересах это осознали в Брюсселе, считались с ним в интересах народов и стран ЕС. Национальное не должно отождествляться с националистическим. Необходимо, чтобы под национальным подразумевалась не только чисто этническая принадлежность, и чтобы это понятие наполнялось государственно-гражданским смыслом. Иначе евроскептицизм будет усиливаться. Для Венгрии, на наш взгляд, наиболее подходящим решением, способным нейтрализовать растущий евроскептицизм,

явилась бы реорганизация структуры ЕС по примеру швейцарских кантонов. И это важно не только для Венгрии, заинтересованной в защите интересов венгерских меньшинств за рубежом, но и для других стран-членов союза, в том числе западных, где на последних парламентских выборах уже проявила себя «волна консерватизма» и национального прагматизма.

Среди прочих факторов, усиливающих евроскептицизм малочисленных народов, числятся глобализация, свободный рынок и политика «открытых дверей». Один из венгерских авторов, отмечая «громадную притягательную силу общеевропейского рынка и возможность работать в более развитых странах Европы», одновременно предупреждал об опасностях, которым могут подвергаться венгры, выезжающие из страны на заработки. Это «обслуживание элитных народов Европы», потеря своей идентичности, лишение национального самосознания, ассимиляция и маргинализация. Он вполне обоснованно пишет, что отток из страны рабочей силы чреват негативными последствиями для венгерской экономики, где рабочие места в лучшем случае заполняют мигранты. Свои пессимистические мысли автор завершил призывом изменить ситуацию и ради этого предложил наладить связи со скептиками парламентских групп других стран и совместно с ними создать Комитет евроскептиков²⁶.

Наряду с доморощенным евроскептицизмом Евросоюз по-прежнему обладает определенной «европривлекательностью» не только для стран Европы. Последнее подтверждается известными событиями 2015–2016 гг., когда на страны ЕС хлынула волна нового массового перемещения народов, преимущественно из исламского мира Ближнего Востока. Это *нашествие* потрясло Европу, как и «великое переселение народов» в далеком историческом прошлом. Новая волна вызвана как военными событиями в упомянутом регионе, так и проводимой ЕС политикой «открытых дверей», связанной с процессами охватившей мир глобализации. Эти процессы, конечно, приветствуются далеко не всеми европейцами и вызывают обоснованную

обеспокоенность за собственное национальное существование (особенно у малочисленных народов Европы). Лавинообразный и бесконтрольный массовый приток мигрантов из исламского мира последних лет не только потряс устои ЕС, но и нарушил видимость складывающегося единства в Европейском союзе. Он выявил неспособность руководства ЕС обеспечить эффективную защиту от грозящего радикального исламского терроризма, с которым на сей раз пришлось столкнуться уже не только Франции и Германии. Опыт этих стран показал, что на Европу хлынула волна далеко не только массы беженцев, пострадавших и спасающихся от войн. Вместе с ними в Европу проникло немало еще не выявленных и агрессивно настроенных радикальных исламистов, которые пытаются утвердить свои правила и порядки, требовать принятого в ЕС уровня социального обеспечения. Опыт их пребывания в ряде стран Европы подтверждает небывалый рост насилия и терроризма, уже не говоря об угрозе, которая может иметь место в случае их массового поселения среди малочисленных народов, что может привести к изменению не только национально-этнического, но и религиозного облика стран. Иными словами, нелегальная иммиграция вызывает ряд вопросов и проблем далеко не только финансового характера. Подконтрольная миграция, конечно, имела место и прежде, но с 2014 г. небывалые потоки нелегалов набрали угрожающие для Европы масштабы.

Венгрия, как известно, со времен первого венгерского короля Иштвана I (Св. Стефана I) всегда благосклонно относилась к приему иностранцев. История зафиксировала ряд случаев, когда венгры принимали, устраивали и поселяли у себя массы беженцев (давали убежище южным славянам, спасавшимся от османского нашествия, предоставляли им земли для поселения, спасали евреев и поляков в годы последней мировой войны и т.д.). В новейшие времена Венгрия, как отмечают отдельные авторы, представляет собой «самую восточную территорию европейского государственного союза», которая с 1990-х годов стала как «перевалочной базой, так и целевой страной»

для миграции²⁷. Венгрия ныне столкнулась с непростыми условиями приема и размещения «гостей» из неевропейских государств. При этом она, как показала практика, не удостоилась должного понимания со стороны руководства ЕС, а это усиливает скептицизм в отношении союза.

До нынешней массовой стихийной миграции с Ближнего Востока Венгрия пропустила через свою территорию свыше 1,5 млн беженцев, устремившихся преимущественно в более развитые регионы Европы. В 2013 г. она приняла и разместила у себя 5%, а в 2015 г. — уже 13% из общего числа мигрантов, прибывших на территорию ЕС. Будучи первой страной Евросоюза на пути продвижения миграционных потоков, Венгрия по существовавшим правилам была обязана принимать, регистрировать и размещать беженцев. С нарастанием нелегальной миграционной волны из стран Ближнего Востока, контролировать процесс и регистрировать мигрантов стало невозможным. В тех условиях премьер-министр Венгрии В. Орбан, не имея возможности и должных средств для их приема и размещения в лагерях, уже 15 июня 2015 г. первым из политиков стран-членов ЕС распорядился возвести техническое ограждение (забор высотой 4 м), способное отвести в сторону нарастающие потоки массовой нелегальной миграции. С 24 июня Венгрия отказалась от дальнейшего выполнения миграционных правил ЕС. Орбан, в свою очередь, подвергся осуждению и жесткой критике со стороны политиков Брюсселя. Они тогда еще не осознавали реальные масштабы нашествия. 15 августа 2015 г. последовало заявление канцлера Германии А. Меркель о ее готовности принять всех мигрантов. После этого даже принятые и размещенные в лагерях Венгрии мигранты отказались от дальнейшей регистрации и требовали обеспечения выезда в Германию. По имеющимся сведениям, из 159.968 беженцев, размещенных в одном из венгерских лагерей, зарегистрироваться согласились только 148.643 чел. Прибывающие впоследствии новые группы уже вообще отказывались от размещения в венгерских лагерях. В июле—сентябре 2015 г. имели место митинги и бунты в лагерях,

стычки мигрантов с полицией у вокзала «Келети»²⁸ с требованием отправить их в Германию и другие страны Европы, с более высоким уровнем социального обеспечения.

Характерно, что вслед за Венгрией другие страны ЕС (включая благополучные западные) тоже прибегли к введению разного рода препятствий перед неудержимыми потоками нелегальной миграции. Брюссель же, столкнувшись с непосильной проблемой приема и устройства громадной массы беженцев, попытался распределить их по всем странам ЕС, не считаясь с их возможностями. Такое намерение встретило сопротивление, прежде всего, со стороны «восточноевропейских» государств. Страны Висшеградской группы (Венгрия, Словакия, Чехия и Польша) в сентябре 2015 г. заявили, что не примут никакую навязываемую им систему квот и намерены общими усилиями отстаивать интересы своего региона в рамках ЕС²⁹. Это было одним из коллективных проявлений недовольства диктатом Брюсселя, но не означало отказа принять беженцев по своему усмотрению. Впрочем, впоследствии из материалов СМИ стало известно, что из одного миллиона прибывших в Германию нелегальных мигрантов, подавших прошение о поселении в этой стране, половина просьб не была удовлетворена.

В политических кругах Венгрии не без основания считают, что ввиду искусственной расчлененности венгерской нации, ее малочисленности и сложившейся демографической ситуации, учитывая высокую рождаемость, характерную для мусульманских народов, целесообразно ограничить прием этой категории беженцев. Такое решение мотивировалось также опытом Западной Европы с проявлениями исламского радикализма и терроризма, отношением иммигрантов к местным порядкам и обычаям, христианским ценностям, что также настораживало. Правда, как показала практика, большинство мигрантов старались попасть именно в Германию, Францию, Великобританию и Швецию, где могли рассчитывать на высокие социальные дотации и высокий уровень социального обеспечения. Однако Брюссель впоследствии, не считаясь

с желанием и возможностями менее развитых членов ЕС, пытался навязать им размещение значительного числа нелегальных мигрантов из мусульманского мира. Это не могло не вызвать со стороны руководства ряда стран ЕС, в том числе Венгрии, недовольство, сопротивление и неприятие такого диктата.

Для Венгрии не менее важной причиной, усиливавшей евроскептицизм, стало *отношение ЕС к России*, стремление контролировать и ограничить развитие венгеро-российских взаимовыгодных торгово-экономических связей. Попытки Будапешта стимулировать эти отношения, как известно, искусственно сдерживались руководством Евросоюза, особенно после санкций, принятых против России. Министр внешнеэкономических связей и иностранных дел Венгрии П. Сийярто в одном из интервью по этому поводу справедливо подчеркивал, что «введение санкций связано не только с экономическими ограничениями, но и в целом с политикой ЕС на российском направлении». По его словам, Венгрия пыталась стать «одним из столпов перезагрузки отношений» и предупреждала, что «если Европа не выстроит диалога с Москвой на прагматической основе, то ЕС многое потеряет». Представители Венгрии в ЕС действительно неоднократно выражали свое несогласие с антироссийской политикой этого союза и поднимали вопрос о пересмотре санкций. «Мы боролись за изменение решения и его переоценку, и мы были не одни, таких стран было несколько. Но в тот день, когда надо было принимать решение, — отмечал в одном из интервью министр П. Сийярто, — мы оказались в одиночестве»³⁰. Санкции и их последствия, в конечном счете, только за последние три года обернулись для Венгрии потерей 6,5 млрд долл., включая упущенные выгоды, что является весьма чувствительным для венгерского экспорта³¹.

Премьер-министр Венгрии Виктор Орбан (его в России считают «последовательным правым политиком, евроскептиком, противником евроинтеграции и евросоциализма»)³² во время пребывания российского президента В.В. Путина в Будапеште в начале февраля 2017 г. отмечал: «Нам при-

шлось защищать наши экономические контакты. Но то, что было бы в интересах Венгрии, ЕС заблокировал»³³. Тем не менее, упорство Орбана (на наш взгляд, решительного политика-центриста и прагматика с явными, но вряд ли до конца кардинальными евроскептическими взглядами) помогло преодолеть сопротивление евробюрократии и дать новый толчок развитию отношений Венгрии с Россией.

Успеху В. Орбана не могло помешать и обнаруженное еще в 2013 г. экспертное мнение главы бывшего непартийного временного венгерского переходного кабинета министров Г. Байнаи, который после краха политического курса коалиционного социал-либерального правительства Ф. Дюрчяня пытался в кризисных условиях 2009 г. стабилизировать положение Венгрии. В интервью журналу «Мозго Вилаг» («Мир в движении») 4 июня 2013 г., т.е. в ходе начавшейся избирательной кампании перед парламентскими выборами 2014 г., он утверждал, что Венгрия «движется к экономическому катаклизму». Одновременно было сделано заявление, согласно которому страна под руководством В. Орбана «начала свой долгий марш к выходу из Европейского союза». При этом Байнаи отметил, что «пока мы получаем оттуда деньги, Виктор Орбан не ставит своей непосредственной целью выход из ЕС, но именно в этом состоит его намерение, поскольку в рамках Евросюза нельзя стабилизировать систему, к которой он стремится»³⁴. (Следует учитывать, конечно, что о намерениях Орбана имеются и другие предположения). Байнаи рассуждал следующим образом: «Я вижу, что за шпенглеровским* призраком заката Европы скрываются очень даже прагматичные устремления. Ведь если Запад на закате, тогда наступает рассвет для системы управления восточного типа, а это оправдывало бы, мотивировало бы все то, что он делает. Я же думаю совершенно иначе. Думаю, что Запад, особенно ту его часть, которая поняла сущность кризиса, ждет успех. Европа также раскалывает-

* Шпенглер Освальд (1880–1936) — немецкий философ-иррационалист, историк культуры.

ся на две части: одна часть — Германия и страны севернее от нее — в условиях кризиса демонстрирует беспрецедентные показатели развития. Северная часть основывается на экономике знаний, но вторая, южная, отстает. Для нашей группы стран (центральноевропейской. — *Б.Ж.*) имеется выбор, но решение придется принимать нам самим. У нас есть возможность зацепиться багром за северный корабль на базе экономики знаний и тогда мы сможем подняться. Если же венгерская экономика обернется к Востоку, то необходимо считаться с последствиями, с восточным уровнем жизни»³⁵.

Характерно, что при этом сам Байнаи, являясь оппонентом Орбана (политика, готового к сотрудничеству с Востоком), явно предпочел отгородиться от уже потерявших доверие избирателей либералов, свернувших свою деятельность. Он заявил, что отнюдь не собирается возрождать Союз свободных демократов или иную либеральную партию.

Глава действующего венгерского правительства В. Орбан, пользующийся, как известно, поддержкой российского лидера, сумел вывести российско-венгерское экономическое сотрудничество на новые обороты развития.

В заключение следует выразить свое авторское убеждение в том, что с устранением основных причин евроскептицизма, проведением назревших структурных реформ в Евросоюзе в соответствии с реальными потребностями и интересами стран-членов (включая возможности развития торгово-экономических партнерских отношений с Россией) вероятность того, что Венгрия останется в ЕС, очень высока. Евросоюз сохранит свой статус, как и положение одного из ведущих игроков в мире, но неизбежно изменится. Правда, только избавившись от брюссельского высокомерия и наднационального диктата (метко названного В. Орбаном попыткой «большевизации» управления) можно рассчитывать на возрождение и сохранение этого союза, у которого, несмотря на кризисные явления 2016 г., имеются, на наш взгляд, не только запасы прочности, но и большой экономический потенциал развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Tamás P.* Társadalmi konfliktusok és európai kommunikációs stratégiák // Európai Politikai Évkönyv. 1995–1996 (далее — EUPÉ). Bp., 1996. 113. old.
- ² *Németh L.* Magyarország és Európa // Magyarország és Európa. Budapest, 1993. 1. sz. 12–13. old.
- ³ *Török Á., Zsarnay J.* Az EU struktúrapolitikája, versenyszabályozása és a recesszió várható iparpolitikai hatásai // EPÉ. 238. old.
- ⁴ Независимая газета. 2001. 29 апреля.
- ⁵ Аргументы и факты. 2016. № 37. С.23.
- ⁶ Там же. 2016. № 52. С.7.
- ⁷ Там же. С. 5.
- ⁸ Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. М.; СПб., 2015. С. 144.
- ⁹ *Балог А.* Венгры-мадьяры: национальная и европейская идентичность // Центрально-европейский ежегодник 2003 (далее — ЦЕЕ 2003). М, 2003. С. 228.
- ¹⁰ Вопросы, вопросы... Правительство Венгерской Республики 1994–1995. Будапешт, 1995. С. 270.
- ¹¹ Европа без России. Договор, учреждающий Конституцию для Европы от 20 октября 2004 года. М., 2005.
- ¹² Там же. С. 9.
- ¹³ Там же. С. 13.
- ¹⁴ Там же. С. 7.
- ¹⁵ *Pozsgay I., Polgár T.* A rendszerváltás (k)ára. Bp., 2003. 23–24. old.
- ¹⁶ *Bihari M.* Magyar politika 1944–2004. Bp., 2005. 480. old.
- ¹⁷ Ibidem. 481. old.
- ¹⁸ *Чаба Л.* В преддверии вступления в ЕС: какого рода ЕС нам нужен? // ЦЕЕ 2003. С. 84.
- ¹⁹ *Pozsgay Imre.* Felszólalása // Magyar jövőkép. Egy minőségi magyar paradigma. Székesfehérvár, 1996. 41. old.
- ²⁰ Коммерсантъ. 2017. № 12. 24 января. С. 6.
- ²¹ *Pozsgay I.* Op. cit. 41. old.
- ²² *Inotai A.* Magyarország EU-tagságának kritériumrendszere // EUPÉ, 33. old.
- ²³ *Varga G.* Magyarország mezőgazdasága az Európai Unió kapujában // EUPÉ., 144. old.
- ²⁴ Вопросы, вопросы... С. 272.
- ²⁵ *Sebestyén I.* Magyar euroszepticismus // Magyar jövőkép. Egy minőségi magyar paradigma. Székesfehérvár, 1996. 130. old.
- ²⁶ Ibid. 131. old.
- ²⁷ *Tamás P.* Op. cit., 107–108. old.
- ²⁸ MTI. 2015. augusztus 30.
- ²⁹ *Шишелина Л.Н.* Россия и Центральная Европа в условиях глобализации // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реалиях. М., 2006. С. 68.
- ³⁰ Коммерсантъ. 2017. № 12. 24 января. С. 6.
- ³¹ Там же.
- ³² См.: Независимая газета. 2017. № 22–23. 3 февраля. С. 4. Газета на первой странице обозначила поездку Путина в Венгрию под рубрикой «Визит в Венгрию как сигнал для евроскептиков».
- ³³ Российская газета. 2017. № 24. 3 февраля. С. 2.
- ³⁴ *Bajnai Gordon* a fapados szalonban. «Vesztes stratégiát nem építtek, az magától megvan» // Mozgó Világ, 2013. 7–8. sz., 25. old.
- ³⁵ Ibid. 39–40. old.

Венгрия: умеренный евро-скептицизм

В январе 2014 г. в Будапеште независимый Институт экономических исследований GKI провел конференцию на тему «Десятый год в ЕС — без подтягивания к уровню развитых стран». Президент этого Института А. Вертеш назвал минувшее десятилетие «попусту растраченным»: приближения к среднему уровню западноевропейских стран ЕС не произошло, зато почти по всем направлениям усиливается отставание от других стран региона ЦВЕ, жестко падает конкурентоспособность и международная оценка страны, узкий слой элиты богатеет, средний класс слабеет, бедность распространяется как вширь, так и вглубь — без общественного примирения и фундаментальных совместных перемен шансов на оздоровление нет.

А ведь все начиналось так благостно. В мае 2004 г. Венгрия стала полноправным членом Евросоюза. Это событие было широко отмечено в стране как долгожданный и судьбоносный праздник. Венгрия продолжила курс на привлечение иностранного, главным образом — западного, капитала, с помощью которого удалось обеспечить коренную перестройку экономики, повысить технический уровень ключевых отраслей промышленности, ускорить темпы экономического роста, углубить интеграцию в мировое хозяйство и, как результат, выйти в лидеры среди стран ЦВЕ — кандидатов на вступление в Евросоюз. Правда, одновременно было свернуто почти 30 % отечественного производства энергоносителей при расширении их импорта.

Присоединение Венгрии к ЕС, однако, оказало благоприятное воздействие лишь на 1/10 часть венгерских отечественных предприятий — наиболее сильных и конкурентоспособных (именно они смогли воспользовать-

ся преимуществами единого рынка ЕС); большинство же предприятий, особенно слабых, столкнувшись с новой конкурентной ситуацией на внутреннем рынке страны, были вынуждены постепенно сдавать здесь свои позиции¹.

В наибольшем проигрыше оказались сельское хозяйство и пищевая промышленность. Если раньше эти отрасли обеспечивали потребности страны на 130 %, т.е. Венгрия была крупным нетто-экспортером аграрной и продовольственной продукции, то сейчас многие сегменты продовольственного рынка захвачены иностранными производителями. Особенно сильно пострадало животноводство (свиноводство и птицеводство). До сих пор безуспешно борются с импортом из стран ЕС венгерские производители молока, а также консервная, мукомольная, табачная и пивоваренная отрасли пищевой промышленности Венгрии.

Следует, однако, особо подчеркнуть, что доля предприятий с иностранным участием в производстве ВВП страны, достигшая к рубежу веков 50 %, намного превысила не только «безопасный», признанный в мировой практике оптимум в 30 %, но и тот предел, который был намечен самими реформаторами, осуществившими на рубеже 80–90-х годов прошлого века смену общественно-экономического строя.

Все это сделало венгерскую экономику весьма уязвимой и зависимой от политики нескольких крупнейших ТНК, учредивших здесь свои дочерние предприятия, сузило возможности хозяйственного руководства страны по выработке и реализации национальной стратегии развития, в частности, по поддержанию устойчивого экономического роста².

Отрезвление пришло, когда осенью 2008 г. разразился мировой финансовый кризис: началось массовое бегство из страны иностранного капитала, а отечественный сектор экономики оказался в запущенном состоянии. Важнейшим последствием финансового кризиса в Венгрии стал дефицит иностранной валюты на межбанковском рынке. Возможности заимствования за рубежом резко сократились, при этом иностранные материнские банки, занятые

решением своих проблем с ликвидностью, отказывались кредитовать даже собственные дочерние подразделения, учрежденные на территории Венгрии.

Осенью 2008 г. под влиянием паники на рынках из страны началось бегство иностранного капитала, прежде всего спекулятивного. До конца 2008 г. иностранные инвесторы избавились от венгерских государственных ценных бумаг на сумму почти в 5,8 млрд долл.³ Волна оттока иностранного капитала прошла и по инвестиционным фондам. Хотя к концу 2008 г. этот процесс затормозился, эти фонды по итогам года не досчитались 3,9 млрд долл.⁴

Более 80 % банковских активов в Венгрии тогда находились в собственности иностранных инвесторов. И хотя ни один венгерский банк из-за мирового финансового кризиса не обанкротился, надо признать, что западные инвесторы решали свои проблемы с ликвидностью частично и за счет своих дочерних подразделений, учрежденных на венгерской территории.

Имевшиеся у Венгрии золотовалютные резервы, весьма скромные даже по сравнению с соседними странами (17,4 млрд евро), оказались явно недостаточными для решения возникших проблем с поддержанием курса форинта путем валютных интервенций на межбанковском валютном рынке.

Во избежание банкротства Венгрия одной из первых в ЕС — уже в конце октября 2008 г. — была вынуждена заключить в срочном порядке соглашение с Еврокомиссией, Международным валютным фондом и Международным банком реконструкции и развития о выделении ей стабилизационного кредита на сумму 20 млрд евро, что в 2 раза превышало стоимость венгерских государственных ценных бумаг, находившихся тогда в собственности иностранных инвесторов.

Главное согласованное условие, которое МВФ, ЕС и МБРР поставили перед Венгрией, — это использование выделенных средств не на цели развития, а исключительно на недопущение банкротства государства. По достигнутому соглашению, Венгрия в 2009 г. должна была снизить

дефицит госбюджета до 2,6% ВВП. При этом надлежало отказаться от дальнейшего форсирования экономического роста. Кроме того, страна взяла на себя обязательство скорректировать и все другие первоначально намеченные на 2009 г. параметры социально-экономического развития: вместо роста инвестиций на 6% было запланировано их сокращение на 0,9%, вместо увеличения потребления населения на 1,9% — его снижение на 3,1%.

Столь стремительной и драматичной смены экономического курса Венгрия еще не знала. Она тяжелее других стран региона переживала последствия мирового кризиса. В результате, через 10 лет после вступления в ЕС, страна полностью утратила лидирующие позиции среди стран региона. Венгрия оказалась втянутой в пучину депрессии и стагнации, вырваться из которой ей, несмотря на предпринимаемые усилия, до последнего времени не удавалось. Лишь в 2014 г. — последней среди стран ЦВЕ — Венгрии удалось довести объем своего ВВП до предкризисного уровня 2007 г.

Глобальный финансово-экономический кризис остановил, кроме того, и приток в Венгрию иностранного предпринимательского капитала, который на протяжении почти полутора десятилетий был стабильно высоким. Более того, в начальный период кризиса наблюдался его отток, и объем накопленных ПИИ в стране ощутимо сократился: с 66,4 млрд евро в 2007 г. до 64,2 млрд евро в 2009 г.⁵

Кроме того, в 2000-е годы, когда в стране накопился большой объем ПИИ, иностранные инвесторы начали активно вывозить прибыли, полученные ими на своих венгерских предприятиях, в связи с чем стал неуклонно увеличиваться пассив по статье платежного баланса «движение доходов». Именно он в предкризисные годы стал главным дефицитообразующим фактором в общем балансе счета текущих операций.

Роковую роль в нынешнем непростом экономическом положении сыграло и то, что, начиная с 2001 г., страна стала жить явно не по средствам: она поспешила перенять — в том числе и под влиянием эйфории в связи с присоеди-

нием к ЕС — западную модель потребительского общества, свернуть с которой оказалось весьма проблематично. Венгерские правительства из года в год допускали отрыв роста доходов населения от роста производительности труда. В итоге стали обыденными огромный хронический дефицит государственного бюджета и счета текущих операций платежного баланса, угрожающе возросли внешняя задолженность и внутренний государственный долг.

Начиная с 2000 г., Венгрия вынуждена обращаться к внешним заимствованиям. Проблема внешней задолженности приняла затяжной характер и стала одной из самых острых в экономическом развитии. Руководству страны пришлось признать избыточной ту долю, которую иностранный капитал получил в венгерской экономике.

В результате правительство во главе с лидером Венгерского гражданского союза Виктором Орбаном, пришедшее к власти весной 2010 г., было вынуждено разработать и проводить новую экономическую политику, направленную на ограничение роли иностранного капитала, в первую очередь — западных ТНК, путем его выдавливания. В июле 2012 г. В. Орбан поставил задачу повысить долю отечественного капитала в банковском секторе страны до 50 %, т.е. более чем в 2,5 раза⁶. При этом он исходит из того, что национальная независимость в мирное время базируется на независимости в области энергетики, финансов и торговли⁷.

Выкупив в конце 2014 г. у американской финансово-промышленной группы GE банк «Будапешт», доля отечественного капитала в банковском секторе страны превысила 50 %. Таким образом, поставленная В. Орбаном задача за 2,5 года была выполнена. По мнению В. Orbana, нужно еще выкупить несколько банков у иностранных собственников, а затем сделать их доступными для приобретения отечественными предпринимателями.

Венгерское правительство, таким образом, вовсе не стремится, чтобы банковское дело было в преобладающей государственной собственности — важно, чтобы оно стало национальным, поскольку не может быть и речи о неза-

висимости страны без национальной кредитно-денежной системы⁸.

Одновременно В. Орбан заявил о необходимости перевести на некоммерческую основу жилищно-коммунальное хозяйство, в котором также широко присутствует иностранный капитал. Здесь правительство установило ведомственные тарифы, которые в течение 2013–2014 гг. неоднократно централизованно снижало.

Таким образом, речь идет, по сути, о национализации и деприватизации социально и экономически значимых отраслей народного хозяйства. Как заявил Т. Феллеги, будучи министром без портфеля, отвечающим за переговоры с МВФ, «ключ к экономическому суверенитету страны лежит в сильном государстве и наращивании государственной собственности — нужно покончить с практикой, ограничивающей роль государства»⁹.

Видя, какими методами Евросоюз решает финансовые проблемы Греции, Кипра и других проблемных стран еврозоны, венгерское руководство решило также — вопреки рекомендациям Еврокомиссии — отказаться от практики дальнейшего затягивания поясов у населения, полагая, что теперь настало время раскошелиться транснациональным корпорациям и, прежде всего, иностранным банкам — главным получателям выгод от кризисной ситуации в еврозоне. Более решительно венгерское правительство стало вмешиваться и в процессы ценообразования на социально значимые товары. В области структурной политики акцент решено поставить на предприятия, производящие материальные блага, в ущерб предприятиям сферы услуг (прежде всего, финансовому сектору)¹⁰.

Важным достижением Венгрии явилось то, что в апреле 2016 г. она погасила последнюю часть заимствований, взятых ею в разгар мирового кризиса 2008–2009 гг. у МВФ, Еврокомиссии и МБРР. Одновременно Венгрия реструктурировала состав госдолга: если раньше на долю иностранной валюты приходилось 70 %, то сейчас лишь 35 %. Резко возросло доверие к венгерским государственным ценным бумагам. Теперь население вкладывает

в них более 50 % своих сбережений. Эмиссия гособлигаций в иностранной валюте практически прекращена, все больше внимания уделяется внутреннему рынку. В результате удалось значительно сократить долю иностранного финансирования¹¹.

На Западе эти шаги В. Орбана подвергаются острой критике, поскольку своей националистической политикой он якобы отпугивает иностранных инвесторов. «Орбан как будто хочет вернуть времена гуляшного социализма, ограничивая не только демократические права в стране, но и пытаясь снова поставить под контроль государства сферу экономики»¹².

Самостоятельная позиция, занимаемая в последние годы руководством Венгрии по ключевым вопросам положения дел в Евросоюзе, привела к открытому конфликту и противостоянию с ЕС и США. Не последнюю роль в этом сыграло заключение Венгрией соглашения об участии России в строительстве двух новых энергоблоков на АЭС «Пакш», сдержанное отношение Венгрии к санкциям в отношении России, прекращение в 2014 г. реверса природного газа на Украину и другие самостоятельные шаги, предпринимаемые как во внутренней политике, так и на международной арене, не совпадающие с позицией США и Евросоюза.

Сильным раздражителем для Запада является также проводимая премьер-министром В. Орбаном политика, направленная на ограничение роли иностранного капитала, в первую очередь — западных ТНК. Особенно задевают интересы ЕС и США успехи Венгрии в вытеснении иностранного банковского капитала.

Припоминают В. Орбану и его речь в студенческом летнем лагере в Тушнадфюрде 26 июля 2014 г., в которой он повторно заявил о крахе либерализма¹³, поскольку нынешние либеральные ценности находят свое воплощение в коррупции, сексе и насилии. Следовательно, — делает вывод В. Орбан, — надо покончить с либеральными принципами и методами организации общества, а также вообще с либеральным пониманием общества. При этом он

сослался на пример таких стран, как Сингапур, Китай, Россия и Турция, которые побуждают к поиску других, независимых от Запада, форм общественной организации, позволяющих в перспективе повысить конкурентоспособность страны в мире. Демократия не обязательно должна быть либеральной. Венгрию он намеревается преобразовать в такую страну, которая берет на себя ответственность заявить, что по своему характеру не является либеральной¹⁴.

Американская газета «Washington Post» в редакционной статье беспощадно раскритиковала эти взгляды В. Орбана и уподобила его нацистам и гангстерам. При этом, по мнению газеты, Евросоюзу необходимо как можно скорее лишить В. Орбана этого ложного представления о своей значимости, а США надо попросту понизить уровень дипломатических отношений с Венгрией¹⁵.

В результате США решили жестко наказать Венгрию в назидание другим странам ЦВЕ, могущим пойти по ее пути. Осенью 2014 г. Госдепартамент США внезапно объявил о внесении в «черный список» лиц, которым отказано в визах на въезд в США, ряда венгерских чиновников высшего звена и близких к правительству бизнесменов, обвиняя их в коррупции. При этом ни сам список, ни причины его появления обнародованы не были. Единственное, что стало достоянием гласности, так это имя председателя Национального налогового и таможенного управления И. Виды, которую США голословно обвинили в коррупции¹⁶. Одновременно стало известно, что в этом управлении проводится проверка нескольких американских компаний, зарегистрированных на территории Венгрии.

Поводом для осенней серии многотысячных выступлений по всей стране против политики правительства послужило его намерение ввести налог на пользователей Интернета. В самом начале задачей манифестантов, которых организаторам выступлений удавалось регулярно выводить на улицы, используя социальные сети, действительно, было не допустить введения этого налога. В воскресенье 26 октября 2014 г. молодые люди «мышками»,

клавиатурами и другими компьютерными принадлежностями забросали центральный офис партии Фидес в Будапеште. К протестующим присоединились футбольные фанаты, а впоследствии и профсоюзы. Были запланированы также акции солидарности за рубежом¹⁷.

Симптоматично, что после того, как правительство отказалось от этих планов, демонстрации не прекратились, а среди лозунгов появились и такие требования, как пересмотр закона о бюджете на 2015 г., устранение усиливающейся после смены общественного строя социальной несправедливости, протест против недееспособности государства и системной коррупции¹⁸. Встречаются и антироссийские лозунги. Главным требованием митингующих стала отставка правительства, возглавляемого В. Орбаном. И это после того, как Фидес в 2014 г. трижды выигрывал проводившиеся в стране выборы: в апреле — парламентские, в мае — в Европарламент, а в октябре — в местные органы самоуправления.

Подобный размах и четкая организованность свидетельствуют о наличии внешнего инициатора и режиссера этих событий, а именно США, которые пытаются реализовать в Венгрии известный сценарий «цветных революций». Неслучайно на этих акциях, как правило, присутствовал временный поверенный в делах США в Венгрии А. Гудфренд, ранее работавший в Сирии. На это указывают и венгерские аналитики. Так, главный редактор «Венгерского демократа» А. Бенчик на своей странице в Фейсбуке 27 октября написал, что «США нам не друг и даже не союзник, США — это такая империя, которую интересуют исключительно собственные интересы. Их цель — сохранить и усилить завоеванную ими ведущую роль на Земле. С этой точки зрения Венгрия для США — это такая периферия, самостоятельные устремления которой представляют угрозу для их имперской гегемонии». Гудфренд, как утверждает А. Бенчик, объяснил свое присутствие на акциях протеста в Будапеште желанием показать, что США готовы задействовать против правительства В. Орбана кровавый сценарий по типу украинского Майдана¹⁹.

Венгерское руководство понимает всю остроту момента. В. Орбан оценил подобные нападки со стороны США как наступление на национальную независимость страны, в силу чего свою важнейшую задачу он видит в ее защите²⁰. Спикер парламента Венгрии Л. Кевер признал, что ситуация много серьезнее, чем может показаться. Американцы подобную политику применяют не только в отношении Венгрии. В своих геополитических играх они используют венгров, чехов, румын и словаков как средство достижения своих корыстных целей²¹. Брюссель же диктует Венгрии правила поведения — если в этом заключается будущее Европейского союза, тогда, действительно, стоит задуматься о том, какими путями можно будет медленно, но осторожно выйти из него²².

В этой связи показательно демонстративное «выдворение» флага Евросоюза из здания венгерского парламента. Как объяснил этот демарш Л. Кевер, «зал заседаний Все-венгерского собрания предназначен для депутатов венгерского парламента, это вам — не Европарламент»²³.

На чрезвычайном совещании с венгерскими послами, состоявшемся 9 марта 2015 г. в Будапеште, В. Орбан потребовал от послов и министра внешнеэкономических и иностранных дел П. Сийярто четкого понимания сути нынешних изменений мирового порядка, приспособления к ним с тем, чтобы Венгрия могла получить преимущества по сравнению с другими странами.

Ясно, что уже в обозримой перспективе в мире будут действовать другие отношения между центрами силы, чем те, которые были на момент назначения большинства из нынешних венгерских послов на должность.

Как подчеркнул В. Орбан, за последние 25 лет все привыкли к тому, что интересы венгерской внешней политики автоматически совпадают с интересами крупных держав, в сферу влияния которых Венгрия входит. Однако в последнее время эта предопределенность претерпела ощутимые изменения: система интересов Венгрии уже не совпадает на 100% с интересами ни Германии, ни США. У страны есть свои собственные национальные интересы,

отличные от интересов ведущих стран Запада. Если они не совпадают с интересами важных для Венгрии партнеров, то надо добиваться того, чтобы и США, и Германия, а также Россия, Китай, Турция одновременно были заинтересованы в том, чтобы Венгрия была успешной²⁴.

Расшифровывая этот свой тезис, В. Орбан пояснил, что для Германии, например, благополучие Венгрии является элементарным интересом, поскольку в противном случае немецкие инвестиции на территории Венгрии на сумму более 20 млрд евро просто не будут успешными.

Для США важны информатика и высокие технологии — не случайно именно с американцами Венгрия заключила большинство стратегических соглашений.

России Венгрия стремится дать понять, что мы не являемся противниками, венгры готовы аккуратно и скрупулезно платить, и хотя для страны важен суверенитет Украины, но из этого никак не следует антироссийская политика.

В связи с событиями на Украине, где в настоящее время идет гражданская война, В. Орбан подчеркнул, что для Венгрии вопрос автономии национальных меньшинств в соседних странах имеет ключевое значение, однако в настоящее время в отношениях с соседними странами следует сосредоточиться лишь на экономическом и инвестиционном сотрудничестве. В этом плане показательно, что с января 2015 г. Венгрия возобновила реверсные поставки природного газа на Украину. Более того, она перевела их на долгосрочную договорную основу.

На традиционном совещании с венгерскими послами, состоявшемся 1 марта 2016 г. в Будапеште, В. Орбан, говоря об Украине, подчеркнул, что не видно, когда из нее получится правовое государство, располагающее экономической структурой по западному образцу. Тем не менее, между Венгрией и Россией всегда должно быть «что-нибудь» — пусть даже это будет называться Украиной, — чтобы у Венгрии не было общей границы с Россией.

В то же время Венгрия, по его мнению, не заинтересована в том, чтобы под предлогом Украины ее втянули в

антироссийскую международную коалицию. Касаясь санкций ЕС в отношении России, он повторил свое заявление, сделанное в Москве на встрече с В.В. Путиным 17 февраля 2016 г. о том, что в конце июня 2016 г. на саммите ЕС нельзя допустить их автоматического продления²⁵.

Касаясь Китая, В. Орбан отметил, что во внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии Пекина есть место для Центральной Европы, поскольку китайцы не хотят выпасть из мировой системы свободной торговли, для чего выстраивают сильные европейские позиции в регионе.

В нынешнем беспокойном мире для Венгрии, на взгляд В. Орбана, особенное значение имеют три направления: Германия, Россия и Турция, — поскольку именно эти три государства в последнее тысячелетие определяют то, что происходит с венграми. Атлантическое и англосаксонское сотрудничество также важны, но «эти страны где-то там далеко, а мы, венгры, здесь». Венгрии небезразлично и то, что происходит на Балканах, отсюда важно отслеживать турецкую внешнюю политику.

Противопоставлять интеграцию Венгрии с Западом восточному или южному направлению внешней политики страны, по мнению В. Орбана, не имеет смысла, поскольку Венгрия сама является неотъемлемой частью Запада.

Постановка ультраправой националистической партией «Йоббик» вопроса о возможном выходе Венгрии из западной интеграции не имеет под собой оснований: два всенародных референдума подтвердили волю народа интегрироваться с Западом и никакая политика правительства не вправе ее переписать.

Об известной доли разочарования Венгрии в интеграции в рамках ЕС свидетельствует и то, что в венгерской торгово-экономической дипломатии в последние годы все более заметен крен в сторону Востока — Венгрия активно ищет там новых инвесторов, правда, пока без особых результатов. Тем не менее, В. Орбан на вышеупомянутом совещании с венгерскими послами 9 марта 2015 г. заявил, что политика открытия по отношению к Востоку (имеются

в виду страны БРИКС, Япония, Казахстан, Турция, Азербайджан, Иран, арабские страны) свершилась, ворота открыты — надо следить, как бы кто-нибудь их не закрыл.

Показательно, что в апреле 2016 г. Венгрия первой среди стран ЦВЕ в качестве пробного шага разместила облигации в Китае на небольшую сумму в 1 млрд юаней (137 млн евро) на 3 года под 6,25 % годовых (в пересчете на евро получится 2,0–2,5 % годовых). При этом еще раз было подчеркнуто, что венгерская экономика сегодня, к счастью, может позволить себе протестировать новый рынок заимствований и такой небольшой суммой, а в планах на 2016 г. размещение облигаций в иностранной валюте на более значительные суммы не фигурирует²⁶.

С целью активизации сотрудничества с Турцией В. Орбан в декабре 2013 г. посетил Стамбул и Анкару во главе многочисленной делегации венгерских предпринимателей, представляющих строительство, пищевую промышленность, инфокоммуникации, сельское хозяйство, машиностроение, фармацевтическую и химическую отрасли, а также индустрию по защите окружающей среды и водное хозяйство. По состоянию на конец 2013 г. на территории Венгрии функционировали 263 предприятия с участием турецкого капитала, а в Турции — 48 предприятий с венгерским участием²⁷.

Об усилиях, предпринимаемых Венгрией в восточном направлении, наглядно свидетельствуют и итоги официального визита В. Орбана в Казахстан в начале апреля 2015 г. В ходе визита был подписан ряд соглашений, в том числе об учреждении венгеро-казахского Стратегического совета, о запуске совместного финансового фонда (учредители KazAgro Holding и венгерский Eximbank), о непосредственном воздушном сообщении между странами²⁸.

В декабре 2015 г. В. Орбан нанес официальный визит в Иран, в ходе которого провел переговоры с высшим руководством страны (предыдущий визит на таком высоком уровне состоялся 27 лет тому назад). В сопровождавшую его делегацию были включены 140 венгерских бизнесменов, представлявших нефте- и газодобычу, атомную энер-

гетику, водное хозяйство, пищевую и легкую промышленность²⁹.

В ходе официального визита В. Орбана в Баку в начале марта 2016 г. стороны, в частности, подписали соглашение о создании совместного Фонда развития в области электроники и информационных технологий, заключили рамочный договор на сумму 100 млн форинтов (около 320 тыс. евро) в области проектирования и строительства объектов инфраструктуры (дорог и мостов), подтвердили сотрудничество в области сельского и водного хозяйства³⁰.

В этом же ряду уместно отметить возобновление Венгрией в мае 2015 г. своего членства в Международном инвестиционном банке, из которого она вышла в 2000 г. Кроме того, 31 марта 2015 г. Венгрия получила статус кандидата на вступление в Азиатский банк инфраструктурных инвестиций³¹.

Весьма острым раздражителем в Венгрии в настоящее время стал разразившийся в ЕС миграционный кризис. Как заявил премьер-министр Венгрии В. Орбан, венгерское общество не желает видеть беженцев у себя в стране, оно испытывает страх от перспективы жить бок о бок с многочисленной мусульманской общиной, поскольку видит, что происходит в Западной Европе и это ему не нравится³². Негоже, полагает В. Орбан, что кто-то в Брюсселе стремится решить демографические и экономические проблемы стран ЕС посредством привлечения мигрантов. Венгрия намерена решать свои проблемы не с помощью мигрантов, а путем политики в области экономики и семьи³³. Спикер венгерского парламента Л. Кевер в связи с этим отмечает, что Европа сама больна, а нынешний миграционный кризис вторичен — первичен же глубокий духовный, моральный и вытекающий из этого политический кризис Евросоюза³⁴.

По отношению к численности населения Венгрия в первой половине 2015 г. стояла на втором после Швеции месте по количеству прибывающих в страну беженцев, а по отношению к ВВП на душу населения Венгрия несла наибольшее в ЕС бремя на их содержание. Страна в этом плане

оказалась в худшем положении, чем любая другая западноевропейская страна. При этом иммигранты вначале еще могли из Венгрии двигаться далее вглубь ЕС, но из-за ограничений, которые планировали ввести Австрия, Германия и другие страны ЕС, они стали оставаться в стране³⁵.

На саммите Вишеградской четверки, прошедшем в Братиславе 19 июня 2015 г., лидеры стран-участниц назвали неприемлемыми иницилируемые Еврокомиссией обязательные квоты по беженцам. О напряженности в отношениях стран Вишеградской четверки с Еврокомиссией свидетельствует высказывание премьер-министра Словакии Р. Фицо о том, что никто в Евросоюзе никак не реагировал, когда поток нелегальных беженцев устремился в Венгрию. Зашевелились лишь тогда, когда мигранты стали прибывать в Италию и Грецию, причем в гораздо меньших количествах, чем в Венгрию. Словакия, по его словам, поддерживает Великобританию в ее стремлении реформировать Евросоюз, повысить роль национальных парламентов в принятии решений³⁶.

На состоявшемся 20 июля 2015 г. в Брюсселе совещании министров внутренних дел стран ЕС Венгрия явилась единственной страной, которая вообще не согласна принимать у себя ни одного беженца³⁷. Более того, она приостановила прием у себя и так называемый дублинский трансфер, т.е. беженцев, которых возвращают ей другие страны ЕС в силу того, что те попали на территорию ЕС через венгерскую внешнюю границу и в Венгрии же подали заявление о предоставлении им убежища. Венгерские эксперты считают это правило ЕС несправедливым, ставящим в невыгодное положение страны, находящиеся по внешней границе шенгенской зоны. В 2014 г. таковых в Венгрии насчитывалось 827 чел. Еврокомиссия жестко отреагировала на этот демарш Венгрии, потребовав от нее объяснений³⁸.

Сенсацией для многих стало предложение В. Орбана соорудить «железный занавес», т.е. забор высотой 4 м и длиной 175 км вдоль границы Венгрии с Сербией, с тем, чтобы препятствовать нелегальному пересечению границы.

Раздражение и неприятие в правящих кругах ЕС и США вызвало решение правительства Венгрии провести 2 октября 2016 г. референдум об отношении населения к тому, что Евросоюз без разрешения парламента страны в обязательном порядке будет предписывать Венгрии принимать выделенные ей Евросоюзом квоты мигрантов³⁹. В этом вопросе Венгрию решительно поддерживают страны Вишеградской четверки, или, как их называли немецкие журналисты, «восточный антиисламский квартет»⁴⁰.

В то же время, по инициативе шведского министра по делам мигрантов может быть сформирован так называемый антивенгерский скандинавский «Северный фронт», целью которого будет оказание на Венгрию давления в вопросе «дублинского трансфера», от приема которого она отказывается⁴¹.

Не все страны ЦВЕ безоговорочно поддерживают введение санкций в отношении России. По мнению В. Орбана, эта политика противоречит национальным интересам Венгрии. Как и премьер-министр Словакии Р. Фицо, премьер-министр Венгрии полагает, что из-за взаимных санкций Запад теряет больше, чем Россия: «Мы сами выстрелили себе в ногу»⁴². По оценке министра внешнеэкономических связей и иностранных дел Венгрии П. Сийярто, за прошедшие 2 года санкции ЕС в отношении России нанесли стране ущерб в 4,5 млрд долл.⁴³ В силу этого В. Орбан решил искать единомышленников в Евросоюзе с тем, чтобы переосмыслить и изменить всю санкционную политику ЕС. Необходимо, считает В. Орбан, созвать конференцию, на которой ЕС и Россия смогли бы обсудить перспективы взаимного сотрудничества, включая и украинский вопрос.

Министр внешнеэкономических и иностранных дел Венгрии П. Сийярто 4 апреля 2016 г. в Берлине на переговорах со своим немецким коллегой подчеркнул, что как для конкурентоспособности Европы, так и для ее безопасности важно обеспечить связь между Евросоюзом и Россией. Венгрия в связи с этим хотела бы инициировать вопрос о возможности восстановления прагматичного сотрудничества с РФ⁴⁴.

По-разному относятся в странах ЦВЕ и к переходу на евро, особенно после долгового кризиса в еврозоне. Как отмечает венгерский эксперт Г. Каршай, в регионе распространено мнение, что странам ЦВЕ пока надо стремиться лишь к выполнению критериев, необходимых для введения евро. От фактического перехода на евро надо воздержаться⁴⁵.

Мнение венгерского руководства по этому вопросу четко выразил премьер-министр В. Орбан. Касаясь обязательства Венгрии присоединиться к еврозоне, т.е. отказаться от национальной валюты и перейти на евро, которое она взяла на себя в 2004 г. при вступлении в Евросоюз, В. Орбан заявил, что теперь, когда еврозона в кризисе, многие страны задают себе вопрос: хотят ли они вводить у себя евро? Венгрия себя на всякий случай обезопасила: в новой Конституции зафиксировано, что платежным средством является форинт. Следовательно, венгры могут быть спокойны: для перехода на другую валюту необходимо либо изменить Конституцию, либо получить в парламенте страны квалифицированное большинство в 2/3 голосов⁴⁶.

В странах ЦВЕ за годы после получения членства в ЕС отношение к евроинтеграции заметно изменилось. Вместо эйфории, характерной для оценки самого факта вступления в ЕС и первых «медовых» годах пребывания в Евросоюзе, теперь наблюдается разочарование, поскольку ожидаемое западное благосостояние и подтягивание к уровню Запада не состоялись. Населению стран ЦВЕ до их вступления в ЕС объясняли, что Евросоюз — это воплощение европейских ценностей, он обеспечит реализацию демократических базовых прав и тем самым повышение благосостояния, что в нем все страны равноправны, а более сильные государства солидарны с более слабыми и помогут им подняться до их уровня жизни.

Теперь же многие начинают понимать, что хотя ЕС за свободное передвижение людей, но это, действительно, далеко не социальный союз⁴⁷. Ведущие державы в ЕС оставляют за собой право, считает председатель Венгерской рабочей партии А. Вайнай, выстраивать такую систему

управления, при которой смогут еще энергичнее эксплуатировать менее развитые страны. Они, по сути, не танками, а банками сумели оккупировать малые страны ЕС. Дальнейшая концентрация власти в руках ведущих государств ЕС позволяет им еще результативнее грабить бедные страны ЕС, что приводит не к расцвету демократии, а к установлению там авторитарной диктатуры. Нынешняя Европа в будущем станет не демократическим союзом народов, а навязанной народам Европы транснациональными корпорациями США и ЕС трансатлантической зоной свободной торговли⁴⁸.

Мировой финансово-экономический кризис 2008 г., недавний долговой кризис в еврозоне, исход молодежи на Запад, нынешний миграционный кризис, навязанные странам ЦВЕ санкции в отношении России только усилили скептические настроения по отношению к ЕС у населения стран ЦВЕ и, прежде всего, стран Вишеградской четверки. Европейское сообщество оказалось более бюрократизированным, чем страны ЦВЕ полагали ранее.

Население стран ЦВЕ сегодня намного более трезво оценивает членство своих стран в Евросоюзе. В Венгрии, например, почти 3/4 опрошенных полагают, что для ЕС главной причиной расширения было получение новых рынков: «ЕС расширяется, чтобы западноевропейские державы могли оказывать политическое и экономическое влияние на страны Центральной и Восточной Европы». Более половины опрошенных убеждены в том, что Евросоюз колонизирует Венгрию и другие малые европейские страны, а 2/3 считают, что в результате присоединения к ЕС в Венгрии увеличилась численность бедняков, беженцев и наркоманов⁴⁹.

Крайне болезненно в странах ЦВЕ воспринимается тенденция массовой эмиграции молодежи из региона. Квалифицированные кадры в странах ЦВЕ получают гораздо меньшие зарплаты, чем в соседних западноевропейских странах, в силу чего в больших количествах покидают страну. «Почему современная Восточная Европа стала столь малопривлекательной альтернативой? — задается вопросом венгерский социолог Э. Барта. — Почему столь многие

ищут несбыточного счастья на Западе, даже ценой того, что отказываются от той карьеры, которую легко могли бы сделать дома?» Ведь многие к тому же в действительности устраиваются на должности, не соответствующие уровню их образования, и, в отличие от эмигрантских мифов, часто берутся за такую работу, которая местных не очень привлекает. Как полагает Э. Барта, в рамках ЕС воспроизводится иерархическая система отношений «центр — периферия», при которой периферия снабжает страны центра дешевой рабочей силой и сырьем. А это, в свою очередь, подпитывает цивилизационно-расистские доводы западных центров силы, согласно которым восточноевропейцы якобы «априори» являются гражданами второго сорта или, по крайней мере, они — экзотические «другие»⁵⁰...

При этом в венгерском исходе, как показали статистические исследования, гораздо более высока доля высококвалифицированных кадров, чем в других странах ЦВЕ⁵¹. В Венгрии, например, ежегодно по этому каналу наблюдается утечка 40–60 тыс. чел. в численности занятых. Это означает, что в настоящее время, по различным оценкам, 300–500 тыс. венгров трудятся в других странах Европейского союза. Для экономики страны это обернулось все возрастающим дефицитом квалифицированной рабочей силы, что тормозит ее дальнейшее развитие. В то же время, по данным ЦСУ Венгрии, в 2015 г. денежные переводы венгерских граждан из-за рубежа на родину достигли 3 % от годового объема ВВП страны⁵².

Тем не менее, венгерское правительство в апреле 2015 г. запустило правительственную программу по возвращению молодых венгерских специалистов домой на родину. Для стимулирования этой категории венгерских граждан к возвращению на родину правительство в 2015 г. выделило 100 млн форинтов (около 325 тыс. евро), которые направлены на покрытие стоимости авиационного билета и выплату в течение 1 года по 100 тыс. форинтов в месяц (примерно минимальный размер оплаты труда в стране) на покрытие стоимости аренды жилья и коммунальных платежей⁵³.

Надо иметь в виду, что как бы ни были критично настроены жители стран ЦВЕ по отношению к нынешнему Евросоюзу, о выходе своих стран из сообщества мало кто задумывается. Согласно проведенным в 2014 г. международным агентством Ipsos опросам в 10 странах ЕС, в том числе в Венгрии и Польше, хотя 68% респондентов признали, что дела в Евросоюзе идут в негативном направлении, тем не менее, о необходимости выхода из ЕС заявили всего 19% опрошенных. Среди венгров лишь 17% респондентов готовы покинуть ЕС⁵⁴.

62% принявших участие в опросах полагают, что требование ЕС сократить бюджетные расходы оказало плохую услугу экономике их стран. О скепсисе в отношении ЕС говорит и то, что всего 35% респондентов признали тот факт, что нынешний уровень жизни выше, чем был до вступления в ЕС.

Идеальной жители 10 стран ЕС, принявших участие в опросах, считают ситуацию, при которой страна остается в ЕС, но давление со стороны ЕС сведено до минимума. Такой точки зрения придерживаются 34% всех респондентов, в том числе 25% венгров. Правда, 18% всех опрошенных полагают, что необходимо и дальше наращивать влияние Евросоюза на страны-члены, при этом они высказались за создание самостоятельного европейского наднационального правительства.

Ожидаемо высказались респонденты относительно льгот и преференций в рамках ЕС, которые обеспечивают себе более богатые страны сообщества. Так, 64% поляков и 55% венгров полагают несправедливыми привилегии, которыми пользуются в Евросоюзе более богатые страны.

В Венгрии, судя по результатам опросов, проведенных по случаю 10-летия членства Венгрии в Евросоюзе, 55% венгерских респондентов в целом позитивно относятся к Евросоюзу и лишь 1/3 — негативно. Наиболее привлекает их в Евросоюзе возможность свободного передвижения граждан, услуг и товаров, а также гарантии мира между странами-членами⁵⁵.

Как свидетельствует А. Вертеш, участие Венгрии в региональной интеграции, вступление в Евросоюз были большой мечтой и во многих отношениях эти мечты реализовались. С точки зрения общества и хозяйственной деятельности самыми важными изменениями стали новые возможности, открывшиеся в результате свободы передвижения и выбора местожительства, торговли и предпринимательства, полного упразднения внутренних границ. Это во всех отношениях породило чрезвычайно позитивное ощущение в обществе в целом⁵⁶.

За прошедшие годы Евросоюз поддержал развитие венгерской экономики, выделив ей почти 30 млрд евро безвозвратных инвестиций. Это 30 % годового объема венгерского ВВП — ошеломительная сумма!⁵⁷ За счет этого было построено много автодорог, железнодорожных путей, прочих инфраструктурных сооружений, реализовано много инвестиций в области экологии, здравоохранения, образования, культуры и т.д. Повсюду в стране мы найдем присутствие этих инвестиций. Венгерское общество теперь считает вполне естественным, воспринимает как должное тот факт, что ЕС дает на развитие много денег. Оно уже и забыло, что 15 лет тому назад этой помощи вовсе не было⁵⁸.

Для Венгрии значение финансовых вливаний из бюджета ЕС ощутимо более весомо, нежели для других стран. Если величина финансовых трансфертов ЕС в странах-получателях в среднем колеблется в диапазоне 2–2,5 % от их ВВП, то в Венгрии этот показатель в 2013 и 2014 гг. составил 5 %, а в 2015 г. превысил 6 %⁵⁹.

Неслучайно первой реакцией венгерских исследователей на объявленный Brexit стала озабоченность тем, кто восполнит выбывающие из бюджета ЕС взносы Великобритании. Если этот канал поступлений никто не компенсирует, то Венгрия в 2019–2020 гг. (последние 2 года текущего бюджетного периода ЕС, когда завершится администрирование выхода Великобритании из ЕС) может недополучить от ЕС существенные суммы, достигающие почти 0,7 % от годового объема ВВП⁶⁰.

Таким образом, практика интеграции Венгрии в рамках Евросоюза показала, что она не беспредельна, далеко не всегда приносит благо, имеет ограничения, диктуемые требованием сохранить суверенитет страны; в своем развитии нередко наталкивается на те или иные вызовы и препятствия. Провозглашенные в ЕС 4 свободы — трансграничного движения капиталов, товаров, услуг и рабочей силы, — хорошо функционируют лишь в условиях, когда найден баланс национальных интересов стран-участниц в области экономики, финансов, социальной политики, внешней торговли, в военной сфере (нельзя забывать, что рассматриваемые страны являются еще и членами НАТО), а их реализация не слишком болезненно затрагивает национальный суверенитет.

При этом все более важную роль играют внешние факторы (такие, как недавний мировой финансово-экономический кризис, события на Украине или проблема распределения беженцев между странами-участницами), а также другие, помимо Евросоюза, центры силы (США, Китай, Россия, отчасти Турция), которые могут существенно лимитировать ход интеграции, нарушить его поступательное развитие. Достаточно лишь упомянуть навязанные странам ЕС со стороны США санкции в отношении России, которые подрывают их единство. Существенно усложнить положение дел может и нехватка финансовых средств, обусловленная долговым кризисом в еврозоне, замедлением экономического роста, а также Brexit, что снижает привлекательность ЕС для стран-участниц. В будущем эта тенденция, скорее всего, будет только усиливаться.

Общее мнение венгерского общества, да и других стран ЦВЕ по проблематике их членства в Евросоюзе выразил В. Орбан в своей речи, произнесенной перед парламентом Венгрии в октябре 2012 г. Как он заявил, «теми средствами, благодаря которым Европа стала ведущей цивилизацией в мире, в дальнейшем уже нельзя обеспечить ее былую конкурентоспособность. Так больше жить нельзя. Следующий этап общественного развития в Европе должен основываться на традиционных ценностях

в духе 10 заповедей, взятых из христианской религии, на укреплении семьи и возрождении наций. Мировоззрение нынешней западноевропейской элиты, состоящей в большинстве своем из поколения 68-го года, не позволяет ей обеспечить будущее Европы, выстоять перед вызовами следующих 20 лет. Нынешние нападки на венгерское руководство со стороны Евросоюза как раз и объясняются этим другим пониманием европейской культуры»⁶¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ HVG. 2005. 7 május. O. 97.

² Lóránt K. Nemzetközi vizsgálat a strukturális alkalmazkodásról (Világbanki tanácsok) // Cégvezetés. 2002. 28 január.

³ Világgazdaság. 2009. 13 január.

⁴ Népszabadság. 2009. 14 január.

⁵ Világgazdaság. 2008. 22 április és 2010. 11 január.

⁶ Népszabadság. 2012. 17 július.

⁷ Magyar Távirati Iroda (MTI). 2014. 5 december.

⁸ Népszabadság. 2014. 3 december.

⁹ Ibid. 2012. 23 március.

¹⁰ MTI. 2010. 18 október.

¹¹ Népszabadság. 2016. 6 április.

¹² Financial Times Deutschland (Népszabadság. 2012. 27 augusztus).

¹³ Впервые эту идею он выдвинул в студенческом летнем лагере в Тушванеше в 2012 г.

¹⁴ Népszabadság. 2014. 26 július.

¹⁵ Ibid. 17 augusztus.

¹⁶ Ibid. 17 október.

¹⁷ Ibid. 26 október.

¹⁸ Ibid. 12 december.

¹⁹ Ibid. 27 október.

²⁰ Ibid. 5 december.

²¹ Ibid. 14 december.

²² Ibid. 10 november.

²³ Ibid. 9 december.

²⁴ Ibid. 2015. 9 március.

²⁵ Ibid. 2016. 1 március.

²⁶ Ibid. 14 április.

²⁷ MTI. 2013. 17 december.

²⁸ Ibid. 2015. 1 április.

²⁹ MTI és Népszabadság. 2015. 1 december.

³⁰ MTI. 2016. 5 március.

³¹ Magyar Nemzet. 2016. 20 január.

³² Népszabadság. 2015. 3 szeptember.

- 33 MTI. 2016. 15 április
- 34 Ibid. 2015. 13 szeptember.
- 35 Népszabadság. 2015. 1 május; 19 és 20 június.
- 36 Ibid. 19 június.
- 37 Ibid. 21 július.
- 38 Ibid. 23 június.
- 39 Из-за недостаточной явки (43,31% имеющих право голоса; по закону необходимо, чтобы в голосовании приняли участие не менее половины избирателей) референдум был признан недействительным, хотя 98,3% проголосовавших, или 3,36 млн граждан, высказались против навязываемых Венгрии Евросоюзом обязательных квот.
- 40 MTI. 2016. 29 augusztus.
- 41 Népszabadság. 2016. 9 szeptember.
- 42 MTI. 2014. 15 augusztus.
- 43 Ibid. 2016. 14 március.
- 44 Ibid. 4 április.
- 45 *Karsai G.* Nem akarásnak... // Világgazdaság. 2016. január 29.
- 46 MTI. 2012. 28 szeptember.
- 47 Об этом заявила канцлер Германии А. Меркель в беседе с премьер-министром Великобритании Д. Кэмероном. <http://www.polskieradio.pl/5/3/Artykul/1452569,Merkel-po-spotkaniu-z-Cameronem-nie-wyklucza-zmiany-traktatow-UE>. PAP/IAR. 29.05.2015.
- 48 Népszabadság. 2015. 4 augusztus.
- 49 *Тюме Л.* Там, где есть демократия, есть и тирания? Смена режима в ожидании чуда — демократия разочарований // *Eszmélet — Раздумья*. Специальный выпуск журнала «Смена режима глазами венгров (1989–2009)». Будапешт–Москва. 2009. С. 10.
- 50 Цит. по: Мир перемен. 2015. № 4. С. 34, 53–54.
- 51 *Vértes A.* Üzlet legyen az üzlet // Világgazdaság. 2015. 17 december.
- 52 Népszabadság. 2016. 4 április.
- 53 MTI. 2015. 14 június.
- 54 <http://ipsos.hu/hu/news/inkabb-egyutt-mint-kulon/>. 2014. 15 január.
- 55 *Závecz T.* Mérlegen az EU. <http://ipsos.hu/hu/news/merlegen-az-europai-unio>. 2014. 22 május.
- 56 Цит. по: Мир перемен. 2015. № 4. С. 51.
- 57 *Vértes A.* Op. cit.
- 58 Цит. по: Мир перемен. 2015. № 4. С. 51.
- 59 Népszabadság. 2016. 5 július.
- 60 Ibid. 13 szeptember.
- 61 MTI. 2012. 8 október.

Виктор Орбан. Штрихи к портрету. Эволюция венгерского политического лидера: от ультралиберализма к евроскептицизму

«Кто в молодости не был радикалом — у того нет сердца, кто в зрелости не стал консерватором — у того нет ума».

(изречение приписывается У. Черчиллю, по другим версиям — Б. Дизраэли, Ф. Гизо, А.-П. Батби и др.)

«Лидер евроскептиков» Восточной Европы, «enfant terrible» Евросоюза, «гроза брюссельской еврократии» — как только не именуют сегодня премьер-министра Венгрии Виктора Орбана. Как же так получилось, что лидер ультралиберального Союза молодых демократов (партии Фидес), в 1990-е гг. не устававшего повторять, что главная задача Венгрии — вступление в ЕС и НАТО, теперь то пугает Брюссель выходом своей страны из ЕС, то проводит референдум о неподчинении решениям ЕС по расселению беженцев, то призывает остановить Брюссель в его стремлении сделать из ЕС Соединенные Штаты Европы?

Как из ультралибералов становятся евроскептиками, что должно было случиться в стране и мире, чтобы с политиками происходили такие глубокие метаморфозы?

16.06.1989

Дата 16 июня 1989 г. в новейшей истории Венгрии стала началом новой эпохи. Эпохи смены системы, смены элит, смены поколений, смены ориентиров и направле-

ний. В тот день на знаменитой Площади Героев в Будапеште, где по параболе выстроились памятники главным фигурам венгерской истории, начиная с короля Иштвана Святого — основателя венгерского государства, прощались с главными героями событий 1956 г. Эксгумированные незадолго до этого из засекреченных могил на заброшенном кладбище на окраине Будапешта тела казненных премьер-министра И. Надя и его ближайших соратников — П. Малетера, Г. Лошонци, а также осужденного вместе с ними, но позднее амнистированного Ф. Доната, выставили для прощания в черных гробах на ступеньках павильона Мючарнок.

Будапештский корпункт «Известий» тогда располагался в двух шагах от Площади Героев, на улице Рипл-Ронаи, названной в честь замечательного венгерского художника. Однако попасть в тот день на площадь лично, увы, не довелось. Гипс после автомобильной аварии еще не позволял выходить из дома. К счастью, церемонию прощания в прямом эфире транслировало венгерское телевидение и поэтому происходившее на площади, что называется, проходило на наших глазах.

В почетном карауле — премьер-министр М. Немет и лидер венгерских реформ-коммунистов И. Пожгаи, который незадолго до этого, в конце января в эфире радиостанции «Кошут», взорвал информационную бомбу, заявив, что события 1956 года были «народным восстанием» против сталинского режима Ракоши-Герё, а не контрреволюционным мятежом, как считалось до этого. Вслед за этим февральский пленум ЦК ВСРП одобрил такую трактовку событий, что означало победу реформаторских сил в руководстве партии. Началась переоценка событий 30-летней давности. Торжественное перезахоронение лидеров 56-го стало своеобразной кульминацией этого процесса.

День 16 июня 1989 г. запомнился в Венгрии многим. Запомнился торжественно-строгой церемонией на главной площади страны, запомнился выступлением И. Меча, живого соратника И. Надя, приговоренного в 1958 г. к смертной казни, но затем помилованного. Но особенно

запомнился этот день выступлением молодого и никому тогда еще не известного 25-летнего лидера партии Фидес (Союза молодых демократов) В. Орбана, который в своем шестиминутном выступлении призвал не только почтить память опального премьера И. Надя, но и вывести из страны советские войска. Лозунг бурлящей будапештской улицы осени 1956 г. («Русские — домой») летом 1989 г. прозвучал в выступлении молодого политика особенно дерзко и громко. Ведь в стране тогда еще находилась советская Южная группа войск (ЮГВ) в составе 60 тыс. чел. и был еще жив Я. Кадар, который осенью 1956 г. пришел к власти с помощью этой самой группы войск. Венгрия была в составе СЭВ и стран Варшавского договора, а еще год назад первый секретарь ЦК ВСРП К. Гросс говорил о планах введения в стране чрезвычайного положения для борьбы с опасностью правого переворота...

На следующий день имя В. Орбана впервые попало на страницы газет и с тех пор практически не сходит с их первых полос.

Виктор и его команда

Детство будущего политика, который родился 31 мая 1963 г., проходило в венгерской провинции, в местечке Альчутдобоз, недалеко от города Секешфехервара. Отец — Дёзё (в переводе с венгерского — побеждающий) Орбан — работал в местном сельхозкооперативе ветеринаром, затем закончил инженерный техникум, работал инженером, а потом и директором в каменоломне в соседнем Ганте. Мать — Магда — всю жизнь проработала логопедом. Жили скромно. Одноэтажный крестьянский дом 8×9 метров на центральной улице поселка. Жизнь была нелегкой. Маленький Виктор отличался задиристым, настырным характером, за что неоднократно получал тумаки от отца. Отношения отца и сына были сложными, все протесты сына нещадно подавлялись железной волей отца. В школе тоже начались проблемы. Из-за неуживчивого характера, постоянных стычек со сверстниками и жалоб учителей приходилось менять одну школу за другой. То в Алчуте, то

в Фелчуте, то Верташаче. С самого раннего детства была у мальчика одна страсть — футбол. Из-за этого выбитых стекол в школе было не перечесть.

А еще он везде хотел быть первым. Лидерские и бойцовские качества будущего премьера проявились очень рано. Десятилетний Виктор был очень активным в пионерской жизни. В четвертом классе стал руководителем дружины и очень серьезно относился к исполнению обязанностей пионеров.

После окончания начальной школы началась учеба в гимназии Телеки Бланка, в областном Секешфехерваре, из-за чего пришлось перебраться в общежитие. Из общежития, однако, вскоре выгнали из-за постоянных стычек со сверстниками. По совпадению, именно в это время отцу от работы дали квартиру в панельном доме в Секешфехерваре, в районе Ворошиловград, на улице Красной армии... После деревенского дома это была настоящая сказка: туалет, ванная, теплая вода. Можно было, лежа в ванной, читать книжки. Учеба в гимназии продолжилась и шла довольно успешно. Средний бал — четыре. Больше всего нравилась литература и история. Склонность к лидерству проявилась и здесь. Виктор становится секретарем комсомольской организации. Здесь же, в гимназии, начинает проявляться интерес к политике. Молодые гимназисты, из которых многие позднее войдут в «команду Орбана» (Шимичка Лайош, Варга Тамаш), слушают Радио «Свободная Европа», читают книги, спорят о событиях 56-го.

После гимназии встает вопрос: что дальше? Одно время молодой Орбан подумывает о карьере профессионального футболиста. Он даже выступает за местные областные команды: четыре года отыграл за фехерварский клуб «Вперед», принадлежащий MAV — Венгерским железным дорогам. Однако вскоре понимает, что данных для профессионального футболиста у него не хватает и решает поступать в университет. Выбор падает на юридический факультет Будапештского университета им. Этвеша Лоранда (ЭЛТЕ), хотя, по его собственному признанию, в то время он не смог бы сказать, чем отличается работа судьи

и адвоката. Тем не менее, баллов от гимназии и экзаменов хватает для поступления, и летом 1981 г. Виктор становится студентом юридического факультета.

Правда, по тогдашней венгерской практике, прежде, чем начать учиться, надо было пройти 10-месячную службу в армии. До тех пор это была облегченная форма службы для студентов, которых собирали отдельно в районе города Калоча и обучали армейским специальностям по облегченной программе. Но в тот год (1981-й: Польша, Афганистан) армейское начальство решило, что у студентов все должно быть, как у настоящих призывников, и всех студентов отправили в обычные части, где никто им полагательств не давал. Напротив, отношение к студентам часто было более предвзятым и более суровым, чем к обычным военнослужащим. Словом, с гауптвахты студент Орбан почти не вылезал.

Бывало, что его месяцами не отпускали из казармы за разные провинности. К тому же, осенью 1981 г. разгорелся польский кризис, и венгерские войска, как и в 1968 г., в разгар чехословацких событий, были приведены в повышенную боеготовность. Учения с полным боекомплектom постоянно шли в районе города Варпалота. Немногие знали, что если по радио поступит условный сигнал, то венгерские части сразу же отправятся в Польшу. Поэтому сообщения о военном перевороте 16 декабря 1981 г. маршала Ярузельского здесь встретили с облегчением: воевать с поляками идти никто не хотел.

Служба в армии стала для студента Орбана суровым испытанием. По воспоминаниям сослуживцев, он ничего не принимал из того, что его окружало в казарме: ранние подъемы, построения, отдавание чести старшим по званию, унижения, бессмысленные приказы и бесконечные маршировки. Его товарищ по службе, ставший впоследствии соратником по партии — Г. Фодор, настолько тяжело переносил все тяготы службы, что отказывался называть офицеров «товарищами» и даже готов был дезертировать. Единственное, что интересовало Орбана в это время — футбол. Если его не отпускали смотреть матч, то уходил

в самоволку, за что опять получал гауптвахту. Десять месяцев службы, казалось, никогда не закончатся. Но когда они закончились, «на гражданку» вышли совсем другие люди. Студенческий лагерь по сбору яблок, который в университете проводят перед началом учебы, это показал. Загулу и кутежам новых первокурсников не было предела. Энергия протеста требовала выхода.

Учеба в университете, начавшаяся осенью 1982 г., принесла много новых впечатлений. Преподавательский корпус юрфака состоял еще преимущественно из ортодоксальных коммунистов старшего поколения, но уже появлялись молодые преподаватели новой волны, такие как просвещенный преподаватель научного социализма Д. Мадьяр, автор и инициатор книжной серии «Развитие», благодаря которому Орбан предпочитал курс научного социализма курсу гражданского права. Среди молодых преподавателей нового поколения выделялись К. Бард, И. Кукорелли, Т. Декицки, Л. Кери. Со временем между студентами и молодыми профессорами сложился некий союз, оппозирующий старой профессуре, а в их лице и правящему режиму, формировалась своеобразная протооппозиция.

Надо заметить, что в конце 1970-х — начале 1980-х гг. на юрфаке ЭЛТЕ учились многие лидеры будущей оппозиции: Я. Адер (в мае 2012 г. избран президентом Венгрии), Л. Кевер (председатель Госсобрания — Парламента Венгрии), Ш. Фредерикус — популярный телеведущий. Хотя сказать, что юрфак в начале 1980-х гг. стал сплошным рассадником оппозиции, было бы преувеличением. Большинство студентов, пошумев, потом расходилось по домам родителей на виллы респектабельного района Рожадомб (Розовый холм), готовясь впоследствии стать преуспевающими адвокатами.

В 1982 г. в их ряды влилась «команда Orbana», которая, только что вернувшись из армии, поначалу не признавала никаких авторитетов и была в оппозиции ко всему, даже к молодым преподавателям. Учеба поначалу не очень интересовала студента Orbana. На втором курсе он даже хотел бросить универ, мол, все равно юристом не

стану. Отец был резко против. Студенческая жизнь в общежитии ЭЛТЕ на проспекте Будаэрши была ключом: вечеринки, пиво, девушки, футбол. С дисциплиной было не очень: дисциплинарные взыскания против Орбана и его товарищей появлялись регулярно. Однажды они чуть не сожгли общежитие, выбросили какой-то горящий предмет в коридор, загорелся линолеум.

Очень быстро новички знакомятся со старшекурсниками Штумпфом, Кевером и их кругом. Вскоре у будущих юристов возникает идея создания отдельного специализированного общежития — Szakkollegium, которое объединяло бы только студентов юрфака, и было бы чем-то вроде клуба по интересам со своими программами, преподавателями и своей общественной жизнью — своеобразной альтернативой традиционному общежитию, где малознакомые друг другу студенты разных факультетов вечерами запираются по своим комнатам, а в выходные разъезжаются по домам. Идея понравилась. Вскоре появилась возможность получить свое здание на улице Менеши, 12. Позднее Szakkollegium получит имя европейски известного венгерского юриста и мыслителя левой ориентации И. Бибо, который в октябре 1956 г. вошел в состав правительства И. Надя от Крестьянской партии. В ноябре 1956 г., когда советские войска войдут в Будапешт и займут здание венгерского парламента, Иштван Бибо будет едва ли не единственным депутатом, кто останется на своем рабочем месте и станет призывать к сопротивлению новой власти. Через год Бибо будет осужден и выйдет на свободу только в 1963 г., позже, чем другие деятели событий 1956-го.

Первым руководителем нового Szakkollegium им. Иштвана Бибо станет И. Штумпф, старший товарищ команды Орбана, уже работавший на кафедре. Позднее он займет пост руководителя администрации правительства Орбана. А тогда, кроме прочего, он был зятем министра внутренних дел в правительстве Я. Кадара — И. Хорвата. В этой связи позже появилась версия, что к созданию партии Фидес были причастны венгерские спецслужбы. В поддержку этой версии говорит публикация досье вен-

герских спецслужб, опубликованное в начале 2000-х гг., в котором говорится о наблюдении за женой В. Орбана — Анико Леваи. По данным из этих материалов следует, что она уже в 1986 г. говорила, что является членом «скрытой оппозиции», что в Венгрии, а также в государствах Восточной Европы готовится некая «мирная революция», в результате которой будет меняться политическая система в этих странах. Там же ссылка на ее слова о том, что в Венгрии существует «секретная оппозиционная партия» с поддержкой влиятельных фигур из окружения министра внутренних дел, а ее жених тоже член этой секретной организации, и он может спокойно говорить — его неприкосновенность гарантирована. Наконец, одна из баз этой организации находится в Будапеште, это студенческое общежитие, а члены скрытой оппозиции после смены режима станут влиятельными лицами...

Можно, конечно, спорить о причастности спецслужб к созданию Фидес, но нельзя отрицать, что, в конце концов, все так и сложилось, как в 1986 г. говорила жена Виктора Орбана — задолго и до официального создания партии Фидес, и тем более, до первой победы на парламентских выборах 1994 года. В любом случае, фигура Штумпфа во главе Szakkollegium была выбрана удачно и стала своего рода громоотводом между беспокойными студентами и властью. Весной 1983 г. начался отбор в новый студенческий Campus. Команда Орбана, естественно, стремилась приглашать своих сторонников. Набралось 74 студента. Осенью того же года студенческий лагерь юристов собрался в историческом городе Эстергом. Здесь уже шли дебаты на темы большой политики: СССР между 1919 г. и 1945 г., Венгрия после 1945 г., реформаторские идеи в венгерской экономике и, конечно, события 1956-го. Добавляли тем для дискуссий и события актуальной политики: недавние события в Польше, движение Солидарность, введение чрезвычайного положения генералом Ярузельским... Так постепенно вызревал круг вопросов политической и экономической направленности, на которых позже будет строиться и формироваться идеология венгерской оппозиции.

Тональность дебатов в среде молодых юристов и будущих политиков в это время, по воспоминаниям коллег, была довольно жесткой и бескомпромиссной. Юношеский максимализм буквально зашкаливал. Один из их наставников-педагогов и в будущем политолог Л. Кери, послушав выступления своих молодых подопечных, обвинил их в нетерпимости к чужому мнению, сравнив их при этом с командой Белы Куна или Ленина¹. «Если однажды ты придешь к власти, — бросил как-то Кери в лицо ошарашенному Орбану, — а я вижу, что и Бог не убережет страну от того, что ты однажды будешь здесь править, то первым делом можешь повесить меня и Штумпфа, ибо мы знаем, кем ты был когда-то...»².

Уход Кери из *Campus* произвел тяжелое впечатление. Но перед уходом Кери успел сделать еще одно благое дело. Он поручил Штумпфу проанализировать политическую систему Польши в 1945–1981 гг. Орбан написал доклад о ситуации в Польше после 1981 г.: опыт Солидарности и т.д. Для этого Штумпф отвез Орбана в Польшу, познакомил его с активистами движения. Больше всего будущему лидеру Фидес понравилась идея Михника и Геремека о сетевом построении оппозиционных властям гражданского общества и подрыве системы изнутри.

Со временем, по мере взросления, бескомпромиссность и нетерпимость молодых юристов шла на убыль. Они стали более восприимчивы к чужому мнению. Когда осенью 1985-го студенты-юристы вновь пригласили отца-основателя Кери посетить *Szakkollegium*, то он заметил, что ребята за два года во многом изменились, стали спокойнее относиться к оппонентам, к альтернативной аргументации. К этому времени вокруг Орбана все более явственно складывается ядро его друзей-единомышленников, он постепенно становится признанным лидером *Campus* юристов, его команда начинает все более открыто противопоставлять себя официальному комсомолу, говорить о том, что молодежи нужно что-то другое. Фактически, это уже была заявка на формирование своей молодежной организации, своей партии, хотя до ее реального создания

пройдет еще 3 года. В отличие от других оппозиционных течений этого времени, считавших правящий венгерский режим под руководством Я. Кадара недееспособным, но готовым на репрессивные меры в отношении оппозиции, группа Орбана считала, что режим продержится не больше 10 лет, и нужно не ждать пока он сам постепенно сдаст свои позиции, а активно участвовать в его замене. Режим якобы уже не способен оказать серьезного сопротивления и надо этим воспользоваться. Здесь просматриваются истоки последующего радикализма команды Орбана и созданной им партии Фидес.

В том же 1985 г. молодые демократы создают свой журнал *Szazadveg* («Конец столетия»). Команда Орбана чуть ли не в полном составе входит в редколлегия: Кевер, Орбан, Варга, Феллеги. Первые номера появляются нерегулярно: в 1985 г. вышел всего один номер, в 1986–1987 гг. — по два. Понимание демократии у молодых демократов пока своеобразное. Как-то у них вышел спор с философом М. Вайдой, книгу которого они опубликовали. Тот спросил молодых горячих реформаторов: «А с чего вы взяли, что демократия это такое прекрасное дело и панацея от всех проблем? Совсем нет. Демократия нужна обществу для того, чтобы оппозиция могла разоблачать темные делишки власть имущих и тем самым делать государственную машину более сбалансированной и работоспособной...». «Как бы не так, — отреагировал лидер молодых оппозиционеров. — Демократия это то, что мы возьмем дела в свои руки»³. На этом философ замолчал и больше спор не продолжал.

Время, однако, неумолимо шло. В 1985 г. в СССР новый лидер М. Горбачев провозгласил перестройку. Сначала это должна была быть перестройка хозяйственного механизма, но между строк читалась уже и перестройка всей политической системы. К этому же времени один из ближайших сподвижников Орбана — председатель Госсобрании Венгрии Л. Кевер — уже окончил университет, устроился на исследовательскую работу к своему преподавателю Л. Кери в Институт общественных наук при

ЦК ВСРП. Обсуждалась идея, что и выпускник юрфака 1987 года В. Орбан пойдет работать туда же. Им уже было написано несколько интересных трудов по социологии. Один из них был посвящен спонтанной акции по выборам руководства во внешнеторговом объединении МОГЮРТ, другой — процессу распада комсомольской организации в гимназии г. Секешфехервара.

Однако Виктору после университета сразу на работу не удалось устроиться ни в Институт общественных наук, ни куда либо еще. Полгода молодой провинциал с дипломом юриста безуспешно обивал пороги разного рода заведений, пока не устроился в НИИ Министерства сельского хозяйства на должность социолога-практиканта. Жена Виктора — Анико, после университета получила место адвоката в родном Сольноке, что в 60 км от Будапешта, и Орбану в первое время приходилось каждый день ездить на работу в Пешт.

Неизвестно, чем бы все это закончилось для команды Орбана, но спас ее от распыления по библиотекам и институтам их приятель Ф. Мысливец. Он убедил М. Вашархейи, который к тому времени возглавил венгерское отделение Фонда Сороса, создать из команды Орбана исследовательскую группу «Восточная Европа» и дать им постоянный заработок. К слову, Вашархейи еще в 1986 г. возил американского миллиардера венгерского происхождения Д. Сороса на смотрины в Samrus на улице Менеши. Тогда Соросу очень понравились молодые радикальные оппозиционеры и радикальный либерализм группы Орбана, созвучный с его политическими взглядами. Так ядро команды Орбана, включая самого Виктора, Кевера, Фодора и Молнара с 1987 г. на два года стало стипендиатом Фонда Сороса. На деньги Фонда издавался и журнал *Szazadveg*, на них же, надо полагать, в 1988 г. был создан и сам Фидес (Союз молодых демократов), чьим символом стал апельсин (*Narancs* — по-венгерски или *orange* по-английски). «Оранжевые» или «цветные» революции — это производные от этого фрукта. Фрукта Сороса.

Фидес. Вызов комсомолу

1988 год начался в Венгрии под знаком перемен. Перемены эти начала сама правящая партия — ВСРП, которая в это время насчитывала 800 тыс. чел. Это почти каждый десятый житель страны. Созданная опальным И. Надем 1 ноября 1956 г., то есть в самый разгар кризиса 1956 года, вместо распушенной Венгерской партии трудящихся (ВПТ), ВСРП с ноября 1956 г. бесценно руководил один человек — Я. Кадар (1912–1989). Поставленный на этот пост с помощью Москвы в критический момент истории Венгрии, Кадар в короткие сроки сумел стабилизировать ситуацию в стране и вывести ее на путь поступательного развития. За 30 лет Венгрия прошла огромный путь в своем развитии. Заслуга Кадара в этом немалая.

Однако, в 1985 г. из Москвы задули ветры перемен. Спустя некоторое время команда Горбачева начинает обновление кадров не только в КПСС, но инициирует перемены и в братских компартиях Восточной Европы, чтобы не было диссонанса. Осенью 1987 г. в Будапешт со специальной миссией приезжает давний знакомый Я. Кадара, к тому времени уже председатель КГБ СССР В. Крючков, и доводит до венгерского руководства планы Москвы по обновлению кадров. Спустя полгода, в мае 1988 г., на Всевенгерской партийной конференции 76-летний Кадар уступает место генсека ВСРП 58-летнему К. Гроссу, а сам становится почетным председателем партии. В руководство партии приходят реформаторские силы — М. Немет, Р. Ньерш, И. Пожгаи, которые со временем и возглавят процесс политических реформ как в самой ВСРП, так и в стране.

Месяц март в Венгрии особый месяц. Оживает от зимы не только природа. Страна каждый год широко празднует годовщину начала революции 1848–1849 гг. и на этом фоне обычно резко оживляется и политическая жизнь столицы. Март 1988 г. не стал исключением. Накануне 100-тысячной демонстрации 15 марта в Будапеште появился призыв к созданию первой оппозиционной организации,

ставшей позднее основой партии — Союза свободных демократов. В воззвании за подписью будущего президента страны А. Генца и его соратника Я. Киша ставился вопрос о введении многопартийной системы и парламентской демократии, свободного рынка, равенства всех видов собственности. Власть ответила арестами во время демонстрации.

Спустя две недели после этого события, 30 марта 1988 г., в кампусе юристов на улице Менеши по призыву команды Орбана собралась оппозиционно настроенная молодежь, человек 50–60, с намерением создать свою, независимую молодежную организацию, в противовес комсомолу. Подготовка к собранию шла уже с февраля. Руководил всем подготовительным процессом Л. Кевер. Сначала планировалось назвать организацию Демократический социалистический союз молодежи, который бы признавал руководящую роль партии, но Орбан категорически выступил против того, чтобы в названии было слово социалистический... По поводу окончательного названия еще долго спорили, пока один из участников не предложил назвать организацию — Союз молодых демократов, сокращенно Фидес, что в переводе с латинского означает: верность. Среди принципов новой организации закреплялись равенство всех форм собственности, свобода собраний и представительств... После жарких споров и дебатов к полуночи из 60 собравшихся лишь около 30 участников собрания подписали декларацию о создании Фидес. Многие не решились из-за опасений подвергнуться репрессиям со стороны властей.

Через пару дней, 1 апреля, в кафе «Ma Cherie» на проспекте Бартока, прошла первая пресс-конференция организаторов Фидес, на которой присутствовали лишь зарубежные СМИ: Би-би-си, радио Свободная Европа, агентство Рейтер. Как сообщало агентство Рейтер, на пресс-конференции В. Орбан заявил журналистам, что «в Венгрии за последние 30 лет Фидес — первая независимая группа, которая намерена действовать не как движение, а как организация. Мы можем делать это, согласно Конституции, правда, с 1956-го этого еще никто не пробовал

делать». Любопытно, что, когда о создании Фидес узнали недавние преподаватели и кураторы студентов, первая реакция была такая: «Рано. Теперь их посадят».

Власть же, узнав о произошедшем, поначалу не знала, что и делать. В ЦК ВСРП и Министерстве внутренних дел разрывались телефоны, но никто не мог принять решения. Я.Кадар накануне майской партконференции уже отходил от принятия важных решений. Не было понятно: сколько еще в СССР продолжится перестройка и гласность, останется ли у власти Горбачев? А оппозиция в Венгрии все больше поднимала голову. Вслед за либералами — свободными демократами и молодыми радикалами из Фидес, о своем образовании заявил и Венгерский демократический форум, искавший так называемый «третий путь» между социализмом сталинского типа и капитализмом. Идеологическое руководство ВСРП — секретари Ацел и Берец были в бешенстве, а силовики и службисты меж тем ждали конкретных указаний. Практически в это же время из ВСРП были исключены так называемые «партийные диссиденты-реформаторы»: М. Бихари, З. Биро, З. Кирай и Л. Лендьел. Власть еще не готова была к открытой конкуренции разных взглядов.

Вот и лидеров Фидес 8 апреля для начала вызвали в полицию и предупредили, что создание такой организации незаконно и ее деятельность надо прекратить, в противном случае будет возбуждено уголовное дело. Вслед за этим последовал вызов в прокуратуру, в отдел, занимавшийся совершенными против общественного строя делами.

Однако, решительных действий против возмутителей спокойствия пока никто принимать не решался. В это время в руководстве самой ВСРП не было определенности. Премьер-министр К. Гросс, которого Москва готовила на замену Я. Кадару, в новогоднем обращении дал понять, что готовится к руководству страной. Но на пути к этому руководству еще был сам Кадар и его «старая гвардия», которая пока не собиралась уходить. В феврале после публикации в газете «Мадьяр Немзет» воззвания оппозиционеров, принятое на встрече в Лакителеке, дисциплинар-

ное дело завели на лидера реформаторов в руководстве страны — секретаря Отечественного Народного фронта И. Пожгаи. Председателем дисциплинарного комитета был заместитель генсека — Д. Лазар. Гросс поспешил на помощь Пожгаи, пообещав ему пост премьер-министра в случае, если сам станет Генсеком на майской партконференции. Поэтому Пожгаи, в итоге, не тронули. Готовясь к решающей схватке со старой гвардией, Гросс очень надеялся на поддержку реформаторского крыла ЦК ВСРП — Пожгаи, Немета, Береца.

«Дело Фидес» все же дошло до рассмотрения на политбюро ЦК ВСРП. Незадолго до партконференции, 3 мая, в одном из пунктов повестки дня значился вопрос о создании Фидес. К тому времени, как явствует из архивных документов заседаний политбюро, в альтернативную молодежную организацию записалось уже около 1000 студентов. На заседании ареопага отметили, что скандал с созданием Фидес произошел из-за того, что в стране нет внятного законодательства о создании общественных организаций. Поэтому было предложено ускорить разработку соответствующих законов, а организаторов-оппозиционеров привлечь к ответственности (вплоть до лишения свободы на 1 год) за злоупотребление правом на объединения. Резких движений, правда, никто уже не хотел делать, чтобы не навредить имиджу страны проведением процесса против молодежных активистов в разгар перестройки и гласности. А через 3 недели на всевенгерской партконференции в самой ВСРП уже произошли тектонические подвижки, приведшие к уходу из политбюро и ЦК и самого Кадара, и его «старой гвардии». К власти в партии и стране пришли реформаторы. О «деле Фидес» больше никто не вспоминал.

Путь к власти. 1988–1998 гг.

С момента создания молодежной организации Фидес, замышлявшейся как альтернатива комсомолу, до победы на парламентских выборах 1998 г. и формирования собственного правительства, команде В. Орбана хватило 10 лет. За это время молодежная организация из 30 чело-

век, о которой в 1988 г. знал лишь узкий круг знакомых, выросла в крупнейшую партию страны, которая смогла выиграть выборы у Социалистической партии Венгрии, наследницы ВСРП, насчитывавшей в 1988 г. 800 тыс. чел. Несомненно, в этом, прежде всего, заслуга лидера.

В 1988 г. вчерашнему студенту Орбану — 25 лет. В 1998 г., в год победы на парламентских выборах — 35 лет. Он самый молодой премьер-министр Венгрии за всю историю страны и уже опытный политик. Но время Фидес пришло не сразу, до поры до времени партия остается в тени старших товарищей по оппозиционному движению. Прежде всего — Венгерского демократического форума под руководством Й. Анталла и Союза свободных демократов под руководством Я. Киша. Именно эти две партии на первых свободных парламентских выборах 1990 года набирают наибольшее количество голосов и формируют христианско-либеральное правительство.

Надо сказать, что формальным лидером Фидес В. Орбан стал не сразу. Первое время в организации вообще не было единоличного руководителя. Были спикеры — несколько человек из «отцов-основателей»: Г. Фодор, Л. Кевер, Т. Дойч, В. Орбан, Ж. Немет. К тому же, осенью 1988 г., Виктора вновь на полгода призывают в армию. Дослуживать. Была в этом явная политическая подоплека: вывести лидера из игры. Из второго призыва в армию будущему политику запомнились лишь несколько попыток вербовки спецслужбами. Однако, пришлось пропустить не только первый съезд Фидес, который прошел в два этапа (1–2 октября и 19–20 ноября 1988 г.), но и празднование очередной годовщины начала событий 1956-го — 23 октября. В этот день зародившаяся оппозиция впервые в новейшей истории Венгрии открыто планировала отметить годовщину начала трагических событий, но власть запретила любые митинги и демонстрации. Запретила последний раз.

Через год власть в Будапеште уже будет другая. Начиная с января 1989 г., в течении года, шаг за шагом в стране пройдет мирная «смена системы». Венгерская ком-

партия — ВСРП — пойдет на глубокие реформы. Будет отменена монополия одной партии на власть, национальный «круглый стол» с участием ВСРП и всех оппозиционных партий договорится о переходе к многопартийной системе и проведении свободных парламентских выборов, выборах президента. Сама ВСРП будет реформирована и станет социал-демократической по существу, на ее базе будет создана Венгерская социалистическая партия (ВСП), меньшая часть партии позднее назовет себя Рабочей партией Венгрии.

Немало перемен произойдет и в самой Фидес. После первого съезда, на котором были заложены организационные основы будущей партии, количество ее сторонников стремительно растет. В партии уже 3000 чел. В настроениях преобладает радикализм, радикальный антикоммунизм, антисоветизм и либерализм, желание все изменить быстро и сразу. Правда, все соглашаются, что перемены должны произойти демократическим путем, путем свободных выборов. На втором съезде, прошедшем в будапештском Политехническом университете 13–15 октября 1989 г., депутаты решают участвовать в парламентских выборах 1990 года и голосуют за то, чтобы стать политической партией. На съезд В. Орбан прилетел из Лондона, где на деньги все того же Фонда Сороса проходил курс политических наук в колледже Пембрук Оксфордского университета (куратор курса — польский преподаватель З. Пелчиньский). На съезде именно Орбан делал доклад об итогах недавно завершившегося национального «круглого стола» и подготовке к первым свободным выборам в стране за последние 40 лет.

Однако итоги первых свободных выборов 1990 года для Фидес оказались не очень утешительными: 8,95 % голосов электората. И это несмотря на помощь американских пиарщиков, работавших явно по линии Фонда Сороса. Пятое место, хотя это и гарантировало попадание в парламент. Излишний радикализм молодых реформаторов явно отпугивал избирателей. Поэтому многие предпочли отдать голоса «спокойной силе» — Венгерскому демократи-

ческому форуму, который набрал 24,7%, Союз свободных демократов (ССД) — 21%, а социалисты — лишь 11% голосов избирателей. В итоге, первое посткоммунистическое правительство Венгрии формируют ВДФ и ССД. Премьер-министром становится лидер ВДФ — Й. Анталл, а президентом страны, по договоренности двух крупнейших партий, парламент выбирает одного из лидеров свободных демократов — А. Генца. Приговоренный к смертной казни за участие в событиях 1956 года, он был помилован и, выйдя на свободу, со временем стал видным писателем. Фидес остается в оппозиции.

Подводя итоги выборов, В. Орбан и его окружение делают вывод, что общество уже не принимает радикальную антикоммунистическую и антисоветскую риторику и надо от нее отходить. Начиная с этого момента, молодые либералы, в первую очередь, сам Орбан, где-то инстинктивно, где-то осознанно начинают дрейф в сторону политического центра, постепенно отходя не только от радикального антикоммунизма, но и радикального либерализма. Интересно, что второй человек в Фидес, один из создателей партии — Л. Кевер вообще изначально считал себя социал-демократом. «Для меня переход к центру был довольно тяжелым и длительным процессом», — признавался позднее сам Орбан.

Для кого-то перемена взглядов и тех или иных позиций считается признаком политической и нравственной незрелости, беспринципной конъюнктурщины, кто-то, напротив, считает, что разумный человек не может не учитывать изменение реалий жизни вокруг себя и, соответственно, меняется сам. Можно долго спорить на этот счет. В политике отрыв от жизненных реалий ведет к политической смерти. В новейшей истории Венгрии этому немало свидетельств. Достаточно взять пример таких партий, как ВДФ, ССД, Партии мелких хозяев, победивших на выборах 1990 года, но полностью исчезнувших с политической карты Венгрии сегодня. Они хотели перестроить реальность под себя. Фидес, напротив, перестраивался сам под влиянием реалий. Вот это умение меняться, учиться,

учитывая настроения избирателей и реалии страны, будет свойственно Фидес на протяжении всего своего развития. В этом, пожалуй, один из залогов политического долголетия и успеха партии.

Между тем, переход в сторону центра и для партии, и для ее лидера сопровождался многими переменами. Во-первых, отход Фидес от тотального либерализма постепенно привел к разрыву с Союзом свободных демократов, считавшимся союзником и «старшим товарищем» молодых демократов. Достаточно сказать, что лидеров двух партий — философа Я. Киша и юриста В. Орбана долгое время связывала личная дружба, Виктор даже считал Киша образцом для подражания. На выборах 1990 года две партии подписали соглашение о поддержке друг друга, а вскоре вместе вошли в Либеральный Интернационал, но ССД тогда вошел в коалицию с ВДФ, а в 1994 г. с вчерашними оппонентами — социалистами...

Во-вторых, в ходе «отцентровки» в самой Фидес постепенно назрел конфликт между «неисправимыми» либералами и теми, кто начал движение к центру. В личном плане это вылилось в конфликт двух лидеров одной партии — Г. Фодора, который, в конце концов, перешел в стан Союза свободных демократов, и самого В. Орбана. Некогда два неразлучных друга и товарища разошлись по разные стороны баррикад. Оба из провинции, оба учились на одном курсе юрфака и жили в одном общежитии, оба были вместе в армии, оба создавали Фидес... Но один остался верен юношеским либеральным идеям, а второй стал уходить к христианско-демократическому центру. Так, разрыв стал неизбежен, но размежевание прошло не сразу, а тянулось с 1992 г. по 1994 г.

Христианско-демократический центр венгерской политики в лице Венгерского демократического форума к тому времени потерпел жуткое фиаско. Итоги правления правительства Й. Анталла (1990–1994) оказались плачевными. ВВП страны из-за разрыва хозяйственных связей внутри бывшего СЭВ упал на 20–25%, примерно на 10–15% упал и жизненный уровень населения, переход

на мировые цены на нефть и газ в расчетах с СССР привели к многократному повышению цен на бензин и продукты питания. Скрытое дотирование венгерской экономики за счет низких, внутрисэвовских, цен на нефть со стороны СССР прекратилось. А это составляло на круг где-то 3 млрд тогдашних долларов ежегодно. Резко ухудшились отношения с Москвой из-за споров по выводу из Венгрии Южной группы войск. В 1993 г., за полгода до выборов, от тяжелой болезни умирает премьер Й. Анталл, популярность ВДФ резко падает.

Как итог, на выборах 1994 года ВДФ получил всего 11% голосов и впоследствии уже не смог оправиться от такого разгрома. Официально партия перестала существовать в 2011 г., но фактически, как политическая сила, она ушла в небытие еще в 1994 г. Ее осколки и остатки со временем влились в Фидес, которая постепенно и заняла христианско-демократический центр венгерской политической арены, объединив в своих рядах не только ВДФ, но и другие партии правого центра: Партию мелких хозяев, христианских демократов. На выборах 1994 года не понравилось всем правым, в том числе и Фидес: только 7% голосов после 9% в 1990 г. Маятник симпатий венгерских избирателей после провала правых сил резко качнулся влево. Социалисты во главе с бывшим министром иностранных дел Д. Хорном возвращаются во власть, формируя коалицию со свободными демократами.

Фидес опять в оппозиции. Новое поражение настолько сильно подействовало на лидера партии, что он даже решает уйти из политики в бизнес. На некоторое время он полностью исчезает из публичного пространства, уходит в тень. Но время лечит даже проигравших политиков. Со временем Орбан находит в себе силы вернуться. Партия постепенно набирает силу. Инициатором изменений, перехода в политический центр опять был Виктор. Еще в 1993 г. он понимает, что с провалом ВДФ политический центр, а это как минимум 20% избирателей, пустеет. И это шанс. К этому времени укрепляются позиции Орбана и в самой партии. Незаурядный полемист-боец, политик, ко-

торый может сплотить вокруг себя надежную команду, его кипучей энергии может позавидовать каждый. Перефразируя известные слова поэта, можно сказать, что к этому времени Фидес — это Орбан, а Орбан — это Фидес. Правда, многие в это время начинают замечать за лидером склонность к вождизму и единоличному принятию решений, отторжение критики и альтернативных мнений. Он становится жестче, как политик.

В 1995 г. партия меняет название. Теперь это уже Фидес–Венгерский гражданский союз (FIDESZ–Magyar Polgári Szovetseg). На первый взгляд, небольшое изменение в названии партии, на самом деле, отразило очень многое. И отход от либеральной идеологии с переходом на позиции христианской демократии после провала ВДФ, и объединение правых партий, и просто взросление вчерашних 20-летних мальчиков, ставших, в свою очередь, отцами семейств. Некогда вихрастый и бородатый молодой вожак В. Орбан к этому времени уже отец почтенного семейства, жена Анико Леваи — «боевая подруга» со студенческих времен не устает радовать мужа появлением наследников. Сегодня в семье политика пятеро детей: 4 девочки и один мальчик. Время летит быстро, и вот старшая из девочек — Рахель в 2016 г. уже вышла замуж.

Правление социалистов в коалиции со свободными демократами (1994–1998) оказалось не намного успешнее, чем коалиция предыдущая. Экономика, а за ней и жизненный уровень, продолжали падать. Правительство пыталось было ослабить падение масштабной приватизацией госсобственности, и на время это удалось. Госдолг Венгрии в это время снизился с 20 млрд до 10 млрд долл. Однако уже через год своей работы, 12 марта 1995 г., правительство Д. Хорна принимает так называемый «пакет Бокроша» (Л. Бокрош — министр финансов). Следуют резкое сокращение социальных выплат, снижение реальной зарплаты. Жизненного уровня времен «гуляш-коммунизма» Кадаара пореформенная Венгрия достигнет лишь в середине 2000-х гг., спустя 15 лет после начала «смены системы», заплатив высокую цену. За это время население страны,

вслед за экономикой, упадет почти на 10%: с 10,6 млн чел. в 1987 г. до 9,7 млн чел. сегодня.

Массовое разочарование венгерских избирателей сначала в правых, а потом в левых партиях, собственно говоря, и подготовило почву для победы Фидес со своими союзниками на выборах 1998 года. К тому времени страна уже берет курс на вступление в НАТО и в ЕС, получив приглашение от Брюсселя в июле 1997 г. Весной 1998 г. начались переговоры Будапешта и ЕС, продолжавшиеся долгие 6 лет. На все ближайшие годы тема возвращения в Европу становится в Венгрии главной темой дня. От воссоединения с Европой ждут многого, если не чуда. Ждут, что жизнь должна быстро измениться к лучшему, а уровень этой жизни приблизиться к уровню германскому или французскому. Ждут, что до европейского уровня вырастут зарплаты и пенсии, ждут, что машину и квартиру можно будет купить быстро, а не копить на нее всю жизнь. История так распорядилась, что вести страну в ЕС пришлось Фидес.

Хождение во власть (1998–2002)

На майских выборах 1998 года венгерские избиратели опять сменили власть в стране, проголосовав не столько за правых, сколько против левых и либералов, не оправдавших их надежд на лучшую жизнь. Формально, по партийным спискам, победили социалисты. В первом туре они набрали 32% голосов, Фидес — только 28%. Однако, во втором туре Фидес с союзниками — Венгерским демократическим форумом и Партией мелких хозяев — удалось переиграть социалистов в одномандатных округах и получить большинство. В итоге, у Фидес 148 мандатов, у союзников — ВДФ и мелких хозяев — еще 65, у социалистов — 134 и свободных демократов — 24. На ближайшие четыре года Фидес возглавит правящую коалицию, а ее лидер — 35-летний В. Орбан становится самым молодым в истории Венгрии премьер-министром. Десятилетний поход к вершине власти завершился.

Победителям радоваться, однако, было рано. Ситуация в экономике не стала проще. Несмотря на приток иностранного капитала, в том числе за счет массовой приватизации венгерских предприятий, стагнация продолжается. Уровень 1989 г. еще не достигнут ни по объему ВВП, ни по доходам населения. Впереди трудные переговоры по интеграции с ЕС. В реформах нуждается огромное хозяйство, начиная с бюджета, сферы здравоохранения, образования, инфраструктуры. Но, несмотря на все обещания, реформы так и не были проведены. Вместо этого прошла тотальная смена управленческой элиты на высшем и среднем уровнях, к власти пришли новые, молодые, но не всегда компетентные люди.

Эффективность управления заметно снизилась. Госдолг в период правления Фидес вновь начинает расти, дефицит бюджета — тоже. Экономические отношения с Россией и странами бывшего СССР, а это был главный рынок венгерских компаний, после разрыва начала 1990-х гг., так и не были восстановлены. Вместо этого новые власти лишь продолжали свою старую риторику о том, как тяжело было Венгрии во времена «советской оккупации». Итог правления закономерен. Первый блин вышел комом. На следующих выборах 2002 года Фидес терпит поражение, и на ближайшие 8 лет к власти в Венгрии приходят социалисты в альянсе со свободными демократами. Вернется во власть Фидес только в 2010 г., вернется уже во многом другой партией.

За эти восемь лет другой станет и Венгрия. В 2004 г. страна вступит в ЕС, однако с самого начала было понятно, что интеграция с ЕС процветания не принесет. Слишком уж неравные условия предложил Брюссель «новоевропейцам». Скажем, венгерский фермер будет получать лишь 25% дотаций от уровня своих западноевропейских коллег и будет заведомо неконкурентным по сравнению с немецкими или французскими фермерами. Для поддержания у населения иллюзии начала подъема после вступления в ЕС правительство Меддьеш-Дюрчания начнет необоснованно поднимать зарплаты в госсекторе,

залезая при этом в кредиты и резко увеличивая госдолг страны. К концу правления социал-либерального правительства Дюрчаня (2010 год) госдолг Венгрии с 10 млрд долл. в 1998 г. увеличится до 100 млрд долл. (80% ВВП). Дефицит бюджета в эти годы доходил до 11 процентов! Страна окажется на грани банкротства. Каждый венгр, включая младенцев и стариков, сегодня должен кредитора по 10 тыс. долл. При этом надо иметь ввиду, что практически вся госсобственность, все самые доходные, бюджетообразующие отрасли, уже приватизированы, а доходы от продажи проедены или просто исчезли.

Вскоре после выборов 2006 г. глава социал-либерального кабинета Ф. Дюрчань, давний оппонент В. Орбана, на одном закрытом партийном совещании признался, что «мы вдали и врем народу денно и нощно». Имелось ввиду, что страна катится к банкротству, а правительство за счет все новых и новых кредитов изображает дело так, что жизнь налаживается... Последовал взрыв возмущения и уличные беспорядки в Будапеште осени 2006 г., после которых стало понятно, что это социал-либеральное правительство новые выборы не переживет.

Под знаком евроскептицизма (2010–2017 гг.)

Победа Фидес в 2010 г. вновь была предопределена. На этот раз демохристианская коалиция в составе партии Фидес — Гражданский союз и Христианско-демократической партии — пришла к власти не только на волне массового разочарования венгров в «диком капитализме» 1990–2000 гг., сопровождавшемся тотальной распродажей и «прихватизацией» госсобственности, масштабной коррупцией, огромными долгами государства. Теперь добавилось еще и массовое разочарование венгров в Евросоюзе. Не случайно, что в 2010 г. в парламент Венгрии впервые прошла крайне правая партия Йоббик, поставившая вопрос о выходе страны из ЕС. «Венгрии необходимо выйти из этого блока (ЕС). Все, что нужно Европе, — это наш де-

шевый труд, наши рынки и место, куда можно было бы сваливать мусор», — заявил вскоре после выборов Г. Вона, лидер третьей по численности депутатов (47 чел.) парламентской партии Йоббик.

Победа правого центра на выборах 2010 года, в самом деле, оказалась просто оглушительной. Команда Виктора Орбана и его союзников впервые за всю историю венгерского парламентаризма набирает две трети всех голосов избирателей и получает в Госсобрании конституционное большинство — 262 места депутата из 386-ти. Это дает им право по своему усмотрению и без оглядки на оппозицию не только принимать законы, требующие конституционного большинства, но и вносить поправки в Конституцию страны. В результате, в 2012 году парламент Венгрии принимает новую редакцию основного закона страны. В лагере правых, включая Фидес, еще до победы на выборах возникает следующая система координат и точек отсчета. Левые (социалисты-глобалисты-интернационалисты) и либералы распродали страну местным и зарубежным олигархам, загнали ее в долги, отдав на откуп иностранному капиталу и глобалистским структурам. Выражения типа: «ушли танки, пришли банки» и «страна за время либеральных реформ потеряла свою экономическую независимость», после 2010 г. стали общим местом в риторике венгерских политиков правого толка.

Любопытно, что под влиянием разорительных либеральных реформ, приведших Венгрию на грань банкротства, молодые венгерские демократы трансформировались не только в национальных консерваторов, но отчасти — в христианских социалистов. Что, впрочем, не удивительно, ибо местные социалисты к тому времени, скорее, проводили абсолютно антисоциальную либеральную политику. Так что же делать социал-консерваторам, пришедшим к власти? Надо «наводить порядок», восстанавливать роль и влияние государства в экономике, в том числе — путем расширения госсектора для пополнения бюджета, восстанавливать «экономический суверенитет» страны, не допуская вмешательства в национальную экономику МВФ

и других глобалистских структур, отдавая предпочтение национальному капиталу, усиливать роль церкви в общественной жизни. Другими словами, укреплять, как принято говорить, «суверенную демократию» и «вертикаль власти».

По большому счету, в этой системе координат национального консерватизма и берут начало все значимые законодательные нововведения в Венгрии последних лет. В том числе и тех, которые вызвали критику ЕС и МВФ. К этому надо добавить еще одно немаловажное обстоятельство. Понятие «восстановление суверенитета» для венгерских правых актуально не только в экономике. Во внешней политике это подразумевает отказ от строительства «супер-государства» ЕС наподобие «Соединенных Штатов Европы» (СШЕ) путем превращения ЕС из мягкой конфедерации в жесткую федерацию. Лично лидер Фидес считался евроскептиком еще до вступления Венгрии в ЕС, полагая, что страна, лишь недавно восстановившая свой суверенитет, не должна передавать большую его часть наднациональным структурам в Брюссель.

Изначально В. Орбан был противником и мондиалистского проекта превращения ЕС в Соединенные Штаты Европы, который европейское масонство вынашивало еще с XIX века. Со временем эта позиция лишь усилилась. В свое время, когда в 2004 г. Венгрия, как и остальные страны Центральной и Юго-Восточной Европы, присоединялась к ЕС, она вступала туда, в первую очередь, как в экономическое сообщество, в котором все равны и все имеют одинаковые права и обязанности. Если вспомнить, то в 1980–1990-е гг. объединение так и называлось — Европейское экономическое сообщество (ЕЭС). Но вот что интересно. Сразу же после приема ряда стран региона в ЕС в Брюсселе неожиданно для многих новоевропейцев заговорили о преобразовании союза в некое подобие федерации типа СШЕ со своей конституцией, президентом и армией. Общая валюта, визовый, таможенный союз и парламент к тому времени у ЕС уже были.

Вот и получилось, что вступали восточноевропейцы в один союз — экономический, а оказались, по сути, уже

как бы в другом, хотя и с тем же названием. Заскучав за время пребывания в соцлагере по национальному суверенитету, страны Центральной и Юго-Восточной Европы в итоге недолго радовались своей полной самостоятельности. С частью суверенитета пришлось расстаться сразу после вступления в ЕС. Теперь, по мере преобразования ЕС в федерацию, Брюссель постоянно ждет от стран союза все новых и новых уступок части национального суверенитета. А это все больше не нравится ни Будапешту, ни Праге, ни Варшаве, которые вместе с Братиславой входят в так называемую Вишеградскую четверку. В восточной части ЕС растет оппозиция централизаторским устремлениям Брюсселя, которую нередко называют «евроскептиками». Будапешт сейчас по праву можно считать лидером этой группы стран.

Противостояние восточноевропейских евроскептиков с Брюсселем особенно усилилось после того, как либералы-евробюрократы удалили из Лиссабонского договора положение о том, что христианство стало основополагающим элементом европейской цивилизации, а затем стали навязывать европейцам «нетрадиционные» понятия о семье и браке. Получив конституционное большинство в парламенте, Фидес с партнерами по коалиции первым делом меняют конституцию Венгрии. Акцент сделан на христианские ценности: признание государствообразующей роли христианства, семьи, как брака исключительно между мужчиной и женщиной, защита жизни с момента зачатия без формального запрета аборт, запрета превышать госдолг более, чем на 50 % ВВП — все эти новые конституционные положения, казалось бы, вряд ли должны были вызвать протест. За исключением, быть может, лиц нетрадиционной сексуальной ориентации. Но из Брюсселя то и дело сыплются стрелы критики в адрес Будапешта и лично премьера Орбана по части его законодательных инициатив. В ответ венгерский премьер любит повторять, что в свое время Будапешт не позволял вмешиваться в свои дела ни Вене во времена дуалистской Австро-Венгерской монархии, ни Москве — во времена существования

«соцлагеря», а теперь не позволит и Брюсселю — во времена «евролагеря».

Острые дебаты и столкновения в той же самой парадигме борьбы за суверенитет все последние годы можно наблюдать между Будапештом, с одной стороны, и Брюсселем с Вашингтоном — с другой, и по экономическим вопросам. Началось все с того, что вскоре после оглушительной победы на выборах 2010 г. глава нового венгерского правительства объявил о начале «экономической освободительной войны». Вскоре на свет появился закон о Национальном банке, который фактически предусматривал его фактическую национализацию с переподчинением от МВФ национальным властям. По закону, произошло слияние руководства нацбанка и Агентства по надзору за финансовыми рынками с таким расчетом, что глава нового ведомства отныне будет назначаться президентом страны, а заместители делегироваться правительством. По мнению экспертов, таким образом, в случае крайней нужды, по «плану Б», правительство В. Орбана в любой момент может получить доступ к валютным резервам нацбанка, а это 37 млрд евро.

Затем последовал острый конфликт с МВФ. Началось с того, что летом 2010 г. тогдашний венгерский министр национальной экономики Д. Матольчи, а ныне председатель Национального банка Венгрии и правая рука В. Орбана, сделал громкое и эффектное заявление: «Мы вышвырнули МВФ из Венгрии и выиграли сражение за экономический суверенитет страны».

Другими словами, правительство Орбана не продлило подписанное еще предыдущим социалистическим кабинетом соглашение с МВФ и ЕС на 20 млрд евро кредита, из которых Будапешт в итоге успел отозвать только 14 млрд. Было решено не идти на поводу у международного капитала, выслушивая постоянные ультиматумы и «ценные указания», и дальше решать долговую проблему своими силами. Несмотря на все трудности, Орбану и его команде со временем все же удалось в итоге стабилизировать ситуацию в экономике и рассчитаться по кредиту с МВФ,

после чего представительство этой организации в Будапеште было закрыто.

Далее последовали три этапа «неортодоксальной экономической политики», которые также вывели Брюссель и Вашингтон из равновесия. Вслед за банковским налогом на 1 млрд долл., на первом этапе введенным для финансовых и страховых учреждений, на втором и третьем этапе «налогом Робин Гуда» власти Венгрии обложили крупнейшие энергетические, телекоммуникационные и торговые компании страны. Выступая в парламенте, премьер В. Орбан заявил, что правительство более не может усиливать налоговый пресс на рядовых граждан страны и мелкий бизнес, которые и без того несут серьезную налоговую нагрузку. Поэтому пришлось то время, когда дополнительную долю социальной ответственности в решении проблем страны должен взять на себя крупный бизнес. В том числе и компании с участием иностранного капитала, которые долгое время имели в Венгрии большие налоговые льготы. Это был совершенно новый момент в экономической политике правительства. До тех пор венгерские власти предпочитали не трогать эту «священную корову», опасаясь, что она может сменить страну проживания.

Поскольку 70% венгерского ВВП дают крупнейшие компании с участием иностранного капитала, то новые налоги в основном затронули их. Свой миллиард долларов в общую антикризисную корзину вслед за банкирами (70% банковского сектора Венгрии под контролем иностранного капитала) пришлось собрать энергетикам, связистам и ритейлерам — владельцам крупных торговых сетей (Achan, ИКЕА, Metro и т.д.). Больше всего потрудились энергетики. У них в плане «продразверстки» на год было 70 млрд форинтов или 350 млн. долл. Немногим меньше — 61 млрд (300 млн долл.) должны были вносить телекоммуникационные компании. Половину этой суммы — 30 млрд форинтов или еще 150 млн долл. падало на долю сетевых торговцев. На круг это где-то половина прибылей компаний. Естественно, без протестов и ропота на новые венгерские налоги не обошлось. Были и скандалы. И с Брюсселем, и с

Вашингтоном. Но Будапешт был непреклонен и выстоял. Сегодня, после нескольких лет «затягивания поясов» экономика страны демонстрирует уверенный рост в размере 2,5–3 %, и это явный успех команды В. Орбана и его «вертикали власти»⁴.

В последние годы лидера Фидес и его команду нередко обвиняют в национализме. Связано это с позицией венгерских правоцентристов в отношении венгерского меньшинства, проживающего в соседних с Венгрией странах. По Трианонскому мирному договору 1920 года, ставшего частью Версальской системы, Венгрия лишилась двух третей своих бывших территорий и трети населения, проживавшего на этих землях. Глубокая травма Трианона, синдром разделенной нации, до сих пор, вот уже почти сто лет, не изжиты в венгерском национальном сознании. Внимание к соотечественникам, оказавшимся не по своей воле на чужбине, один из ключевых моментов всей венгерской внешней политики XX века. В политике Фидес это изначально тоже было одним из ключевых моментов. В начале XXI века, с расширением ЕС и открытием границ, Венгрия получила уникальный шанс хоть как-то поправить историческую несправедливость в отношении своих зарубежных соотечественников. Придя к власти в 2010, команда Орбана решает раздать всем этническим венграм Карпатского бассейна, а это около 1,5 миллионов человек в Закарпатье, Румынии, Словакии, Сербии, венгерские паспорта и тем самым воссоединить их с исторической родиной. По последним данным, около миллиона зарубежных венгров уже воспользовались этим правом и получили венгерские паспорта, которые дают их обладателям определенные преимущества и льготы при переезде в Венгрию на работу или жительство. В русле всемерной поддержки соотечественников надо рассматривать и довольно жесткую порой реакцию Будапешта на любые ограничения властей Украины или Румынии в отношении венгерского меньшинства, будь то использование родного языка или функционирование национальных школ.

То, что большинство населения страны поддерживали «новый курс» Фидес и его лидера, показали следующие парламентские выборы 2014 года, на которых партия Орбана практически повторяет успех 2010 года, получая 66,83 % депутатских мест в парламенте. Левая оппозиция — социалисты и союзники — получает лишь 19 %, так и не оправившись от катастрофы 2010 г. Не за горами уже и выборы 2018 года. Сомневаться в очередной, третьей по счету, победе Фидес практически не приходится. Как минимум, половина голосов избирателей, по всем подсчетам социологов, им обеспечена. И это будет исторический рекорд. Ни одна из политических партий Венгрии еще никогда в истории не выигрывала на выборах, и ни один политик не становился премьер-министром страны три раза подряд! Отсюда можно сделать вывод, что за 30 лет своего развития партия Фидес из радикальной молодежной организации с расплывчатыми задачами и целями выросла в партию, вокруг которой сложился своего рода национальный консенсус, консолидирующий венгерское общество. А ее лидер за эти годы из скандального либерала-радикала вырос в фигуру национального масштаба. Хочется это кому-то признавать или не хочется. Это совсем не означает, что и партию, и лидера совсем не за что критиковать...

С именем лидера Фидес связана и новая восточная политика Венгрии в отношении России, стран постсоветского пространства, а также Китая, Вьетнама и других стран Восточной Азии. Если до 2010 г. отношения с Россией традиционно считались «территорией» венгерских социалистов, а в политике Фидес по инерции 1990-х гг. России как бы не существовало вообще, то с приходом к власти в 2010 г. ситуация существенно изменилась. На фоне серьезных проблем с ЕС, Венгрия В. Орбана повернулась к Москве лицом. С этого времени начинаются регулярные контакты Орбана с российским лидером В. Путиным. Возникают серьезные экономические проекты между Россией и Венгрией в энергетике и транспорте: строительство двух новых блоков венгерской АЭС в Пакше под российский

кредит в 10 млрд евро, проекты газопроводов «Южный поток», реконструкции подвижного состава будапештского метрополитена, военных вертолетов советского производства и многое другое.

Сегодня прагматичные отношения с Москвой имеют для Будапешта и лично Орбана особенно важное значение в качестве мощного баланса на фоне его противостояния с Брюсселем и он, судя по всему, это очень ценит. Для Москвы корректные и прагматичные отношения с Будапештом тоже имеют сейчас особое значение на фоне санкций и политики изоляции со стороны ЕС и США. Правительство В. Орбана последовательно выступает против санкций в отношении Москвы, от которых очень страдает венгерская экономика. Потери Венгрии от санкций за последние три года оцениваются примерно в 4–5 млрд евро. В основном от резкого сокращения экспорта в России продукции сельского хозяйства. Венгерскому премьеру принадлежит растиражированная СМИ фраза о том, что для ЕС все эти антироссийские санкции «все равно, что выстрел себе в ногу».

Последнее по времени противостояние между Будапештом и Брюсселем, теперь уже вокруг проблемы неконтролируемой миграции, приходится на 2015–2017 гг. Прекраснодушная, а по мнению многих наблюдателей, откровенно преступная политика «открытых дверей» немецкого канцлера А. Меркель в отношении нелегальных мигрантов привела к острому кризису Евросоюза, фактически поставив его на грань развала. Английский Brexit, решение англичан выйти из ЕС, — одно из следствий политики Меркель. Единственным политиком в Европе, кто с самого начала, еще летом 2015 г., резко выступил против бесконтрольной миграции в страны ЕС, был венгерский премьер В. Орбан. С тех пор не проходит и дня, чтобы венгерского лидера не атаковали со всех сторон коллеги по ЕС из Западной Европы. На этой же почве у венгерского премьера возник и личный конфликт с миллиардером Дж. Соросом, который когда-то поддерживал его в далекой юности на заре политической карьеры. Теперь же В. Орбан считает, что Дж. Сорос сознательно провоцирует конфликт в Европе

вокруг нелегальных иммигрантов с Востока ради ослабления конкурента США в лице ЕС...

В Центральной и Юго-Восточной Европе у венгерского политика, напротив, больше сторонников. На его стороне лидеры Вишеградской четверки, а также Болгарии, Македонии, Сербии, Словении — все те, кто ежедневно сталкивается с натиском нелегалов. Исход этого противостояния в битве за будущее Европы еще не предрешен. Водораздел проведен. Позиции обозначены. Венгерский референдум 2 октября 2016 г. по поводу обязательных квот ЕС на расселение мигрантов из-за не столь высокой явки избирателей, увы, оказался не вполне удачным для венгерских властей. Тем не менее, 85% участников референдума, а это 3,5 миллиона граждан Венгрии, проголосовали «против» квот ЕС на расселение нелегалов. Будапешт считает, что Брюссель отныне не в праве игнорировать мнение почти половины венгерских избирателей. Совершенно очевидно, что относительная неудача с референдумом вряд ли остановит венгерского лидера и его сторонников в борьбе за христианскую европейскую цивилизацию.

В начале 2017 г. венгерский премьер уже анонсировал, что год Красного Петуха пройдет под знаком решительной борьбы с Брюсселем сразу по двум главным направлениям: на «миграционном поле» и на поле борьбы за суверенитет национальных государств, которая будет направлена против централизаторской политики бюрократии ЕС. «Год 2017-й будет годом восстания, — заявил В. Орбан в интервью радиостанции Кошут 13 января, — восстания европейских народов против такой политики Брюсселя, которая где открыто, а где тихой сапой забирает себе все больше полномочий у национальных государств»⁵.

Это значит, что уже в самое ближайшее время мы увидим новые, занимательные этапы этой борьбы. Можно ли представить, что все более усиливающееся противостояние Будапешта и Брюсселя выльется в своего рода «Hunexit» — выход Венгрии из ЕС? Благо прецедент в виде Brexit уже есть. В ближайшие годы — маловероятно. Пока еще Венгрия получает довольно существенные дотации из бюджета

ЕС на инфраструктурные проекты, а это порядка 3 млрд евро ежегодно, которые плавно растекаются на подряды западноевропейским фирмам и компаниям, так или иначе аффилированным с правящим слоем в стране. В таких условиях ждать разрыва с ЕС трудно.

Но скоро, лет через пять, дотации закончатся. Один из крупнейших доноров ЕС — Англия, дававшая в бюджет Евросоюза 10 млрд евро в год, в 2017 г. выходит из игры и прекращает платежи. Все это неминуемо скажется на общем состоянии бюджета ЕС. А если при резком снижении финансовых дотаций политическое давление на Венгрию не прекратится, то тогда исключать «Hunexit» нельзя. Тем более, что и вторая по численности партия венгерского парламента — Йоббик (Партия за лучшую Венгрию), которая считается организацией откровенных евроскептиков, уже ставит вопрос о выходе из политических структур ЕС. Сегодня весь евроскептицизм венгерских политических партий активно питает разочарование большинства простых венгров результатами вступления и пребывания в ЕС.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: Kende P. A Victor. Bp., 1998; *idem.* As igazi Orbán: A Viktor. Bp., 2006; *Debreczeni J.* Orbán Viktor. Bp., 2002; *idem.* Bp., 2009.

² Kende P. A Victor... 27. old.

³ *Ibid.* 38. old.

⁴ Подробнее см.: Лукьянов Ф. Интервью с послом ВР в РФ Дьердем Гилианом // Эхо планеты. 2010. № 12. С. 14–17; *он же.* Венгерский излом // Там же. 2012. № 3. С. 13–15; *он же.* Ремни опасности // Там же. 2012, № 19. С. 11–13; *он же.* Венгрия против МВФ // Там же. 2012. № 47. С. 22–23.

⁵ Magyar Hirlap. 2017. 14.01.3. old.

**БАЛКАНЫ:
ВАРИАНТЫ ЕВРОСКЕП-
ТИЦИЗМА**

Болгария: между еврооптимизмом и евроскептицизмом (2007–2017 гг.)

Вот уже десять лет (с 1 января 2007 г.) Болгария является членом Европейского союза (ЕС). Хорошо известно, что превалирующее значение при принятии Европарламентом решения о присоединении Болгарии (как и Румынии) к ЕС имели геополитические факторы, соседство этих стран с Турцией и постсоветским пространством, а также с Западными Балканами. Исходный уровень развития Болгарии и Румынии изначально был значительно ниже, чем средний по ЕС. Социально-экономическое развитие Болгарии после начала реформ 1989 г. ускорило процесс расслоения и поляризации в обществе: уровень жизни большей части населения значительно упал и привел к прогрессивному обеднению.

Вступление в Евросоюз долгие годы было мечтой и целью миллионов болгар. Надежды и ожидания всех — и политиков, и рядовых граждан — были исключительно велики и односторонне направлены: ускоренная модернизация и социальное процветание. Ожидалось, что, сообразуясь с принципами и стандартами ЕС и при его поддержке, Болгария сделает заметный шаг вперед в своем развитии. Откроются новые рабочие места, вырастут доходы, повысится качество жизни, улучшится здравоохранение, будут соблюдаться утвержденные в ЕС нормы условий труда, будет создана современная эффективная система социальной защиты и т.д.

Однако оптимистические ожидания предприсоединительного периода столкнулись с множеством трудностей, которыми сопровождался интеграционный процесс. Социальные аспекты адаптации к стандартам ЕС вызвали в

Болгарии (как и в других странах постсоциалистической Европы) большие протесты, поскольку процесс присоединения прошел без внимания к особенностям страны, без учета реальных экономических и социально-культурных проблем и потребностей. Поэтому, несмотря на полученные новые возможности (в том числе и финансовые) для ускорения социально-экономического развития, реальность оказалась отличной от массовых ожиданий, точнее сверхожиданий, которые долгие годы сознательно поддерживались болгарскими политиками¹. Стало очевидно, что для превращения потенциальных возможностей в реальность необходимы адекватные усилия со стороны всего общества, проведение радикальных реформ в определенных сферах.

Сравнение жизненного уровня болгарского населения с уровнем жизни в других странах-членах Евросоюза по сей день остается не в пользу Болгарии. Серьезные вызовы для страны во внутриполитическом аспекте представляют отсутствие прогресса в борьбе с коррупцией и трудно поддающаяся реформе судебная система, низкий жизненный стандарт и бедность, старение и сокращение трудоспособного населения из-за массовой эмиграции молодежи и низкой рождаемости среди болгар. Проблемы в отношениях с ЕС возникают и в связи с освоением средств из европейских фондов. Правда, в этой сфере наблюдается значительный прогресс по сравнению с первыми годами членства. Так, в 2015 г. Болгария заняла второе место по скорости освоения европейских средств.

Несмотря на то, что прошло уже десять лет со времени присоединения страны к ЕС, Болгария до сих пор остается под мониторингом Европейской комиссии, вне еврозоны и вне Шенгенского пространства. При этих данностях Болгарии предстоит принять с начала 2018 г. председательство в Совете ЕС на шесть месяцев.

Тем не менее, согласно регулярно проводимым Национальным центром изучения общественного мнения социологическим опросам, болгарское общество продолжает оказывать высокую поддержку членству страны в ЕС, хотя

в последние годы явно нарастает число евроскептиков, и болгары уже не ожидают быстрого повышения жизненного статуса благодаря ЕС. Постепенно приходит осознание того, что ЕС — это не благотворительная организация, которая будет оказывать Болгарии братскую помощь только потому, что «по не зависящим от Евросоюза причинам болгары голодны, босы и голы»². На девятом году членства, в мае 2015 г., большая часть болгарских граждан (64,4 %) оценивала его позитивно и лишь около одной пятой (21,8 %) — негативно. По данным Евробарометра, болгарские граждане находятся в числе тех, кто имеет наиболее высокое доверие к ЕС (наряду с поляками, румынами и ирландцами)³.

При этом как болгарские, так и зарубежные исследователи подметили любопытный феномен: взгляд на Болгарию со стороны более позитивен, чем взгляд изнутри. Последний нередко преломляется через призму политических пристрастий, испытывает влияние повседневных проблем и отражает характерный для болгарина пессимизм, сформированный, по-видимому, превратностями истории. Болгары убеждены, что представление об их стране «в Европе» сугубо отрицательно, что она — «черная овца» в ЕС. Видят ли европейцы ситуацию в Болгарии в розовом цвете или же болгары страдают от неуместного негативизма? Сегодня, уже будучи частью крупнейшего в мире экономического и политического союза, болгары сравнивают себя с другими его членами, и, прежде всего, с самыми развитыми странами ЕС. Это сравнение делает их несчастными и вынуждает многих эмигрировать. Однако, как пишет бельгийский исследователь Раймон Детрез в своей статье с характерным названием «Болгария в ЕС — „черная овца“ или „троянский конь“ ЕС?», возможно, дела в Болгарии не столь хороши, как думают иностранцы, но и не так уж плохи, как полагают сами болгары⁴.

Английский болгарист Р. Крамштен также полагает, что основная проблема современной Болгарии и ее граждан имеет сугубо внутренний характер — это недооценка себя как нации и своих возможностей. Ведь Болгария име-

ет столько же евродепутатов в Брюсселе, сколько Австрия или Швеция. Но именно скептицизм в отношении самих себя мешает болгарским гражданам мыслить и действовать позитивно и эффективно, считает Крамптен⁵.

Некоторые болгарские экономисты и социологи подметили и такой парадокс: несмотря на то, что ряд социально-политических процессов после присоединения Болгарии к ЕС демонстрирует благоприятные тенденции, общественное мнение, тем не менее, остается исключительно критичным по отношению к власти и к результатам тех мер, которые она предпринимает. Иными словами, чем больших успехов достигает Болгария согласно объективным экономическим показателям, тем большим пессимистом становится болгарин.

Помимо психологического фактора, это объясняется тем, что оценка гражданами политиков опережает во времени результаты их деятельности и испытывает влияние предварительных ожиданий и прогнозов⁶. В отличие от экспертной, оценка граждан формируется под воздействием иррациональных факторов, путем смещения ожиданий, предубеждений, влияния публичного пространства. Объективные факты и тенденции имеют, конечно, значение, но их оценка преломляется в свете вышеперечисленных факторов. К примеру, оценка болгарскими гражданами результатов политики доходов исключительно низка. Преобладающая их часть оценивает свое социальное и финансовое положение как среднее, но при этом более 70 % считают, что их зарплата недостаточна для нормальной жизни. Данные показывают, что граждане вообще не улавливают благоприятные тенденции роста доходов, которые экспертные оценки в состоянии доказать⁷.

Согласно результатам исследования европейской статистической службы Евростат, по данным за 2014 г. Болгария была на последнем месте среди стран ЕС по потреблению на душу населения, а также по валовому внутреннему продукту. Кроме того, она оказалась единственным государством, не достигшим половины среднеевропейского уровня жизни. Болгария находится среди са-

мых бедных стран в Европейском союзе. Несмотря на то, что одной из целей Союза провозглашалось уменьшение неравенства между его членами, годы членства Болгарии в ЕС не привели к существенному уменьшению бедности болгарских граждан в денежном выражении. Так, относительная доля живущих за порогом бедности в Болгарии последние 7–8 лет остается практически неизменной — 21–22%. Для сравнения: бедных в среднем по ЕС на пять процентов меньше — 16–17%. В прямой связи с вопросом о доли бедных находится степень неравенства в обществе. Соотношение между доходами 20% самых богатых граждан и 20% самых бедных в Болгарии в 2017 г. равнялось 7, в то время как в среднем в странах Евросоюза это соотношение составляло 5⁸. Зарплаты в Болгарии остаются самыми низкими в ЕС. К 1 января 2017 г. размер минимальной заработной платы составлял 235 евро, что на 109% больше по сравнению с 1 января 2008 г., когда он был 112 евро. Для сравнения, размер минимальной заработной платы в Люксембурге составляет 1999 евро, что приблизительно в 9 раз больше, чем в Болгарии⁹. Средняя зарплата в 2016 г. увеличилась с 878 левов (около 440 евро) до 964 левов (около 480 евро), иными словами, ее рост составил 9,6%¹⁰. При этом по крайней мере половину семейного бюджета болгар составляют «левые» заработки, что означает, что они должны работать вдвое больше для поддержания своего невысокого жизненного уровня.

Другое исследование Евростата показывает, что в Болгарии самый низкий индекс удовлетворенности жизнью — 4,8 пунктов при среднем по ЕС 7,1 пункта. Страна также находится на последнем месте по такому показателю, как удовлетворенность европейских граждан своим финансовым положением — 3,7 пункта, при среднем для ЕС уровне в 6,0 пунктов.

Евроскептики, фокусирующиеся на негативных сторонах экономической и политической жизни, утверждают, что Болгария больше теряет от членства в ЕС, чем выигрывает. Со времени вступления в ЕС до конца 2013 г. Болгария получила 4,3 млрд евро, а внесла в бюджет ЕС около полови-

ны этой суммы¹¹. Сегодня ЕС — крупнейший иностранный инвестор в Болгарии. Например, в 2016 г. страна получила 370 млн левов для популяризации культурных достопримечательностей и развития инфраструктуры в 39 крупнейших городах (по Оперативной программе «Региональное развитие»). Один из недавних примеров: 10 млн евро поступили из Брюсселя по программе «Развитие сельских районов» для скорейшего восстановления местной инфраструктуры после страшной катастрофы в декабре 2016 г. — взрыва цистерн с газом в селе Хитрино. К сожалению, Болгария осваивает лишь около половины евросредств. По некоторым данным, из безвозмездных денег по программам Болгария освоила всего 33 % от общего бюджета до 2020 г. Задача состоит не в том, чтобы ЕС давал больше (как этого требуют политики-популисты), а в том, чтобы Болгария более эффективно использовала эти деньги.

По мнению Сергея Станишева, бывшего премьер-министра и лидера БСП, а ныне евродепутата и председателя Партии европейских социалистов (ПЕС), последние 10 лет членства в ЕС показали, что плюсы от него для Болгарии во многом перевешивают минусы. Это не только 10 млрд евро, поступившие в страну через еврофонды, но и десятки миллиардов левов иностранных инвестиций в экономику, особенно в период до 2009 г., которые создают рабочие места и новую промышленность. Станишев подчеркнул, что благодаря членству в ЕС Болгария стала серьезным фактором в производстве авточастей и IT технологий. При поддержке европейских фондов в стране стартовали проекты строительства 300 км магистралей, 26 станций метро, инновационная экосистема «София Техпарк», а также сотни проектов в поддержку малых и средних предприятий. В то же время Станишев подчеркнул, что Европа предоставляет возможности, но если Болгария не будет их эффективно использовать, то окажется в хвосте¹². Так, в феврале 2017 г. из-за многочисленных нарушений опять были заморожены европейские средства на образование и науку в Болгарии по Оперативной программе «Наука и образование».

Однако было бы некорректно сводить пользу от вступления в ЕС лишь к денежным показателям. Опрос Евробарометра, проведенный в конце 2016 г., констатирует, что самым ценным европейским правом для болгар по-прежнему остается право на свободу передвижения, работу и жизнь в странах ЕС. 87% одобряют эту европейскую политику, а сразу после нее по степени одобрения следует политика обороны и безопасности (72%). Неизменной остается и склонность болгар больше доверять европейским институтам власти, чем национальным. ЕС доверяют 49% анкетированных¹³. Но далее выявляется разочарование: если 55% болгар выражают положительное отношение к ЕС, то лишь 34% считают, что членство принесло пользу стране и всего 15% указывают, что выиграли от этого лично они. Как непосредственную пользу от членства в ЕС граждане называют также более высокие экологические стандарты, защиту прав потребителей, полную ликвидацию такс для роуминга, защиту прав пациентов (использование европейской медицинской карты для неотложного лечения в другой стране — члене Евросоюза).

Одна из причин нарастающего европессимизма сегодня: рухнул один из самых устойчивых мифов, что ЕС — автоматический механизм для социальных и экономических перемен, что он будет вмешиваться всякий раз, чтобы восстановить порядок, избавит Болгарию от коррупции, что доходы магически взлетят (но без особых усилий со стороны самих болгар). Членство понимается только как польза, но не как личная ответственность за перемены. 2/3 торговли Болгарии приходится на страны ЕС, все болгары мечтают, чтобы их дети учились и работали в Европе, ищут спасения в Европе от местной безработицы, но при этом в адрес ЕС раздается все больше критики — таков сегодняшний парадокс. При этом серьезные аналитики отмечают следующую проблему: популистский антиевропейский дискурс мешает честному разговору о пользе и недостатках ЕС, которые, действительно, имеют место.

Именно европессимисты (прежде всего, флагман болгарского популизма, лидер партии «Болгария без цен-

зурь» Н. Барекон) особенно широко распространяют популистский стереотип о ЕС как огромном банкомате. Он импонирует прежде всего представителям проигравшего от постсоциалистического переходного периода поколения. Это люди, которые не в состоянии оценить возможностей свободы передвижения, открытых трудовых рынков и международных контактов, поскольку не имеют ни квалификации, ни необходимости и средств для их использования. Это так наз. работающие бедные, из малых городов, со средним образованием. Они реально ничего не получили от членства Болгарии в ЕС и предпочитают быть на сносном уровне среди середнячков, а не бедными в «клубе богатых».

Европессимизм, вернее, недовольство части политиков и населения, вызывает вмешательство ЕС в энергетическую политику Болгарии. На Козлодуйской АЭС закрыли 4 из 6 блоков еще в 2004 г. и 2007 г. по настоянию ЕС, который считал их опасными. Однако те, кто говорит о понесенных Болгарией убытках, умалчивают о том, что страна получила и продолжает получать от ЕС значительную сумму в качестве компенсации. В марте 2012 г. кабинет Б. Борисова остановил строительство новой АЭС в Белене, в связи с чем Болгарии предстоит выплачивать России неустойку в размере 601 млн евро, что составляет 1,3 % ВВП страны¹⁴. В 2014 г. правительство П. Орешарского остановило проект газопровода «Южный поток».

Как лояльный член ЕС Болгария присоединилась к санкциям против России. Понятно, что они весьма болезненно отражаются на болгарской экономике, в которой торговля с Россией занимает значительное место. Это тоже усиливает евроскептицизм.

Деление болгар на еврооптимистов и европессимистов напрямую связано с реминисценцией традиционного деления болгарского общества на «русофилов» и «русофобов», которое в последнее время проявляется все сильнее.

Несмотря на доминирующую проевропейскую ориентацию, политическая элита остается разделенной в своем отношении к России. По причине традиционных русофиль-

ских настроений среди населения, стабильно поддерживающегося в Болгарии мифа о славянском братстве, экономических связей болгарской бизнес-элиты с Россией, а также в связи с нынешним кризисом в ЕС в последние годы пророссийская риторика становится все более популярной в болгарском обществе. Неслучайно, в публичных дебатах вспомнили девиз внешней политики царя Бориса III «Всегда с Германией, никогда против России» (1942 год), который его сын и бывший премьер-министр Симеон Саксен-Кобург-Готский перефразировал по-своему: «Всегда с Европой, никогда против России» (2015 год).

Теоретически, политические партии в Болгарии охватывают весь спектр идеологической партийной системы. На самом деле, идеологические различия не столь велики, так как большинство политических партий, за исключением крайних националистов и популистов, разделяют идеи парламентской демократии, рыночной экономики и евроатлантической интеграции. Однако по ряду важнейших вопросов партии имеют различные позиции, например: социальная или либеральная экономическая политика, «русофильство» или «русофобство». Но, несмотря на эти различия, конфликты между болгарскими политическими партиями часто носят, скорее, личностный, чем идеологический характер.

Кто же хочет выхода Болгарии из Евросоюза и много ли их?

Критика Евросоюза занимает сегодня важное место в политическом дискурсе, но такая ситуация отмечается не только в Болгарии. Во всей Европе политики склонны упрекать ЕС во всем плохом и непопулярном, оправдывая тем самым самих себя. Больше всего людей, которые хотели бы выхода Болгарии из ЕС, среди социалистов и националистов. Но и в этих партиях число тех, кто поддерживает членство в ЕС, почти вдвое больше тех, кто против Евросоюза. Сравнение с остальными странами-членами Евросоюза показывает, что болгарские граждане в числе тех, кто имеет наиболее высокое доверие к ЕС. Публичный образ ЕС в Болгарии значительно более позитивен

в сравнении со средними по ЕС показателями, а негативные восприятия выражены в наименьшей степени.

Что касается Евразийского союза, то, согласно данным опроса, проведенного в конце апреля 2016 г., за Евразийский союз выступают приверженцы ультранационалистической партии «Атака» (38%), Болгарской социалистической партии — БСП (34%), отколовшейся от нее партии АБВ (34%), Реформаторского блока (15%)¹⁵. То есть даже там, где имеется больше всего его сторонников, идея Евразийского союза не поддерживается большинством. Социологи утверждают, что болгары по-прежнему хорошо относятся к России, но не верят, что она может быть их моделью развития — в отличие от ЕС.

Большинство болгар (61%) не одобряют антироссийских санкций, несмотря на то, что внешняя политика Болгарии в отношении украинского конфликта оценивается положительно — 74% считают, что Болгария проводит умеренную и сбалансированную политику. Несмотря на сдержанное отношение к участию в военных союзах, почти половина болгар (44%) поддерживает членство страны в НАТО (опрос «Альфа Рисарч» весной 2015 г.).

Тем не менее, социологи отмечают зарождение и усиление когерентного антиевропейского блока. Националисты, популисты, значительная часть политической и экономической элиты, связанной с Москвой, успешно эксплуатируют разочарование болгар в ЕС. Основной чертой политической жизни Болгарии в последние десятилетия является неудовлетворенность населения политической элитой и готовность голосовать за те силы, которые в большей степени ассоциируются с переменами. Уставшие от длительного переходного периода, болгарские граждане искали «спасителя» сначала в лице «добротного царя» С. Саксен-Кобургготского, затем — генерала-силовика Б. Борисова, которым удалось внушить им доверие при помощи щедрых обещаний быстрых позитивных перемен. В этих условиях в Болгарии, как и в ряде других европейских стран, популизм переживает восход в качестве политического дискурса с появлением новых партий и лидеров с

сильными социальными и национальными популистскими посланиями, что показали и последние парламентские выборы в марте 2017 г. (о них речь пойдет ниже).

Реформаторский блок и партия «Атака» образуют два крайних крыла в болгарском политическом пространстве — «русофобов» (первый) и «русофилов» (вторая). Между ними — партии, которые открыто не демонстрируют свои антироссийские настроения. Хотя некоторые из них выступают против санкций ЕС в отношении России, но в то же время они поддерживают НАТО и американские базы в Болгарии. В эту группу входят партии Граждане за европейское развитие Болгарии (ГЕРБ), партия болгарских мусульман Движение за права и свободы (ДПС), Болгарская социалистическая партия (БСП), Патриотический фронт, отколовшаяся от БСП партия АБВ. Однако в поведении этих партий заметны нюансы. Так, ГЕРБ и ДПС постоянно подчеркивают свою верность евроатлантизму, но при этом избегают антироссийской риторики.

Ближе к «русофилам» позиционируются БСП и АБВ. Они осуждают антироссийские санкции, демонстрируют «русофильство», но сохраняют свою приверженность ЕС и НАТО. При этом важно иметь в виду следующее. Если говорить об электорате, то у значительной его части налицо сочетание позитивного отношения и к ЕС, и к России. Однако с обострением международной обстановки возникла тенденция к радикализации политических взглядов¹⁶.

С вопросом о еврооптимизме и евроскептицизме оказались связаны и последние президентские выборы в Болгарии, состоявшиеся осенью 2016 г. 13 ноября во втором туре победил выдвинутый БСП (но формально не от партии) бывший глава ВВС Болгарии, генерал-майор в отставке Румен Радев (59% голосов), вступивший на новый пост 22 января 2017 г. Большинство обозревателей сходятся во мнении, что своей победой он обязан не столько поддержке социалистов, сколько крайне неудачной кандидатуре правящей партии ГЕРБ в лице председателя Народного собрания Цецки Цачевой (36% голосов) — человека, не имеющего харизмы, ассоциирующегося у большинства на-

селения только с принадлежностью к ГЕРБ. Еще в ходе избирательной кампании премьер-министр Б. Борисов пообещал уйти в отставку, если кандидат его партии проиграет выборы, давая тем самым понять, что речь идет исключительно о праве ГЕРБ контролировать политическую жизнь страны. Оставаясь верным своим предвыборным обещаниям, 14 ноября 2016 г. Борисов объявил об отставке своего кабинета. Возник парламентский кризис, встал вопрос о досрочных выборах в Народное собрание.

В некоторых российских СМИ результаты президентских выборов в Болгарии были восприняты как победа пророссийского евроскептика (Радев выступает за снятие санкций с России и возвращение болгарской продукции на российский рынок) и желание болгар выйти из ЕС. Однако, как показало время, Радев занял сбалансированную позицию, основанную на нынешней евроатлантической ориентации страны, но с новым акцентом на соблюдении национальных интересов Болгарии.

Накануне президентских выборов крайне раздробленные политические силы на левом и правом флангах пытались создавать новые коалиции с тем, чтобы противостоять доминирующей партии ГЕРБ. Кризис с беженцами и ситуация в соседней Турции после неудачной попытки переворота подтолкнули некоторые партии к выдвижению силовых кандидатов, бывших военных, которые во времена опасений за национальную безопасность могли бы привлечь избирателей при помощи своего авторитета и патриотических посланий. Болгарское общество в очередной раз захотело перемен и нашло их воплощенными в лице Р. Радева. 53-летний генерал вступил в болгарскую политику на гребне волны недовольства результатами борьбы с коррупцией правящей правоцентристской партии ГЕРБ во главе с авторитарным лидером Бойко Борисовым и разочарования Европейским союзом. Заметим, что ГЕРБ называют также праволиберальной или левоконсервативной партией — эти понятия достаточно размыты; она входит в Европейскую народную партию.

В одном из своих последних интервью накануне вступления в должность, на вопрос французской газеты «Монд», что изменится в отношениях Софии с ЕС и НАТО, Радев отметил, что Болгария избрала стабильный и долговечный путь проевропейского развития и не собирается от него отклоняться. Она также хочет утвердиться как надежный партнер НАТО. Это, однако, не означает, что Болгария должна быть врагом России, с которой ее связывают значительные экономические интересы¹⁷. Проевропейская политика не означает «антироссийской политики».

Как бы в подтверждение своей позиции, свой первый официальный визит за границу Радев нанес в конце января 2017 г. в Брюссель — сердце ЕС и НАТО. В ходе встреч в штаб-квартирах этих организаций была засвидетельствована непоколебимая и последовательная европейская и евроатлантическая ориентации Болгарии, а также ее солидарность в борьбе с международным терроризмом. Но в то же время Радев подчеркнул, что наращивание оборонного и сдерживающего потенциала НАТО должно идти рука об руку с углублением диалога с Россией — с целью избежать конфронтации и отсутствия взаимопонимания¹⁸.

26 января 2017 г. Р. Радев подписал в Софии два важных указа. Один — о роспуске Народного собрания 27 января и дате проведения досрочных парламентских выборов 26 марта 2017 г. (они должны были состояться в 2018 г.). Другим указом он назначил на пост премьер-министра временного правительства О. Герджикова, политика, скорее, либерального толка. Состав служебного кабинета в немалой степени охладил энтузиазм «красного» электората, который ожидал более ощутимого присутствия кадров БСП в правительстве¹⁹.

Новый президент вступил в должность в трудный момент с возложенными на него огромными ожиданиями, хотя в Болгарии парламентская форма правления, так что роль президента в государственно-политической системе и во внешней политике не столь велика. Однако главное послание Р. Радева — необходимость Болгарии сосредоточиться на решении собственных национальных вопросов,

исходя из их внутренней логики, а не обязательств перед внешними партнерами — вызывает безусловное одобрение большинства болгарского населения²⁰.

В начале 2017 г. к волнениям из-за смены власти добавились еще и опасения, вызванные докладом Еврокомиссии о реформах, проведенных в Болгарии за последние 10 лет. Главный вывод документа: коренных изменений в борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти не произошло, серьезной проблемой остается коррупция и на более низких уровнях государственной администрации. Как и во всех предыдущих докладах ЕК, вновь обращено внимание на проблемы теневой экономики и недекларированного труда, недостатки системы правосудия, тормозящие приток иностранных инвестиций в страну. Отмечено, что доходы самой богатой части населения в 7 раз выше доходов самых бедных слоев. Вновь указано на проблему старения населения и массовой эмиграции (14 % болгар живут за пределами родины)²¹. Еврокомиссия направила Болгарии 17 рекомендаций, которые надлежит выполнить до начала ее ротационного председательства в ЕС. От болгарского правительства ожидается разработка национальной программы реформ, согласованной с местными органами власти и социальными партнерами.

Из доклада становится ясно, что прошлогодние рекомендации ЕК почти не выполнены. Поэтому отмены мониторинга в скором времени не произойдет, а значит, Болгария будет председательствовать в ЕС в первой половине 2018 г. в качестве наблюдаемого государства — беспрецедентный случай в истории ЕС. Правда, по словам первого заместителя председателя ЕК Ф. Тиммерманса, это не должно представлять проблему, поскольку мониторинг — это система не для наказания, а для сотрудничества с государствами ЕС. Кстати, согласно исследованию Евробарометра, 72 % болгар предпочитают, чтобы мониторинг Еврокомиссии продолжался, поскольку так же, как и Еврокомиссия, считают, что у Болгарии имеются серьезные проблемы с коррупцией, организованной преступностью и недостатки в судебной системе²².

Для участия в выборах в Народное собрание весной 2017 г. зарегистрировались 18 партий и 9 коалиций или всего 27 формаций. В левом политическом пространстве появилась коалиция «АБВ–Движение 21», названная по именам двух отколовшихся от БСП формирований. Сама же БСП создала новую коалицию под названием «БСП за Болгарию», в которой число партнеров сократилось до 6. Что касается правого политического пространства, то в нем Реформаторский блок приступил к выборам в сокращенном составе после того, как его покинули «Демократы за сильную Болгарию». Три националистические партии — Национальный фронт за спасение Болгарии, ВМРО–Болгарское национальное движение и партия «Атака» образовали новую националистическую коалицию «Объединенные патриоты» (ОП), придерживающуюся националистических и антимусульманских взглядов, жесткой антииммигрантской риторики. Рост традиционалистских настроений в Европе на фоне миграционного кризиса, а также положительный эффект от объединения главных выразителей этих настроений в Болгарии привели к дальнейшему усилению ультраправого лагеря.

Во время предвыборной кампании проявилась высокая степень поляризации общественного мнения. Согласно опросу Gallup International, оценка управления ГЕРБ на протяжении двух незавершенных мандатов оказалась полярной. 35% отмечали прогресс в развитии Болгарии, однако ровно столько же избирателей придерживалось противоположного мнения²³.

Результаты национального исследования общественного мнения в Болгарии показали, что всего четыре института пользуются доверием свыше 50% населения: ЕС, православная церковь, армия и университеты. Партии, которым предстояло принять участие в досрочных парламентских выборах, находились на дне рейтинга — у них оказалось всего 17% доверия. 76% категорически утверждали, что не имеют никакого доверия к политикам²⁴. В целом ход предвыборной кампании показал, что партии понимают истинный смысл общественных стремлений, и не

случайно все они обещали решение проблем, связанных с низкими доходами, коррупцией, преступностью, эмиграцией и верховенством закона. Однако они делали это без готовности признать свою собственную ответственность за эти проблемы и с подчеркнутой склонностью обвинять в них других.

Третьи подряд досрочные парламентские выборы в Болгарии прошли под знаком желания радикальных перемен. Однако, как это часто бывает, одного желания оказалось недостаточно. То, что на первый взгляд выглядело как слабость Борисова — уход в отставку посреди мандата без реальной на то необходимости — стало для него спасительным ходом, полагает болгарский историк И. Баева²⁵. Он осуществил «перезагрузку» своей власти именно в тот момент, когда начал терять симпатии населения. Подав в отставку досрочно во второй раз, он во второй раз после этого выиграл. И надежда на радикальные перемены (прежде всего, левого электората) растаяла. Впрочем, надежда на обещанное лидером БСП Корнелией Ниновой уничтожение «параллельного государства коррупции и мафии» с самого начала выглядела явной утопией для болгарских реальностей 2017 г., большая «заслуга» в складывании которых принадлежит и самой БСП, причем как в качестве правящей партии, так и в качестве оппозиции²⁶.

Основная битва накануне выборов, как и ожидалось, разгорелась между ГЕРБ и БСП. На первом этапе предвыборная кампания характеризовалась сильным стартом БСП с акцентом на социальные послания, обещанием укрепления связей с Россией, резкой критикой предыдущего правительства и его проевропейского курса (социалисты, наследники монопольно правившей в эпоху социализма компартии, «генетически» предрасположены к ориентации на Москву). Однако именно это, видимо, усилило опасения значительной части болгарских граждан, что может произойти ревизия основных внутри- и внешнеполитических принципов, гарантирующих членство в Евросоюзе. В результате позиции БСП несколько ослабли, а ГЕРБ, напротив, укрепились. Социологи отмечали, что, в

отличие от своего основного конкурента, партия Б. Борисова продемонстрировала в ходе предвыборной кампании умеренность, реализм и более честное отношение к избирателям. Накануне выборов политические дебаты сильно сместились к геополитическому вектору: на передний план выступила тема «Турция» после того, как турецкий президент Р. Эрдоган заявил о «давлении на живущих в Болгарии мусульман накануне выборов»²⁷. Это привело к некоторой электоральной перегруппировке в последний момент, дав преимущество коалиции «Объединенные патриоты» (в ходе выборов ее сторонники препятствовали въезду на территорию страны для участия в голосовании турок, переехавших из Болгарии в Турцию, но все еще имеющих болгарское гражданство).

По итогам выборов 26 марта 2017 г., партия ГЕРБ одержала очередную победу, набрав 32,66 % голосов. Ее основной оппонент БСП получила 27,19 %. В болгарский парламент также прошли националистическая коалиция «Объединенные патриоты» (немногом больше 9 %), Движение за права и свободы (8,99 %) и новая популистская партия бизнесмена В. Марешки «Воля» (4,15 %), имеющая неясный политический профиль. Расколовшийся прозападный Реформаторский блок не сумел преодолеть 4 % барьера и не получил в Народном собрании ни одного мандата. Всего в выборах приняли участие 54 % имеющих право голоса болгар, что говорит о нормальной избирательной активности²⁸. Разница между низким кредитом доверия к партиям и нормальным уровнем голосования показывает, что, несмотря на свои опасения, болгары склонны дать политикам новый шанс.

Таким образом, в Народном собрании 44-го созыва из 240 мандатов ГЕРБ имеет 95, «БСП за Болгарию» — 80, «Объединенные патриоты» — 27, ДПС — 26, а «Воля» — 12. В результате выборов ГЕРБ в очередной раз легитимировалась как крупнейшая правая партия в Болгарии, особенно после сокрушительного провала правого Реформаторского блока. БСП вернула себе монополию над левым электоратом. Ей не удалось победить ГЕРБ, но теперь она

оказалась в выгодном положении сильной оппозиции. Выборы подтвердили восход национализма в Болгарии, как и во многих странах Европы, превратив «Объединенных патриотов» в третью политическую силу (заметим, что до 2005 г. ни одна националистическая формация в Болгарии не могла самостоятельно пройти в парламент). Но поскольку ОП объединяют как проевропейских, так и пророссийских националистов, это разнородная и несплоченная сила. К тому же амбициозные лидеры в этом партийном блоке находятся в весьма сложных личных взаимоотношениях (сопредседатели — Красимир Каракачанов, Волен Сидеров, Валери Симеонов). Все это чревато будущими расколами в этой парламентской фракции.

Поскольку ГЕРБ не удалось добиться абсолютного большинства в парламенте, Б. Борисов возглавил переговоры о формировании коалиционного правительства. Однако в свете внутри- и внешнеполитических вызовов это, скорее, вопрос политического торга, а не новой перспективы развития. Гипотетическая вероятность образования «большой коалиции» между ГЕРБ и БСП была исключена априори, поскольку позиции БСП представляют собой полную общественную альтернативу модели ГЕРБ. Различия между этими двумя партиями имеются не только по вопросам внешней политики, но и внутривнутриполитического развития. От блока с протурецкой ДПС отказался сам Б. Борисов. Таким образом, единственным возможным сценарием осталась коалиция ГЕРБ с «Объединенными патриотами». Других вариантов в той ситуации, которая сложилась на болгарской политической сцене в результате выборов, просто не существовало. Эксперты отмечали, что новое правительство фактически будет продолжением предыдущего кабинета Б. Борисова («кабинет Борисов-3»), но с более неподходящими партнерами — «патриотами» вместо «реформаторов»²⁹. По сути, основной причиной стремления политической элиты к компромиссу является предстоящее председательство Болгарии в Совете Европейского союза. И еще один момент: никто в настоящее время не хочет новых досрочных парламентских выборов.

Все это говорит о том, что избранному Народному собранию 44-го созыва предстоят и трудный политический диалог, и политическое противостояние.

После раунда переговоров, в ходе которых и ГЕРБ, и ОП пришлось пойти на компромиссы и взаимные уступки, 13 апреля 2017 г. их лидеры обнародовали общую стратегическую программу коалиционного кабинета — «Приоритеты управления (2017–2021 гг.)»³⁰. Документ расписан на 21 странице как символ того, что две политические силы намерены действовать в рамках 4-летнего мандата до 2021 г.

Программа коалиционного управления не предусматривает никаких резких поворотов в проводившейся до сих пор предыдущим правительством внутренней и внешней политике. В целом производит впечатление полное отражение основных моментов предвыборной программы ГЕРБ. Важнейшие приоритеты в программе: присоединение Болгарии к Шенгену, сохранение валютного совета вплоть до присоединения страны к Единому банковскому союзу и еврозоне (болгарская национальная валюта имеет фиксированный обменный курс с евро в соотношении 2:1), повышение минимальной и средней заработной платы. Стороны достигли договоренности по спорной теме об увеличении минимальной пенсии с нынешних 160 левов до 200 левов в октябре 2017 г. Среди приоритетов коалиции — новый закон о борьбе с коррупцией и новый Уголовный кодекс.

В области внешней политики предусматривается «неуклонное следование по пути евроатлантической интеграции». При этом отмечается, что ее значение возрастает на фоне усилившегося влияния третьих стран в регионе Черного моря и Балкан. Это обстоятельство вызывает необходимость углубления сотрудничества между НАТО и ЕС³¹.

В то же время следует отметить, что, подчеркивая неизменность внешнеполитического курса Болгарии, руководство страны обеспокоено обозначившимися планами крупнейших стран Евросоюза спасти его от распада с помощью концепции «Европы двух скоростей», то есть фор-

мирования центра и периферии. Так, на встрече лидеров ЕС в Брюсселе в середине марта 2017 г. президент Р. Радев четко обозначил болгарскую позицию в поддержку основополагающих ценностей ЕС — единства и солидарности, и резко выступил против сценария «Европы двух скоростей». «Налицо, — заявил он, — тенденция трансформации ЕС из союза принципов и ценностей в союз, где начнут сводить счеты и торговаться»³².

Парламентские выборы 2017 г. и последние социологические опросы показали, что общество в Болгарии сегодня разделено на приблизительно равные части относительно видения дальнейшего пути развития страны. Евроскептицизм среди населения нарастает, но при этом исполнительную власть в стране пока прочно удерживают представители проевропейских сил. Как свидетельствуют выступления лидеров парламентских фракций при открытии Народного собрания 44 созыва 19 апреля 2017 г., европейский вектор развития получил поддержку во всех фракциях³³. Даже лидер БСП К. Нинова назвала в числе надпартийных интересов борьбу за сильный Европейский союз. Ведь одно дело — предвыборные обещания и совсем другое — конкретные идеи, которые могут объединить пять политических сил, представленных в столь разнородном по составу Народном собрании. Пока такими идеями и приоритетами выступают: предстоящее председательство Болгарии в Совете ЕС, национальная безопасность, экономическая стабильность и повышение доходов граждан.

В целом, можно сказать, что Болгария вписывается в общеевропейский и мировой процесс, который демонстрирует кризис традиционной парламентской демократии в условиях усиленной глобализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Евроинтеграция Болгарии: ожидания и реальность // Между Москвой и Брюсселем. М., 2016. С. 96–109.

² Дума. 2004.29.11.

³ http://osi.bg/downloads/File/2015/EuPI%20_May2015_EU_Survey_Bulg_.pdf.

⁴ Демпез Р. България в ЕС — «черната овца» или «троянският кон» на ЕС? // Балканите през второто десетилетие на XXI век: Проблеми, предизвикателства, перспективи. София, 2015. С. 161.

- ⁵ http://www.standartnews.com/mneniya-intervyuta/prof_kramptan_.
- ⁶ *Томова Т.* Три години след пълноправното членство: защо оценката на граждани за политиките е по-ниска от експертните оценки за тях // *България в Европейския съюз: социални предизвикателства*. София, 2009. С. 121–122.
- ⁷ Там же. С. 136–137.
- ⁸ <http://bnr.bg/post/100799787/bulgaria-ostava-sred-12-te-darjavi-ot-es>.
- ⁹ <http://bnr.bg/euranetplus/post/100795127/evrostat-bulgaria-e-na-posledno-mastov-es-po-minimalna-rabotna-zaplata>.
- ¹⁰ <http://bnr.bg/ru/post/100822825>.
- ¹¹ *Капитал*. 2014.26–30.04.
- ¹² <http://bnr.bg/post/100780724>.
- ¹³ <http://bnr.bg/ru/post/100805624>.
- ¹⁴ <http://bnr.bg/post/100799787>.
- ¹⁵ http://www.dnevnik.bg/bulgaria/2014/05/12/2297233_evropeiski_ili_evraziiski_sujuz.
- ¹⁶ См.: *Проданов В.* България като фронтова държава в новата студена война между Русия и САЩ // *Ново време*. 2016. № 7–8. С. 69–70.
- ¹⁷ <http://bnr.bg/post/100772316/rumen-radev-pred-mond>.
- ¹⁸ <http://bnr.bg/ru/post/100790843>.
- ¹⁹ Ibidem.
- ²⁰ <http://bnr.bg/post/100791581/galap-visoka-ocenska>.
- ²¹ <http://bnr.bg/post/100799787/bulgaria>.
- ²² <http://bnr.bg/ru/post/100789515>.
- ²³ <http://bnr.bg/post/100791581/galap-visoka-ocenska>.
- ²⁴ <http://bnr.bg/ru/post/100804554>.
- ²⁵ *Бачева И.* Приказката за промяната свърши // *Труд* (София). 2017.30.03.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ <http://bnr.bg/post/100811224/radev-erdogan>.
- ²⁸ [http://dnes.dir.bg/news/bsp-gerb-deputati-predsrochni-izbori-2017-25532258?](http://dnes.dir.bg/news/bsp-gerb-deputati-predsrochni-izbori-2017-25532258?nt=9)
[nt=9](http://dnes.dir.bg/news/bsp-gerb-deputati-predsrochni-izbori-2017-25532258?nt=9).
- ²⁹ <http://bnr.bg/post/100819132/boris-popivanov>.
- ³⁰ http://www.dnevnik.bg/politika/2017/04/13/2953029_upravlenskata_programa_na_gerb_
[gerb_](http://www.dnevnik.bg/politika/2017/04/13/2953029_upravlenskata_programa_na_gerb_).
- ³¹ Ibidem.
- ³² <http://www.mediapool.bg/radev-ot-sayuz-na-printsipi-i-tsennosti-es-se-transformirav-sayuz-na-smetki-i-pazarlak-news261114.html>.
- ³³ <http://bnr.bg/ru/post/100821414/parlamentskie-sili-obaavili-svoi-prioriteti-v-narodnom-sobranii-44-soziva>.

Формирование политического евроскептицизма в Сербии

Евроскептицизм возник и сформировался в современной Сербии (после свержения режима С. Милошевича 5 октября 2000 г.) из-за усталости общества от бесконечности процесса евроинтеграции, постоянного выдвигания Брюсселем все новых условий — от выдачи практически всего руководства Югославии, краинских и боснийских сербов, до ползучего признания отделения Косова. Главной причиной нарастания евроскептических настроений в Сербии стало очевидное отсутствие осязаемой перспективы реального членства страны в Евросоюзе. Не прошло и 17 лет после свержения Милошевича, как в сентябре 2017 г. Евросоюз наконец обозначил хоть какой-то конкретный срок возможного принятия в свой состав Сербии и Черногории — 2025.

Парадокс современной сербской политики — евроскептические или антиЕСовские настроения, носящие фундаментальный характер (до 40 %, по опросам), не имеют адекватного политического представительства в парламенте страны.

Объективно Сербия имеет все основания для стремления в Евросоюз — страна окружена членами ЕС, на него приходится 87 % ее внешней торговли, в Европе проживает многочисленная (сотни тысяч человек) диаспора выходцев из Сербии, чьи денежные перечисления играют важную роль в экономике страны. Культурно, исторически, экономически страна неразрывно связана с Европой.

Перед распадом СФРЮ она далее всех стран Восточной Европы прошла по пути евроинтеграции, и эта идея практически не имела альтернатив в общественном сознании югославов, в том числе и жителей Сербии, и сербов в

других федеральных республиках (прежде всего, в Хорватии и в Боснии и Герцеговине). Неслучайно одним из лозунгов движения за независимость Словении стал лозунг «Европа здай» («Европа сейчас»), отражавший стремление наиболее экономически развитой республики к немедленной интеграции в тогдашнее ЕЭС, не дожидаясь «отсталых» «южных собратьев».

Однако с начала 1990-х гг. Европа бурно развивалась, в том числе экономически и технологически, тогда как Сербия пережила десятилетие неудачных войн, международной изоляции, экономических кризисов, разрушения инфраструктуры в ходе бомбежек НАТО 1999 г., потеряла значительную часть национальной территории (Косово и Метохию).

При свержении власти Слободана Милошевича 5 октября 2000 г. одним из главных лозунгов оппозиции была нормализация отношений с внешним миром, выход из международной изоляции и, как неотъемлемая часть этого — возвращение и Сербии и тогдашней СРЮ (Союзной Республики Югославии) «в семью европейских народов».

Эти лозунги активно принимались населением, флаги Евросоюза стали неотъемлемым элементом символики массовых выступлений. Фактически именно ЕС монополизировал в Сербии позитивный образ Запада, так как прежние популярность США и относительно нейтральное восприятие НАТО были существенно подорваны агрессией 1999 г. Через считанные дни после свержения С. Милошевича новый президент СРЮ В. Коштуница на саммите ЕС во Биаррице 8 октября 2000 г. подписал соглашение о присоединении страны к Процессу стабилизации и ассоциации, объявленной в 1999 г. программе включения в ЕС, в том числе и постъюгославских государств¹.

Проевропейские, а точнее проЕСовские, настроения характерны для всех правительств СРЮ, государственно-го сообщества Сербии и Черногории и независимой Сербии после 1990 г. Евроинтеграция страны была обозначена в качестве приоритета ее внешней политики еще в 2000 г. и с тех пор остается не подлежащей пересмотру константой безотносительно к смене правящих коалиций и партий.

Основными вехами на европейском пути Белграда являются подписание соглашения о визовых льготах и соглашения о реадмиссии с ЕС 18 сентября 2007 г. (соглашение о безвизовом въезде в ЕС вступило в силу с 19 декабря 2009 г.), подписание договора о стабилизации и ассоциации с ЕС (его ратификация странами ЕС завершилась к середине 2013 г.) и переходного торгового соглашения 29 апреля 2008 г., подача Сербией заявки на вступление в ЕС 22 декабря 2009 г., предоставление Еврокомиссией Сербии статуса страны-кандидата на вступление 19 апреля 2013 г. и официальное начало переговоров о вступлении Сербии в ЕС 21 января 2014 г.².

ЕС стал играть все большую роль в Белграде и, пользуясь популярностью идеи интеграции в сербской политической элите, активно использовал ее как инструмент давления для принуждения властей Сербии к исполнению тех или иных условий. Так, до 2010 г. неперенным условием евроинтеграции ставилось сотрудничество страны с МТБЮ, то есть выдача Белградом лиц, обвиненных трибуналом. Центральным элементом «сотрудничества с трибуналом» явились розыск, задержание и выдача лидеров боснийских сербов в войне 1992–1995 гг. — президента Радована Караджича (2008 г.) и главы Главного штаба АРС генерала Ратко Младича (2011 г.). Помимо Р. Караджича и Р. Младича власти страны были принуждены выдать (или принудить к добровольной явке в трибунал) десятки политиков, генералов и офицеров, фактически все высшее руководство страны и вооруженных сил в 1990-х гг.

В середине 2000-х гг. именно главный прокурор МТБЮ являлся ключевой фигурой в процессе евроинтеграции Сербии, от его оценки «кооперативности» правительства зависело прохождение страной многочисленных фаз интеграционного процесса.

При этом сам по себе МТБЮ так и не завоевал в Сербии репутации беспристрастного и справедливого суда. Трибунал воспринимался как в массовом сознании, так и значительной частью элит как политический инструмент, предназначенный возложить всю ответственность за кро-

вавый распад Югославии, за конфликты и преступления в ходе «войн за югославское наследство» в 1990-х гг. исключительно на сербов и снять ответственность с других сторон конфликтов (с бошняков, косовских албанцев и хорватов), равно как и с лидеров великих держав Запада. Естественно, что «сотрудничество» с воспринимаемым таким образом учреждением не могло быть популярным в стране, и власти шли на него крайне неохотно, под мощным внешним политическим и экономическим давлением.

Непопулярность МТБЮ неизбежно транслировалась и на поддерживающие его структуры, в первую очередь и на ЕС. В ходе всего первого десятилетия XXI в. Брюссель был настолько уверен в своей притягательности и безальтернативности для балканских государств, включая Сербию, что не видел потребности в «борьбе за умы и сердца» и не обращал внимание на очаги недовольства в регионе.

Хотя правительство президента Бориса Тадича в ущерб своей популярности пошло на выдачу главных «гаагских беглецов» Р. Караджича и Р. Младича, но практически сразу оно столкнулось с новым блоком жестких требований, связанных с еще более болезненной косовской проблемой. Уже осенью 2011 г. депутаты немецкого бундестага огласили в качестве условий вступления Сербии в ЕС признание Белградом независимости Косова. Даже для весьма уступчивого правительства Тадича, максимально уклонявшегося от сколько-нибудь жестких реальных мер в отношении самопровозглашенного государства, оказалось невозможным пересечь «красную черту» в косовском вопросе.

Наиболее важным практическим результатом процесса евроинтеграции для населения стало предоставление в декабре 2009 г. т.н. «белого шенгена» — права на безвизовый въезд в Шенгенскую зону. Безвизовый въезд в Евросоюз облегчил как трудовую миграцию, так и выезд на учебу для молодежи, а также упростил контакты с родственниками, осевшими в европейской диаспоре. Как раз визовые ограничения были одним из наиболее болезненных проявлений международной изоляции страны в

1990-х гг. на фоне воспоминаний об относительной легкости заграничных поездок в последние десятилетия существования СФРЮ.

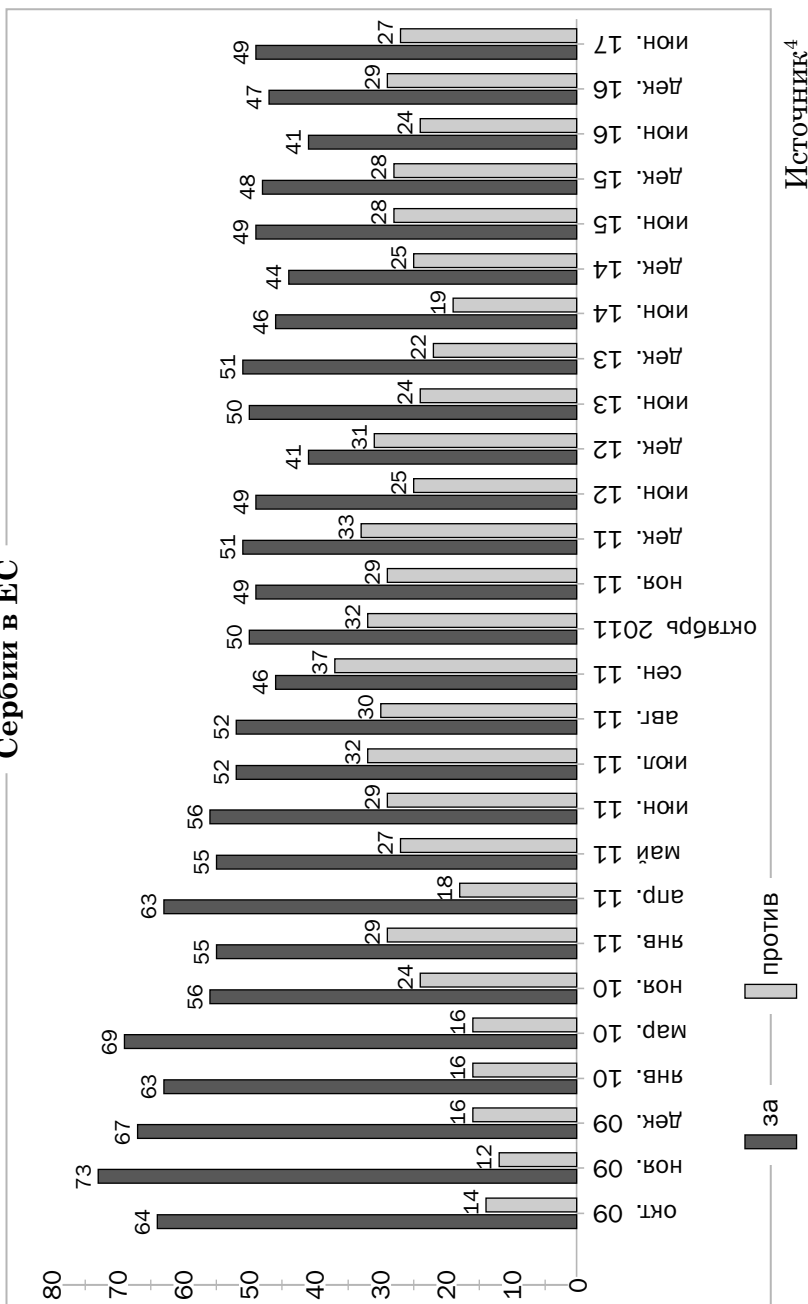
Мигрантский кризис 2015 г. стал дополнительным ударом по репутации ЕС в Сербии, оказавшейся на так называемом «балканском пути» людской волны (Греция — Македония — Сербия — Венгрия/Хорватия — Словения — Австрия — Германия). Всего в 2015 г. через Сербию прошли сотни тысяч мигрантов, 618.412 из которых подали первичный запрос на получение убежища на ее территории³, а лишь несколько тысяч осели в стране. Длительная и очевидная неспособность прежде всего Брюсселя и Берлина справиться с критической ситуацией, обострение внутренней напряженности в отношениях между бонзами ЕС и лидерами его восточноевропейской периферии, прежде всего Венгрии, а также неспособность Евросоюза оказать реальную помощь захлестнутым миграционной волной балканским странам — все это вызывало раздражение в адрес ЕС. Это раздражение усиливали попытки Венгрии и Хорватии прекратить прием мигрантов, что автоматически вело к росту миграционного давления на Сербию. Напряжение добавили проекты ряда евробюрократов о использовании балканских стран в качестве своего рода резервуара для размещения мигрантов и опасения того, что страны Западной Европы будут высылать лиц, получивших отказ в предоставлении убежища, на территорию стран, из которых они въехали на территорию ЕС.

В этих условиях начало в сентябре 2015 г. российской военной операции в Сирии было позитивно встречено в Сербии как шанс положить конец потоку беженцев и мигрантов и как новое подтверждение мощи и влияния дружественной державы.

Оценить масштаб и потенциал евроскептических настроений в Сербии можно на материале социологических опросов, проводившихся по заказу Канцелярии по европейской интеграции правительства Сербии (с 2017 г. — Министерства по европейской интеграции). Учитывая явную заинтересованность ведомства в прогрессе евроинтеграции

**Поддержка вступления
Сербии в ЕС**

Таблица 1

страны, можно предположить, что оно никоим образом не стремилось завязать число противников этой политики. Поэтому эти данные могут, как минимум, продемонстрировать нижнюю границу распространения евроскептических взглядов в сербском обществе (табл. 1).

Анализ таблицы позволяет сделать ряд выводов: на протяжении периода 2009–2017 гг. отмечается процесс устойчивого снижения поддержки интеграции Сербии в ЕС — с пиковых 73 % в октябре 2009 г. до минимального уровня в 41 % (декабрь 2012 г. и июнь 2016 г.). Впервые поддержка идеи евроинтеграции опустилась ниже 50 % в конце 2011 г. и устойчиво находится ниже этой отметки с 2013 г.

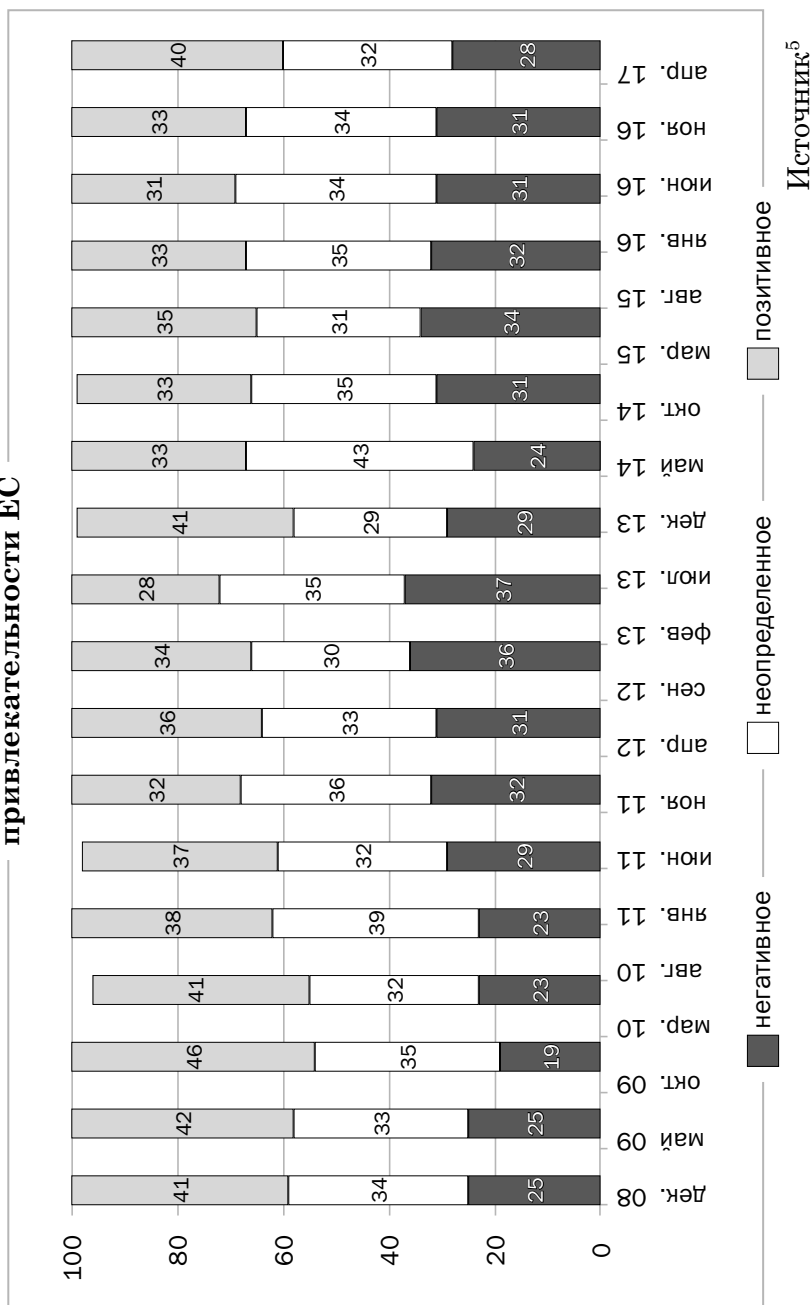
Одновременно росло число противников евроинтеграции — с 12–14 % в 2009 г. до более четверти респондентов в 2015–2017 гг. (27–29 %) с локальным пиком в 2011 г. (до 37 % в сентябре). При этом качественно уменьшился разрыв между сторонниками и противниками вступления в ЕС: если в 2009 г. он достигал 4,5–6 раз в пользу «проевропейцев», то в 2017 г. он сократился до 1,8 раза. Минимальных значений он достигал в сентябре 2011 г. (1,2 раза или 46 % к 37 %) и в конце 2012 г. (1,3 раза или 41 % к 31 %). Таким образом за рассматриваемый период неприятие ЕС от явного меньшинства расширилось в несколько раз и охватило заметную часть населения.

Эти данные вполне соответствуют архиву ответов на вопрос «Какую реакцию у Вас вызывает нынешнее состояние Евросоюза».

Приведенные в таблице 2 данные показывают устойчивое снижение доли еврооптимистов с более 40 % в 2009–2010 гг. (абсолютный пик — 46 % в октябре 2009 г.) к 31–33 % к концу 2016 г. с максимальным снижением до 28 % в июле 2013 г. Ниже 40 % этот показатель опустился уже в 2011 г. и поднимался до этого уровня лишь в декабре 2013 г. и в апреле 2017 г. Характерна также высокая доля неопределившихся — в период 2008–2017 гг. она колебалась в районе трети респондентов, с наименьшим показателем в 29 % (декабрь 2013 г.), и с пиками в 39 % (январь 2011 г.), 41 % (декабрь 2013 г.) и 38 % (июнь 2016 г.).

**Динамика восприятия
привлекательности ЕС**

Таблица 2

Негативное восприятие ЕС также устойчиво росло с 25% в 2008 г. до пика в 36–37% в середине 2012 — начале 2013 гг. с локальным снижением до 19% в конце 2009 г. Некоторое улучшение образа ЕС в 2013–2014 гг. (29–24% негативных ответов) сменилось ростом критических оценок в 2015–2016 гг. (31–34%).

Таким образом можно сделать ряд общих выводов о состоянии евроскептических настроений в современной Сербии:

- ▶ даже явно заинтересованное правительственное ведомство признает наличие в стране не менее 1/4–1/3 твердых противников вступления в Евросоюз при как минимум 1/4 неопределившихся;

- ▶ на протяжении 2008–2017 гг. наблюдается как устойчивое снижение доли сторонников евроинтеграции, так и нарастание доли ее противников при параллельном снижении позитивного восприятия состояния ЕС и росте негативных оценок;

- ▶ эти изменения в общественных настроениях происходили в условиях абсолютного доминирования проевропейского дискурса в основных национальных СМИ и в риторике основных политических сил страны, при фактическом отсутствии альтернативной точки зрения в СМИ (первые и весьма скромные попытки сформировать такую политическую альтернативу можно отметить лишь с 2014 г.);

- ▶ распространенность евроскептических настроений в сербском обществе не соответствует их представленности в выборных органах страны, что порождает неудовлетворенный спрос на евроскептические политические проекты.

Формально первым представителем евроскептиков на политической сцене страны была Сербская радикальная партия (СРП) Воислава Шешеля. После свержения С. Милошевича 5 октября 2000 г. и формирования правительства Демократической оппозиции Сербии (ДОС) СРП стала основным критиком новых властей. Партия, всегда выступая с антизападными позиций, критиковала и сближение с ЕС, выдвигая в качестве альтернативы ориентацию на Россию. При этом основная критика в риторике СРП на-

правлялась на США и НАТО, а ЕС особого внимания не уделялось, возможно, и из-за нежелания задевать популярную идею евроинтеграции.

Когда в феврале 2003 г. МТБЮ выдвинул обвинение против В. Шешеля, то лидер радикалов добровольно отбыл в Гаагу, что открыло новую веху в истории партии. Процесс по делу Шешеля тянулся дольше других гаагских дел — почти на 12 лет, и лишь в конце 2014 г. суд первой инстанции вынес оправдательный приговор. Хотя «воевода» сохранил за собой пост председателя партии и продолжал управлять ею из следственной тюрьмы, но техническое руководство СРП перешло в руки его ближайших сотрудников Томислава Николича и генсека Александра Вучича. Партия продолжала оставаться крупнейшей оппозиционной силой Сербии. На президентских выборах 2004 г. и 2008 г. Т. Николич был главным соперником лидера Демократической партии Бориса Тадича, оба раза выходя во второй тур голосования и набрав 1 434 068 голосов (45,4%)⁶ и 2 197 155 (47%)⁷ соответственно. СРП также добивалась убедительных результатов на парламентских выборах (2004 г., 2008 г.). В 2007 г. практически реализовалось формирование правительственной коалиции вокруг СРП с участием Демократической партии Сербии (ДПС) Воислава Коштуницы и Социалистической партии Сербии (СПС) Ивицы Дачича, вставшего во главе партии С. Милошевича. Надежды радикалов наконец вернуться во власть, оставив оппозиционный статус, тем не менее, не оправдались. ДПС использовала сближение с ними для давления на своих привычных партнеров из ДП и, получив их согласие на создание коалиции и сохранение поста премьер-министра за В. Коштуницей, не пошла на формирование правительства с СРП.

После победы Б. Тадича на президентских выборах в феврале 2008 г. под лозунгом «И Косово, и Европа» последовала и победа ДП на досрочных парламентских выборах в мае того же года приведшая к формированию при активном участии послов США и Великобритании принципиально новой коалиции на основе ДП–СПС, неожи-

данно оттеснившей от власти «консервативных демократов» В. Коштуницы. Одним из следствий этого стала своего рода политическая реабилитация Западом «наследников С. Милошевича», которым наконец было позволено вернуться во власть в качестве, в том числе, и проевропейской партии. Следует отметить, что с 2008 г. социалисты И. Дачича участвуют во всех без исключения правительствах Сербии, сформированных самыми разными партийными коалициями.

Радикалы, рассчитывавшие после выборов на формирование коалиции СРП–ДПС–СПС, вновь были жестоко разочарованы, несмотря на полученный ими на выборах результат. Для руководства партии стало ясно, что они натолкнулись на своего рода «стеклянный потолок», обречены на роль «вечного второго номера» сербской политики. Пример социалистов наглядно показывал им, что единственным путем выхода из оппозиционного гетто была сделка с западными державами. В итоге еще одним результатом майских выборов 2008 г. стал раскол в СРП.

Летом–осенью 2008 г. основная часть руководства и актива СРП во главе с вице-председателем партии Т. Николичем и генеральным секретарем А. Вучичем заявили о пересмотре своих взглядов, отказе от радикального национализма, покинули партию и основали новую — Сербскую прогрессивную партию (СПП). Важным элементом этого переформатирования явилось принятие новой партией проевропейской идеологии.

Прямым следствием этого раскола стал кризис СРП, сохранившей верность В. Шешелю, но лишившейся ведущей части руководства и актива в центре и на местах и начавшей терять поддержку избирателей. При этом основное внимание партии было переключено на «борьбу с предателями» и на поддержку судебной борьбы Шешеля с МТБЮ, зачастую не предлагая никакого ответа на актуальные политические вопросы и не выдвигая убедительной картины будущего.

Параллельно с этим активно развивалась СПП, уверенно вытеснявшая СРП с места ведущей оппозиционной

партии Сербии и готовившаяся к реальной конкуренции за власть с коалицией ДП–СПС. Важно отметить, что эту борьбу СПП вела уже в качестве проевропейской партии, принимаемой в том числе и в Брюсселе.

Первым крупным успехом экс-радикалов стала победа на парламентских и президентских выборах 2012 г. Т. Николич, наконец, заручился поддержкой 1.552.063 избирателей (49,54 % против 47,31 % у Б. Тадича) и осуществил свою мечту, став главой государства⁸. СПП стала лидером и на выборах в Скупщину, набрав 940.659 голосов (24,04 %) и получив 73 мандата. Прогрессисты не только обогнали ДП (863.294 и 22 % соответственно), но и вытеснили из парламента радикалов (4,61 %), потерявших 78 мандатов⁹.

Выборный успех вскоре получил продолжение, так как СПП смогла сформировать правительственную коалицию, перетянув на свою сторону партнеров ДП–СПС (14,54 % и 44 мандата), либералов из «Объединенных регионов Сербии» (5,51 % и 16 мандатов)¹⁰ и партии национальных меньшинств. Правительство возглавил глава социалистов Ивица Дачич, но реальная власть в нем принадлежала первому вице-премьеру А. Вучичу, занявшему также пост координатора служб безопасности. В политической истории Сербии завершился период доминирования «желтых» — Демпартии и в широком смысле наследников свергнувшей Милошевича коалиции ДОС; начался период господства «напредняков» (прогрессистов), а Бориса Тадича в роли политика «номер один» сменил Александр Вучич.

Смена правящих элит Сербии не встретила возражений со стороны Запада, более того, была во многом им санкционирована. США, Великобритания и ЕС и Германия рассчитывали получить в лице «перевоспитавшихся националистов» более покладистых партнеров, чем осторожный «западник» Тадич, не готовый идти на непопулярные уступки по косовской проблеме (в том числе из-за опасений нападок патриотической оппозиции). Преимущество «напредняков» заключалось как в том, что именно они до того момента и составляли основу этой патриотической оппозиции, сохранив за собой патриотический

электорат, но у них проблемы «критики справа» не было, так и в стремлении получить признание Запада, в том числе ЕС, и ведущих европейских держав в качестве респектабельных партнеров.

«Напредняцкий» период в новейший политический истории Сербии (с середины 2012 г.) характеризуется монополизацией политической власти СПП и лично ее лидером А. Вучичем. Эта монополизация усиливалась и параллельным кризисом ряда основных партий страны, что объективно лишило СПП реальной конкуренции на сербской политической сцене. Помимо нокаута СРП, не смогла сохранить единство потерявшая власть Демократическая партия, от которой отделились и ее экс-председатель Б. Тадич (возглавил Социал-демократическую партию Сербии), и представитель страны на технических переговорах с Приштиной Б. Стефанович (Левица Сербии), а остатки недавно ведущей партии страны прочно прописались вблизи парламентского барьера. При этом значительное число активистов ДП переходили в победившую СПП, частично размывая изначальное «радикальное» ядро актива этой партии. Продолжилось и падение популярности ДПС.

В конце 2014 г. В. Шешель триумфально вернулся из Гааги после 11-летнего пребывания в тюрьме МТБЮ. Трудная борьба в поистине кафкианских условиях завершилась поражением трибунала, ставшем одним из немногих сербских успехов в Гааге.

Однако возвращаться победителю пришлось на политическое пепелище — хотя страной руководили его многолетние ближайшие соратники (президент Т. Николич и премьер-министр А. Вучич), но дело его жизни — Сербская радикальная партия — находилась на издыхании. Раскол 2008 г., уход практически всего руководства и актива вместе с Николичем и Вучичем в СПП, стремительное падение рейтинга партии, дважды подряд не прошедшей в Скупщину (180.558, или 4,61 % голосов в 2012 г.¹¹ и 72.303, или 2 % в 2014 г.). После катастрофы на выборах 2014 г. из СРП началась новая волна исхода функционеров в стан победителей.

Политическая практика Сербии предполагает крайнюю заинтересованность партий как в прохождении в представительные органы власти (за счет прямого бюджетного финансирования парламентских партий), так и в любых формах участия в формировании правящих коалиций как на общегосударственном, так и на местных и муниципальных уровнях власти. С учетом прочной практики т.н. «партийного трудоустройства» сначала на руководящие посты, а затем и практически на любые должности в государственных учреждениях, государственных и муниципальных предприятиях («от министра до швейцара», как невесело шутят сами сербы), а также в условиях переживаемого страной экономического кризиса и хронической безработицы, резко повышающих привлекательность трудоустройства в госсекторе, для партийного актива результат на выборах зачастую куда важнее идеологических проблем.

Этот фактор привел к формированию такого прочного явления сербской политической жизни как «перелеты», когда после неудач какой-либо партии ее активисты переходят в ряды более успешного конкурента в расчете на сохранение своего положения. На протяжении первого десятилетия XXI в. центром притяжения «перелетов» выступала правившая тогда Демократическая партия, в которую, в частности перешли ряд политиков из рядов ДПС. После формирования в 2008 г. СПП эрозии подверглась, в первую очередь СРП, а после победы СПП на выборах 2012 г. и, особенно, формирования «прогрессистами» правящей коалиции в том же году начинается новая волна «перелета», теперь уже из всех политических партий, как «национальных» (СРП, ДПС), так и «прозападных» (ДС, Г-17+ и т.п.). При этом экс-радикалы имели бонус за счет многолетних связей со своими бывшими коллегами из руководства СПП, что в сочетании с прогрессирующим осypцанием позиций партии вело к ускоренной эрозии СРП. Партия лидерского типа, жестко привязанная к личности В. Шешеля, а с момента его заключения в Гааге — к Т. Николичу и А. Вучичу как его ближайшим представителям,

просто не имела в своих рядах сколько-нибудь харизматичных и самостоятельных политиков. Практика «телефонного управления» из тюрьмы МТБЮ позволяла Шешелю сохранять контроль над остатками партии, но не могла предотвратить стремительную потерю ее популярности.

В. Шешель практически сразу же по возвращению занялся реанимацией СРП, пользуясь для этого любой возможностью. Достаточно быстро определились приоритеты его риторики — основным нападкам он подвергал президента Николича, при заметно более мягких оценках располагавшего тогда наибольшей реальной властью премьер-министра А. Вучича, и С. Рашкович-Ивич и ДПС. В последнем случае речь явно шла о жесткой конкуренции за голоса «патриотов», которым адресовалась утритированно пророссийская и антизападная риторика и обвинения Рашкович-Ивич в неискренности ее патриотических и пророссийских заявлений. Акцент на критике президента Николич обеспечил Шешелю доступ в СМИ, прочно контролировавшимся премьером Вучичем.

«Возвращение на экраны», наряду с активизацией работы на местах и, разумеется, с личной харизмой прирожденного оратора, усиленной ореолом «победителя Гааги» начало приносить плоды.

Важным раздражителем в отношении общественного мнения к ЕС стало продвижение ЛГБТ-тематики в рамках обеспечения равноправия на пути евроинтеграции и, в частности, проведение в Белграде по требованию Брюсселя гей-парадов. Формой реакции стал рост популярности изначально связанного с Сербской православной церковью (СПЦ) движения «Двери» (серб. — алтарные ворота), проводившего свои демонстрации в форме «семейных прогулок» и акцентировавшего «традиционные семейные ценности». Движение возникло вокруг основанного в 1999 г. одноименного журнала студентов Философского факультета Белградского университета. В 2003 г. была создана первая НГО — «Сербский собор Двери», а после активного участия в протестах против проведения в Белграде гей-парадов (2009 г. и 2010 г.) в 2011 г. движение перешло к

участию в политике (под названием «Движение за жизнь Сербии»). На парламентских выборах 2012 г. оно получило 169.590 голосов (4,33%), приблизившись к 5%-ному проходному барьеру, а кандидат движения на проводившихся тогда же президентских выборах В. Глишич набрал заметно меньше голосов — 108.303 или 2,77%¹². При этом в Воеводине, где «Двери» выступили под названием «За сербскую Воеводину», они добились несколько лучшего результата — 4,56%.

Политический дебют «Дверей» был вполне успешным — движение вплотную приблизилось к проходному барьеру, выделившись из среды внепарламентских общественных групп, и рассчитывало на вхождение в Скупщину в следующем избирательном цикле. Ему также удалось получить 46 мандатов в местных органах власти.

На досрочных парламентских выборах 2014 г. «Двери» не только не улучшили, но и потеряли больше четверти голосов — их поддерживали лишь 128.458 избирателей (3,58%)¹³.

Парадоксом парламентских выборов 2014 г. стало непрохождение в Скупщину всех «национальных» или евроскептических партий — кроме «Дверей», ниже проходного балла набрали радикалы (72.303, или 2%) и ДПС (152.436 голоса, или 4,24%)¹⁴. Таким образом, разделение евроскептиков на три колонны не только оставило их вне парламента, но и лишило представительства почти 10% избирателей Сербии, поддержавших их, несмотря на мощную пропагандистскую кампанию партии власти, ее партнеров и прежнюю партию власти.

Исход выборов 2014 г. привел к переменам в ДПС — основатель партии, президент Югославии в 2000–2003 гг. и премьер Сербии в 2004–2008 гг. Воислав Коштуница взял на себя ответственность за потерю партией парламентского статуса (впервые после свержения С. Милошевича в октябре 2000 г.) и ушел в отставку. Новым лидером ДПС стала дочь лидера сербского национального движения в Хорватии рубежа 1980–90-х гг. Йована Рашковича Санда Рашкович-Ивич, экс-посол Сербии в Италии, пос-

тавившая задачу вернуть партию в Скупшину. Одним из средств реанимации партии стала актуализация ее политической доктрины — от дорогого В. Коштунице акцента на «суверенизм» и «защиту международного права», малопонятных массовому избирателю и почти полному отсутствию позиции по основным жизненным проблемам Рашкович-Ивич перешла к открытой критике ЕС и к пророссийской политике. Так, в 2014–2015 гг. ДПС поддерживала вхождение Крыма в состав России, делегации партии посещали Крым и Севастополь, партия осуждала действия властей Украины против повстанцев Донбасса. ДПС последовательно выступала также с критикой уступок правительства по Косову, против сближения Сербии с НАТО, за всемерное развитие сотрудничества с Россией, за участие страны в «альтернативных моделях» интеграции, таких как БРИКС, ЕАЭС. ДПС также критиковала как саму идею неизбежности евроинтеграции, указывая на проблемы ЕС и подчеркивая вероятность распада этой структуры, так и отсутствие явной перспективы приема Сербии в Евросоюз.

Фактически С. Рашкович-Ивич удалось превратить ДПС в центр притяжения недовольных «еврофанатизмом» властей, прежде всего из среды патриотической интеллигенции, а также и из низового актива. К числу успехов ее команды следует отнести способность к альянсам, приведшую к сближению с движением «Двери».

На очередные досрочные парламентские выборы весной 2016 г. сербские евроскептики выдвигались тремя основными группами:

- ▶ СРП В. Шешеля;
- ▶ коалиция «ДПС–Двери»;
- ▶ малые партии, в разной степени лояльные правящей СПП, такие, как отколовшаяся от «Двери» «Третья Сербия» М. Паровича, молодежное движение «Заветники» и т.п.

Рост рейтинга ДПС вызвал жесткую реакцию как властей, так и ее ближайшего конкурента в «национальном сегменте» — допущенных в национальные СМИ радикалов В. Шешеля. Поэтому в парламентской кампа-

нии 2016 г. именно коалиция «ДПС–Двери» подвергалась концентрированным пропагандистским ударам как СПП («слева»), так и СРП «справа».

В итоге на выборах 24 апреля 2016 г. «евроскептики», или «патриоты», вошли в Скупшину двумя основными фракциями: Воислав Шешель воскресил из пепла свою партию, учетверив результат 2014 г. и получив 306.052 голоса (8,10%) и 22 мандата, а коалиция «ДПС–Двери» набрала 190.530 (5,04%), заручившись 13 мандатами¹⁵. Примечательно, что изначально республиканская избирательная комиссия утверждала, что этой коалиции не хватило одного (!) голоса для прохождения 5%-ного барьера, но после кампании протестов ряда оппозиционных партий все-таки пошла на пересчет. Движение «Заветники» набрало лишь 27.390 голосов (0,73%)¹⁶ и в Скупшину не прошло.

Парадоксальным результатом выборов явился внутренний кризис в ДПС по вопросу о допустимости участия в коалициях с СПП в местных органах власти. Его итогом стал выход из партии ее председателя С. Рашкович-Ивич и группы видных активистов, включая лидера косовского отделения М. Якшича и С. Ристича (депутата Скупщины Сербии), а также Д. Трифкович. Скандал привел не только к распаду парламентской фракции ДПС (из партии вышли 4 из 6 депутатов), но и к серьезному падению популярности: на президентских выборах 2017 г. возглавивший ДПС Александр Попович набрал лишь 38.167 голосов (1,04%).

На фоне саморазрушения ДПС единственной, кроме СРП, евроскептической парламентской партией в Сербии остались «Двери», но и они заметно пострадали от информационных ударов как правящей СПП и ее партнеров, так и СРП, о чем говорит весьма скромный результат Бошко Обрадовича на президентских выборах 2017 г.: 83.523 голоса, или 2,29%. Примечательно, что медийная и парламентская активность не принесли особых плодов и самому Шешелю, получившему лишь 163.802 бюллетеня (4,48%). При этом пародийного протестного кандидата «Белого прелетачевича» (Лука Максимович) поддерживали вдвое больше (!) граждан Сербии — 344.498 (9,43%)¹⁷.

Таким образом, для современной сербской политики характерен парадокс — отсутствие адекватного политического представительства в парламенте страны евроскептических или антиЕСовских настроений.

Очередным проявлением этого парадокса стали парламентские выборы 24 апреля 2016 г. Хотя опросы фиксируют евроскептицизм на уровне до 40 %, но в Скупшине партии этого направления (СРП, «ДПС–Двери») в сумме получили лишь 35 мест (7 %).

При том, что в парламент помимо СРП прошел было евроскептический блок Демократической партии Сербии и движения «Двери», сторонники тогдашнего премьера Сербии А. Вучича (с мая 2017 — президент страны) вызвали внутренний кризис в ДПС, приведший осенью 2016 г. к смене руководства партии и развалу партийной фракции в Скупшине. *Тем не менее, фундаментальный спрос на евроскептическую политику в Сербии остается, и нет никаких причин, чтобы он не проявился и на следующих парламентских выборах.*

Собственно, только высокомерной политикой Евросоюза можно объяснить парадокс формирования в естественно проевропейской Сербии мощных евроскептических настроений. В стране накопилась усталость от бесконечного ожидания на пути интеграции, и многие потеряли надежду на принятие в ЕС.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Историјат односа Србије и ЕУ// <http://www.mei.gov.rs/src/srbija-i-eu/istorijat-odnosa-srbije-i-eu/>.

² Историјат односа Србије и ЕУ// <http://www.mei.gov.rs/src/srbija-i-eu/istorijat-odnosa-srbije-i-eu/>.

³ Република Србија. Министарство унутрашњих послова. Кабинет министра. № 01-9340/17-2 от 20.10.2017.

⁴ Република Србија Министарство за европске интеграције. Европска оријентација грађана Србије. Испитивање јавног мишљења (јун 2017 године). http://www.media.srbija.gov.rs/medsrp/dokumenti/evropska_orijentacija_gradjana_srbije0617_cyr.pdf. С. 4.

⁵ Република Србија Министарство за европске интеграције. Европска оријентација грађана Србије. Испитивање јавног мишљења (јун 2017 године). http://www.media.srbija.gov.rs/medsrp/dokumenti/evropska_orijentacija_gradjana_srbije0617_cyr.pdf. С. 7.

⁶ Република Србија — Републички завод за статистику. Избори за председника Републике Србији одржани 13.06. и 27.06.2004. <http://www.rik.parlament.gov.rs/doc/arhiva/predsednik/2004/5.%202004%20publikacija%20rzs.compressed.pdf>. С. 111.

⁷ Република Србија — Републички завод за статистику. Избори за председника Републике Србије одржани 20.01. и 03.02.2008. <http://www.rik.parlament.gov.rs/doc/arhiva/predsednik/2008/5.%202008%20publikacija%20rzs.compressed.pdf>. С. 61.

⁸ Република Србија — Републички завод за статистику. Избори за народне посланике Народне Скупштине Републике Србије и за председника Републике. Мај 2012. <http://www.rik.parlament.gov.rs/doc/arhiva/predsednik/2012/5.%202012%20publikacija%20rzs.compressed.pdf>. С. 81.

⁹ Република Србија — Републички завод за статистику. Избори за народне посланике Народне Скупштине Републике Србије и за председника Републике. Мај 2012. ... С. 9.

¹⁰ Там же.

¹¹ Република Србија — Републички завод за статистику. Избори за народни посланике Народне Скупштине Републике Србије. 16 март 2014. ... С. 9.

¹² Република Србија — Републички завод за статистику. Избори за народне посланике Народне Скупштине Републике Србије и за председника Републике. Мај 2012. ... С. 9, 51.

¹³ Република Србија — Републички завод за статистику. Избори за народни посланике Народне Скупштине Републике Србије. 16 март 2014. Београд, март 2014. <http://www.rik.parlament.gov.rs/doc/arhiva/poslanici/2014/3.%20Publikacija%20statistike%202014%20np%20rzs.pdf>. С. 9.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Република Србија — Републички завод за статистику. Избори за народни посланике Народне Скупштине Републике Србије. Април 2016. Београд, мај 2016. <http://www.rik.parlament.gov.rs/doc/izbori-2016/rezultati/izbori%20za%20no2016.pdf>. С. 9.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Република Србија — Републички завод за статистику. Избори председника Републике Србије Април 2017. <http://www.rik.parlament.gov.rs/doc/izbori-2017/dokumenta/izbori%20za%20predsednika%202017.pdf>. С. 9.

Информационная политика Украины в Юго-Восточной Европе в 2014–2016 гг.

Актуальность вопроса обусловлена самим объектом исследования. Не стоит лишний раз констатировать, что находящиеся у власти (и приближенные к ней) нынешние политические элиты Украины и находящееся под их влиянием общественное мнение развивают идею о «российской угрозе» для украинского государства и международной безопасности на европейском континенте. Центральная и Юго-Восточная Европа (ЦЮВЕ) является регионом стратегического значения как для Украины, так и для Российской Федерации. В некоторой степени сопряженными представляются интересы двух стран в регионе. С другой стороны, существует разнонаправленное интеграционное движение (ЕС и ЕАЭС, НАТО — Евразийский союз, ОДКБ). Острый характер в связи с Украинским кризисом приобрел вопрос военно-политической интеграции стран Юго-Восточной Европы, не все из которых являются членами западного военно-политического блока. Таким образом, можно говорить об определенном столкновении интересов Украины и России на этом направлении.

Говоря о методологических подходах, считаем нужным отметить, что автор работы не склонен оценивать нынешнее украинское государство снисходительно, как пример несостоявшегося (анг. *failed state*) или деградирующего политического объединения. Во-первых, оно обладает значительной территорией, географическим положением и человеческим потенциалом. Во-вторых, определенный технологический потенциал по-прежнему сохраняется. В-третьих, Югославский кризис дает нам пример Хорватии, которая, обладая весьма скромными ресурсами, но при поддержке

внешних сил, сумела решить проблемы собственной государственности. Столкнувшись с отторжением более 25 % территории и более 500 тыс. чел. (из 4,78 млн населения), значительным материальным ущербом, снижением доходов населения на 36 %¹, она сумела вернуть территории под контроль, провести централизацию государства и (весьма жестоким образом) решить проблему присутствия нелояльного населения на своей территории, а также провести экономические преобразования. В ходе этого были значительно повышены возможности вооруженных сил, закуплено вооружение. В 1994 г. военный бюджет Хорватии составлял 7,6 млрд кун или 9,1 % ВВП страны². Таким образом, наличие экономических трудностей и инфраструктурного упадка не является синонимом полной неудачи. Это подтверждает и ход Украинского кризиса, который вошел в фазу «заморозки», то есть приобрел затяжной характер³. «Хорватский сценарий» является ориентиром для украинских официальных лиц⁴.

Затяжной характер кризиса вынуждает Украину обратить внимание на Центральную и Юго-Восточную Европу как регион, где украинское влияние может быть по-настоящему действенным. С точки зрения информационной политики именно здесь позиция Киева может быть наилучшим образом услышанной — в отличие от стран Западной Европы и других регионов мира, имеющих собственную повестку и обнаруживающих сегодня определенное пресыщение украинской тематикой.

* * *

Источником в ходе подготовки статьи послужили материалы официального сайта Министерства иностранных дел Украины (раздел «Пресс-центр»/«Интервью и статьи»)⁵. Было классифицировано 1286 публикаций в период с 1 января 2014 г. по 31 декабря 2016 г., 288 из которых посвящены странам Балкан и Юго-Восточной Европы. В рассмотрение были взяты 11 стран (Словения, Хорватия, Сербия, БиГ, Черногория, Македония, Болгария, Албания, Румыния, Греция, Кипр). Выбор стран осуществлялся как

по географическому, так и по региональному признаку: основным объектом наблюдения стали страны бывшей Югославии и Болгария. Однако в целях расширения регионального контекста было решено увеличить список рассматриваемых стран, в частности, включив туда Румынию, где также наблюдалась публикационная активность. Было решено отказаться от включения в выборку государств Центральной Европы (Венгрия, Польша, Чехия, Словакия) в связи с наличием особой проблематики, существующей применительно к этой группе стран.

Завершая разговор о критериях отбора публикаций, отметим еще несколько важных моментов.

Учету подлежали как пресс-события, организованные для одного издания, так и публикации, созданные в рамках публичных мероприятий (лекции, пресс-конференции, круглые столы и т.п.). В первом случае публикации учитывались индивидуально и относились на «счет» давшего информацию издания или пула изданий. В одну категорию относились издания, принадлежащие к одной медиа-группе, но выступающие под видоизмененными названиями (HRT и HRT-1 в Хорватии). Во втором случае событие относилось в категорию «Общие публикации» (наиболее часто это характерно для Румынии, где жанр пресс-конференции использовался наиболее активно). Вместе с тем, было решено отказаться от классификации по жанровой направленности (статья, интервью, письмо, комментарий), что представляется нецелесообразным на данном этапе исследования. Не учитывалось разделение между изданиями широкой и узкой направленности (популярное издание — специализированный отраслевой журнал). Точно так же не было введено разделение по принципу этнических и классовых сообществ (что актуально для Боснии и Герцеговины). Все наблюдения относительно жанровой составляющей делались индивидуальным и эмпирическим образом.

При подборе материалов главным критерием была ориентированность на СМИ попавших в рассмотрение 11 стран Юго-Восточной Европы, то есть учитывались публикации в изданиях, направленных на аудиторию этих стран. По этой

причине подлежали учету публикации международных изданий, опубликованные региональными СМИ (и учтенные сайтом МИД Украины). Так, в обзор попала статья «Financial Times», перепечатанная черногорской газетой «Победа» (23.07.2014)⁶. Не подлежали учету материалы украинских дипломатических представителей, сделанные для СМИ Украины. Также не учитывались публикации послов из стран рассмотрения для «общеевропейских» изданий (EurActiv, EuObserver, Agence Europe, Euronews или издание НАТО Defence Express) в связи с тем, что они не были ориентированы на аудиторию рассмотренных 11 стран. С другой стороны, учитывались материалы, созданные для региональных изданий. В этом случае мы старались относить их к стране расположения издания (так, материалы агентства Al Jazeera Balkans были отнесены к категории «Босния и Герцеговина» в связи с тем, что балканский офис международного агентства расположен в Сараево).

При подготовке материала автор исходил из допущения о неполноте рассматриваемого источника. Несмотря на то, что официальный сайт ведомства, очевидно, стремится к максимальному учету информации, сравнение материалов официального сайта МИД Украины и материалов диппредставительств в отдельных странах показало, что публикации по целому блоку стран или отдельным временным периодам могли остаться неучтенными. В этом случае автор полагался на сторонние источники информации (так, в отношении Македонии частично статистика за 2015–2016 гг. была предоставлена коллегами из академического сообщества этой страны, а в отношении Сербии сильно разнятся данные сайта МИД и сайта посольства в Сербии). При подготовке статистических итогов было решено свести их в два зачета. Первый (см. таблица 1) составляет статистика, полученная по итогам изучения сайта МИД Украины. Второй зачет (см. таблицы 2–6) сформирован на основе перекрестного изучения центрального сайта ведомства и сайтов посольств в отдельных странах. Первый зачет формировался с целью продемонстрировать удельное место публикаций из региона в общей информа-

ционной деятельности МИД Украины. Второй зачет пре-
следовал задачи качественного порядка — наиболее полно
показать ситуацию в каждой из рассматриваемых стран в
абсолютном значении (показать распределение публика-
ций по месяцам и издания, в которых они появлялись).

Таким образом, данные условности вносят в информа-
цию элемент погрешности. Вместе с тем отметим, что це-
лью исследования был не максимальный учет статистичес-
кой информации, но отслеживание основных тенденций.
В этом смысле представленная статистика представляется
достаточной для того, чтобы делать определенные выводы.

Результаты показывают, что Юго-Восточная Европа
действительно занимает значительное место в информа-
ционной работе МИД Украины, наряду с центральноевро-
пейским («вишеградским»), турецким, итальянским, испан-
ским, канадским, иранским, азербайджанским, пакистанским
направлениями. В 2014 г. на 10 стран Юго-Восточной Евро-
пы приходилось 116 из 686 (17%), в 2015 — 69 из 305 (23%),
в 2016 — уже 103 из 295 (35%) публикаций, учтенных сайтом
МИД Украины. Таким образом, параллельно тенденции к
снижению общего количества публикаций по всему миру,
доля Юго-Восточной Европы в выборке значительно воз-
растает, что дает основания говорить о меняющихся при-
оритетах информационной работы. Общая доля региона
(на основе данных МИД Украины) составляет 288 из 1286
публикаций (22%). Таким образом, каждая пятая публи-
кация выходит в означенных 10 странах.

Среди отдельных стран несомненным лидером являет-
ся Хорватия, на которую приходится 128 из 366 (34,9%)
публикаций (см. таблица 2). Отметим и показатели сосед-
ней Боснии и Герцеговины (БиГ) где было инициировано
26 публикаций при том, что там нет хорватского посоль-
ства. Высокая активность объясняется тем, что за инфор-
мационную работу в этих двух республиках отвечал посол
Украины в Хорватии Александр Левченко, занимавший
свою должность с 2010 г. по июнь 2017 г.⁷ Таким образом,
на долю одного А. Левченко приходится 154 публикации в
Юго-Восточной Европе или более 42%.

Таблица 1

**Распределение публикаций
по годам и странам за 2014–2016 гг. и общая доля
от всех публикаций, зафиксированных сайтом
МИД Украины**

2014	2015	2016	Всего
Хорватия – 41	Хорватия – 27	Хорватия – 56	Хорватия – 124
Македония – 26	Македония – 12	Сербия – 22	Македония – 41
Румыния – 24	Румыния – 11	БиГ – 12	Румыния – 39
БиГ – 9	Сербия – 7	Румыния – 4	Сербия – 30
Кипр – 7	БиГ – 5	Македония – 3	БиГ – 26
Болгария – 3	Болгария – 4	Словения – 2	Болгария – 9
Греция – 3	Словения – 3	Болгария – 2	Кипр – 8
Черногория – 1		Греция – 1	Словения – 6
Сербия – 1		Кипр – 1	Греция – 4
Словения – 1			Черногория – 1
Всего: 116 из 686 (17 %)	Всего: 69 из 305 (23 %)	Всего: 103 из 295 (35 %)	Всего: 288 из 1286 (22 %)

Таблица 2

**Распределение и доля публикаций
по странам региона на основании данных сайтов
МИД Украины и посольств стран**

Албания	БиГ	Болгария	Греция	Кипр	Македония
0	26 (7,5%)	14 (3,8%)	9 (2,4%)	29 (8,5%)	41 (11,2%)
	Nezavisne Novine – 10 Oslobođenje – 7 Dnevni Avaz – 3 Al Jazeera Balkans – 2 ONASA – 1 Bhrt – 1 PTPC – 1 Общие выступления – 1	Труд – 2 БНТ – 2 БТА – 2 Капитал – 1 Фокус – 1 ClubZ – 1 TV Evropa – 1 Bulgaria On Air – 1 Животът днес – 1 Стандарт – 1 Факти.бг – 1	Greek Diplomatic Life – 2 Общие выступления – 2 Світ і Омонія – 1 «Ανταποκριτής» (Κορρеспондент) – 1 anampa.gr – 1 amna.gr – 1 ΠΕΛΟΠΟΝΝΗΣΟΣ ΤΗΣ ΔΕΥΤΕΡΑΣ – 1	Cyprus Mail – 11 24h.com.cy – 7 Πολιτης (politis.com.cy) – 4 Φιλελεύθερος (Phileleftheros) – 4 Κυπριακό Πρακτορείο Ειδήσεων (cna.org.cy) – 1 Cyprus Daily – 1 dialogos.com.cy – 1	mkd.mk – 9 novatv.mk – 5 Дневник – 3 Нова Македонија – 2 telegraf.mk – 1 24 Вести – 1 Радиостанция «Скопье» – 1 НОВА ТВ – 1 independent.mk – 1 Фокус – 1 Вечер.МК – 1

Продолжение таблицы 2

Румыния	Сербия	Словения	Хорватия	Черногория	Всего
41 (11,2%)	65 (17,7%)	10 (2,7%)	128 (34,9%)	3 (0,1%)	366
Radio Romania International – 7 Общие выступления – 4 Realitatea TV – 3 digi24 – 3 Hotnews.ro – 3 Adevărul.ro – 3 Agerpres – 3 Formula AS – 2 ziare.com – 2 Romania Libera – 1 Evenimentul zilei – 1 Mediafax – 1 6TV – 1 The Epoch Times – 1 rsdegovernare.ro – 1 The Money Channel – 1 Europa FM – 1 EurActiv.ro – 1 Radio România Actualități – 1 Q Magazine – 1	Telegraf.rs – 16 Danas – 15 Prva.rs – 12 Политика – 6 Blic – 3 Kurir – 2 Tanjug – 2 Slobodna Evropa – 2 PTC Србије – 2 Novosti.rs – 1 GEM Televizija – 1 PTB – 1 КЦНС-1 e-novine.com – 1	Večer – 2 Demokracija – 2 Общие выступления – 2 Primorske Novice – 1 EPA – 1 rtvslo.si – 1 TV Planet – 1	Jutarnji List – 28 Večernji List – 19 HRT – 13 Zadarski List – 11 Slobodna Dalmacija – 9 Glas Narodne Diplomacije – 7 24 sata – 4 Nacional – 4 Novi List – 4 Ekspres – 4 N1 – 4 HR1 – 3 Общие выступления – 3 MrežaTV – 3 Varaždinske Vijesti – 2 Glas Slavonije – 1 Nova TV – 1 narod.hr – 1 dnevno.hr – 1 Hrvatski Tjednik – 1; Jabuka TV – 1 Objektivno – 1 Slobodna Evropa – 1 RTL – 1 4 Rijeke – 1	Vijesti – 3 Pobjeda – 1	

Второе место в общем зачете занимает посольство Украины в Сербии, активность которого значительно выросла в 2015–2016 гг. (см. таблицы 4 и 5). Далее следуют Македония и Румыния, основная активность которых (по имеющимся данным) пришлась на 2014–2015 гг. Снижение активности посольства в Румынии и нарастание активности в Сербии связано со сменой послов в этих странах (март 2016 г. и июнь 2015 г. соответственно). Что касается Македонии, то хотя смены посла не произошло (посол Ю. Гончарук занимает свою должность с 2009 г.), резкий спад публикационной активности также вызван,

Таблица 3

Распределение публикаций по странам и месяцам за 2014 г.
(данные сайта МИД Украины и посольств)

01.01.2014— —31.12.2014	Алба- ния	Биг	Болга- рия	Греция	Кипр	Маке- дония	Румы- ния	Сербия	Слове- ния	Хорва- тия	Черно- гория	Всего
Январь									1	3		4
Февраль					2					2		4
Март		5	3	1	2	8	2		2	9		32
Апрель			1	1	2	5	4			4		17
Май					1	4	6		1	4		16
Июнь		1				5	3			1		10
Июль		1	2		1	4	2		1	8	1	20
Август							2			3	1	6
Сентябрь				1	1		3			2	1	8
Октябрь							1			3		4
Ноябрь		1			1		1			3		6
Декабрь		1						1		1		3
Всего	0	9	6	3	10	26	24	1	5	43	3	130

Таблица 4

Распределение публикаций по странам и месяцам за 2015 г.
(данные сайта МИД Украины и посольств)

01.01.2015— 31.12.2015	Алба- ния	Биг	Болга- рия	Греция	Кипр	Маке- дония *	Румы- ния	Сербия	Слове- ния	Хорва- тия	Черно- гория	Всего
Январь		1					1	1	1	3		7
Февраль		1		1			2			3		7
Март		1	1		2		1		1	3		9
Апрель				1			3	2				6
Май				1	1		2			1		5
Июнь			1		3			2		3		9
Июль							1			2		3
Август		1			1			1		3		6
Сентябрь			1					2		1		4
Октябрь			2		1			1		3		7
Ноябрь		1			1		1	1	1	2		7
Декабрь								3		3		18
Всего	0	5	5	3	9	12	11	13	3	27	0	88

* Данные представлены сразу за весь год. — А. П.

Таблица 5

Распределение публикаций по странам и месяцам за 2016 г.
(данные сайта МИД Украины и посольств)

01.01.2016— —31.10.2016	Алба- ния	БиГ	Болга- рия	Греция	Кипр	Маке- дония*	Румы- ния	Сербия	Слове- ния	Хорва- тия	Черно- гория	Всего
Январь					2		3	7		2		17
Февраль		1	1					6		4		12
Март		7			2		1	9		7		26
Апрель		1			3		1	7		6		18
Май			1				1	4		4		10
Июнь				1				7		6		14
Июль		1						4	1	2		8
Август		1			2					6		9
Сентябрь				1						1		2
Октябрь				1	1				1	6		9
Ноябрь			1					5		9		15
Декабрь		1						2		5		8
Всего	0	12	3	3	10	3	6	51	2	58	0	148

* Данные по ноябрь 2016 г. — А. П.

Таблица 6
Распределение публикаций в Сербии по месяцам и изданиям за 2016 г.
(данные сайта МИД Украины и посольств)

Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Итого январь–декабрь
Prva.rs – 4 Telegraf.rs – 1 Kurir – 1 Danas – 1	Prva.rs – 6	Telegraf.rs – 6 Prva.rs – 2 Danas – 1	Danas – 3 Telegraf.rs – 1 Blic – 1 Novosti.rs – 1 Tanjung – 1	Telegraf.rs – 2 Danas – 2	Политика – 2 GEM Televizija – 1 Kurir – 1 РТВ – 1 КЦНС – 1 Telegraf.rs – 1	Telegraf.rs – 15 Prva.rs – 12 Danas – 9 Политика – 3 Kurir – 2 Blic – 2 Tanjung – 2 Novosti.rs – 1 GEM Televizija – 1 РТВ – 1 КЦНС – 1 РТС Србије – 1 Slobodna Evropa – 1
Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	
Telegraf.rs – 2 РТС Србије – 1 Tanjung – 1				Danas – 2 Slobodna Evropa – 1 Политика – 1 Blic – 1	Telegraf.rs – 2	

видимо, кадровыми причинами либо сбоем в механизме учета и передачи информации. Пример Хорватии, Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговины и Македонии, на которые (согласно таблице 2) приходится 301 из 366 публикаций (82 %), наглядно иллюстрирует приоритеты политики Украины в регионе, обусловленные значением этих стран, наличием дипломатических кадров (в т.ч. личностью посла).

Материалы центрального сайта не показали большой активности в таких странах, как Словения, Болгария, Черногория, Греция. Между тем, изучение интернет-страниц посольств в этих странах дает несколько иную картину. Фактически в каждой из этих стран каждый год организуется несколько крупных публикаций. Отметим, что в отличие от Греции весьма активно действует украинское посольство на Кипре, организовавшее 29 событий для прессы. Невысокая активность посольства в Греции оказывает влияние на информационное присутствие в Албании (посольство в Греции одновременно выполняет функции диппредставительства и в этой стране). Это можно объяснить наличием недостаточного количества специалистов с албанским языком. Впрочем, данный пробел через определенное время может быть восполнен в связи с появлением (по наблюдениям автора) украинских студентов, изучающих албанский язык.

Говоря о стилистике материалов, необходимо отметить, что присутствуют публикации различных жанров: статьи, интервью, опровержения и реакции на материал, телеэфиры. Активно использовался жанр пресс-конференции.

Другой обращающей на себя формой является опровержение (ответ на статью) или реакция на публикацию. Его очень часто использовал посол Украины в Хорватии А. Левченко. Так, некоторые статьи являются реакцией на публикации хорватской печати, расходящиеся с позицией официального Киева. В июне 2014 г. объектом критики посла стал колумнист газеты «Слободна Далмация» Д. Крнич, которого обвинили в «пророссийской» по-

зиции⁸. В мае 2014 г. был дан ответ на интервью в газете с начальником Генерального штаба ВС РФ в отставке Ю.Н. Балуюевским («Слободна Далмация», 6.05.2014)⁹. Заочный обмен заявлениями состоялся на страницах газеты «Ютарни лист» с послом России в Хорватии А.С. Азимовым (8.06.2014 и 8.11.2016)¹⁰. В целом, характеризуя деятельность посла Левченко, можно отметить, что он работал в Хорватии и Боснии и Герцеговине с 2010 г. Он свободно владеет хорватским языком, что позволяло ему участвовать в передачах различного формата, в том числе неформальных, не прибегая к помощи переводчика (таких, как «Доброе утро, Хорватия» канала ХРТ — Хорватское радиотелевидение)¹¹.

Пример Хорватии и других стран может дать некоторую информацию о методах работы в странах, где украинское посольство имеет хорошие позиции.

Начало активной фазы информационной работы в Хорватии приходится на март 2014 г. в связи с выходом Крыма из состава Украины. Другой всплеск активности приходится на июль 2014 г. (8 публикаций), что связано с разгаром конфликта на Юго-Востоке Украины. В дальнейшем подача материалов осуществлялась более равномерно. Несколько более высокая активность наблюдается в августе и октябре–ноябре каждого года, что вызвано наличием знаковых дат в истории Украины и Хорватии.

Информационное присутствие охватывает широкий список изданий различной направленности — от государственных («ХРТ», «Глас народне дипломатие») и наиболее популярных («Ютарни лист») до сетевых (narod.hr), региональных («Глас Славоние») и «желтых» («24 сата»), что позволяет охватывать максимальную аудиторию. По мере нарастания публикационной активности приоритет отдается лидерам информационного поля (для Хорватии это медиахолдинг «ХРТ», газеты «Ютарни Лист», «Вечерни Лист», «Слободна Далмация». Несколько иная методика демонстрировалась в Боснии и Герцеговине: в 2014 г. был сделан акцент на публикации в ведущей сараевской газете «Ослободженье» и издании «Независне новине» (Рес-

публика Сербская), однако затем список был расширен за счет других изданий общенационального значения (газета «Дневни аваз») и информационных изданий отдельных энтитетов: федерации БиГ (BHRT) и Республики Сербской (RTRS). В Македонии в 2014 г. использовался смешанный подход: существовали очевидные лидеры при наличии достаточно широкого круга изданий. Активно задействовались интернет-издания (mkd.mk; telegraf.mk; independent.mk; vecer.mk).

На примере ряда стран можно говорить и о наличии индивидуального подхода при донесении украинской позиции. Он основывается на общности исторических судеб и сюжетов, подчеркиваются те моменты из истории стран, которые близки существующим в Украине историческим нарративам. Хотя данный вывод не претендует на оригинальность, изучение подходов применительно к отдельным странам может дать полезные наблюдения из области исторической психологии и идеологии.

В информационной работе в Хорватии преобладают мотивы внешней агрессии, борьбы за демократию, возвращения отторгнутых территорий, защиты европейской цивилизации¹². Так, в статье министра иностранных дел Украины П. Климкина в газете «Ютарни лист» (14.07.2014) утверждалось, что в 1991 г. Украина и Хорватия обновили свою государственность, а затем, на пути к демократии и вступлении в «семью европейских народов» столкнулись со схожими проблемами со стороны соседей¹³.

Проводятся параллели между Юго-Востоком Украины и Республикой Сербская Краина в Хорватии (1990–1995 гг.). Поднимаются темы Второй мировой войны. Развивается близкий для Хорватии тезис о том, что мировая война была одновременно войной гражданской, приведшей к расколу общества на «правую» и «левую» части. Так, в статье А. Левченко газете «Ютарни лист» «Партизаны. Схожесть исторических судеб России и Хорватии» (04.09.2014) развивается тема общности украинских солдат Красной армии и хорватов, воевавших на стороне партизан Тито (и сражавшихся с украинцами и хорватами,

находившимися на противоположной стороне)¹⁴. Из тезиса о расколе общества, постигшем республики в 1940-е гг., вытекает тезис, что Украина, как и Хорватия, имеют право относить себя к лагерю победителей во Второй мировой войне (тезис, распространенный в Хорватии. — А. П.). Следовательно, события Украинского кризиса (как и события 1990-х годов в Хорватии) нельзя трактовать как борьбу фашизма с антифашизмом. Таким образом, на основании своего понимания Хорватии и специфики истории этой страны, украинский посол, определенно, сумел обнаружить общность взглядов Украины и Хорватии на актуальные проблемы прошлого.

Применительно к Боснии и Герцеговине развиваются темы партизанской борьбы, внешней агрессии, сепаратизма, геноцида, предательства со стороны братского народа. Так, далеко не случаен выбор темы украинского голодомора для публикации в сараевской газете «Освобождение». Общность должны подчеркнуть упомянутые в статье даты 1932–1933 гг., направленные на поиск эмоционального отклика в связи с событиями 1992–1993 гг. в БиГ¹⁵.

В отношении Македонии в 2014 г. украинской стороной делался особый акцент на некорректности сравнения крымского и косовского прецедента, реакции международного сообщества, фактах нарушений общественного порядка «пророссийскими активистами» на Юго-Востоке Украины весной 2014 г. Таким образом, вряд ли здесь присутствует какой-то особый подход, однако существует некоторая аллюзия на события 2001 г. в Македонии и проблему «албанского фактора»¹⁶.

Заслуживает внимание украинская медиа-активность в Сербии. Первая зафиксированная публикация относится к 24 декабря 2014 г. и представляет собой комментарий посольства Украины государственному информагентству «Радиотелевидение Сербии» в связи с переходом к Сербии председательства в ОБСЕ, из которого следовало, что «традиционно дружеские отношения Сербии и России представляют проблему с точки зрения подходов к украинскому кризису»¹⁷.

По-настоящему активная информационная работа началась с августа 2014 г., с назначением нового посла А. Александровича. В 2015 г. посольство в Сербии сумело инициировать 13 публикаций, а в 2016 г. это числократно выросло (51 публикация). При подборе тем изначально использовался мотив исторической и культурной близости. В январе–марте 2016 г. «Первое сербское телевидение» выпустило серию из 12 материалов (см. таблица 6), в которых подчеркивалась культурная близость украинцев и сербов. Использовались следующие темы: празднование Рождества, украинские казаки, Софийский собор как памятник православной культуры, украинская свадьба и др.¹⁸. Подчеркивалось, что Украина и Сербия являются странами европейской православной цивилизации, столкнувшиеся со схожими проблемами (отделение Косова — отделение Крыма, угроза европейскому культурному наследию на примере Косово, трудности вступления в ЕС, протесты против режима С. Милошевича в Сербии и украинский «майдан»). Из этого делается вывод, что дружеские и солидарные отношения между Украиной и Сербией являются более естественными, чем между Сербией и Россией¹⁹.

Однако в дальнейшем произошла конвертация этих намёков в прямые и достаточно резкие политические лозунги, что видно по заголовкам материалов: «Мы против военного сотрудничества России и Сербии» («Данас», 16.09.2016), «Гибридная война Путина против Европы» («Данас», 29.04.2016), «Почему Сербии тяжело ввести санкции против России?» («Политика», 16.06.2016), «Настоящие и ложные майданы: как их различать» («Политика», 25.06.2016)²⁰. Информационная активность связана с открытием в июне 2016 г. компанией «Сербские авиалинии» маршрута Белград–Киев, а также подготовкой к визиту в Сербию вице-премьера Украины. В ходе встречи с премьер-министром Сербии А. Вучичем (28 июля 2016 г.) была достигнута принципиальная договоренность об углублении экономического сотрудничества, необходимости подписания соглашения о свободной торговле, политическом

взаимопонимании по вопросу вступления в ЕС, взаимном признании территориальной целостности²¹. После этого публикационная активность несколько снизилась.

Выводы

Украинский кризис показал важность такого аспекта, как информационная работа в странах ЦЮВЕ. Хотя в рамках данного материала речь шла преимущественно о юго-восточной части региона, очевидно, данный тезис применим и для стран Вишеградской группы. Данная особенность находит вполне практическое объяснение: в ситуации, когда США и Западная Европа оказались связаны собственной повесткой, именно в регионе ЦЮВЕ украинская позиция имеет наибольшие шансы быть услышанной.

Пример Сербии показал, что рост публикационной активности может свидетельствовать о подготовке и заключении политических и экономических договоренностей. Очевидно, в случае завершения Украиной курса на разрыв тесных взаимосвязей с Россией, страны региона по идеологическим, экономическим и военным причинам будут рассматриваться ею в качестве партнеров. В цивилизационном смысле такой поворот означает своего рода реинкарнацию мотивов австрославизма-неославизма конца XIX — начала XX вв. (демократичное общество славянских народов без влияния России). Это означает дальнейшее противопоставление европейской и евразийской интеграции и, вполне возможно, размежевание двух интеграционных проектов. Линия водораздела в таком случае пройдет по странам, имеющим в своей основе славянский и (или) православный компонент.

Что касается идеологического аспекта, то вынуждены еще раз констатировать: раздробленность советского и югославского пространства привела к появлению нескольких интерпретаций истории и умозрительных идеологических конструкций, основанных на разном понимании реалий и свободных трактовках исторических фактов. Эта проблема возникла не сегодня, и сейчас мы сталкиваемся

с последствиями невнимания к этому вопросу, проявленному в ходе последних двух десятилетий. Вместе с тем, взаимоисключающий характер трактовок (и, в широком смысле, национальной идеологии) стран ЦЮВЕ, известная доля провокационности (а в случае некоторых стран — и антироссийский характер) изначально закладывают противоречие в идеологическую основу потенциального «среднеевропейского» сближения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о трудностях хорватского государства в 1991–1995 гг. пишут как хорватские авторы, склонные преувеличивать масштаб проблем, так и российские исследователи, занимавшиеся мониторингом социально-экономической ситуации. См.: *Vojnić D.* The Croatian Economy in Transition // *Croatian Economic Survey*. 1994. № 1. С. 98; *Goldstein I.* Dvadeset godina samostalne Hrvatske. Zagreb, 2010. С. 270; *Gregurić F.* Vlada demokratskog jednstva Hrvatske (1991–1992). Zagreb, 1998. С. 489; *Милованов В.С.* Экономическое положение Республики Хорватия и перспективы российско-хорватского сотрудничества // *Вестник научной информации ИМЭПИ РАН*. 1996. № 4. С. 57; Страны Центрально-Восточной Европы и Европейской части постсоветского пространства в 1999 году. М., 1999. С. 13.

² Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 893 (Референтура по Хорватии). Оп. 3. П. 2. Д. 1. Л. 162.

³ *Гущин А.В., Маркедонов С.М., Цибулина А.Н.* Украинский вызов для России (Рабочая тетрадь № 24/2015). Российский совет по международным делам. М., 2015. С. 39–40. <http://russiancouncil.ru/common/upload/WP-Ukraine-Russia-24-rus.pdf>.

⁴ Советник Порошенко призвал использовать опыт Хорватии против Сербской Краины // *Взгляд*. 2014. 07.09. <http://vz.ru/news/2014/9/7/704456.html>.

⁵ См.: сайт Министерства иностранных дел Украины. Раздел «Интервью и статьи». <http://mfa.gov.ua/ua/press-center/interviews-and-articles>.

⁶ *Analiza Financial Times: Kremaljski Makijaveli je gurnuo Rusiju u propast* (2014.25.06). <http://mfa.gov.ua/ua/press-center/interviews-and-articles/2795-analiza-financial-times-kremalyski-makijaveli-je-gurnuo-rusiju-u-propast>.

⁷ См.: сайт посольства Украины в Хорватии. <http://croatia.mfa.gov.ua/ua/embassy/ambassador/cv>.

⁸ Статья Посла України в Республіці Хорватія Олександра Левченка у газеті «Слободна Далмація» «Російська аналітика одного хорватського журналіста» (2014.27.06.). <http://mfa.gov.ua/ua/press-center/interviews-and-articles/2644-stattya-posla-ukrajini-v-respublici-khorvatija-oleksandra-levchenko-u-gazeti-slobodna-dalmacija>.

⁹ Стаття — реагування Посла України в РХ О. Левченка на інтерв'ю з колишнім Керівником Генерального штабу Збройних сил Росії Юрієм Балуєвським: «“Міролюбні” сигнали російського яструба», яку опубліковано 22 травня 2014 року в газеті «Слободна Далмація» (22.06.2014). <http://mfa.gov.ua/ua/press-center/interviews-and-articles/2519-stattyareaguvannya-posla-ukrajini-v-rkh-olevchenka-na-intervju-z-kolishnim-kerivnikom-generalnogo-shtabu-zbrojnih-sil-rosiji-jurijem-balujevskim-miroljubni-signal-rosijsykygo-jastruba-jaku-opublikovano-22-travnya-2014-roku-v-gazeti-slobodna-dalmacija>.

¹⁰ Спростування посла України в РХ Олександра Левченка положень статті російського посла Анвара Азімова в газеті «Ютарні Лист» (16.06.2014). <http://mfa.gov.ua/ua/press-center/interviews-and-articles/4605-sprostuvannya-posla-ukrajini-v-rkh-oleksandra-levchenka-polozhenny-statyi-rosijsykygo-posla-anvara-azimovav-gazeti>.

jutarni-list; Газета «Ютарні лист» опублікувала відповідь Посла України в РХ Олександра Левченка на статтю російського Посла Анвара Азімова, який намагався виправдати нинішню агресію Росії проти нашої Батьківщини (08.11.2016). <http://croatia.mfa.gov.ua/ua/press-center/news/52259-gazeta-jutarni-list-opublikovala-vidpovidy-posla-ukrajini-v-rkh-oleksandra-levchenka-na-stattju-rosijskogo-posla-anvara-azimova-jakij-namagavsya-vipravdati-ninishnyu-agresiju-rosiji-proti-nashoji-batykivshhini>.

¹¹ Посол України в Хорватії О. Левченко у програмі «Добро ютро Хрватска» (2016.04.06). <https://www.youtube.com/watch?v=MUEEJe1wdU&feature=youtu.be>.

¹² Хорватська загальнонаціональна газета «Вечерні лист» опублікувала 11 вересня 2014 року на своїх шпальтах статтю Посла України в Хорватії Олександра Левченка: «Україна воює за всю Європу». <http://mfa.gov.ua/ua/press-center/interviews-and-articles/2929-horvatska-zagalynonacionalna-gazeta-vecherni-list-opublikovala-11-veresnya-2014roku-na-svojih-shpalytah-stattju-posla-ukrajini-v-khorvatiji-oleksandra-levchenka-ukrajina-vojuje-za-vsyu-jevropu>.

¹³ Стаття Міністра закордонних справ України Павла Клімкіна у загальнонаціональній хорватській газеті «Ютарні лист» (2014.14.07). <http://mfa.gov.ua/ua/press-center/interviews-and-articles/2714-stattya-ministra-zakordonnih-sprav-ukrajini-pavla-klimkina-u-zagalynonacionalnij-khorvatskij-gazeti-jutarni-list>.

¹⁴ Стаття Посла України Олександра Левченка для щоквартального видання «Голос народної дипломатії» Координації товариств дружиби РХ: «Партизани. Схожість історичних доль України і Хорватії» (2014.04.09). <http://mfa.gov.ua/ua/press-center/interviews-and-articles/2906-stattya-posla-ukrajini-oleksandra-levchenka-dlya-shhokvartalnogo-vidannya-golos-narodnoji-diplomatiji-koordinaciji-tovaristv-druzbi-rkh-partizani-skhozhisty-istorichnih-doly-ukrajini-i-khorvatiji>. См. також: Виступ Посла України в Хорватії О. Левченка на відзначенні 70-ї річниці заснування Десятого загребського корпусу, який демонструвався першим каналом Хорватського радіо (2014.24.01). <http://mfa.gov.ua/ua/press-center/interviews-and-articles/1859-vistup-posla-ukrajini-v-khorvatiji-o-levchenka-na-vidznachenni-70-ji-richnici-zasnuvannya-desyatogo-zagrebskogo-korpusu-jakij-demonstruvavsya-pershim-kanalom-khorvatskogo-radio>.

¹⁵ Боснійсько-герцеговинська газета «Ослободжене» опублікувала 29 листопада 2014 року статтю Посла України в Хорватії Олександра Левченка: «Голодомор. Геноцид Кремля проти українського народу». <http://mfa.gov.ua/ua/press-center/interviews-and-articles/3250-bosnijsko-gercegovinskagazeta-oslobodzhene-opublikovala-29-listopada-2014-roku-stattju-posla-ukrajini-v-khorvatiji-oleksandra-levchenka-golodomor-genocid-kremlya-proti-ukrajinskogo-narodu>.

¹⁶ За українськиот амбасадор кај нас нема дилеми, Крим е окупиран од руската армија. Мкд.мк. 2014.11.03. <http://www.mkd.mk/makedonija/politika/za-ukrainskiot-ambasador-kaj-nas-nema-dilemi-krim-e-okupiran-od-ruskata-armija>; Гончарук І. Меморандум. Мкд.мк. 2014.03.04. <http://www.mkd.mk/kolumni/memorandum>. «Під прицілом», стаття Посла України в Республіці Македонія в електронній газеті «Novatv. Мк» (2014.15.05). <http://macedonia.mfa.gov.ua/ua/press-center/publications/2493-pid-pricilom-stattja-posla-ukrajini-v-respublici-makedonija-v-elektronnij-gazeti-novatvmk-15052014>.

¹⁷ Очекујемо од Србије неке храбре одлуке // РТС. 2014.24.12. <http://www.rts.rs/page/stories/ci/story/2/Свет/1781784/«Очекујемо+од+Србије+неке+храбре+одлуке»>.html.

¹⁸ AMBASADOR UKRAJINE ZA KURIR: Prvi Božić koji slavim u Srbiji // Kurir. 2016.07.01. <http://www.kurir.rs/vesti/politika/ambasador-ukrajine-za-kurir-prvi-bozic-koji-slavim-u-srbiji-clanak-2085841>; Ono što možda niste znali o ukrajinskim kozacima // Prva srpska televizija. 2016.05.02. <http://mfa.gov.ua/ua/press-center/interviews-and-articles/4260-ono-to-moda-niste-znali-o-ukrajinskim-kozacima>; Sofija Kijevska — jedna od najvećih pravoslavnih svetinja Istočne Evrope // Ibid. 2016.02.03. <http://www.prva.rs/zivot/putovanja/92135/sofija-kijevska---jedna-od-najvecih-pravoslavnih-svetinja-istocne-evrope.html>. См. також: сайт посольства Украины в Сербии. <http://serbia.mfa.gov.ua/ua/press-center/publications>.

¹⁹ Oleksandr Aleksandrović, novi ambasador Ukrajine u Srbiji, za Danas: «Protiv smo vojne saradnje Moskve i Beograda» // Danas. 2015.16.09. <http://mfa.gov.ua/ua/press-center/interviews-and-articles/4261-protiv-smo-vojne-saradne-moskve-i-beograda>. Ukrainian Ambassador in Serbia for Telegraf: Serbia and Ukraine have gone through similar suffering, now we go along in the EU // Telegraf.rs. 2016.05.01. <http://www.telegraf.rs/english/1936659-ukrainian-ambassador-in-serbia-for-telegraf-serbia-and-ukraine-have-gone-through-similar-suffering-now-we-go-along-in-the-eu-photo>; ZALAŽEMO SE ZA ZAJEDNICU SRPSKIH OPŠTINA NA KOSOVU: Intervju sa ambasadorom Ukrajine // Telegraf.rs. 2016.10.07. <http://mfa.gov.ua/ua/press-center/interviews-and-articles/4687-zalaemo-se-za-zajednicu-srpskih-optina-na-kosovu-intervyu-sa-ambasadom-ukrajine-foto>.

²⁰ Putinov hibridni rat protiv Evrope // Danas. 2016.29.04. <http://mfa.gov.ua/ua/press-center/interviews-and-articles/4489-putinov-hibridni-rat-protiv-evrope>; Зашто је Србији тешко да уведе санкције Русији? // Политика. 2016.16.06. <http://mfa.gov.ua/ua/press-center/interviews-and-articles/4599-zashto-je-srbii-teshko-da-uvede-sankcije-rusii>; Истинити и лажни мајдани: како их разликовати? // Политика. 2016.25.06. <http://mfa.gov.ua/ua/press-center/interviews-and-articles/4636-istiniti-i-lazhni-madani-kako-ih-razlikovati>.

²¹ Нова српска политичка мисао. 2016.28.07. <http://www.nspm.rs/hronika/vucic-sa-potpredsednicom-vlade-ukrajine-ukrajina-ne-priznaje-nezavisno-kosovo-a-srbija-ne-priznaje-rusku-aneksiju-krima.html>.

Греция: от еврооптимизма к евроскептицизму

Греция, считающая себя «колыбелью Европы», на протяжении всей своей новейшей истории стремилась интегрироваться в европейское пространство. Еврооптимизм, свойственный грекам в последние десятилетия, стал сменяться евроскептическими настроениями в период финансово-экономического кризиса, начавшегося в стране в конце 2009 г. В данной работе предпринята попытка проследить трансформацию отношения Греции (на уровне политической элиты и общества) к процессу европейской интеграции в период с момента вступления страны в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) в 1981 г. до настоящего времени, а также выявить причины этих изменений.

После падения в 1974 г. режима «черных полковников» Греция начала проводить курс на сближение с Европой и последующее вступление в ЕЭС, что и произошло 1 января 1981 г. Во многом эта тенденция связывалась с желанием греков догнать западные страны по уровню жизни. Греция являлась одной из беднейших европейских стран, где отсутствовали конкурентоспособные промышленность и сельское хозяйство, природные ресурсы были ограниченными, внутренний рынок неразвитым, а национальная экономика имела множество структурных недостатков.

Однако желаемого процветания Греции членство в ЕЭС (а впоследствии — в ЕС) не принесло, что было связано, в первую очередь, с неэффективной экономической политикой греческих правительств в 1980-е годы. Лишь к середине 1990-х гг. основные макроэкономические показатели страны начали «догонять» средние по Евросоюзу. Греция, наравне с другими странами Южной Европы и Ирландией, стала постоянным реципиентом Фонда спло-

чения, созданного в 1994 г. в рамках политики ЕС, направленной на выравнивание уровня экономического развития своих членов¹.

У многих вызывало удивление, что Греция вступила в 2001 г. в Европейский валютный союз. Страна на протяжении многих лет не соответствовала Маастрихтским критериям, факт подделывания Грецией статистических данных становился достаточно очевидным, но европейские политики предпочли просто закрыть на него глаза. Но большинство стран ЕС, и в первую очередь Германия, не возражало против введения в Греции евро, поскольку валютный союз нужно было представить как истинно европейский проект. Таким образом, политические требования и перспектива больших финансовых выгод взяли верх над необходимостью соблюдения общеевропейских норм.

1 января 2001 г. Греция вступила в еврозону, что, по словам Костаса Симитиса, греческого премьер-министра в тот период, открыло для страны «новую эру безопасности и стабильности, развития и процветания»². Членство в валютном союзе предоставляло Греции немалые преимущества. В первое десятилетие XXI в. страна имела один из самых высоких в ЕС темпов роста: ВВП Греции ежегодно увеличивался в среднем на 4%, а в период подготовки к Олимпиаде этот показатель достиг 5,9% (2003 г.).

Такой динамике благоприятствовал целый комплекс факторов³:

- ▶ снижение процентных ставок по греческим гособлигациям;
- ▶ приток частных иностранных инвестиций, связанный со вступлением Греции в еврозону;
- ▶ выгодная торговля с остальными членами еврозоны за счет сокращения транзакционных издержек;
- ▶ рост конкурентоспособности в финансовом секторе;
- ▶ рост частного потребления, который стимулировался быстрым (и непропорциональным) росту производительности труда) ростом зарплат и низкими процентными ставками по кредитам;
- ▶ стабильность цен;

- ▶ приватизация в конце 1990-х гг. ряда государственных предприятий, что положительно сказалось на экономическом развитии страны;
- ▶ приток в страну дешевой рабочей силы иммигрантов, что позволяло заметно снижать стоимость производимой продукции, особенно сельскохозяйственной;
- ▶ международная обстановка, способствовавшая быстрому развитию судоходства и туризма, ставших основными отраслями экономики Греции (к примеру, в 2004 г. доля туризма в созданном ВВП составила 16%);
- ▶ быстрое развитие строительной индустрии (вклад в ВВП — 6–8% в предкризисные годы), которое не только позволяло создавать новые рабочие места, но и стимулировало развитие смежных отраслей экономики.

Кроме того, огромные средства предоставлял Греции Евросоюз через структурные фонды, а подготовка к Олимпиаде-2004 потребовала дополнительной реализации ряда крупных проектов, по большей части финансировавшихся совместно с ЕС.

Таким образом, экономические успехи Греции в значительной мере были результатом финансовой поддержки Евросоюза, в то время как со стороны греческого правительства предпринималось недостаточно усилий для прогрессивного развития страны — неслучайно экономику Греции зачастую называли «колоссом на глиняных ногах»⁴. Комплекс глубоких структурных проблем экономики Греции стал причиной быстрого роста государственного долга и бюджетного дефицита страны. Ситуация усугубилась с началом мирового финансово-экономического кризиса и вылилась в греческий долговой кризис 2010 г., который практически сразу перекинулся на всю зону евро.

Пришедшее в октябре 2009 г. к власти социалистическое правительство Г. Папандреу начало проводить антикризисную политику с целью предотвратить дефолт Греции. Но в силу ряда внешних и внутренних обстоятельств ему не удалось вернуть возможность самостоятельно рефинансировать государственный долг страны на международных финансовых рынках, и Греция была вынуждена

обратиться за помощью к странам еврозоны и Международному валютному фонду. Подписание в мае 2010 г. Меморандума о взаимопонимании между греческим правительством, Еврокомиссией, Европейским центральным банком и МВФ стало переломным моментом в истории страны, определившим ее дальнейшее экономическое, социальное, политическое и культурное развитие.

Эти события оказали ключевое влияние и на отношение греков к идее объединенной Европы. Еврооптимизм, которому ранее способствовали значительные политические и социально-экономические выгоды от членства Греции в ЕС и еврозоне⁵, постепенно сменяется скептическим отношением к европейской интеграции.

Подписание Меморандума о взаимопонимании между Грецией, ЕС, ЕЦБ и МВФ стало причиной серьезных политических потрясений в Греции. В мае 2010 г. греческое правительство должно было сделать выбор: либо принять программу стабилизации экономики, предложенную «тройкой» кредиторов, либо объявить дефолт и согласиться на исключение страны из еврозоны.

Перед голосованием в парламенте премьер-министр Г. Папандреу призвал оппозиционные партии поддерживать Меморандум⁶, чтобы, по крайней мере, продемонстрировать мировому сообществу единство политических сил Греции. Однако, несмотря на эти аргументы, три из четырех оппозиционных партий (Новая демократия, СИРИЗА и Коммунистическая партия) проголосовали против⁷. Не было единства и в правящей партии — три члена ПАСОК также проголосовали против законопроекта, за что их исключили из партии⁸. Тем не менее, парламент Греции принял (172 голоса — «за», 121 — «против») программу экономической и финансовой стабилизации страны в обмен на активацию механизма поддержки со стороны ЕС и МВФ (закон 3845/2010⁹).

Надо отметить, что ни одна из представленных в парламенте партий открыто не призывала правительство объявить дефолт — ответственность за такое решение была бы слишком высока. Равным образом ни одна из оппози-

ционных сил не выдвинула собственного плана выхода из кризиса. Однако уже на данном этапе стало очевидным непринятие рядом политических партий Греции политики выхода из кризиса, предлагаемой Евросоюзом.

Важное изменение в расстановке политических сил в стране заключалось в том, что существовавшее ранее противостояние между левыми и правыми партиями заменилось на разделение между сторонниками и противниками Меморандума (и, соответственно, «европейского» пути развития Греции) — по сути, между правящей партией ПАСОК и оппозицией. Несомненно, неспособность правящей партии и оппозиции прийти к единому мнению при принятии ключевых для страны решений являлась признаком нараставшего в Греции политического кризиса. Проблема отсутствия у политических сил Греции внутреннего консенсуса относительно стратегии выхода из кризиса¹⁰ и в последующие годы существенно тормозила процесс принятия решений и согласования их с ЕС, ЕЦБ и МВФ.

По мере усугубления финансово-экономических и социальных проблем страны евроскептические настроения внутри греческой политической элиты постоянно нарастали¹¹. Несмотря на по-прежнему проевропейскую ориентацию большинства греческих политиков, для них стала очевидной недостаточная эффективность функционирования институтов ЕС в условиях кризиса, а преимущества участия Греции в процессе европейской интеграции были поставлены под сомнение¹² из-за необходимости выполнять жесткие условия Меморандума.

В условиях непростой ситуации внутри страны правительство в период кризиса дважды — в 2011 г. и 2015 г. — поднимался вопрос о референдуме (в 2015 г. он был проведен) относительно продолжения политики жесткой бюджетной экономии, навязываемой руководством Евросоюза и МВФ.

В первый раз идея референдума была предложена Г. Папандреу 31 октября 2011 г. — и стала причиной его отставки спустя несколько дней. На саммите ЕС 26–27 октября было принято решение о списании 50 % греческого

долга, рекапитализации банков и о формировании второго пакета финансовой помощи Афинам в размере 130 млрд евро в обмен на новые меры бюджетной консолидации. Премьер-министр собирался вынести на референдум вопрос о согласии граждан с этими мерами, но по сути речь шла о готовности греческих граждан поддержать дальнейшую политику правительства, направленную на сокращение расходов. Референдум не состоялся, но для лидеров Евросоюза — о чем они прямолинейно заявили — ответ «нет» означал бы выход Греции не только из еврозоны, но и из ЕС¹³.

27 июня 2015 г. премьер-министром и лидером лево-радикальной партии СИРИЗА А. Ципрасом было объявлено о проведении 5 июля референдума по аналогичному вопросу¹⁴ — должно ли греческое правительство принять очередные меры бюджетной экономии, предложенные ЕС, ЕЦБ и МВФ, или нет. Сам премьер-министр призывал граждан ответить отрицательно, т.к. это позволило бы ему выдвигать более жесткие условия кредиторам. 61,31% проголосовавших ответили «нет» и 38,69% — «да», что стало, несомненно, большой победой А. Ципраса. Однако поддержка населения не дала ему существенных преимуществ в ходе переговоров с «тройкой», и новые меры по сокращению расходов были введены. Таким образом, руководство ЕС и МВФ результаты референдума фактически проигнорировало — хотя Греция и не поплатилась за эту инициативу выходом из валютного союза или даже из ЕС.

Лидеры ЕС (и в первую очередь — канцлер Германии Ангела Меркель) «угрожали» Греции лишением членства в еврозоне и в другие переломные моменты политической жизни страны. В ходе парламентских выборов в Греции в мае и июне 2012 г. ряд европейских политиков прямо заявил об исключении Греции из еврозоны в случае, если на выборах победят противники соглашения с ЕС, ЕЦБ и МВФ¹⁵. Однако этого не потребовалось, т.к. к власти пришло коалиционное правительство во главе с лидером Новой Демократии А. Самарасом, выступавшее за выполнение условий Меморандума.

Тем не менее, характер — и действенность — таких «угроз» говорит о том, что греческая политическая элита в период кризиса сильно заинтересована в продолжении сотрудничества с Европой, даже на невыгодных условиях, которые предлагают ЕС, ЕЦБ и МВФ. Характерно, что ни одна из находившихся в годы кризиса у власти в Греции политических партий не заявляла открыто об отказе от условий Меморандума и, соответственно, о готовности к дефолту страны и выходу из еврозоны. Даже А. Ципрас говорил в своей предвыборной программе и в период пребывания у власти лишь о пересмотре соглашения с «тройкой» в сторону смягчения его условий для Греции¹⁶.

На начальном этапе кризиса вариант дефолта Греции и ее исключения из еврозоны представлялся невозможным не только представителям греческого правительства, но и руководству Евросоюза. В случае дефолта Греция могла вызвать в еврозоне «эффект дубайского домино». Банкротство одного государства вызвало бы крушение экономик ряда других — также ослабленных кризисом — стран валютного союза. Неслучайно Грецию неоднократно сравнивали с инвестиционным банком *Lehman Brothers*, банкротство которого в сентябре 2008 г. стало отправной точкой мирового финансово-экономического кризиса¹⁷, — только теперь речь шла не о банке, а о стране. Во избежание распространения кризиса на другие страны Греция в случае банкротства была бы немедленно исключена из еврозоны. Однако сразу после выхода Греции из валютного союза началось бы снижение курса евро, а также выросли бы процентные ставки по гособлигациям проблемных стран¹⁸, и еврозону ожидала бы целая серия дефолтов. Кроме того, банкротство Греции могло испортить имидж еврозоны и существенно затормозить процесс европейской интеграции. Наконец, на момент начала кризиса в Греции покинуть валютный союз было юридически невозможно¹⁹. Поэтому большинство европейских политиков настроилось на создание какого-либо способа рефинансирования долгов Греции и других проблемных стран в обмен на проведение структурных реформ и консолидацию бюджета.

Однако со временем состояние греческой экономики превратилось в «привычную» проблему руководства ЕС, и сценарий выхода Греции из еврозоны и Евросоюза стал вполне реалистичным²⁰. На волне обсуждения проблем, связанных с выходом Великобритании из ЕС, *Brexit*, появился аналогичный термин применительно к Греции — *Grexit*. Но если Евросоюз в настоящее время в целом готов к подобному развитию событий²¹, то последствия для экономики Греции в случае ее выхода (или даже исключения) из еврозоны и ЕС могут оказаться очень тяжелыми²², и греческие политики вынуждены это учитывать в процессе выстраивания своих взаимоотношений с «тройкой».

Евроскептические настроения среди обычных греческих граждан, в докризисный период практически не наблюдавшиеся, в последние годы постоянно усиливаются. Это связано с заметным ухудшением качества жизни греков, вызванным продолжающейся политикой жесткой бюджетной экономии.

Социально-экономические последствия кризиса в Греции проявляются едва ли не во всех сферах жизни общества²³. Длительная рецессия стала причиной масштабной безработицы, особенно среди молодежи. Ухудшаются условия труда как в государственном, так и в частном секторе. Некомфортная бизнес-среда становится причиной разорения не только малых и средних, но и крупных предприятий. Усиливается «утечка мозгов», в первую очередь за счет молодых людей, которые не могут найти достойную работу в своей стране, но оказываются востребованными за рубежом. Стремительно растет количество бездомных, причем среди них — немало людей со средним и высшим образованием, ранее принадлежавших среднему классу. В период кризиса резко увеличилось количество самоубийств, в целом наблюдается значительное ухудшение общественного здоровья — во многом из-за ограниченного доступа населения к медицинским услугам. Таким образом, политика «затягивания поясов» приводит к обнищанию населения, и главный удар пришелся как раз на основу стабильности греческого общества — средний класс²⁴.

Состояние неопределенности и тревоги, вызванное социальной незащищенностью и неспособностью прогнозировать свое будущее, характерно в Греции для всех слоев населения²⁵. Это состояние неизбежно становится причиной роста протестных настроений. Активно проявляемое недовольство граждан политикой бюджетной экономии наблюдается в стране с самого начала кризиса. Нужно отметить, что акции протеста организовывались как «сверху», политическими партиями и профсоюзами, так и «снизу», обычными гражданами — через социальные сети²⁶. Важно, что характер демонстраций с самого начала кризиса нельзя было назвать мирным: имели место столкновения между протестующими и полицией; использовался слезоточивый газ.

Демонстранты на улицах главных городов Греции не выглядят голодающими, скорее напротив, в акциях протеста зачастую участвуют вполне обеспеченные граждане, потерявшие в период кризиса часть своих привилегий. Тем не менее, у многих жителей страны с самого начала кризиса возникает вопрос, а позволит ли политика бюджетной экономии, навязанная Евросоюзом, решить собственно греческие проблемы, или же она проводится только для того, чтобы предотвратить кризис в еврозоне.

Кризис доверия между греческими гражданами и правительством становится в последние годы все серьезнее. Многие протестуют не только против мер жесткой экономии, но и против политической элиты, поэтому попытки властей договориться с гражданами по большей части проваливаются. Тревожным сигналом является и то, что на улицах греческих городов демонстранты неоднократно сжигали флаги Германии и Евросоюза²⁷ — в знак протеста не только против политики собственного правительства, но и против действий (или бездействия) руководства ЕС. Требования протестующих прекратить вмешательство «тройки» во внутренние дела Греции стали постоянным явлением²⁸: по мнению многих греков, подписание Меморандума означало для страны частичное нарушение ее национального суверенитета²⁹.

Большинство греческих граждан выступает против политики сокращения расходов, навязанной «тройкой», и считает действия ЕС по преодолению кризиса неэффективными³⁰ — об этом говорят результаты и упоминавшиеся выше референдума, и выборов в европейский парламент 2014 г., на которых впервые был отмечен рост влияния евроскептических партий³¹. То есть, ключевой проблемой, вызывающей рост евроскептицизма в Греции, является недовольство населения политикой сокращения расходов в условиях, когда ЕС, ЕЦБ и МВФ постоянно настаивают на ее ужесточении³².

Политика «тройки» во многом поспособствовала созданию негативного образа ЕС в греческом общественном сознании — достаточно вспомнить многочисленные изображения Ангелы Меркель со свастикой. Как и среди политической элиты, растет недоверие граждан к институтам ЕС. Неоднократно высказывалось мнение, что ЕС отреагировал на кризис слишком поздно, и что масштаб проблем был бы гораздо меньшим в случае оказания Греции своевременной помощи³³. В самом начале кризиса страны еврозоны не смогли дать четкий сигнал для рынков, что они готовы обеспечить немедленную политическую и финансовую поддержку попавшей в сложное положение стране. Ценой промедления стал многомиллиардный пакет помощи Греции и создание «спасительного зонта» для остальных проблемных стран еврозоны.

Все чаще звучит мнение, что процесс европейской интеграции движется в неверном направлении. Это связано, в первую очередь, с неспособностью Евросоюза обеспечить грекам — как в предкризисные годы — благополучие и стабильность; теперь преимущества членства в ЕС и еврозоне стали для них сомнительными. Важным фактором является и то, что традиционные формы участия граждан в процессе принятия политических решений, такие как голосование на выборах, участие в референдумах и т.д., не оказывают существенного влияния на конечный результат — в отличие от той роли, которую играет «тройка» кредиторов во внутренней политике Греции³⁴.

О росте евроскептических настроений греческих граждан в период кризиса говорят и опросы общественного мнения. Весной 2015 г. отрицательно относились к членству в ЕС 37 % греков³⁵. В свою очередь, граждане других европейских стран также негативно воспринимают участие Греции в интеграционном проекте³⁶. Европейских налогоплательщиков возмущает, почему они должны помогать государствам, которые по собственной вине оказались в долговой ловушке — и притом посредством подделывания статистических данных³⁷. На греков в последние годы постоянно льется поток критики и обвинений со стороны не только европейской общественности и прессы, но и отдельных политических деятелей³⁸. Разумеется, это отнюдь не способствует налаживанию взаимопонимания между Грецией и Европой.

Несмотря на то, что *Grexist* стал постоянной темой обсуждения не только в греческих политических кругах, но и на уровне общественности и прессы, сторонников полного разрыва отношений с Европой среди греческих граждан не так много. Большинство их не выступает против идеи европейской интеграции и не видит для своей страны альтернативы членству в еврозоне и Евросоюзе³⁹. Поэтому евроскептицизм греков в целом можно назвать умеренным, они занимают — даже в непростых условиях кризиса — скорее, позиции еврокритиков.

Обобщим вышесказанное. Еврооптимизм (и даже евроэйфория) был присущ Греции в течение всех докризисных лет ее участия в европейском интеграционном проекте. В значительной мере эти настроения подпитывались большими финансовыми вливаниями со стороны структурных фондов Евросоюза, а также преимуществами, получаемыми в результате членства страны в еврозоне.

Ситуация изменилась с началом в 2010 г. финансово-экономического кризиса. Как на уровне политической элиты, так и среди простых граждан в Греции имеет место несогласие с мерами жесткой бюджетной экономии, которое правительство вынуждено проводить под давлением «тройки» кредиторов — ЕС, ЕЦБ и МВФ. В этих условиях

наблюдается рост евроскептицизма в греческом обществе, который, несомненно, следует рассматривать сквозь призму кризиса. Он обусловлен неспособностью ЕС оперативно и относительно безболезненно решить финансово-экономические проблемы Греции — причем зачастую ставится вопрос, а может ли в принципе политика, навязываемая «тройкой», способствовать выходу страны из кризиса, или же она направлена исключительно на поддержание стабильности евро. Известное раздражение вызывает непрерывный контроль и вмешательство во внутренние дела Греции со стороны ЕС, ЕЦБ и МВФ.

Альтернативой политике бюджетной экономии может стать дефолт Греции и ее выход из еврозоны и ЕС. Но последствия *Grexit* для страны могут оказаться катастрофическими, и на данном этапе она не готова отказаться от членства в Евросоюзе, ограничиваясь лишь его критикой. Таким образом, греческий евроскептицизм в настоящее время остается умеренным, и греки по-прежнему в большинстве своем остаются сторонниками единой Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Буторина О.В. Афинский краш-тест: Еврозона на виражах кризиса // Россия в глобальной политике. 2010. № 2. С. 142. <http://www.globalaffairs.ru/number/Afinskii-krash-test-14861> (14.04.2015).

² Kariotis T.C. The Economy: Growth Without Equity // Greece in the Twentieth Century / Ed.: T. Couloumbis, T. Kariotis, P. Bellou. London; New York: Frank Cass, 2004. P. 248.

³ См., к примеру: Herz B., Kotios A. Coming Home to Europe: Greece and the Euro // Intereconomics. 2000. Vol. 35. № 4. P. 173–174. www.intereconomics.eu/downloads/getfile.php?id=114 (04.02.2014).

⁴ Tsoukas L. The Future of Greece in the European Union // Greece in the Twentieth Century. London; New York, 2004. P. 320.

⁵ Nanuo K., Verney S. The Eurozone Crisis Has Increased Soft Euroscepticism in Greece, Where Greeks Wish to Remain in the Euro, But No Longer Trust the EU // LSE. European Institute [Site]. <http://blogs.lse.ac.uk/euoppblog/2013/03/02/greece-euroscepticism/> (26.06.2017).

⁶ Πλάτσικο και ανευσθυνότητα καταλόγισε στην κυβέρνηση της ΝΔ ο Γ. Παπανδρέου // in.gr [Site]. 2010.06.05. <http://news.in.gr/greece/article/?aid=1133740> (15.05.2012).

⁷ Lyrantzis Ch. Greek Politics in the Era of Economic Crisis: Reassessing Causes and Effects // GreeSE — Hellenic Observatory Papers on Greece and Southeast Europe. 2011. № 45. P. 18. <http://www.lse.ac.uk/europeanInstitute/research/hellenicObservatory/pdf/GreeSE/GreeSE45.pdf> (09.03.2014).

⁸ А из Новой Демократии была исключена ее видный деятель Дора Бакоянни, которая, напротив, проголосовала за пакет жестких мер. См.: Με διαρροές για ΠΑΣΟΚ και ΝΔ πέρασε το νομοσχέδιο για τα οικονομικά μέτρα // in.gr [Site]. 2010.06.05. <http://news.in.gr/greece/article/?aid=1133778&lngDtrID=244> (15.05.2012).

- ⁹ Νόμος 3845/2010 «Μέτρα για την εφαρμογή του μηχανισμού στήριξης της ελληνικής οικονομίας από τα κράτη-μέλη της Ζώνης του ευρώ και το Διεθνές Νομισματικό Ταμείο» // Εφημερίς της Κυβερνήσεως (Φ.Ε.Κ.). Α' 65. 6 Μαΐου 2010. <http://www.minfin.gr/sites/default/files/20100100065.pdf> (accessed: 27.02.2015).
- ¹⁰ *Gourinchas P.-O., Philippon T., Vayanos D.* The Analytics of the Greek Crisis // *GreeSE — Hellenic Observatory Papers on Greece and Southeast Europe*. July 2016. № 100. P. 61. <http://www.lse.ac.uk/europeanInstitute/research/hellenicObservatory/CMS%20pdf/Publications/GreeSE/GreeSE-No-100-with-cover.pdf> (26.06.2017).
- ¹¹ См. также: *Кондратов Д.И.* Есть ли будущее у евро? // *Современная Европа*. 2013. № 2. С. 101–115.
- ¹² *Tsirbas Y., Sotiropoulos D.A.* What Do Greek Political Elites Think About Europe and the Crisis? An Exploratory Analysis // *GreeSE — Hellenic Observatory Papers on Greece and Southeast Europe*. July 2015. № 93. P. 50. <http://www.lse.ac.uk/europeanInstitute/research/hellenicObservatory/CMS%20pdf/Publications/GreeSE/GreeSE-No93.pdf> (26.06.2017).
- ¹³ *Лубоцкая А.С.* Истоки и причины внутриполитического кризиса в Греции // *Перспективы [Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы]*. 2013.26.02. http://www.perspektivy.info/oikumena/ekdom/istoki_i_prichiny_vnutripoliticheskogo_krizisa_v_grecii_2013-02-26.htm (05.01.2014).
- ¹⁴ *Chalari A., Sealey C., Webb M.* A Comparison of Subjective Experiences and Responses to Austerity of UK and Greek Youth // *GreeSE — Hellenic Observatory Papers on Greece and Southeast Europe*. September 2016. № 102. P. 4. <http://www.lse.ac.uk/europeanInstitute/research/hellenicObservatory/pdf/GreeSE/GreeSE-No-102.pdf> (26.06.2017).
- ¹⁵ *Лубоцкая А.С.* Греция — ЕС: эволюция в восприятии объединенной Европой греческого кризиса // *Современная Греция в мировой экономике и политике*. М., 2013. С. 85.
- ¹⁶ *Квашин Ю.Д.* Внутриполитическое развитие Греции в условиях кризиса // *Современная Греция в мировой экономике и политике...* С. 144–145.
- ¹⁷ *Winkler A.* Debatte über Griechenland verfehlt Kern von Finanzkrisen // *Wirtschaftsdienst*. 2010. Jahrgang 90. Heft 5. S. 278–279. <http://www.wirtschaftsdienst.eu/archiv/jahr/2010/5/debatte-ueber-griechenland-verfehlt-kern-von-finanzkrisen/> (22.09.2014).
- ¹⁸ *Буторина О.В.* Афинский краш-тест... С. 148.
- ¹⁹ См., к примеру: «Wir rücken enger zusammen». Bundesminister Rainer Brüderle im Interview mit der Allgemeinen Zeitung // Bundesministerium für Wirtschaft und Energie (BMWi) [Официальная страница]. 2010.13.05. <http://www.bmwi.de/BMWi/Navigation/Presse/namensartikel-interviews-und-reden,did=342644.html> (15.05.2012); *Буторина О.В.* Афинский краш-тест... С. 150.
- ²⁰ *Gourinchas P.-O., Philippon T., Vayanos D.* Op. cit. P. 61; *Иванов И.Д.* Возможные последствия выхода Греции из еврозоны. Долговой кризис в ЕС и перспективы евро: Материалы круглого стола (Институт Европы РАН. 19 октября 2011 г.) // *Доклады Института Европы РАН*. № 276. М., 2012. С. 52–54.
- ²¹ *Кавешников Н.Ю.* Некоторые последствия Brexit для развития Европейского союза // *Вестник МГИМО-Университета*. 2016. № 6 (51). С. 27.
- ²² О последствиях выхода Греции из еврозоны см., к примеру: *Petrakis P.* The Greek Economy and the Crisis: Challenges and Responses. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2012. P. 326–328; *Kotios A., Pavlidis G., Galanos G.* Greece and the Euro: The Chronicle of an Expected Collapse // *Intereconomics*. 2011. Vol. 46. № 5. P. 268. <http://intereconomics.eu/archive/year/2011/5/790/> (17.02.2014); *Jackson R.L.* The Unraveling of a Greek Tragedy // *Mediterranean Quarterly*. 2015. Vol. 26. № 3. P. 18–28. <http://mq.dukejournals.org/content/26/3/18.abstract> (26.01.2017); *Meyer D.* Griechenlands Austritt aus der Europäischen Währungsunion — ein Ablaufszenario // *Wirtschaftsdienst*. 2015. Jahrgang 95. Heft 5. S. 325–333. <http://link.springer.com/article/10.1007%2F510273-015-1827-6> (26.01.2017).

- ²³ *Markantonatou M.* Diagnosis, Treatment, and Effects of the Crisis in Greece: A «Special Case» or a «Test Case»? // MPIfG Discussion Paper 13/3. Köln: Max-Planck-Inst. für Gesellschaftsforschung, February 2013. P. 16–19. http://www.mpi-fg-koeln.mpg.de/pu/mpifg_dp/dp13-3.pdf (03.02.2014); *Chalari A., Sealey C., Webb M.* Op. cit. P. 1.
- ²⁴ *Michael-Matsas S.* Greece at the Boiling Point // Critique. 2013. Vol. 41. № 3. P. 437–443; *Valinakis Y.* Greece's European Policy Making // GreeSE — Hellenic Observatory Papers on Greece and Southeast Europe. 2012. № 63. P. 33. <http://www.lse.ac.uk/europeaninstitute/research/hellenicObservatory/CMS%20pdf/Publications/GreeSE/GreeSE-No63.pdf> (09.03.2014).
- ²⁵ IIF Conference — Vienna: Prime Minister's speaking points // Hellenic Republic. Prime Minister [Official Site]. 2010.11.06. <http://www.primeminister.gov.gr/english/2010/06/11/iif-conference-vienna-prime-ministers-speaking-points/> (10.11.2014); *Chalari A.* The Causal Powers of Social Change: The Case of Modern Greek Society // GreeSE — Hellenic Observatory Papers on Greece and Southeast Europe. 2012. № 64. P. 2, 4. <http://www.lse.ac.uk/europeaninstitute/research/hellenicObservatory/CMS%20pdf/Publications/GreeSE/GreeSE-No64.pdf> (09.03.2014).
- ²⁶ Квашнин Ю.Д. Указ. соч. С. 143.
- ²⁷ Interview of Alternate FM Droutsas on Austrian magazine «Profil» // Hellenic Republic. Ministry of Foreign Affairs [Official Site]. 2010.22.03. http://www.mfa.gr/mfa_backup/mfa_backup_en/content.php?aa=5538 (26.12.2014); *Miller D.* The Greeks Are Revolting Again: German Flag Burned on the Streets As They React Angrily to Historic Eurozone Deal // Daily Mail. 2011.28.10. <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2054779/The-Greeks-revolting-German-flag-burned-streets-react-angrily-historic-Eurozone-deal.html#ixzz1c6JUrnfA> (22.07.2017); *Chrysoloras N.* Rebuilding Eurozone's Ground Zero. A Review of the Greek Economic Crisis // GreeSE — Hellenic Observatory Papers on Greece and Southeast Europe. 2013. № 66. P. 21–22. <http://www.lse.ac.uk/europeaninstitute/research/hellenicObservatory/CMS%20pdf/Publications/GreeSE/GreeSE-No66.pdf> (09.03.2014).
- ²⁸ *Kritidis G.* Die Demokratie in Griechenland zwischen Ende und Wiedergeburt // Sozial. Geschichte Online. 2011. Heft 6. P. 145. <http://duepublico.uni-duisburg-essen.de/servlets/DocumentServlet?id=26825> (19.02.2014).
- ²⁹ Το μυστικό σχέδιο των Γερμανών για την Ελλάδα // Το Ποντίκι [Site]. 2011.15.03. <http://topontiki.gr/article/14416> (15.05.2015).
- ³⁰ *Chrysoloras N.* Op. cit. P. 18, 21; *Monastiriotis V., Hardiman N., Regan A., Goretti Ch., Landi L., Conde-Ruiz J.I., Marin C., Cabral R.* Austerity Measures in Crisis Countries — Results and Impact on Mid-term Development // Intereconomics. 2013. Vol. 48. № 1. P. 8. <http://intereconomics.eu/archive/year/2013/1/842/> (18.02.2014).
- ³¹ *Verney S.* Waking the «Sleeping Giant» or Expressing Domestic Dissent? Mainstreaming Euroscepticism in Crisis-stricken Greece // International Political Science Review. 2015. Vol. 36. № 3. P. 279–295; *Шубкова М.О.* Современный евроскептицизм как вызов европейской солидарности // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 6 (51). С. 33; *Симония Н.А., Торкунов А.В.* Энергобезопасность ЕС и Россия // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 4 (43). С. 18.
- ³² *Hemerijck A.C., Vandenbroucke F., Andersen T.M., and others.* The Welfare State After the Great Recession // Intereconomics. 2012. Vol. 47. № 4. P. 206. <http://intereconomics.eu/archive/year/2012/4/823/> (17.02.2014); *Serricchio F., Tsakatika M., Quaglia L.* Euroscepticism and the Global Financial Crisis // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2013. Vol. 51. № 1. P. 51–64; *Шубкова М.О.* Идеологический и стратегический евроскептицизм в политической жизни Евросоюза // Сравнительная политика. 2016. Т. 7. № 4 (25). С. 14.
- ³³ См., к примеру: *Vlavis P.* Greek Fiscal Crisis and Repercussions for the Property Market // GreeSE — Hellenic Observatory Papers on Greece and Southeast Europe. 2013. № 76. P. 2. <http://www.lse.ac.uk/europeaninstitute/research/hellenicObservatory/CMS%20pdf/Publications/GreeSE/GreeSE-No76.pdf> (09.03.2014); *Yataganas X.A.*

Die Wirtschaftskrise, Griechenland und Europa // Europa 2010 — Das Ende der Solidarität? München, 2010. S. 61.

³⁴ *Nanou K., Verney S.* Op. cit.

³⁵ *Якунин В.И.* Европейцы в поисках новой Европы // Власть. 2016. № 9. С. 5.

³⁶ *Лубоцкая А.С.* Греция — ЕС: эволюция в восприятии объединенной Европой греческого кризиса... С. 86.

³⁷ *Буторина О.В.* Европа без Евросоюза? // Россия в глобальной политике. 2011. № 6. С. 179–193. <http://globalaffairs.ru/number/Evropa-bez-Evrosoyuza-15407> (13.04.2015).

³⁸ *Квашнин Ю.Д.* Указ. соч. С. 146.

³⁹ *Clements B., Nanou K., Verney S.* «We No Longer Love You, But We Don't Want to Leave You»: The Eurozone Crisis and Popular Euroscepticism in Greece // Journal of European Integration. 2014. Vol. 36. № 3. P. 247–265; *Nanou K., Verney S.* Op. cit.; *Узнарядов И.М.* Евроскептицизм после кризиса // Современная Европа. 2015. № 1 (61). С. 35–36.

Политика Турции в контексте евроскептицизма

Придя к власти, Партия справедливости и развития (ПСР) попыталась синтезировать элементы ислама в кемализм. Многолетний курс Турции на вступление в ЕС зашел в тупик. В Турции усиливается недовольство неоднозначной, предвзятой и лицемерной политикой ЕС и возникает явление, которое мы бы назвали туркопессимизмом. Именно в это время Турция выдвигает новую доктрину о «центральности» страны с регионами культурной близости и переориентирует свою политику на Ближний Восток. Мы попытаемся дать исторический экскурс, проанализировать, насколько новые ценностные ориентиры соответствуют кемализму, а новая внешнеполитическая доктрина — курсу на вступление в ЕС, показать противоречивость и несовместимость ценностей, идей и политики, которыми руководствовалась Анкара в последнее время.

Исторический контекст

В начале XX века, когда стало очевидно, что распад Османской империи является вопросом времени, между исламистами и туркистами разгорелась дискуссия о будущем страны. После Первой мировой войны Османская империя потеряла земли, заселенные арабами-мусульманами. Ислам уже не мог играть объединяющую роль. Единение на тюркской этнической основе было нереально. Мустафа Кемаль Ататюрк предложил альтернативный подход. Он разъединил султанат и халифат, ликвидировал оба института и построил светскую республику. Так возник кемализм, считающийся официальной идеологией, которая включает 6 пунктов, впоследствии закреплен-

ных в конституции 1937 года: 1. Республиканизм; 2. Национализм; 3. Народность; 4. Этатизм (государственный контроль в экономике); 5. Светскость (лаицизм); 6. Революционность¹. Основываясь на этих принципах, Ататюрк осуществлял реформы с целью модернизации страны, опираясь при этом на собственные ресурсы. Национализм у Ататюрка имел не этнические, а политические корни и истоки. Турецкий социолог Джахит Танийол по этому поводу писал, что Ататюрк «боялся, что после того, как мы потеряли европейские территории, будет разделена и Анатолия», боялся «враждебности западного империализма по отношению к туркам»².

В этих условиях Мустафа Кемаль возглавил войну за независимость. Военная, финансовая и продовольственная помощь, оказываемая Советской Россией, сыграла значительную роль в победе кемалистов в этой войне. Кемалисты и большевики были в похожем положении: они боролись за новые страны после развала своих империй и находились в международной изоляции. Для кемалистов эта помощь со стороны большевиков, а также согласование военной стратегии с Москвой представлялись важным фактором победы над греческой интервенцией, активно поддерживавшейся странами Антанты, особенно Англией. Турция, в свою очередь, была очень важна для Советской России в ее борьбе против интервенции Антанты. Ленин боялся потерять Турцию, полагая, что она может превратиться в союзника Англии. Британцы пытались договориться с кемалистами в обмен на пересмотр Севрского мирного договора. Они старались реализовать сложную интригу, направленную на вытеснение Советской России из Закавказья с помощью новой Турции. Турки на это не пошли³. В этой связи С.И. Аралов, первый посол Советской России в новой Турции, писал, что «когда прямые вооруженные атаки на Советский Союз и на молодую Турцию не дали результатов, империалистические правительства в лице Черчилля, Керзона, Ллойд Джорджа и Пуанкаре изменили тактику. Они повели закулисную подрывную работу, стараясь рассорить Советс-

кий Союз с новой Турцией»⁴. Выражая свое несогласие с утверждениями современников о том, что-де при Мустафе Кемаль-паше «тоже» имели место выпады против СССР, он подчеркивал, что «они не шли со стороны правительства новой Турции и народа, а со стороны империалистической Антанты и турецкой контрреволюции, от тайных агентов Антанты...»⁵. В 1925 г. Турция и СССР подписали договор о дружбе и сотрудничестве.

Став самостоятельной страной, Турция стремилась укрепить свою независимость и установить дружественные связи с соседями, главным образом, с Грецией и СССР. В 1930-е годы Турция окончательно встала на ноги и решила прагматичным образом сбалансировать внешнюю политику, чтобы обеспечить свою безопасность. С учетом горького опыта Первой мировой войны, в годы Второй мировой Турция придерживалась нейтралитета, но в 1944 г. объявила войну Германии.

В 1945 г. Советский Союз денонсировал договор от 1925 г. Турция поставила вопрос о союзном договоре. В ответ СССР потребовал совместного контроля над проливами, военную базу и передачу Карской и Ардаганской областей Советскому Союзу. Однако территориальных уступок от Турции добиться не удалось. Напротив, давление привело к противоположному результату: США и страны Западной Европы оказали Анкаре политическое покровительство и стали ее защитниками. СССР добился обратного — турецкое правительство стало более энергично искать поддержки у стран Запада, что, в конечном счете, определило вектор дальнейшей эволюции внешней политики Турции и ускорило ее движение в сторону НАТО, куда она вступила в 1952 г. Лишь после этого в 1953 г. СССР отказался от своих требований⁶. Оказавшись в военном союзе с западными странами, обращение о приеме в Европейское экономическое сообщество в 1959 г., тем более, что Греция сделала то же самое месяцем раньше, было очевидным следующим логическим шагом. В 1963 г. был подписан договор об ассоциации.

Отношения с ЕС

С тех пор отношения с ЕС стали особым направлением внешней политики. Концептуально Анкара исходит из положения, что «Европа является нашим общим домом» и ее цель стать членом ЕС является стратегическим выбором. Ныне экономика Турции занимает 6-е место в Европе⁷. ЕС является самым крупным торговым партнером Турции. Почти 40% внешней торговли страны в 2014 г. приходилось на страны-члены ЕС. Около 70% прямых иностранных инвестиций в Турцию поступили из Евросоюза⁸.

Только в 1999 г. ЕС признал Турцию государством — кандидатом на вступление, но обусловил это достижением прогресса в обеспечении прав человека, а также в мирном урегулировании любых нерешенных пограничных споров и достижении всеобъемлющего урегулирования кипрской проблемы⁹.

Решение начать переговоры о вступлении Турции в ЕС затягивалось. Лишь в 2004 г., когда Кипр стал членом ЕС, было рекомендовано начать соответствующие переговоры. В условиях неурегулированности кипрского вопроса решение ЕС принять Кипр в свой состав означало игнорирование позиции Турции и еще больше осложнило перспективы решения турецкой проблемы. Переговоры начались в 2005 г., когда Турция распространила положения соглашения 1963 г. о зоне свободной торговли на Кипр, но при этом заявила, что никоим образом не признает Кипр. В ответ в 2006 г. Совет ЕС принял решение приостановить переговоры. В 2009 г. Кипр заявил, что будет блокировать возобновление переговоров. С этого момента переговоры практически зашли в тупик. В отчете Европейской комиссии по Турции 2015 г. подчеркивалось отсутствие всякого прогресса в нормализации двусторонних отношений с Кипром. ЕС призывал Турцию придерживаться добрососедских отношений и мирного урегулирования споров. Была также выражена серьезная обеспокоенность относительно свободы собраний и выражения мнений, независи-

мости судебной власти и принципа разделения властей, а также коррупции¹⁰.

Наплыв беженцев из Ближнего Востока в Турцию, а оттуда — в Европу, заставил ЕС начать переговоры с Турцией, но не о членстве, а об урегулировании миграционного кризиса. Был согласован Совместный план действий на первом саммите ЕС и Турции в 2015 г.¹¹ В ходе следующего саммита, 7 марта 2016 г., Турция согласилась принять обратно всех мигрантов. В обмен ЕС согласился на ускорение либерализации визового режима, выделение 3 млрд евро для беженцев, а также на новые переговоры о присоединении. ЕС также выразил озабоченность в отношении положения средств массовой информации в Турции¹². На саммите 18 марта 2016 г. стороны подтвердили свои обязательства¹³.

Это был торг: беженцы «обменивались» на переговоры о членстве. Миграционный кризис показал, что Турции отводится унижительная роль санитара ближневосточных мигрантов.

Анкара должна была выполнить 72 условия ЕС для реализации плана по либерализации визового режима. По сообщениям европейских дипломатов, они были выполнены лишь наполовину. К тому, же 19 июля 2016 г., после попытки государственного переворота в Турции, ЕС исключил возможность введения безвизового режима для Анкары¹⁴. В ответ, 31 июля, Турция пригрозила разорвать соглашение с ЕС о репатриации беженцев, если до конца октября 2016 г. ее гражданам не будет предоставлен безвизовый режим с Европой¹⁵. Турции осталось выполнить семь условий¹⁶. Что же касается переговоров по вступлению, то 30 июня 2016 г. начались консультации по финансовым и бюджетным положениям. Между тем, из 35 глав для переговоров были начаты только 15, предварительно завершена всего одна, по 8 главам они не могут начаться из-за решения ЕС по Кипру, а по оставшимся 12 главам, из которых по пяти начата только подготовительная работа, переговоры даже не начинались¹⁷.

Евроскептицизм

Тем временем, в самой Европе наблюдается недовольство процессом европейской интеграции и политикой ЕС, получившее название евроскептицизм. Евроскептицизм возник на основе неприятия, оппозиции и отрицания самой идеи европейской интеграции, с одной стороны, и скептицизма, недовольства, неодобрения в отношении политики Брюсселя по расширению и развитию ЕС — с другой. Расширение ЕС на Восток, наплыв мигрантов, их интеграция, так называемый мультикультуризм, кризис еврозоны, безработица, передача суверенитета Брюсселю, несоответствие политики «центра» национальным интересам стран называются среди причин евроскептицизма. Выделяют «жесткий» и «мягкий» евроскептицизм¹⁸.

Впрочем, мы бы их назвали радикальным и умеренным евроскептицизмом. Радикалы являются противниками ЕС и евроинтеграции как таковые. Умеренные, поддерживая евроинтеграцию и членство, выступают против отдельных аспектов политики ЕС. Евроскептицизм называется одной из причин усиления националистических партий в ряде европейских стран. Исходя из задач нашего исследования, мы попытаемся дать интерпретацию этого явления применительно к вступлению Турции в ЕС. В этой связи возникает вопрос: является ли Турция частью Европы и может ли она стать членом Евросоюза?

Позиции стран ЕС относительно европейской принадлежности Турции и ее членства в ЕС весьма противоречивы, неоднозначны и туманны. Формально ЕС рассматривает Турцию как страну-кандидата, но в реальности единство в этом вопросе в объединенной Европе отсутствует. Кроме того, позиции стран меняются в зависимости от партии, находящейся у власти. Еще задолго до объявления о начале переговоров по вступлению Турции Комиссар ЕС по единому рынку Фриц Болкестайн, который является одним из самых ярых противников этого процесса, заявил, что слишком растянутая географически Европа станет ни чем иным, как обычным таможенным союзом.

По мнению комиссара, Турцию не следует принимать в ЕС. Она должна оставаться за пределами блока, чтобы служить «буфером», защищающим Европу от Сирии, Ирана и Ирака. Из-за дальнейшего расширения на Восток ЕС не сможет уделять должное внимание вопросам интеграции и решению насущных проблем, в том числе экономическому росту¹⁹.

С резкой критикой в отношении возможного вступления Турции в ЕС выступил экс-президент Франции и главный разработчик общеевропейской конституции Валери Жискар д'Эстен. По его словам, если переговоры увенчаются успехом, это будет означать подрыв самой идеи Европейского союза. Как утверждал Жискар д'Эстен, «великий французский проект политического союза» уступил место «большой зоне свободной торговли», а при принятии решения о начале переговоров о членстве Турции «не было принято во внимание мнение французского общества». Экс-президент Франции выразил убежденность в том, что одной из причин провала референдума по разработанной им конституции ЕС явилось неприятие французами идеи вступления в ЕС Турции²⁰. При этом он выразил достаточно популярное среди европейских политиков мнение, что Турция должна оставаться партнером союза, но, вследствие ее географического положения, культуры и истории, не может быть частью Европы. Он предостерег европейских лидеров от начала переговоров с Анкарой²¹.

Против вступления Турции высказался также другой бывший президент Франции — Николя Саркози. По его мнению, подавляющее большинство государств разделяют позицию Франции. Канцлер Германии Ангела Меркель дипломатично заявила, что «ЕС должен иметь “тесную связь” с Турцией. Каким образом и способом это произойдет, в качестве привилегированного партнерства или полноправного членства, мы все еще ведем переговоры об этом»²².

С тех пор данная позиция не подверглась изменению. Более того, она лишь подтверждалась. Недавно весьма однозначно — и даже честно — высказался министр иност-

ранных дел Австрии Себастьян Курц, заявив, что Турция никогда не будет принята в ЕС. Точно так же считают, по словам Курца, главы большинства государств Евросоюза, однако они предпочитают не заявлять об этом публично. Существует громадная разница между тем, что они думают и что говорят. Официально утверждается, что переговорный процесс должен продолжаться, но все уверены, что вступления не произойдет. Курц потребовал от лидеров Евросоюза занять честную позицию и не вводить в заблуждение граждан ЕС, которые в подавляющем большинстве против приема Турции. Вместо этого, Анкаре необходимо предложить некую гибкую форму партнерства, но никак не полное членство. Это касается не только Турции, но и других стран к востоку от ЕС, сказал Курц, имея в виду Украину. Такие страны должны теснее сотрудничать с ЕС, не прекращая взаимодействия с Россией²³.

Классическим примером двойных стандартов явилось заявление главы Европейской комиссии Жан-Клод Юнкера о том, что Турция не готова к членству в ЕС. Но вместе с тем, по его мнению, переговоры о вступлении Турции в ЕС прерывать не стоит и нельзя закрывать дверь перед Анкарой, учитывая общие интересы²⁴.

В общественном мнении сомнения в обоснованности присоединения Турции к ЕС превратились в своего рода отдушину, через которую выходили озабоченность о массовом притоке мигрантов, беспокойство за рабочие места, страхи в отношении ислама и общая неудовлетворенность ситуацией в ЕС. Некоторые политики высказывали мнение, что Турция является по существу неевропейской страной. Поэтому, даже если она выполнит все условия, ее все равно нельзя принимать, ибо в противном случае Евросоюз окажется наводненным турецкими мигрантами и станет неуправляемым²⁵.

Современная политика Турции

Современная политика Турции связана с ПСР, которая находится у власти с 2002 г. Наблюдатели отмечали, что в лице ПСР появился жизнеспособный сплав исламс-

ких традиций и демократических норм. Некоторые даже сравнивали ПСР с европейскими христианско-демократическими партиями и предлагали использовать турецкий опыт в мусульманском мире. Победу этой партии многие эксперты оценивали как подтверждение проевропейского пути Турции, а другие наблюдатели констатировали растущую поддержку народом исламского фактора в политике Анкары²⁶.

Новый кабинет унаследовал плоды экономических реформ и пакета мер, разработанных в 2001 г. министром экономики Кемалем Дервишем в правительстве Бюлента Эджевита. Эти меры радикально реструктурировали экономику страны. За время правления ПСР Турция пережила период экономического роста. Валовый внутренний продукт (ВВП) Турции с 2000 г. по 2013 г. вырос более чем в 3 раза, впервые, начиная с 2008 г., составив более одного процента от мирового ВВП. ВВП на душу населения за те же годы вырос с 4219 долл. до 10972 долл. что соответствовало среднему общемировому уровню и показателям стран с переходной экономикой²⁷.

Во внутренней политике были осуществлены реформы в системе правосудия и СМИ. Выполняя требования ЕС, ПСР упразднил суды государственной безопасности, расширил права института адвокатства. Была произведена реформа уголовного кодекса и усилены законы, регулирующие свободу печати и собраний; отменен запрет на обучение и вещание на курдском языке, образован новый государственный курдский телеканал. ПСР существенно расширил государственный контроль над вооруженными силами и ограничил полномочия военных²⁸. Этот процесс еще более интенсифицировался после подавления государственного переворота 16 июля 2016 года.

Во внешней политике Анкара продолжала проевропейский курс. В годы правления ПСР ЕС рекомендовал начать переговоры, которые начались, правда, быстро же были свернуты. Одновременно Анкара стала опираться на новую концептуальную основу, разработанную Ахметом Давудоглу, бывшим лидером ПСР, премьер-министром

(2014–2016 гг.), бывшим до этого министром иностранных дел (2009–2014 гг.) и советником премьер-министра по внешнеполитическим вопросам (2002–2009 гг.). Давутоглу подчеркивал необходимость пересмотра прифронтовой позиции Турции, какую она занимала в годы холодной войны. Новая позиция Турции, по его мнению, опирается на историко-национальную и географическую основы. Географически Турция является как азиатской, так и европейской страной. Она определяется как «центральная» страна, но с множеством региональных характеристик.

История также выдвигает Турцию на центральную позицию. Она соединяет под своей эгидой кавказские, балканские, ближневосточные, туркменские и анатолийские культурные элементы. География Турции гармонизирует эти элементы. Поэтому Турция имеет сферы влияния на Ближнем Востоке, странах Персидского залива, Балканах, Кавказе, Центральной Азии, в каспийском, средиземноморском и черноморском регионах. Турция должна обеспечивать не только собственную, но и безопасность и стабильность соседних регионов, и делать это активно и конструктивно.

Давутоглу акцентирует внимание на отсутствии у Турции энергоресурсов. Но страна использует свое благоприятное географическое положение для транзита энергоносителей в рамках энергетического коридора Восток–Запад. Территория Турции также может быть использована для маршрута Юг–Север с целью транзита энергоресурсов из Персидского залива до Европы.

Интеграцию в ЕС Давутоглу назвал процессом модернизации и реформы с целью внутреннего преобразования. Именно поэтому их следует проводить независимо, даже если ЕС заморозит свои отношения с Анкарой.

Но реальной проблемой являются политические переговоры. Здесь требуется стратегическое видение, без чего невозможно будет преодолеть сопротивление некоторых стран. Давутоглу отмечает, что их попытки иметь хорошие двусторонние отношения и региональное сотрудничество, одновременно создавая препятствия на евро-

пейском уровне, являются неприемлемыми. Политика Турции со странами Европы состоит из трех компонентов: двусторонние отношения, отношения на уровне Евросоюза и региональные/глобальные отношения. Ни один из них не может стать препятствием для другого. Невозможно сотрудничать на Ближнем Востоке с игроком, который занимает критическую позицию по отношению к Турции в ЕС. На основе этого видения Анкара переориентировала внешнюю политику с европейского направления — на ближневосточное, стараясь реализовать географические преимущества и исторические связи, добиться ситуации «ноль проблем с соседями Турции»²⁹.

Политика «ноль проблем с соседями» имела определенные успехи. Анкара предлагала стабильность, диалог, толерантность и благополучие. Опираясь на базовые принципы одинаковой безопасности для всех стран и всего региона, а также культурного сосуществования, посредством дипломатии, посредничества и экономической вовлеченности удалось усилить свое влияние, улучшить отношения со многими соседями и наладить конструктивные и партнерские связи со странами Ближнего Востока. Эта политика совпала с периодом, когда переговоры с ЕС о членстве Турция зашли в тупик³⁰.

Вместе с тем, начало в 2011 г. массовых антиправительственных выступлений в Тунисе, Египте, Ливии и Сирии, которые мы предпочитаем назвать «арабским хаосом», стало испытанием для новой внешнеполитической доктрины страны. Созданный США хаос в Ираке и Сирии привел к появлению Даиш (запрещенная в России радикальная организация) и активизации курдского движения. Защита туркомано-населенных регионов и борьба с курдским сепаратизмом были использованы для военного вмешательства Турции. Дело дошло до того, что 24 ноября 2015 г. был сбит российский бомбардировщик. Правда, президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган впоследствии принес свои извинения. После этого Анкара и Москва начали восстанавливать отношения.

Туркопессимизм

Даже после перемещения приоритетов на Ближний Восток Турция не отказалась от курса на вступление в ЕС. Однако в связи с «арабским хаосом» и ближневосточная, и европейская политика претерпели изменения. Лакмусовой бумажкой, отражением этих изменений стала отставка в мае 2016 г. Давутоглу с поста премьер-министра. Эрдоган, впервые избранный народом в 2014 г. президент страны, настаивал на необходимости принятия новой конституции, которой предполагается усилить президентскую власть. Он аргументировал это растущей террористической угрозой со стороны курдских сепаратистов³¹. Давутоглу же выступал против авторитарных и жестких методов Эрдогана, предпочитая мягкость и дипломатию. Давутоглу был сторонником переговоров с Рабочей партией Курдистана (РПК), в то время как Эрдоган — против. Их внешнеполитические приоритеты также не совпадали. Давутоглу, придерживаясь проамериканский и проевропейский позиции, являлся главным инициатором сближения с ЕС. Считается, что именно он, следуя в фарватере американской политики, отдал приказ сбить российский самолет. Эрдоган же делает ставки на близлежащий регион и мусульманские страны.

Отсутствие полноценного переговорного процесса и единой европейской позиции, разные подходы отдельных стран, двойные стандарты и лицемерие вызывают все больше раздражения у Анкары. В связи с задержкой турецкой полицией 14 декабря 2014 г. 23 человек, подозреваемых в участии в заговоре против руководства страны, в стремлении свергнуть турецкое правительство и финансируемых исламским богословом Фетхуллах Гюленом, ЕС обвинил правительство Эрдогана в нарушении прав человека. «Мы не та страна, которая заслуживает выговор от Европы», — заявил в ответ Эрдоган, посоветовав ЕС заниматься своими проблемами, в частности, нарастающими исламофобией и расизмом. По его словам, случаи задержания журналистов были в ЕС и США. «Они молчат, пока

это происходит в их собственных странах. Но они не стесняются использовать тех людей, которые были задержаны в Турции, и чья деятельность не имела отношения к журналистике», — сказал он.³²

Президент Эрдоган пошел так далеко, что даже заявил о том, что Турцию не интересует вопрос вступления в ЕС. По его словам, в настоящий момент Анкара тестирует ЕС: на самом ли деле Евросоюз — демократическая система или же христианский клуб. «Если в ЕС думают, что Турция будет умолять о своем вступлении в эту структуру, то они ошибаются», — сказал Эрдоган. Ранее вице-премьер Турции Бюлент Арындж заявил, что вступление Турции в ЕС утратило привлекательность для граждан страны. По его словам, если раньше за вступление высказывалось 75 % населения, то в настоящее время этого желает всего 20 % граждан. Турция на 65 % выполнила свои обязательства перед ЕС по вступлению в эту структуру. Министр по делам ЕС Волкан Бозкыр также отметил, что переговоры между Турцией и Евросоюзом не могут продолжаться в том формате, которого требует ЕС. Он подчеркнул, что демократия в Турции находится на более высоком уровне, чем в некоторых странах Европы³³.

Президент Эрдоган весьма откровенно объяснил причины, по которым Анкаре отказывают в членстве в ЕС: «Европейский союз не принимает Турцию в свой состав ввиду того, что большинство населения нашей страны мусульмане. Об этом мне в свое время открыто сказал один из бывших глав МИД Франции». Эрдоган процитировал французского министра, который отметил: «Турция зря стучится в двери ЕС. Потому, что вы мусульмане». Далее Эрдоган, ссылаясь на заявление тогдашнего премьер-министра Соединенного Королевства Дэвида Кэмерона о том, что Анкара якобы не сможет стать членом ЕС до 3000 г., одновременно при личных встречах говорил совсем другие слова. Напротив, он заявлял, что Лондон находится рядом с Анкарой. «Что же произошло?» — задается вопросом Эрдоган. По его словам, Турция ожидает членства в ЕС с 1963 г.: «Так давайте организуем референдум и спросим у

народа: продолжать ли переговоры по членству в Евросоюзе. Если народ ответит утвердительно, то мы продолжим процесс. Я открыто заявил представителям Евросоюза: либо признайтесь, что не примете нас в состав ЕС, либо завершайте переговорный процесс. Однако они не говорят ни “да”, ни “нет”»³⁴.

Турецкий президент раскритиковал политику двойных стандартов Евросоюза по отношению к своей стране. Об этом он рассказал в интервью ТАСС перед визитом в Россию в августе 2016 г. «ЕС морочит нам голову на протяжении 53 лет. Мы методично доказываем свою честность и ждем того же от Евросоюза. Он должен отказаться от политики двойных стандартов», — заявил турецкий лидер.³⁵

Турция может выйти из соглашения по мигрантам с ЕС, если безвизовый режим для турецких граждан не будет введен в ближайшее время, заявил министр иностранных дел страны М. Чавушоглу. «Наше терпение на исходе, — пояснил он. — Мы ждем от ЕС ответа [по либерализации визового режима] в ближайшие дни. Если мы его не получим, то расторгнем сделку». Чавушоглу отметил, что «Турция придерживается условий сделки, в то время как ЕС свою часть соглашения не выполняет... Мы многое изменили в течение последних 14 лет в соответствии с рекомендациями ЕС. Но когда другие европейские страны ужесточают свое антитеррористическое законодательство и в то же время просят Турцию смягчить собственную позицию, наш народ может расценить этот шаг как ослабление борьбы с терроризмом»³⁶.

В одном из своих последних выступлений Эрдоган заявил: «Запад не сделал для нас ничего хорошего. Чего должна ждать от Запада Турция, если ее уже на протяжении 53 лет заставляют ожидать у дверей Европейского союза? Мы сами будем решать свои проблемы». Эрдоган также отметил, что современная Турция уже не является той страной, которая зависела в выборе пути от кого-либо. Теперь она, по его словам, сама выбирает себе дорогу и будет делать это без оглядки на чье-либо мнение³⁷.

Более того, Эрдоган предложил альтернативу. Курс на Евросоюз — не единственный вариант для его страны, и вступление Турции в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) может стать альтернативой Евросоюзу. По его словам, он обсуждал этот вопрос с президентом РФ Путиным и лидером Казахстана Назарбаевым³⁸.

Европейский Парламент 24 ноября 2016 г. одобрил резолюцию, призывающую к приостановке переговоров о вступлении Турции в ЕС. Указывая Европарламенту «знать свое место», Эрдоган заявил: «Этой страной управляет не Европарламент, а правительство. Если понадобится, мы продлим режим ЧП. Этот вопрос относится к компетенции правительства и парламента Турции, а не Европарламента». В последние три года Турция столкнулась с чередой вызовов, а борьбу, которую ныне ведет страна, можно охарактеризовать как новый этап войны за независимость, подчеркнул Эрдоган. По его словам, она идет на нескольких фронтах: в военной, политической, дипломатической, экономической и социальной сферах. Президент напомнил, что при попытке переворота погибли 248 граждан Турции, еще 2193 получили ранения. «Путчисты нанесли удары по зданию парламента и расположению школы спецназа. И на фоне всего этого на Западе не стыдятся упрекать Турцию. Никакие угрозы с Запада не смогут сломить волю властей страны. Те, кто думает, что сможет испугать Турцию решениями Европарламента, глубоко ошибаются. Убийцы, опекаемые Западом, в итоге повернут оружие в его же сторону», — сказал турецкий лидер. Он отметил, что Анкара не принимает решения на основе советов из-за рубежа. «Требовать от Турции, которая почти ежедневно сталкивается с терактами, не вести борьбу с террористическими структурами, равносильно призыву к сдаче страны на милость террористов. Вы оказываете поддержку террористам», — заключил президент Турции, обращаясь к Европарламенту.³⁹

В Турции стали наблюдаться скептицизм и недовольство по вопросу вступления в ЕС. Следующее заключение достаточно точно характеризует положение вещей: «...перспектива получения Турцией статуса полноправного чле-

на Европейского Союза является одинаково болезненной как для большинства европейцев, так и турецких граждан. Для первых этот вопрос имплицитно содержит риск принятия чужой культуры, для вторых — отход от собственной культуры». ⁴⁰

Последствия «арабского хаоса» для Турции стали очень сложными, отразились на перспективах вступления в ЕС. В Европе считают, что Турция не является европейской страной, население исповедует другую религию, поэтому не может быть членом ЕС, даже если она играет важную роль — она может быть партнером. Это стало еще более очевидным после референдума о выходе Британии из ЕС. Турция попала в весьма непростое положение без ясного видения перспектив и союзников. Имея в виду разный охват, источник и причину скептицизма, турецкое явление мы бы назвали туркопессимизм. При этом, если скептически настроенная политическая элита формально еще не отказалась от курса на вхождение, широкие слои населения испытывают все меньше оптимизма.

Эрдоган хотя и продолжает курс на вступление в ЕС, делает это более жестко, ультимативно, не исключая при этом альтернативы. Продолжение курса на вступление в ЕС происходит, скорее всего, по инерции, при отсутствии адекватной альтернативы. Одновременно Анкара, опираясь на новую концептуальную основу, переместила приоритеты на Ближний Восток. Но по ходу «арабского хаоса» Анкара внесла корректировки, в частности, в политику в Ираке и Сирии. Страна начала проводить ее силовым образом, очень жестко и почти бескомпромиссно — в отличие от политики «ноль проблем с соседями», которая опиралась на дипломатию и инвестиции. Ситуация превратилась в «ноль соседей без проблем»: теперь у Турции нет соседей, с которыми у нее не было бы проблем.

Заключение и рекомендации

Реализуемое ПСР совмещение исламских ценностей и светских норм можно интерпретировать как отход от кемалистских принципов национализма и светскости. Пла-

ны Эрдогана усилить президентскую власть и авторитарные методы правления в известной мере могут показаться отходом от принципов республиканизма и народности. Следовательно, в подходах нынешних властей Турции, похоже, наблюдается определенное противоречие и несовместимость с кемализмом.

Даже если предположить, что, творчески развивая кемализм, ПСР удастся создать новые ценностно-идеологические подходы, а именно — синтез национализма и светскости с исламом. Не только кемализм, но эта творческая переработка кемализма находится в противоречии с курсом на евроинтеграцию. Геополитический тезис о центральности Турции и традиционный политический подход, рассматривающий ее частью Европы, являются другим противоречием, и их совместимость весьма спорная. Внешнеполитическая доктрина, исходящая из этой центральности Турции с ее связями с регионами исторической и культурной близости, с одной стороны, и внешнеполитический курс, однозначно ориентированный на Европу и ЕС — с другой стороны, также не совмещаются, более того, противоречат друг другу. Турция в составе ЕС должна была бы адаптировать свои интересы и подстроиться под общие европейские, что вряд ли вписывается в концепцию центральности. Геополитический тезис о центральности, политический подход к связям с регионами географической близости и культурного сходства и внешнеполитический курс на вступление в ЕС, будучи не в ладах друг с другом, соответственно, не способствуют решению императивных вопросов национальной безопасности Турции, каковыми являются кипрский вопрос, курдский сепаратизм и отношения с Арменией.

Таким образом, ЕС продолжает отказывать Турции в членстве, а отношения с регионом соседства или, выражаясь языком Давутоглу, «стратегической глубиной», весьма сложные. Турцию в Европу не пускают, а с Востоком отношения не налажены. Первый считает ее чужой, второй — не своей. Таково положение дел с европейской ориентацией внешней политики Турции. Для «геополити-

чески центральной страны в Аффо-Евразии со множеством региональных характеристик» это вряд ли является достойным положением. Ценностная неопределенность, концептуальная противоречивость, географическая дезориентация, политическая несовместимость и ограниченность в ресурсах — в этом дилемма и парадокс современной турецкой политики⁴¹.

Все это открывает перед Россией благоприятные возможности, равно как и новые вызовы. Становится очевидным, что после периода холодной войны идеологическое противостояние уступает место геополитическому и цивилизационному. Тезис о центральности и регионах исторических и культурных связей вписывается в концепцию евразийства. Поэтому в XXI в. в основу политики применительно к Турции следует положить не религиозные, как это было в XIX в., или идеологические, как это было в XX в., а геополитические принципы, и евразийство могло бы создать соответствующую геополитическую основу и политическую доктрину. Тем более, что в цивилизационном плане Турция — скорее, евразийская, чем европейская страна.

Следовательно, связь Турции с Россией более важна и более естественна, чем с ЕС. Как рынок и источник энергоресурсов, Россия важна Турции не только в двусторонних отношениях, но и в ее региональной политике. Неверное восприятие Турцией американской политики в Сирии и Ираке, иллюзорное видение своей роли, неправильная оценка своих возможностей и недооценка российского фактора выявили ошибочность турецкой политики, апогеем чего явилась атака на российский самолет. Извинения Эрдогана, похоже, показали, что в Турции есть понимание того, что без соотношения своих региональных интересов в Сирии с интересами России добиться их будет невозможно. Об этом свидетельствует недавнее интервью обозревателю ВГТРК министра иностранных дел Турции М. Чавушоглу, который указал на очень большую роль Турции и России в прекращении огня в Сирии и поиске политического урегулирования. «И здесь мы стараемся сблизить наши пози-

ции, поскольку для стабильности региона диалог России и Турции очень важен» — подчеркнул министр. По мнению Чавушоглу, «политическое невоенное решение является наиболее приемлемым для Сирии — в этом у нас нет расхождений во взглядах». Он отметил, что Турция никоим образом не «положила глаз» на территории Сирии и Ирака. Турция разделяет точку зрения России — как о территориальной целостности Сирии, так и о светском характере будущего руководства страны. Турецкий министр упомянул также о наличии расхождений по поводу политической судьбы Асада и по тому, нужно ли разделять террористов от умеренной оппозиции.⁴²

Турция, в свою очередь, является географическим соседом России. Но важность российско-турецких отношений выходит далеко за рамки двусторонних связей. Турция важна России в ее региональной и глобальной политике, в частности *vis-à-vis* НАТО, ЕС и Ближним Востоком. Выход из Черного моря в Средиземное осуществляется через турецкие проливы Босфор и Дарданеллы. Турция имеет исторические и культурные связи с Кавказом, Центральной Азией и тюрко-населенными регионами России.

Поэтому наличие постоянно действующего открытого, конструктивного и прагматичного диалога с обширной повесткой дня, и, главное, нестандартного, нестереотипного подхода имеет ключевое значение. Россия в состоянии внести вклад в налаживании отношений Турции с Ираном, Ираком и по завершению политического процесса с Сирией, с Арменией, а также с курдами. Россия могла бы выступить в роли посредника по Кипру. Турция, наряду с Ираном, является воротами не только для открытия выхода на Ближний Восток, но и для закрытия угроз, исходящих оттуда.

Турция, Россия, Армения и Азербайджан могли бы создать специальный формат и начать диалог в геополитическом контексте и с широкой повесткой дня с целью урегулирования имеющихся проблем между Турцией и Арменией, Арменией и Азербайджаном, что, в конечном счете, могло бы вывести на соответствующие региональ-

ные договоренности. Прецедент подобного сотрудничества уже был в 1921 г., когда закавказские республики, Россия и Турция подписали Карский договор, урегулировавший пограничные вопросы. Это сотрудничество могло бы стать основой и открыть большие перспективы для стратегической привязки Центральной Азии.

Все это можно было бы дополнить энергетическими и транспортными проектами. Продолжение реализации транспортного проекта Юг-Север и его возможная интеграция с проектом Восток-Запад, а также нахождение точек соприкосновения для совмещения энергетических проектов, идущих в Европу и в Азию, могли бы служить этим целям. Наконец, та или иная форма участия в Евразийском экономическом союзе также могла бы открыть новые возможности. Турция, Иран, Южный Кавказ, Центральная Азия и Россия могли бы быть более тесно связаны; была бы создана полоса сотрудничества и стабильности между Россией и Ближним Востоком. Все это может послужить консолидации регионов, действительно исторически и культурно связанных друг с другом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мухаметдинов Р.Ф. Зарождение и эволюция тюркизма. Казань, 1995. С. 157–159. <http://web.archive.org/web/20050407002425/http://turkolog.narod.ru/info/turk-32.pdf>.

² Киреев Н.Г. Истрия Турции XX век. М., 2007. С.171.

³ Анкара смеется последней. Как Советская Россия помогла становлению независимой Турции // Lenta.ru. Наука и техника, история. 2016. 14 апреля. <https://lenta.ru/articles/2016/04/14/ankara/>.

⁴ Аралов С.И. Воспоминания советского дипломата. 1922–1923. М., 1960. С. 158.

⁵ Там же. С. 159.

⁶ Мошкин В.С. «Рука Москвы» в истории вступления Турции в НАТО // Журнал Политэкс. <http://www.politex.info/content/view/642/30/>.

⁷ Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. Foreign Relations, Turkey and EU, Turkey–EU Relations. <http://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-the-european-union.en.mfa>.

⁸ European Commission, Neighborhood-Enlargements, Countries, Turkey, Turkey–EU Factograph. <http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/turkey/20160122-turkey-factograph.pdf>.

⁹ European Parliament, Helsinki European Council. 1999. 10–11 December. Presidency Conclusions, para 4, 9 (a), 12. http://www.europarl.europa.eu/summits/hel1_en.htm.

¹⁰ Turkey 2015 Report. Brussels. 2015.10.11. SWD (2015) 2016 final. P. 5–6. http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2015/20151110_report_turkey.pdf.

¹¹ European Commission, Neighborhood-Enlargements, Countries, Turkey. http://ec.europa.eu/enlargement/countries/detailed-country-information/turkey/index_en.htm.

- ¹² European Council, Press, Press Releases and Statements, Remarks by President Donald Tusk after the meeting of the EU heads of state or government with Turkey. 2016. 07.03. <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/03/07-tusk-remarks-eu-turkey-meeting/>.
- ¹³ Ibid. EU–Turkey Statement. 2016. 18 March. <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/03/18-eu-turkey-statement/>.
- ¹⁴ Эрдоган разочаровался в ЕС и понадеялся на дружественную встречу с Путиным, 7 августа 2016 // Lenta.ru. Мир, политика. https://lenta.ru/news/2016/08/07/mimimi_erdogan/.
- ¹⁵ Добров Д. Турция никогда не будет принята в ЕС 2016.17.10. // Иносми.Ру. Политика. Россия. <http://inosmi.ru/politic/20161017/238025431.html>.
- ¹⁶ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council and the Council. Third Report on the Progress made on the implementation of the EU–Turkey Statement. Brussels, 2016.28.09. COM (2016) 634 final. P. 10. http://ec.europa.eu/enlargement/news_corner/migration/com_2016_634_f1_other_act_863309.pdf.
- ¹⁷ Ibid. P. 12. http://ec.europa.eu/enlargement/news_corner/migration/com_2016_634_f1_other_act_863309.pdf.
- ¹⁸ Бышок С. Брекзит и евроскептики. Европейцы против ЕС. М., 2016. С. 16.
- ¹⁹ Миклашевская А. Турция попала в переплет // Коммерсантъ. 2004. № 41/В. 09.03. <http://www.kommersant.ru/doc/455873>.
- ²⁰ Волхонский Б. Турции протянули трубку помощи // Коммерсантъ. 2005. № 187. 05.10. <http://www.kommersant.ru/doc/614798>.
- ²¹ Побединский И.М. Геополитические аспекты дальнейшего расширения Европейского Союза на примере Турции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. СПб., 2009. С. 102.
- ²² Rettman A. US–EU summit exposes divisions over Turkey, 6 April 2009// euobserver, news. <https://euobserver.com/enlargement/27917>.
- ²³ Добров Д. Указ. соч.
- ²⁴ Юнкер: Турция пока не может быть членом Евросоюза. 2016. 05.08. // Lira. Новости. Мир, новости. http://news.liga.net/news/world/11991218-yunker_turtsiya_poka_ne_mozhet_byt_chlenom_evrosoyuza.htm.
- ²⁵ Шлыков В. Турция на пути в Евросоюз: надежды и разочарования Анкары // Перспективы. Фонд исторической перспективы. <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=57954>.
- ²⁶ Турция выбрала ислам. 2007.27.07. // Наш Мир. <http://nm2000.kz/news/2007-07-27-1053>.
- ²⁷ National Account Statistics: Analysis of Main Aggregates. 2013; New York. United Nations, 2015. P. 15, 17, 22. <http://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/sdPubs/ama-2013.pdf>.
- ²⁸ Турецкий клуб МГИМО. О Турции. История. История Турции XX века. 2012.27.03. http://mgimotc.ucoz.ru/stuff/istorija/istorija/priklad_k_vlasti_partii_spravedlivosti_i_razvitiya_osnovnye_napravleniya_ee_deyatelnosti/2-1-0-28.
- ²⁹ Davutoğlu A. Turkish Foreign Policy Vision: An Assessment of 2007 // Insight. Turkey. 2008. Vol. 10. № 1. P. 77–96. <http://arsiv.setav.org/ups/dosya/9595.pdf>.
- ³⁰ Мамедов И.М. Турецкий фактор в глобальной политике // Поиск. Альтернативы. Выбор. 2016. № 2 (2).
- ³¹ Турция: Эрдоган объявил конституционную реформу и погрозил оппозиции // Euronews, новости, мир. 2015. 04 ноября. <http://ru.euronews.com/2015/11/04/erdogan-seeks-agreement-for-change-in-turkish-constitution/>.
- ³² Эрдоган посоветовал ЕС заниматься проблемами Европы вместо критики Турции // Взгляд. Деловая газета. 2014. 26 декабря. <http://vz.ru/news/2014/12/26/722507.html>.

- ³³ *Хафизоглу Р.* Турцию не интересует вопрос вступления в ЕС — президент // Trend News Agency. В мире. Турция. 2015. 24 января. <http://www.trend.az/world/turkey/2356772.html>.
- ³⁴ «Турция может провести референдум по будущему переговоров о членстве в ЕС». 2016. 22 июня // Агентство Анадолу. <http://aa.com.tr/ru/политика/-турция-может-провести-референдум-по-будущему-переговоров-о-членстве-в-ес-/596085>.
- ³⁵ Эрдоган разочаровался в ЕС...
- ³⁶ Чавушоглу: Терпение Турции на исходе // Вести Кавказа. Новости. 2016. 3 ноября. <http://www.vestikavkaza.ru/news/CHavushoglu-terpenie-Turtsii-na-iskhode.html>.
- ³⁷ Эрдоган: Запад не сделал для Турции ничего хорошего // Известия. Главные новости. 2016. 6 ноября. <http://izvestia.ru/news/643117>.
- ³⁸ *Плавская Е.* Турция увидела в ШОС альтернативу ЕС // Известия. Политика. 2016. 20 ноября <http://izvestia.ru/news/646280>.
- ³⁹ «Знай свое место». Эрдоган жестко ответил Европарламенту о вступлении в ЕС // РИА Новости. В мире. 2016. 26 ноября. <https://ria.ru/world/20161126/1482245405.html>.
- ⁴⁰ *Сочнева И.А.* Перспективы вступления Турции в ЕС: социально-политические и социально-культурные аспекты. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2012. С. 107.
- ⁴¹ См.: *Мамедов И.М.* Указ. соч.
- ⁴² «Мы готовы извиниться перед вдовой русского летчика». Эксклюзивное интервью главы МИД Турции // Вести. Ru. Новости, политика, российско-турецкие отношения. 2016. 2 ноября. <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2817338&cid=5>.

Резюме

Е.П. Серапионова

Зарождение евразийства и его критика современниками

Показаны истоки движения евразийцев, проанализированы основные постулаты их идеологии, даны характеристики основателей евразийства — Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого. Рассмотрены способы и методы распространения евразийских идей, основные работы и печатные издания евразийцев. Подчеркнута комплексность, сложность и противоречивость движения, неоднородность и непостоянность его состава. Несмотря на отсутствие организационной структуры движения, идеи евразийцев оказали значительное влияние на эмигрантскую молодежь. При этом особое внимание уделено критике евразийских идей современниками как справа, так и слева.

В.И. Косик

Евразийство в переписке его активистов

Евразийство освещается как весьма аморфное и противоречивое объединение разнородных идей, обусловленных воззрениями его «отцов-основателей». Их переписка позволяет представить сложную картину их воззрений как на само евразийство, так и на его различное толкование применительно к России, Востоку, Европе, миру. Затронуты сюжеты, касающиеся США, антисемитизма, «советского евразийства».

Я.Д. Лисоволик

Экономическое наследие отцов-основателей евразийства

Детально исследовано экономическое наследие евразийцев, их актуальные для сегодняшнего дня суждения о роли государства и частного сектора в экономике, о моделях развития и планировании в процессе современной модернизации экономики. Многие аспекты сегодняшнего геоэкономического мира, в том числе необходимость создания транспортных коридоров на евразийском пространстве были предвосхищены и изучены отцами-основателями евразийства.

Л.Г. Абрамов

Евроинтеграция в поликризисе — выводы для евразийства

Проблема рассмотрена в контексте парадигмы: «евроинтеграция — поликризис — уроки для евразийства». Процессы европейской и евразийской интеграции начались при сходной мотивации элит стран-основателей: обеспечить национальному капиталу суверенное и независимое развитие в непростых условиях внешнего давления. Теперь оба этих течения испытывают сходные кризисные явления: евразийская интеграция нуждается в формировании органичной идеологии и методов, соответствующих условиям и потребностям стран-участниц, а принимаемые Брюсселем решения все больше не соответствуют интересам отдельных государств.

Б.А. Шмелев

Неоевразийство: миф или реальность?

Рассмотрена эволюция неоевразийства как идеологии и политики от начала 1990-х годов до наших дней. От установки «наш путь — на Запад» до осознания того, что отношения с Западом буксуют. Нынешнее евразийство, по мнению автора, должно рассматриваться в контексте глобализации, которая, как ни парадоксально, развивается через регионализацию. Примеров тому немало: ЕС, АСЕАН... Сможет ли Россия занять в этом процессе ключевую позицию?

П.Е. Кандель

Азиатский вектор внешней политики России и евразийство

Усиление «восточного измерения» в своей внешней политике и внешнеэкономических связях для России естественно и логично. Но попытки обосновать его различными версиями «неоевразийства» контрпродуктивны.

Н.В. Куликова

Экономическое развитие новых стран-членов ЕС: есть ли поводы для еврооптимизма?

Подводятся некоторые итоги социально-экономического развития стран Центрально-Восточной Европы за период подготовки к вступлению и после вступления в Европейский союз, определяются эффективность и потенциал их модели экономического роста, фактически предопределенной членством в ЕС. Опыт этих стран дает возможность более

объективно оценивать принципы взаимодействия, предлагаемые Евросоюзом странам, стремящимся интегрироваться в общеевропейский рынок. Анализ показывает, что надежды стран ЦВЕ на евроинтеграцию как средство модернизации экономики и преодоления отставания от развитых государств по уровню доходов и качеству жизни во многом не оправдались. Что убедительно продемонстрировала глубокая экономическая рецессия в большинстве этих стран в период мирового финансового кризиса и затяжная стагнация в последующие годы. Новейшие изменения в мировой экономике увеличивают риски высокой торговой, финансовой, инвестиционной и технологической зависимости от Западной Европы для стран ЦВЕ. Это сделало необходимой корректировку модели развития в направлении усиления опоры на внутренние источники экономического роста, возврата к поддержке науки и инновационной деятельности, диверсификации внешнеэкономических связей с учетом постепенного смещения экономического центра мира на Восток.

Е.Г. Энтина

Кризис дипломатии ЕС как катализатор нового уровня международного сотрудничества на Балканах

Анализируется внутривосточное развитие Балканского региона (под которым подразумеваются страны бывшей Югославии и Албания). Данный регион, вопреки неоднозначности перспективы европейской интеграции, продолжает идти по пути к членству в ЕС. Данная возможность была предоставлена странам региона в начале XXI века. Несмотря на почти два десятилетия, прошедшие с начала процесса евроинтеграции Балкан, и все усилия, проявленные евробюрократами, большинство проблем, приведших к войнам на постюгославском пространстве в 90-е гг. XX века, оказались «законсервированными» и нерешенными до сих пор. С началом кризиса внутри ЕС все внутренние противоречия региона обострились. В главе раскрываются внутренние проблемы региона, дается международный контекст процесса европейской интеграции и делаются выводы о необходимости международного сотрудничества как единственного сценария надежного поддержания мира и стабильности на Балканах, а также теоретически оптимальной базы для восстановления отношений по линии Россия–ЕС.

И.В. Руднева | Европейский путь развития для стран бывшей Югославии

В главе рассматривается вопрос развития стран бывшей Югославии по европейскому сценарию. Внимание уделено перспективам для тех стран, которые только собираются вступить в Европейский Союз и подведению некоторых итогов для стран, уже являющихся частью единой Европы.

Н.Ю. Калашникова | Евроатлантизм vs Европа: ЦЮВЕ после прихода Трампа

Дебют президента США на европейском театре действий в Европейском союзе восприняли как грядущую смену вех: атлантизм vs Европа. Причем, в старых и новых странах ЕС последствия и возможности «развода» атлантических и европейских ценностей воспринимают по-разному. В Европе, еще не оправившейся от экономического кризиса, назревает кризис политический. Нужно ли такое наследство Дональду Трампу? Нужен ли Дональд Трамп такой Европе? И какое место здесь занимает Россия?

О.Н. Майорова | Внешнеполитическая концепция польской партии Гражданская платформа (2007–2015 гг.)

В главе рассматривается внешнеполитическая концепция одной из основных польских политических партий — право-либеральной Гражданской платформы, находившейся у власти в 2007–2015 гг.; подчеркивается, что именно Евросоюз и НАТО — важнейшая сфера заинтересованности польской внешней политики, причем Платформа видит будущее Польши во все более интегрированной Европе; отмечается, что Восточное партнерство — самая масштабная инициатива Польши в рамках ЕС; констатируются претензии Польши на роль регионального лидера в Центральной и Восточной Европе.

В.В. Волобуев | Иоанн Павел II и евроскептицизм братьев Качиньских

В главе анализируется влияние взглядов римского папы Иоанна Павла II на мировоззрение и политическую практику братьев Качиньских. Доказывается, что курс партии Право и Справедливость базируется на стремлении

как можно точнее воплотить в жизнь учение католической церкви и Иоанна Павла II. Показаны также расхождения во взглядах на европейское единство между Иоанном Павлом II и либеральными политиками в Европе.

Э.Г. Задорожнюк

Политические партии Чехии и Словакии: еврооптимизм/евроатлантизм или евроскептицизм/евразийство

Предмет рассмотрения главы — изучение на документальной основе установок на еврооптимизм и евроскептицизм в позициях основных политических партий Чехии и Словакии. Они исследуются на фоне сопоставления более общих установок — евразийство и евроатлантизм. Проведена типологизация чешского и словацкого политических спектров, выделены четыре основные мировоззренческие группы: правые и левые евроскептики, правые и левые еврооптимисты. Отмечено, что руководство ЕС, равно как экономически мощные в его рамках страны, идут в фарватере политики США, усиливая позиции евроатлантизма, причем не только на европейском континенте. Вместе с тем, ряд деятелей в государствах на периферии Евросоюза осуждают форсированную европейскую интеграционную политику. Подчеркивается, что даже самый общий взгляд на позиции политических партий двух стран, находящихся в самом центре Европы, показывает: они весьма сдержанно относятся к крайностям и еврооптимизма, и евроскептицизма, смещаясь к более осмотрительной позиции еврореализма.

В.В. Никитин

Словацкая Республика: Путь от евроожиданий к евроскептицизму (1993–2017 гг.)

В главе анализируется путь Словакии в Евросоюз в 1993–2004 гг. и те проблемы, которые возникли в экономике этой страны в связи с ее вхождением ЕС. На архивных источниках 1990-х гг. автор рассматривает требования Запада к Словацкой Республике, истоки возникновения здесь «мечьяризма». Анализируются аргументы западных стран против Словакии в сопоставлении с реальными внутренними документами: Запад нарушал свои собственные демократические нормы ради получения экономической выгоды в этой стране. Освещаются реальные экономические проблемы Словакии, вызванные проведением в жизнь прави-

тельством М. Дзуринды «роевропейской» политики, навязанной стране Вашингтоном и Брюсселем. Автор приходит к выводу, что борьба Словакии с брюссельскими чиновниками за будущее страны еще впереди.

Б.Й. Желицки

Россия и Венгрия: еврокризис и некоторые его уроки

В связи с кризисом Европейского союза в главе рассматривается альтернативность выбора между европейским и евразийским вариантами сотрудничества и развития для «восточноевропейских» стран-членов ЕС. Особое внимание уделено выявлению причин и факторов роста евроскептицизма, анализу позиций Венгрии в отношениях с Россией и ЕС.

**О.Г. Волотов,
С.О. Волотов**

Венгрия: умеренный евроскептицизм

Рассматривается изменение отношения к евроинтеграции в Венгрии по прошествии почти полутора десятка лет после присоединения к ЕС: эйфория сменилась разочарованием, ожидаемое подтягивание к уровню западного благосостояния не состоялось. Акцентируется внимание на весьма настороженном отношении Венгрии, других стран Вишеградской группы к концепции «многоскоростной Европы» или «Европы двух скоростей». Наблюдаемые проблемы достигли в настоящее время столь критических значений, что европейские народы теряют веру в ЕС. При этом в качестве одного из сценариев не исключается поворот стран региона на Восток, их сближение с Евразийским экономическим союзом.

Ф.Е. Лукьянов

Виктор Орбан. Штрихи к портрету. Эволюция венгерского политического лидера: от ультралиберализма к евроскептицизму

В главе анализируется эволюция внешнеполитических предпочтений венгерского политического деятеля Виктора Орбана — от ультралиберализма к евроскептицизму. Дана его характеристика как одного из лидеров венгерской оппозиции, стремившегося к торговой ассоциации Будапешта с Евросоюзом, к «безвизу» для венгров, к быстрому вхождению в ЕС, полагая, что с помощью Европы страна смо-

жет решить все свои экономические и социальные проблемы. На сегодняшний день прошло уже почти 15 лет после вступления Венгрии в ЕС, но ни одной насущной проблемы Венгрия от вступления в ряды ЕС, по большому счету, не решила. А Виктор Орбан из радикального еврооптимиста стал не только премьер-министром своей страны, но и умудренным евроскептиком-консерватором, возглавляя сегодня движение евроскептиков Центральной и Юго-Восточной Европы, активно противостоя планам Брюсселя превратить Евросоюз в новую империю.

Е.Л. Валева

Болгария: между еврооптимизмом и евроскептицизмом (2007–2017 гг.)

В главе предпринята попытка показать, как Болгария воспользовалась членством в ЕС — каковы плюсы и минусы первого десятилетия, с какими внешне- и внутривластными вызовами стране пришлось столкнуться, каковы социальные аспекты членства. Сравнение жизненного уровня болгарского населения с уровнем жизни в других странах-членах ЕС по сей день остается не в пользу Болгарии. Серьезные вызовы для страны во внутривластном аспекте представляют отсутствие прогресса в борьбе с коррупцией и трудно поддающаяся реформе судебная система, низкий жизненный стандарт и бедность, старение и сокращение трудоспособного населения из-за массовой эмиграции молодежи и низкой рождаемости среди болгар. Тем не менее, согласно социологическим опросам, болгарское общество продолжает оказывать высокую поддержку членству страны в ЕС, хотя в последние годы явно нарастает число евроскептиков и болгары уже не ожидают быстрого повышения жизненного статуса благодаря ЕС.

Г.Н. Энгельгардт

Формирование политического евроскептицизма в Сербии

Глава посвящена анализу в современной Сербии евроскептицизма, возникшего и сформировавшегося из-за усталости общества от бесконечности процесса евроинтеграции, постоянного выдвижения Брюсселем все новых условий — от выдачи практически всего руководства Югославии, краинских и боснийских сербов, до ползучего признания отделения Косова. Главной причиной нарастания евроскептических настроений в Сербии стало очевидное отсутствие осязаемой перспективы реального членства страны в Евросоюзе.

А.А. Пивоваренко**Информационная политика Украины в Юго-Восточной Европе в 2014–2016 гг.**

Украинский кризис и последовавшая за этим антиросийская переориентация украинского государства вынуждают пришедшие к власти политические элиты к поиску новых внешнеполитических приоритетов. Выбор темы обусловлен наблюдениями, сделанными автором и его коллегами из стран Балканского полуострова, обнаружившими, что в 2014 г. увеличилось число публикаций, инициированных министерством иностранных дел Украины в СМИ стран региона. В главе проанализирован корпус публикаций министерства иностранных дел Украины, инициированных в странах Юго-Восточной Европы в 2014–2016 гг. Цель исследования — оценить (ориентируясь на количественные показатели) степень информационного присутствия Украины в СМИ региона, отследить основные тенденции, наметить направления для дальнейшего развития вопроса уже в качественном ключе.

А.К. Александрова**Греция: от еврооптимизма к евроскептицизму**

В главе рассмотрена трансформация отношения Греции (на уровне политической элиты и общества) к процессу европейской интеграции с момента вступления страны в ЕЭС в 1981 г. до настоящего времени. Выявлено, что рост евроскептических настроений в греческом обществе в последние годы во многом обусловлен финансово-экономическими проблемами страны. Однако греческий евроскептицизм носит умеренный характер, и греки по-прежнему в большинстве своем остаются сторонниками единой Европы.

И.М. Мамедов**Политика Турции в контексте евроскептицизма**

Курс на вступление в Европейский союз (ЕС) зашел в тупик и вызвал в Турции туркопессимизм. Выдвинутая в это время новая доктрина центральности с региональными интересами, будучи не в ладах с европейским курсом и в силу не просчитанной политики во время «арабского хаоса», не только не улучшила перспективы вступления Турции в ЕС, но и ухудшила отношения с соседями. Вместе с тем, эта доктрина соотносится и совмещается с евразийством. В этой связи перед Россией появляются новые возможности.

Resume

E.P. Serapionova | **The Origin of Eurasianism and its Criticism by Contemporaries**

The author reveals the roots of Eurasianists movement, analyzes the basic postulates of their ideology and provides the characteristics of the founders of Eurasianism — N.S. Trubetskoy and P.N. Savitskiy. The author considers ways and methods of dissemination of Eurasian ideas, basic works and publications of Eurasianists. Furthermore, the author studies complexity, sophistication and contradiction of the movement, heterogeneity and inconstancy of its composition. Despite the lack of organizational structure of the movement, the ideas of Eurasianists had a significant impact on emigrant youth. At the same time, the author pays a particular attention to a criticism of Eurasian ideas by contemporaries from both the right and the left.

V.I. Kosik | **Eurasianism in the Correspondence of its Activists**

The author presents Eurasianism as quite amorphous and contradictory mixture of heterogeneous ideas caused by beliefs of its «founding fathers». Their correspondence allows representing complex picture of their views not only on Eurasianism, but also on its different interpretations with regard to Russia, East, Europe and the world. The author touches issues concerning the USA, antisemitism and «Soviet Eurasianism».

Y.D. Lisovolik | **Economic Legacy of the Founding Fathers of Eurasianism**

The author examines in detail economic legacy of Eurasianists, their views about the role of a state and private sector in the economy, development models and planning in the process of economic modernization, which are relevant nowadays. The founding fathers of Eurasianism foreseen and studied many aspects of today's geo-economic world, including the need for building transport corridors in the Eurasian space.

L.G. Abramov

Eurointegration in the Political Crisis — Conclusions for Eurasianism

The author considers the issue in the context of «euro-integration — political crisis — lessons for Eurasianism» paradigm. The European and Eurasian integration processes began with a similar motivation for the founding countries' elites: to ensure sovereign and independent growth for the national capital under difficult conditions of external pressure. Now both these processes experience resembling crisis phenomenon: Eurasian integration needs the formation of an inclusive ideology and methods that meet the conditions and needs of the participating countries, and the decisions taken by Brussels increasingly do not correspond to the interests of separate states.

B.A. Shmelev Neo-Eurasianism: Myth or Reality?

The author examines the evolution of neo-Eurasianism as an ideology and policy since the early 1990s to the present, from setting «our way to the West» to the realization that relations with the West are stalling. The current Eurasianism should be considered in the context of globalization, which, paradoxically, progresses through regionalization. There are many examples of this: the EU, ASEAN and etc. Will Russia be able to take a key position in this process?

P.E. Kandel

Asian Vector of Russia's Foreign Policy and Eurasianism

Expansion of the «Eastern Dimension» in the foreign policy and external economic relations is natural and logical for Russia. However, it is counterproductive to justify it with various versions of «neo-Eurasianism».

N.V. Kulikova

Economic Development of the Newly Admitted EU Member States: are there any Reasons for Euro-optimism?

The author sums up some outcomes of social and economic development of the countries of Central and Eastern Europe during pre-accession and post-accession to the European Union period, and effectiveness and potential of their model of economic growth, determined in fact by their EU member-

ship. The experience of these countries provides opportunity to evaluate more objectively the principles of interaction proposed by the European Union to the countries seeking integration into the European market. The hopes of the CEE countries for the European integration as a means of modernizing their economy and overcoming the gap with the developed countries in terms of income and quality of life have largely failed. This has convincingly been demonstrated by the deep economic recession in the most of these countries during the global financial crisis, and prolonged stagnation in the subsequent years. The latest changes in the world economy increase the risks of high trade, financial, investment and technological dependence on the Western Europe for the CEE countries. This made necessary the adjustment of the development model in the direction of strengthening the support for domestic sources of economic growth, return to a science and innovation support policy, diversification of foreign economic relations taking into account the gradual shift of the global economic center to the East.

E.G. Entina

The EU Diplomacy Crisis as a Catalyst for New Level of International Cooperation in the Balkans

The author analyses internal political development of the Balkan region (understood as the countries of the former Yugoslavia and Albania). This region, contrary to the ambiguity of the prospects for a European integration, continues to follow the path to the EU membership. This opportunity was provided to the countries of the region in the early 21st century. Despite almost two decades that passed since the beginning of the European integration process of the Balkans, and all efforts undertaken by the European bureaucrats, most of the problems that led to wars in the post-Yugoslav space in the 90s of the XX century remained «frozen» and unresolved until now. With the beginning of the crisis within the EU, all internal contradictions in the region escalated. The author reveals the internal problems of the region, addresses international context of the European integration process and comes to the conclusions about the need for international cooperation as the only scenario for the reliable maintenance of peace and stability in the Balkans, as well as the theoretically optimal basis for restoring relations between Russia and the EU.

I.V. Rudneva

**The European Way of Development
for the Countries of Former Yugo-
slavia**

The author studies the question of the development of former Yugoslavia countries according to the European scenario. She highlights the prospects for the countries that are about to join the European Union, and some outcomes for the countries, which are now part of a single Europe.

N. Y. Kalashnikova

**Euroatlanticism vs Europe:
CSEE after Trump's Election**

The US president's debut in the European Union has been perceived as an incoming landmark change: Atlanticism vs Europe. Moreover, the old and new EU countries, the consequences and opportunities for a «divorce» of Atlantic and European values viewed differently. In Europe, still not recovered from the economic crisis, a political crisis is brewing. Does Donald Trump need such an inheritance? Does such Europe need Donald Trump? Where does Russia stand here?

O.N. Mayorova

**Foreign Policy Concept of the
Polish Party of Civil Platform
(2007–2015)**

The author depicts foreign policy conception of one of the main Polish political parties — the right liberal Civil Platform that was in power in 2007–2015. The European Union and NATO are crucially important for Polish foreign policy interests, and the Platform views the future of Poland in an increasingly integrated Europe. Within the EU, the Eastern Partnership became the major Polish initiative. As for Central and Eastern Europe, Poland claims to be a regional leader.

V.V. Volobuyev

**John Paul II and the Euroscep-
ticism of the Kaczynski Brothers**

The author exposes the influence of Pope John Paul II's views on the mindset and political practice of the Kaczyński brothers. The course of the Right and Justice Party proceeds from the ambition to implement the teachings of the Catholic Church and John Paul II as precisely as possible. At the same time, there is a divergence between John Paul II and European liberal politicians concerning the European unity.

E.G. Zadorozhnyuk

Political Parties in the Czech Republic and Slovak Republic: Eurooptimism/Euroatlanticism or Euroscepticism/Eurasianism

The author studies the subject — attitudes towards Eurooptimism and Euroscepticism in the main political parties positions of the Czech Republic and Slovak Republic — on a broad documentary basis. She explores them against the background of a comparison of wider frameworks — Eurasianism and Euroatlanticism. She compiled the typology of the Czech and Slovak political spectra; identified four main ideological groups: right and left Eurosceptics, right and left Eurooptimists. The EU leadership, as well as the EU's developed countries, are following the US policy and by doing so they strengthen the position of Euroatlanticism not only on the European continent. At the same time, a number of officials in the EU's periphery countries condemn the forced European integration policy. Even the most general view on the positions of the political parties of the two countries located in the heart of Europe reveals the following: they are very cautious about the extremes of both Eurooptimism and Euroscepticism, being shifted to a more prudent position of Eurorealism.

V.V. Nikitin

Slovak Republic: The Path from Euroexpectations to Euroscepticism (1993–2017)

On the basis of archival sources of the 1990s, the author analyzes the road of Slovakia to the European Union in 1993–2004 and economic problems that emerged in connection with the joining the EU. He examines the West's demands to the Slovak Republic, the origins of «mechiarism» in the country. The comparative analysis of Western countries arguments against Slovakia and internal documents exposes the fact that the West has been violating its own democratic norms in order to gain economic profits in this country. The real economic problems of Slovakia were caused by the Dzurinda government's implementation of the «pro-European» policy imposed on the country by Washington and Brussels. The author concludes that the struggle of Slovakia with the Brussels officials for the future of the country is still ahead.

B.Y. Zhelitski | **Russia and Hungary: Eurocrisis and Some of Its Lessons**

In connection with the crisis of the European Union, the author discusses the alternative between European and Eurasian options for cooperation and development for the EU's «Eastern European» member states. He pays particular attention to the identification of the reasons and factors for the upsurge of Euroscepticism, the analysis of Hungary's positions in relation with Russia and the EU.

O.G. Volotov, S.O. Volotov | **Hungary: Moderate Euroscepticism**

The authors describe a change in Hungary's attitude towards the European integration after almost a decade and a half EU accession: the euphoria gave way to disappointment; the expected catching up with the Western welfare level did not take place. They focus on a very cautious approach of Hungary, as well as other Vishegrad group countries to the concept of «multi-speed Europe» or «Europe of two speeds». The problems observed in the EU have reached such critical levels that European nations are losing faith in it. At the same time, one of the scenarios does not exclude the turn of the countries of the region to the East, their reapprochement with the Eurasian Economic Union.

F.Y. Lukyanov | **Victor Orban. Strokes to the Portrait. The Evolution of the Hungarian Political Leader: from Ultraliberalism to Euroscepticism**

The author analyzes the evolution of foreign policy preferences of the Hungarian politician Victor Orban— from ultraliberalism to Euroscepticism. Once as one of the leaders of the Hungarian opposition, he aspired to the trade association with the European Union, «visa-free» status for Hungarians and rapid entry into the EU, and believed that with the Europe's assistance the country would be able to solve all its economic and social problems. Almost 15 years have passed since Hungary joined the EU; however, from joining the EU Hungary in fact has not resolved any major problem. Victor Orban, from the radical Eurooptimist, became not only the Prime Minister of his country, but also a wise Eurosceptic conservative, lead-

ing the Eurosceptic movement in the Central and South-Eastern Europe, actively opposing Brussels' plans to turn the European Union into a new empire.

E.L. Valeva

Bulgaria: between Eurooptimism and Eurosceptism (2007–2017)

The author attempts to reveal the way Bulgaria used the EU membership — what are the pros and cons of the first decade, what external and internal political challenges the country had to face, what is the social dimension of the membership. Comparison of the living standards of the Bulgarian population with that of other EU member states remains to the present day not in favor of Bulgaria. The lack of progress in the fight against corruption, the judicial system far from surrendering to the reforms, low living standards and poverty, aging, reduction of the working population due to a mass emigration of young population and low birth rates among Bulgarians are serious challenges for the country's domestic policy. Nevertheless, according to sociological surveys, Bulgarian society continues to provide high support to the country's EU membership, although in recent years the number of Eurosceptics is clearly increasing and Bulgarians do not expect a rapid growth in the life status due to the EU.

G.N. Engelgardt

Formation of Political Euroscepticism in Serbia

The author scrutinizes Euroscepticism in modern Serbia, which emerged and developed due to the society's fatigue from the endlessness of the European integration process, the persistent extension by Brussels of new conditions — from the extradition of practically the entire Yugoslav leadership, the Krajina and Bosnian Serbs, to the creeping recognition of Kosovo's secession. The main reason for the growth of Eurosceptic sentiments in Serbia was the apparent lack of a tangible prospect of the country's real EU membership.

A.A. Pivovarenko

Ukraine's Information Policy in the South-Eastern Europe in 2014–2016

The Ukraine crisis, followed by the anti-Russian reorientation of the Ukrainian state, compels new political elites for searching new foreign policy priorities. Central and South-

Eastern Europe may become Ukraine's one of the top new foreign policy priorities. Since 2014, Ukraine's Ministry of Foreign Affairs and embassies have considerably increased their informational activities in the Central and South-Eastern Europe. Author focuses on the quantitative analysis of the publications initiated by the Ukraine's foreign policy institutions in 2014-2016 in this region. The aim of the research — to measure the quantity and distribution of the publications in the countries of the region and to specify the directions for further qualitative research.

A.K. Alexandrova

Greece: from Eurooptimism to Euroscepticism

The author studies the transformation of the Greek political elite's and society's position towards the European integration process from 1981 to the present. The growth of Euroscepticism in the Greek society in recent years is a repercussion of financial and economic problems of the country. However, the Greek Euroscepticism is «modest», and Greeks mostly support the European integration.

I.M. Mamedov

The Policy of Turkey in the Context of Euroscepticism

The policy of joining the European Union has reached a deadlock and caused Turcopessimism in Turkey. New doctrine, proposed at this time, of the centrality with regional interests being in a contradiction with the European course and due to a badly calculated policy during the «Arab Chaos», not only failed to improve the prospects of Turkey's EU accession, but also deteriorated relations with its neighbors. However, this doctrine relates to and is compatible with Eurasianism. In this regard, new opportunities open up before Russia.

Сведения об авторах

АБРАМОВ Леонид Григорьевич — кандидат экономических наук, заместитель директора 4-го Европейского департамента МИД РФ.

АЛЕКСАНДРОВА Анна Константиновна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН.

ВАЛЕВА Елена Любомировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН.

ВОЛОБУЕВ Вадим Вадимович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН.

ВОЛОТОВ Олег Григорьевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики РАН.

ВОЛОТОВ Сергей Олегович — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики РАН.

ЖЕЛИЦКИ Бела Йожефович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН.

ЗАДОРОЖНЮК Элла Григорьевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН.

КАЛАШНИКОВА Наталья Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН.

КАНДЕЛЬ Павел Ефимович — кандидат исторических наук, руководитель Центра этнополитических и межгосударственных конфликтов, Институт Европы РАН.

КОСИК Виктор Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, Институт славяноведения РАН.

КУЛИКОВА Наталия Владимировна — кандидат географических наук, руководитель Центра восточноевропейских исследований, Институт экономики РАН.

ЛИСОВОЛИК Ярослав Дмитриевич — доктор экономических наук, главный экономист, Евразийский банк развития (ЕАБР).

ЛУКЬЯНОВ Федор Егорович — журналист-международник. В 1989–1994 гг. — собственный корреспондент газеты «Известия» в Венгрии; в 1994–2008 гг. возглавлял в Будапеште корпункт «Российской газеты» по странам Центральной и Восточной Европы; в 2009–2014 гг. — заведующий Центрально-Европейским корпунктом журнала «Эхо планеты» (ИТАР–ТАСС) в Будапеште; в настоящее время — корреспондент газеты «Новые Известия» в Будапеште.

МАЙОРОВА Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН.

МАМЕДОВ Ильгар Махалович — кандидат исторических наук, член Консультативного совета Международного института мира (Вена, Австрия), старший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН.

НИКИТИН Виктор Викторович — младший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН.

НИКИФОРОВ Константин Владимирович — доктор исторических наук, профессор, директор Института славяноведения РАН, член бюро Национального комитета российских историков, вице-президент Международной ассоциации и председатель Национальной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы.

ПИВОВАРЕНКО Александр Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН.

РУДНЕВА Ирина Владимировна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра по изучению современного балканского кризиса, Институт славяноведения РАН.

СЕРАПИОНОВА Елена Павловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Отделом истории славянских народов периода мировых войн, Институт славяноведения РАН.

ШМЕЛЕВ Борис Александрович — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра политических исследований, Институт экономики РАН

ЭНГЕЛЬГАРДТ Георгий Николаевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН.

ЭНТИНА Екатерина Геннадьевна — кандидат политических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт Европы РАН.

Для заметок

Научное издание

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**ЕВРОПА. ЕВРАЗИЯ.
XXI ВЕК НАЧИНАЕТСЯ**

**EUROPE. EURASIA.
THE XXI CENTURY BEGINS**

Ответственный редактор
К. В. Никифоров

Компьютерная верстка
П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, корп. «В»
Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

ООО «ПОЛИМЕДИА»
143001, Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13, оф. 528
Адрес электронной почты:
polymedia@list.ru

Подписано в печать 00.04.2018. Формат 60×90¹/₁₆.
Гарнитура Century Schoolbook. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Объем 31,5 печ. л.

Заказ № 18.

Тираж 500 экз.